

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

имени Г. В. Плеханова

ISSN 2413-2829 (Print)

ISSN 2587-9251 (Online)

2022
Том 19
№ 5
(125)

VESTNIK

OF THE PLEKHANOV
RUSSIAN UNIVERSITY
OF ECONOMICS

ISSN 2413-2829 (Print)

ISSN 2587-9251 (Online)

Научный журнал

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования

«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Основан в 2003 г.

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64709 от 22 января 2016 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного цитирования

Подписка по каталогу Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 84670

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Вестник Российского экономического уни-
верситета имени Г. В. Плеханова» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не возвра-
щаются.

Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов публи-
каций.

© ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2022

Scientific Journal

Founder

Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 2003

The edition is reregistered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64709 dated 22 January 2016

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by 'Ural-Press' catalogue.
Index 84670

In case materials from 'Vestnik of the Plekhanov Rus-
sian University of Economics' are reproduced,
the reference to the source is mandatory. Materials not
accepted for publication are not returned.

Opinions of editorial council and editorial board
may not coincide with those of the authors of publica-
tions.

© Plekhanov Russian University of Economics, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Лобанов И. В., канд. юрид. наук, доцент, ректор
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рюдигер Ульрих, д-р наук, профессор, ректор Рейнско-Вестфальского технического университета, Ахен, Германия
Шромник Анджей, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой торговли и рыночных учреждений Краковского экономического университета, Польша
Асалиев А. М., д-р экон. наук, профессор, директор Центра социально-экономических проектов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Бахтизин А. Р., чл.-корр. РАН, профессор РАН, доцент, д-р экон. наук, директор ЦЭМИ РАН, Москва, Россия
Брагина З. В., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры экономики и экономической безопасности Костромского государственного университета, Кострома, Россия
Гагарина Г. Ю., д-р экон. наук, доцент, заведующая кафедрой национальной и региональной экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Галанов В. А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры мировых финансовых рынков и финтеха Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Дементьев В. Е., чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, Москва, Россия
Екимова К. В., д-р экон. наук, профессор, проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Зарова Е. В., д-р экон. наук, профессор, начальник отдела обработки и анализа статистической информации Департамента экономической политики и развития города Москвы; руководитель Центрально-Евразийского представительства Международного статистического института, Москва, Россия
Караваяева И. В., д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории Института экономики РАН, Москва, Россия
Кореньков В. В., д-р техн. наук, профессор, директор лаборатории информационных технологий Объединенного института ядерных исследований, Москва, Россия
Косоруков О. А., д-р техн. наук, профессор, профессор факультета Высшей школы управления и инноваций Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Ленчук Е. Б., д-р экон. наук, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Москва, Россия
Масленников В. В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Орлова Л. Н., д-р экон. наук, доцент, профессор Департамента экономической безопасности и управления рисками Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
Скоробогатых И. И., д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Тихомиров Н. П., д-р экон. наук, профессор кафедры математических методов в экономике Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Устюжанина Е. В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Фитунни Л. Л., чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН, Москва, Россия
Шутилин В. Ю., д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры промышленного маркетинга и коммуникаций Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь

CHIEF EDITOR

Ivan V. Lobanov, PhD, Assistant Professor,
Rector of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Ulrich Ruediger, Dr. Sc., Professor, Rector, Rhenish-Westphalian Technical University, Aachen, Germany
Andrzej Szromnik, Doctor of Science, Professor, the Head of the Department for Trade and Market Institutions of the Krakow University of Economics, Poland
Asali M. Asaliev, Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Socio-Economic Projects of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Albert R. Bakhtizin, Corresponding member of RAS, Professor of RAS, Assistant Professor, Doctor of Economics, Director of CEMI RAS, Moscow, Russia
Zinaida V. Bragina, Doctor of Tech. Sciences, Professor, Professor of the Department for Economics and Economic Security of Kostroma State University, Kostroma, Russia
Galina Yu. Gagarina, Doctor of Economics, Assistant Professor, the Head of the Department for National and Regional Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Vladimir A. Galanov, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department for World Financial Markets and Fintech of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Victor E. Dementiev, Corresponding member of RAS, Doctor of Economics, Professor, chief researcher CEMI RAS, Moscow, Russia
Kseniya V. Ekimova, Doctor of Economics, Professor, Vice-rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Elena V. Zarova, Doctor of Economics, Professor, the Head of the Section of Processing and Analyzing Statistic Information of the Department for Economic Policy and Development of Moscow; the Head of the Central-Eurasian Representation Office of the International Statistics Institution, Moscow, Russia
Irina V. Karavaeva, Doctor of Economics, Professor, the Head of the Department for Economic Theory of the Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia
Vladimir V. Korenkov, Doctor of Tech. Sciences, Professor, Director of the Informational Technologies Laboratory of the Joint Institute of Nuclear Research, Moscow, Russia
Oleg A. Kosorukov, Doctor of Tech. Sciences, Professor, Professor of the Graduate School of Management and Innovation Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Elena B. Lenchuk, Doctor of Economics, Head of the Scientific Direction "Economic Policy" of the Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia
Valeriy V. Maslennikov, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department for Management Theory and Business Technologies of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Liubov N. Orlova, Doctor of Economics, PhD, Professor of the Department for Economic Security and Risk Analysis of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Irina I. Scorobogatikh, Doctor of Economics, Professor, the Head of the Department for Marketing of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Nikolay P. Tikhomirov, Doctor of Economics, Professor of the Department for Mathematical Methods in Economics of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Elena V. Ustyuzhanina, Doctor of Economics, Professor, the Head of the Department for Economic Theory of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Leonid L. Fituni, Corresponding member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of Africa of RAS, Moscow, Russia
Vyacheslav Yu. Shutilin, Doctor of Economics, Assistant Professor, Professor of the Department for Industrial Marketing and Communications of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

Содержание

Экономика

<i>Гарнов А. П., Афанасьев Е. В., Тишкина Н. П.</i> Риски российского фондового рынка в условиях санкций и пути их преодоления	5
<i>Грызунова Н. В.</i> Контроллинг распределения прибыли в процессе формирования дивидендной политики	12
<i>Баринова Н. В., Баринов В. Р.</i> Цифровая экономика, искусственный интеллект, Индустрия 5.0: вызовы современности	23
<i>Брижанин В. В., Филиппова Р. В., Сударикова Е. В., Судариков М. Д.</i> Вклад Российской Федерации в сокращение выбросов парниковых газов: механизмы регулирования и современное технологическое решение их реализации	35
<i>Карпунин В. И., Новашина Т. С.</i> Россия расправила крылья. Феноменология развертывания глобального системного противоречия современной эпохи	44
<i>Плахотникова М. А., Анисимов А. Ю., Сулова М. А., Сулов Е. Д.</i> Актуальные тенденции развития инвестиционно-строительной сферы	54
<i>Симонян А. Р.</i> Перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность кредитных потребительских кооперативов	61

Управление инновациями

<i>Даниленко Е. А., Рогожникова В. Н.</i> Понятие инновационного поведения в современной экономике	69
--	----

Региональная экономика

<i>Балашова И. В., Терещенко Т. А.</i> Влияние коронавирусной инфекции на экономику России в целом и на отдельные регионы страны (на примере Краснодарского края)	84
<i>Мурадян А. Г.</i> Внешний товарооборот Армении и его динамика	93

Экономика труда

<i>Омельянович Л. А., Кирилзева А. С., Осташова В. А.</i> Проблемы пенсионного обеспечения, вызванные COVID-19	99
<i>Варавва М. Ю., Лазарева О. С.</i> Платформенная гиг-экономика – альтернативная модель с нестандартными трудовыми отношениями	108

Экономика предпринимательства

<i>Бельских И. Е., Кособокова Е. В.</i> Альтернативы развития технологического предпринимательства в мире	116
---	-----

Теория и практика управления

<i>Бажан Т. А.</i> Содействие возвращению соотечественников (о реабилитации этнокультурного принципа)	126
<i>Константинова Л. В., Петров А. М., Ворожихин В. В., Искандарян Р. А., Маяков Д. М., Штычно Д. А.</i> Тематические приоритеты научных исследований в мире и в России: анализ публикационной активности на основе данных SciVal	147
<i>Алябьева М. В., Мирошников Л. А., Вережкин О. В.</i> Эколого-экономическое обоснование промышленного внедрения технологий твердых коммунальных отходов	164
<i>Елина О. А., Быкова О. Н.</i> Управление нематериальными активами как драйвер роста и развития промышленного предприятия	170
<i>Никишин А. Ф., Майорова Е. А., Каращук О. С.</i> Методы оценки эффективности нематериальных ресурсов в сфере электронной торговли	180
<i>Алехин А. С., Алексеев О. Б.</i> Организационный баланс как ключ к реорганизации предприятий ...	190
<i>Леоненко Н. С.</i> Различия в российских и зарубежных подходах к исследованию агропродовольственных цепочек добавленной стоимости	206
<i>Начевский М. В.</i> Ключевые принципы управления структурой бизнес-инкубатора в высшем учебном заведении	218

Маркетинг, логистика, сфера услуг

<i>Мелехова А. С.</i> Контент-стратегия как эффективный инструмент бренд-коммуникации в условиях экономических вызовов	228
--	-----

Contents

Economics

<i>Garnov A. P., Afanasyev E. V., Tishkina N. P.</i> Risks Facing Russian Stock Exchange during Sanctions and Ways of their Overcoming	5
<i>Gryzunova N. V.</i> Controlling of Profit Distribution in Dividend Policy Shaping	12
<i>Barinova N. V., Barinov V. R.</i> Digital Economy, Artificial Intellect, Industry 5.0: Today's Challenges	23
<i>Brizhanin V. V., Filippova R. V., Sudarikova E. V., Sudarikov M. D.</i> Russian Federation Contribution to Cutting Greenhouse Gas Emissions: Regulating Mechanisms and Advanced Technological Solution of their Implementation	35
<i>Karpunin V. I., Novashina T. S.</i> Russia has Spread its Wings. Phenomenology of our Era Global Systematic Contradiction Development	44
<i>Plakhotnikova M. A., Anisimov A. Yu., Suslova M. A., Suslov E. D.</i> Acute Development Trends of Investment-Construction Sphere	54
<i>Simonyan A. R.</i> Prospects of Digital Technology Introduction in Work of Credit Consumer Cooperatives	61

Innovation Management

<i>Danilenko E. A., Rogozhnikova V. N.</i> The Idea of Innovation Behavior in Present Day Economy	69
---	----

Regional Economy

<i>Balashova I. V., Tereshchenko T. A.</i> The Impact of Corona Virus Infection on Economy of Russia in General and on Certain Regions of the Country (illustrated by the Krasnodar area)	84
<i>Muradyan A. G.</i> Foreign Trade Turnover in the Republic of Armenia and its Dynamics	93

Economics of Labour

<i>Omelyanovich L. A., Kirizleeva A. S., Ostashova V. A.</i> Problems of Pension Provision Caused by COVID-19	99
<i>Varavva M. Yu., Lazareva O. S.</i> Platform Gig-Economy as Alternative Model with Non-Standard Labour Relations	108

Economics of Entrepreneurship

<i>Belskikh I. E., Kosobokova E. V.</i> Alternatives of Developing Technological Entrepreneurship in the World	116
--	-----

Theory and Practice of Management

<i>Bazhan T. A.</i> Fostering the Return of Compatriots (Concerning Rehabilitation of Ethno-Cultural Principle)	126
<i>Konstantinova L. V., Petrov A. M., Vorozhikhin V. V., Iskandaryan R. A., Mayakov D. M., Shtykhno D. A.</i> Subject Priorities of Academic Research in Russia and the World: Analysis of Publication Activity Based on SciVal Data	147
<i>Alyabeva M. V., Miroshnikov L. A., Verevkin O. V.</i> Ecologo-Economic Substantiation of Industrial Introducing of Solid Municipal Waste Technologies	164
<i>Elina O. A., Bykova O. N.</i> Managing Intangible Assets as a Driver for Growth and Development of Industrial Enterprise	170
<i>Nikishin A. F., Mayorova E. A., Karashchuk O. S.</i> Methods of Assessing Efficiency of Intangible Resources in E-Trade	180
<i>Alekhin A. S., Alekseev O. B.</i> Organizational Balance as a Key to Enterprise Reorganization	190
<i>Leonenko N. S.</i> Distinctions between Russian and Overseas Approaches to Researching Agro-Industrial Value Chains	206
<i>Nachevskiy M. V.</i> Key Principles of Governing Business-Incubator in University	218

Marketing, Logistics, Service Sector

<i>Melekhova A. S.</i> Content-Strategy as Effective Tool of Brand-Communication in Conditions of Economic Challenges	228
---	-----

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**
Том 19, № 5 (125) 2022

Ответственный секретарь
Н. В. Прядко

Редактор **Н. В. Прядко**
Переводчик **Н. Г. Пучкова**
Оформление обложки
Ю. С. Жигалова

Адрес редакции:
117997, Москва,
Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (495) 800-12-00, доб. 19-35
E-mail: izdatelstvo@rea.ru

Подписано в печать 04.10.22.
Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 30.
Усл. печ. л. 27,9.
Уч.-изд. л. 22,34.
Тираж 1000 экз.
Заказ
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва,
Стремянный пер., 36.

**VESTNIK
OF THE PLEKHANOV
RUSSIAN UNIVERSITY
OF ECONOMICS**
Vol. 19, N 5 (125) 2022

Executive secretary
N. V. Pryadko

Editor **N. V. Pryadko**
Translator **N. G. Puchkova**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane,
117997, Moscow.
Тел.: 8 (495) 800-12-00, доб. 19-35
E-mail: izdatelstvo@rea.ru

Signed for print: 04.10.22.
Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 30.
Conv. sheets 27,9.
Publ. sheets 22,34.
Circulation 1,000.
Order
Free price.

Printed in Plekhanov
Russian University
of Economics.
36 Stremyanny Lane,
117997, Moscow.

РИСКИ РОССИЙСКОГО ФОНДОВОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

А. П. Гарнов, Е. В. Афанасьев

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Н. П. Тишкина

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия

Статья посвящена проблемам, стоящим перед российским фондовым рынком в условиях санкций, введенных западными странами в отношении организаций и физических лиц Российской Федерации. Серьезные санкционные меры, затронувшие ключевые финансовые институты России, не могли не оказать влияния на фондовый рынок, который находится в турбулентности с конца февраля 2022 г. Для снижения негативного влияния этих мер как правительству, так и регулятору (Центральному банку Российской Федерации) приходится реагировать принятием весьма жестких решений, направленных на стабилизацию положения в сфере финансов, среди которых следует отметить резкое увеличение ключевой ставки, закрытие торгов на Московской бирже, ограничения на операции с иностранной валютой, интервенции на фондовом рынке. В статье освещены проблемы, которые повлекли сильные колебания валютного курса на товарных и валютных рынках, вызванные также нестабильностью политической ситуации в мире. Авторами проведена оценка перспектив дальнейшего движения рынка и возможных ответных контрсанкционных мер, которые должны быть приняты как российским правительством, так и регулятором для сглаживания негативных последствий в экономике страны.

Ключевые слова: фондовый рынок, санкции, биржа, Банк России, инфляция, курсы валют.

RISKS FACING RUSSIAN STOCK EXCHANGE DURING SANCTIONS AND WAYS OF THEIR OVERCOMING

Andrey P. Garnov, Evgeniy V. Afanasyev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nadezhda P. Tishkina

Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russia

The article deals with problems facing Russian stock exchange in conditions of sanctions imposed by western states on organizations and individuals of the Russian Federation. They are harmful and affect key financial institutions of Russia, thus they are bound to impact the stock market experiencing turbulence since late February 2022. In order to cut the adverse influence of such measures both the government and the regulator (the Central Bank of the Russian Federation) have to response by tough decisions aimed at stabilizing the situation in finance sphere, among which we should mention a sharp rise in the key interest rate, closing stock trading on the Moscow exchange, restrictions on foreign currency transactions and interventions on stock market. The article highlights problems that caused serious fluctuations of currency rate on commodity and foreign exchange markets brought about by unstable political situation in the world. The authors evaluated prospects of further movements of market and possible countermeasures, which should be taken both by the Russian government and the regulator to smooth negative after-effects in country economy.

Keywords: stock exchange, sanctions, exchange, the Bank of Russia, inflation, currency rates.

Высокие темпы экономического роста, а также ускорение инфляции под действием временных и устойчивых факторов наряду с долгосрочными структурными тенденциями определяли вектор развития российских финансовых рынков в 2021 г. При этом российская экономика выросла на 4,7% после снижения в 2020 г. на 2,7%. ВВП достиг докоронавирусного уровня к середине года. Рост как россий-

ской, так и мировой экономики в 2021 г. оказался существенно выше прогнозов конца 2020 – начала 2021 г.: предприятия и население адаптировались к изменившимся условиям быстрее, чем ожидалось.

Фондовый рынок является чутким барометром состояния экономики. Поэтому в первых трех кварталах 2021 г. индекс МосБиржи рос довольно быстрыми темпами (рис. 1).

Рис. 1. Индекс МосБиржи в 2021–2022 гг.

Источник: URL: <https://ru.investing.com/indices/mcx>

Также следует отметить увеличение популярности фондового рынка в целом в 2021 г. Число зарегистрированных физических лиц, несмотря на разворот ключевой ставки и рост доходностей депозитов, увеличилось [4]. Однако отечественный фондовый рынок к концу 2021 г. вступил в фазу серьезной коррекции, за счет которой потерял около половины всего роста, случившегося за первые три квартала. Во многом это было обусловлено периодически появлявшимися в информационных каналах сведениями о подготовке в рядах Российской армии специальной военной операции. Тем не менее панических настроений на рынке практически не отмечалось,

хотя инвесторы-нерезиденты стабильно продавали акции российских компаний на сумму около 100 млрд рублей в месяц, что в итоге привело к смене ценового тренда на нисходящий.

После осложнения политической ситуации в конце февраля 2022 г. произошло резкое падение цен российских активов. Индекс МосБиржи на эту дату вернулся к значениям 2015 г., снизившись почти в 2 раза.

В то же время в отношении ряда лиц и финансовых институтов России были немедленно введены санкции, ограничивающие или полностью исключающие про-

ведение ключевых операций с валютой и ценными бумагами.

В настоящее время практически ни одно государство в мире не существует изолированно от других, между ними постоянно происходят экономические, политические, культурные взаимодействия, ведется обмен. Внешняя политика Российской Федерации предполагает экспорт товаров за рубеж, международную торговлю, привлечение иностранных инвестиций и использование различных зарубежных финансовых и других учреждений. Эта потребность используется правительствами США и европейских стран как рычаг давления.

В конце февраля – начале марта 2022 г. США, Великобритания, страны Европейского союза разработали новые санкционные меры, направленные на то, чтобы нанести еще более масштабный ущерб российской экономике, в первую очередь оборонной индустрии. По сути, эти новые меры во многом продолжают и ужесточают секторальный санкционный режим, введенный администрацией Б. Обамы [5].

При этом в феврале – марте 2022 г. многие участники рынка ожидали, что уже к лету – осени этого года санкционное давление будет уменьшено, вследствие чего рынок постепенно, хоть и не сразу, придет в нормальное положение. Теперь таких иллюзий у большинства участников рынка больше нет: нам предстоит непростой путь перенастройки отечественной экономики в условиях новой реальности.

Быстрыми темпами происходит деглобализация финансовых рынков, начавшаяся еще во время кризиса 2008 г. Самым важным индикатором финансовой глобализации, как верно отмечают Е. В. Семенова и Е. Н. Власова, была возможность для компаний привлекать финансовый капитал по всему миру путем листинга собственных акций на нескольких мировых биржах [3].

Так, в 2022 г. под санкции попали 20 российских банков. При этом под самыми жесткими санкциями, означающими,

по сути, блокировку, находятся наиболее крупные системообразующие банки, такие как Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк и др. Учитывая, что именно банки являются главными участниками фондового рынка, можно понять, что санкционные меры имеют серьезные последствия для дальнейшего обращения капитала в России.

Практически сразу было приостановлено сотрудничество санкционных банков с международными платежными системами Visa и Mastercard. Планируется отключение Сбербанка, Московского кредитного банка и Россельхозбанка от платежной системы SWIFT (в составе шестого пакета санкций). В марте Евросоюз уже отключил от SWIFT семь российских банков: ВТБ, «Россия», «Открытие», Новикомбанк, Промсвязьбанк, Совкомбанк и ВЭБ.

Дочерние компании банков также попадают под санкции. Особенно пострадали клиенты брокеров банков из списка SDN: они не могут покупать и продавать иностранные акции. Брокеры под санкциями бесплатно переводят такие бумаги к свободным от ограничений брокерам, но выбор клиентам не предоставили.

Ситуация, сложившаяся на фондовом рынке 24–25 февраля, требовала быстрого реагирования от регулятора для предотвращения еще более тяжелых последствий для экономики. Поэтому Центральным банком Российской Федерации было принято решение о приостановке торгов на Московской бирже и существенных ограничениях для Санкт-Петербургской биржи. Разумеется, такое решение было сродни тому, как тяжелобольного вводят в искусственную кому, чтобы дать организму силы и время справиться с недугом. Можно сказать, что Банк России временно перевел российский фондовый рынок на полностью ручное управление.

При этом также с 28 февраля 2022 г. был установлен запрет на продажу акций российских компаний нерезидентами Российской Федерации. Это достаточно жесткий запрет, однако он был продиктован острой необходимостью: нерезидентам на данный

момент по различным оценкам принадлежит от 60 до 70% всех российских акций ведущих компаний, находящихся в свободном обращении.

Московская биржа открылась лишь спустя месяц с начала упомянутых событий, 24 марта. Торги открывались постепенно с постоянным мониторингом ситуации вокруг различных видов активов.

Снижение цен облигаций и акций происходит не только из-за панических настроений на рынке и распродажи акций нерезидентами. Серьезные изменения, происходящие в российской экономике, требуют переоценки справедливой стоимости акций российских компаний: какие-то из них лишатся зарубежных рынков сбыта, у других возрастут расходы и, следовательно, в санкционных условиях станет меньше уровень прибыли. Пока трудно строить прогноз относительно восстановления стоимости компаний и перспектив их работы.

В связи с финансовыми ограничениями нарушаются и товарные потоки – импорт зарубежных товаров и экспорт отечественных. Это неизбежно вызовет рост цен и, как следствие, разгон инфляции. В результате неизбежны просадки фондового рынка. Дополнительными факторами здесь станут продажи иностранных инвесторов, открытие коротких позиций на опасениях ужесточения санкций. И хотя просадки могут быть весьма значительными, кризис, вероятно, будет преодолен за счет мер поддержки от Банка России и государственного бюджета.

Перспективы роста инфляции вынудили Центробанк поднять ключевую ставку до 20% годовых. В результате существенно подорожают заемные средства для компаний, что затормозит развитие бизнеса и станет еще одним фактором для развития негативных сценариев на фондовом рынке. Рост ставки отразился и на стоимости облигаций: для обеспечения доходности цены долговых бумаг существенно снизились. В результате инвесторы, желающие продать облигации до погашения, могут

не получить планируемую доходность, а то и вовсе остаться в убытке.

Повышение ставок и проблемы в банковском секторе уже отражаются на стоимости жилой и коммерческой недвижимости. Вложить капиталы в объекты станет значительно сложнее, существенно подорожают и ипотечные кредиты.

Возможен рост стоимости активов товарного рынка. Так, например, уже после объявления санкций существенно подорожал газ на европейских спотовых площадках, нефть надежно закрепилась над уровнем 100 долларов за баррель (рис. 2), отмечается повышение цен на пшеницу, титан, алюминий, палладий и т. д.

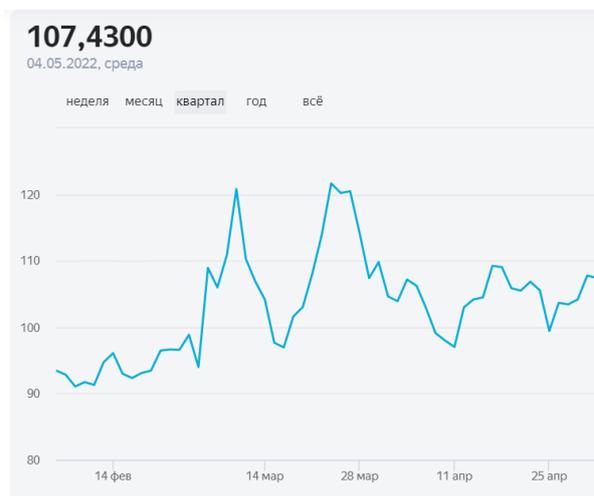

Рис. 2. Уровень цен на нефть в феврале – мае 2022 г.

Источник: URL: <https://yandex.ru/news/quotes/1006.html>

Это, естественно, скажется на котировках срочных контрактов, увеличит их волатильность и, соответственно, уровень рисков для инвесторов (особенно с учетом доступной технологии маржинальных сделок с гарантийным обеспечением).

Высокая волатильность на всех рынках вынуждает Московскую и Санкт-Петербургскую биржи изменять расписание торгов, ограничивать проведение ряда операций и задействовать другие рыночные предохранители (перевод торгов в режим дискретного аукциона, приостановку их и пр.). Это может обернуться для инве-

стором как недополученной прибылью, так и реальными потерями.

Для поддержания курсов отечественных акций из Фонда национальной безопасности был выделен 1 трлн рублей для осуществления интервенции на рынке в виде покупки государством акций наиболее уязвимых компаний. Таким способом удалось в краткосрочном периоде поддержать фондовый рынок, при этом не следует исключать возможность для государства заработать на разнице курсов, когда они восстановятся.

В качестве меры, способной нивелировать вред от отказа в сотрудничестве со стороны Visa и Mastercard, рассматривался переход к использованию китайской платежной системы UnionPay. О данной системе известны следующие факты:

- она была учреждена по решению Народного банка Китая и Госсовета в 2000 г. и в 2005 г. стала международным сервисом;
- система занимает 1-е место по количеству выпущенных пластиковых карт в мире;
- пользоваться картами системы UnionPay можно более чем в 180 странах мира;
- пластиковые карты этой системы выпускают более чем в 70 странах мира;
- в России система работает официально с осени 2013 г. через дочернюю компанию, зарегистрированную в стране, – ООО «Юнион Пэй».

Вместе с тем по последней информации «Сбер», ВТБ, Альфа-Банк, «Открытие» и другие подсанкционные банки не смогут выпускать карты UnionPay: китайская платежная система опасается сотрудничать с ними из-за риска вторичных санкций.

Для поддержания курса национальной валюты по отношению к доллару США и евро были введены такие меры, как обязательная продажа части валютной выручки компаниями-экспортерами; комиссия по приобретению валюты для физических и юридических лиц, одномоментное резкое повышение ставки рефинансирования

Банка России 28 февраля 2022 г. с 9,5 до 20%. В настоящее время ставка последовательно снижена сначала до 17%, а затем до 14% (рис. 3).

Можно сказать, что эти меры имели определенный эффект. Курс доллара США в настоящее время держится на отметках ниже 70 рублей, что благоприятно для покупательной способности в отношении товаров иностранного производства. Однако с точки зрения макроэкономики крепкий рубль снижает конкурентоспособность отечественной промышленности. Причина роста курса рубля по-прежнему в существенном превышении предложения валюты над спросом.

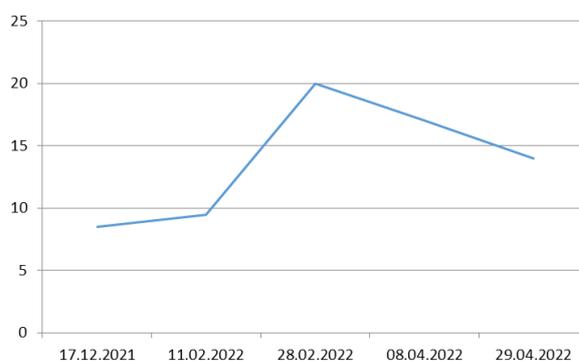

Рис. 3. Динамика ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации в 2022 г.

Источник: URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/

Большинство аналитиков объясняют сложившуюся ситуацию тем, что российский экспорт превышает импорт, поэтому валютная выручка экспортеров давит на валютный рынок. Экспортеры продают валюты больше, чем покупают импортеры, в результате доллар падает.

По мнению ряда экспертов, к осени следует ожидать падения курса рубля по отношению к основным мировым валютам. Этому будут способствовать введенные США и Европейским союзом эмбарго на некоторые экспортные отрасли, смягчение ограничений Центрального банка Российской Федерации и частичное восстановление импорта.

Следует подвести итог и обозначить основные перспективы, на которых хотелось бы остановить внимание.

1. Негативное влияние политической ситуации на экономику России сохраняется (по некоторым данным – усугубляется). Пока нет ясной перспективы урегулирования текущей ситуации на политической арене.

2. Планируется ввод шестого пакета санкций в отношении банковской сферы Российской Федерации. В него включают поэтапный запрет импорта нефти и отключение от SWIFT Сбербанка (и еще двух крупных российских банков). Санкционное давление нарастает, что не может не оказывать влияния и на фондовый рынок. При этом эмбарго на нефть – довольно чувствительная мера для экономики России.

3. Курс доллара США колеблется на бирже на уровне 55–60 рублей, что, очевидно, давит на наш рынок. Экспортеры будут чувствовать себя не очень хорошо с таким курсом.

4. Есть сомнения по возможной выплате дивидендов некоторыми российскими компаниями, которые также сильно пострадали от введенных санкций. В частности это касается таких крупных компаний, как «Газпром», «Лукойл», Сбербанк и ряда других, стабильно выплачивавших до 2022 г. сравнительно высокие доходы своим акционерам. Такое положение не может не повлиять негативно на цену акций.

Таким образом, существует еще довольно большая потребность в принятии контрсанкционных мер как правительством, так и Банком России в качестве регулятора. В частности, звучат предложения разрешить негосударственным пенсионным фондам держать больше активов в акциях российских компаний, а также инвестировать в них до 10% средств Пенсионного фонда Российской Федерации. Предлагаются меры стимулирования частных инвесторов, например, отмена налогообложения купонного и дисконтного дохода по облигациям, сохранение инвестиционного налогового вычета по индивидуальному инвестиционному счету.

Несомненно, следует согласиться с мнением А. Е. Абрамова, А. Г. Косырева, А. Д. Радыгина, М. И. Черновой, что в новых условиях поддержание стабильности на рынке акций российских компаний становится столь же значимой задачей, как и обеспечение стабильности банковской системы, макроэкономических параметров, в том числе целевого уровня инфляции и прогнозируемого валютного курса [1].

Вместе с тем следует учесть, что по настоящему положительное влияние как на фондовый рынок, так и в целом на российскую экономику может оказать лишь глобальное изменение политической ситуации в положительную сторону, за которым последуют постепенный отказ от санкционного давления и восстановление нарушенных экономических связей.

Список литературы

1. Абрамов А. Е., Косырев А. Г., Радыгин А. Д., Чернова М. И. Российский рынок акций в 2021 г. и в начале 2022 г. // Экономическое развитие России. – 2022. – № 1. – С. 36–42.
2. Российский рынок акций к концу года растерял половину роста. – URL: <https://www.interfax.ru/business/813531>
3. Семенкова Е. В., Власова Е. Н. Причины, факторы и последствия деглобализации для российского фондового рынка // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2022. – № 1 (51). – С. 26–31.
4. Чаленко Д. Д., Мбалла Номо Ж. Ф. Воздействие макроэкономических факторов на структуру и динамику фондового рынка России: институциональные аспекты // Финансовые рынки и банки. – 2022. – № 3. – С. 82–85.
5. Эллен М.-И. Украинский конфликт и санкции Запада. Инструмент глобальной экспансии // Свободная мысль. – 2022. – № 2 (1692). – С. 35–48.

References

1. Abramov A. E., Kosyrev A. G., Radygin A. D., Chernova M. I. Rossiyskiy rynek aktsiy v 2021 g. i v nachale 2022 g. [The Russian Stock Market in 2021 and at the Beginning of 2022]. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia], 2022, No. 1, pp. 36–42. (In Russ.).
2. Rossiyskiy rynek aktsiy k kontsu goda rasteryal polovinu rosta [The Russian Stock Market Lost Half of its Growth by the End of the Year]. (In Russ.). Available at: <https://www.interfax.ru/business/813531>
3. Semenkov E. V., Vlasova E. N. Prichiny, faktory i posledstviya deglobalizatsii dlya rossiyskogo fondovogo rynka [Causes, Factors and Consequences of Globalization for the Russian Stock Market]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom* [News of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance and Production Management], 2022, No. 1 (51), pp. 26–31. (In Russ.).
4. Chalenko D. D., Mballa Nomo Zh. F. Vozdeystvie makroekonomicheskikh faktorov na strukturu i dinamiku fondovogo rynka Rossii: institutsionalnye aspekty [The Impact of Macroeconomic Factors on the Structure and Dynamics of the Russian Stock Market: Institutional Aspects]. *Finansovye rynki i banki* [Financial Markets and Banks], 2022, No. 3, pp. 82–85. (In Russ.).
5. Ellen M.-I. Ukrainskiy konflikt i sanktsii Zapada. Instrument globalnoy ekspansii [The Ukrainian Conflict and Western Sanctions. A Tool of Global Expansion]. *Svobodnaya mysl* [Free Thought], 2022, No. 2 (1692), pp. 35–48. (In Russ.).

Сведения об авторах

Андрей Петрович Гарнов

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировых финансовых
рынков и финтех РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: profgarnov@yandex.ru

Евгений Васильевич Афанасьев

доктор экономических наук,
профессор кафедры мировых финансовых
рынков и финтех РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: e.v.afanasiev@mail.ru

Надежда Павловна Тишкина

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления человеческими
ресурсами Университета «Синергия».
Адрес: Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-промышленный
университет "Синергия"», 105318, Москва,
ул. Измайловский вал, д. 2.
E-mail: tnadezd@yandex.ru

Information about the authors

Andrei P. Garnov

Doctor of Economics, Professor, Professor
of the Department for World Financial
Markets and Fintech of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: profgarnov@yandex.ru

Evgeniy V. Afanasyev

Doctor of Economics, Professor
of the Department for World Financial
Markets and Fintech of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: e.v.afanasiev@mail.ru

Nadezhda P. Tishkina

PhD, Assistant Professor of the Department
for Management Human Resources
of the Synergy University.
Address: Non-state private educational
institution of higher professional education
"Moscow University for Industry and Finance
"Synergy", 2 Izmaylovskiy Val Str.,
Moscow, 105318, Russian Federation.
E-mail: tnadezd@yandex.ru

КОНТРОЛЛИНГ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИБЫЛИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДИВИДЕНДНОЙ ПОЛИТИКИ

Н. В. Грызунова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Российский фондовый рынок восстанавливает работу после временного перерыва из-за спецоперации на Украине. Многие компании модифицируют финансовое поведение. Актуальны сейчас и методы финансового контроля, поскольку меняются как направления денежных потоков, так и подходы к формированию дивидендной политики. Цель исследования – выявление зависимости между дивидендной политикой, ключевыми параметрами деятельности компании и инвестиционным поведением населения. В настоящее время необходимы дополнительные драйверы роста экономики и инструменты стабилизации рынка. Если раньше согласно теории ценности фирмы компании пытались увеличить свою капитализацию и таким образом увеличить доходы акционеров, то теперь акционеры заинтересованы в создании дивидендного портфеля, доходы от которого сравнимы с депозитом и инвестированием в облигации. Изменилось финансовое поведение рыночных субъектов, сокращается дезинтермедия, произошла дальнейшая дифференциация налоговых ставок, оптимизация налоговой нагрузки на инвесторов как для компаний, так и для физических лиц, дифференциация инвесторов на финансовые группы с обеспечением адекватных дивидендных выплат для каждой группы. Автором отмечается, что в связи с масштабными изменениями на финансовом рынке необходим контроллинг распределяемой прибыли и потоков дивидендов компаний, а также своевременное выявление отклонений в денежных потоках.

Ключевые слова: фондовый рынок, налогообложение дивидендов, логистическая кривая, финансовая группа.

CONTROLLING OF PROFIT DISTRIBUTION IN DIVIDEND POLICY SHAPING

Natalya V. Gryzunova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The Russian stock exchange resumes its functions after a temporary break due to the special operation in Ukraine. A lot of companies tend to modify their finance behavior, for instance, methods of finance control are rather topical today, as both cash flow lines and approaches to dividend policy shaping are changing. The goal of the research is to identify dependence between dividend policy, key parameters of company work and investment behavior of the population. Today extra drivers of economic growth and tools of market stabilization are necessary. According to the theory of company value corporations would increase their capitalization and thus raise shareholders' profits, while now shareholders are interested in developing a dividend portfolio, whose profits are comparable with deposits and investing into bonds. Finance behavior of market entities has altered, as des-intermediation is going down, further differentiation of tax rates took place, tax burden on investors (both legal entities and individuals) was optimized and investors were differentiated by finance groups with provision of adequate dividends for each group. The author points out that due to serious changes on finance market we need controlling of profit distribution and corporate dividend flows, as well as timely revealing of deviations in cash flows.

Keywords: stock exchange, dividend taxation, logistic curve, finance group.

В настоящее время дивидендная политика играет важную роль в финансовой стратегии многих компаний, оказывая существенное влияние на их положение на рынке капитала, в частности на динамику цены акций и корпоративных облигаций. Серьезное внимание на управление дивидендной политикой менеджмент корпораций стал уделять с 1956 г. в США. Этот год стал судьбоносным: началась сегрегация гражданских прав; закончилась военная экспансия США в Корею; начали создавать финансовый механизм мотивации определенного поведения медиалиц. Кроме того, появилось резонансное исследование Дж. Лингнера, который провел анализ дивидендных выплат за эксплицитный период по 28 американским компаниям и определил, что дивиденды не только выплачиваются по финансовым целям, но и часто выступают как инструмент лоббирования и фиатное политическое оружие. Дивидендная политика уже более полувека играет роль стабилизатора, якоря финансового поведения людей как в пределах компаний, так и регионов и даже страны в целом. Политика – это концентрированное выражение экономики. Эту аксиому еще раз доказывают дивидендными выплатами [5; 9].

В России вопросы дивидендных выплат регулируются Гражданским и Налоговым кодексами, рядом федеральных законов и нормативно-правовых актов, а также определяются внутренними документами организаций. Однако в дивидендах пока сконцентрированы только распределительные функции. С позиции ГК РФ дивидендом является полученный акционером доход по результатам деятельности пропорционально количеству принадлежащих ему акций в соответствующем акционерном обществе. Согласно статье 43 части первой НК РФ, под дивидендом понимается доход, полученный акционером или соучредителем от акционерного общества (или любой организации) при распределении балансовой или чистой прибыли (в зависимости от типа акционеров). С пози-

ций НК РФ дивидендом также признается распределение дохода среди участников обществ с ограниченной ответственностью и других хозяйствующих субъектов. Как видно, в налоговом смысле понятие «дивиденд» имеет более широкое значение. Однако это не единственное назначение дивидендов, в частности, на их базе осуществляется и содержание политических партий, и законотворческая деятельность.

Нормативная триангуляция «дивиденд» – это любой доход, который был получен из источников внутри и за пределами Российской Федерации. Согласно пункту 2 статьи 43 НК РФ, существуют доходные выплаты акционерам из прибыли, которые не относятся к дивидендам и облагаются по ставкам налога на прибыль:

- выплаты остаточных доходов, которые могут образоваться в случае ликвидации организации. Они могут осуществляться в денежной или натуральной форме. Данные выплаты пропорциональны доле акционера в уставном капитале и места в очереди кредиторов;

- выплаты некоммерческой организации на осуществление ее уставной деятельности (которая не связана с предпринимательской). Следует отметить, что очень часто это средства на содержание политических партий;

- выплаты акционерам (участникам) организации в виде оплаты акциями.

Можно сказать, что целую эпоху менеджмент предпочитал наращивать капитализацию, а не выплачивать дивиденды. Капитализация традиционно является финансовым показателем, демонстрирующим успешность акционерного общества. Такая практика оправдана, если существуют перспективные инвестиционные проекты. Но сейчас превалирует новая экономика и другие правила, т. е. речь идет о калибровке элементов финансовой политики компании.

В связи с этим организация может варьировать величину выплат:

- если компании необходимо осуществить инвестирование, например, в стар-

тап, или осуществить наем проектной группы, или провести полевые продажи с целью увеличения валовой выручки и пр.;

– если возможна оптимизация эффективной налоговой ставки по дивидендам для ключевых инвесторов и налоговых рисков;

– если у компании сложная ситуация, например, риск дефолта, и отказ от выплаты дивидендов может улучшить финансовые показатели;

– если компания под давлением акционеров создает гарантийные фонды в условиях неопределенности будущего ее положения на рынке.

В России элементы дивидендной политики компании выстраиваются в рамках Федерального закона от 25 февраля 2022 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», согласно статье 42 «Порядок выплаты обществом дивидендов». При этом дивиденды выплачиваются деньгами, а в случаях, предусмотренных уставом общества, могут иметь иную форму, например, имущество, должности в совете директоров, привилегии. Источником выплаты дивидендов являются или прибыль, или накопления в специальных фондах, или резервы общества. Размеры гарантийных фондов утверждаются общим собранием акционеров, прибыль и резервы формируются на основе финансового планирования. Дивиденды по привилегированным акциям являются обязательными. Поэтому в целях страхования от возможных угроз выплаты по привилегированным акциям создаются специальные гарантийные фонды.

Решение о выплате дивидендов принимается общим собранием акционеров. В полномочия совета директоров входят аналитика, определение величины дивидендов, создание условий для роста дивидендной группы (инвесторов, которые предпочитают ценные бумаги компании) и анализ ее структуры, определение направлений инвестирования и пр. Полномочия общего собрания акционеров включают утверждение:

– размера дивидендов по акциям и по купонам облигаций, если они не фиксированы;

– формы и сроков выплат;

– взаимодействия с депозитарием;

– субъектов, имеющих право на получение дивидендов.

Планируемая величина дивидендов – это функция таких переменных, как темп роста ВВП, ожидаемая инфляция, доходность федеральных облигаций, финансовая глубина экономики и пр.¹

Величина дивидендной группы и ее рост – это главный гарант будущего финансового прогресса компании. Менеджмент организации должен знать, кто является главным держателем ценных бумаг и какие налоговые риски в будущем могут возникнуть у ключевых акционеров компании. В Российской Федерации только формируется институт налогообложения дивидендов [8].

Физические лица давно формируют свой поток доходов из депозитов и облигаций. Обратная доходность этих активов – это трюизм. Дивидендный портфель создает дополнительный пассивный доход в любом случае. Каждая компания формирует своих дивидендных акционеров и отслеживает их динамику по универсальному портфелю ценных бумаг и в регионах, и в стране в целом. В связи с этим для организации дивидендная политика как элемент финансовой политики приобретает стратегическое значение.

Дивидендные акционеры компании формируются из следующих финансовых групп: миноритарных, мажоритарных, институциональных, рыночных. По расчетам в среднем в Европе на долю институциональных акционеров приходится не меньше 4% дивидендного потока². Выбор типа дивидендной политики является важным решением, поскольку он во мно-

¹ URL: <http://www.damodaran.com> (дата обращения: 18.02.2022).

² Принципы корпоративного управления ОЭСР. – URL: <http://www.corp-gov.ru/projects/principles-ru.pdf>

гом определяет будущее компании: движение денежных и финансовых средств; ликвидность; структуру капитала; цену ценных бумаг; стоимость бизнеса; стоимость лоббирования. Поэтому к выбору дивидендной политики компания должна подходить на основе достаточно серьезного мониторинга [3; 15; 16].

При разработке политики выплат дивидендов раньше компания решала дилемму между текущим потреблением прибыли собственниками и инвестициями в возможный будущий рост. Потом решалась проблема длительности владения ценными бумагами учредителями, юридическими лицами, поскольку это определяло величину налогового бремени для них. Для этих целей многие компании варьировали частотой выплат дивидендов – два – четыре раза в год. Сейчас выплата дивидендов является почти обязательной нормой и свидетельствует о стабильности и рентабельности компании. Вопрос состоит в другом: какое количество ценных бумаг компании пожелают иметь в своих портфелях рыночные акционеры и надолго ли сохранится подобное поведение людей? Какая должна быть критическая численность акционеров, чтобы изменить дивидендную политику при изменении внешних условий? Как должны меняться функции по обслуживанию клиентов акционеров при изменении финансовых индикаторов рынка?

Для управления этой ситуацией используют бизнес-модели анализа информации социальных сетей, модели трансформации финансового поведения людей. С целью получения ответа на эти вопросы сейчас часто модифицируют модели популяций: Ферхюльста, Лотки – Вольтерры, Холлинга – Тэннера, Базыкина [6; 7]. Аффорданс моделей дает возможность использовать их на базе новых информационных технологий для управления финансовым поведением людей. Они позволяют решить широкий спектр проблем и содержат в себе большой потенциал. Например, модель Ферхюльста используется в

биологии, социологии, экономике и финансах и применяется, в частности, для описания эскалации групп населения, вооружений, социальной и политической напряженности, причем при незначительной системе ограничений.

Модель Лотки – Вольтерры – это биологическая модель взаимодействия двух видов типа «хищник – жертва». Население городов может представлять колеблющиеся паттерны (образцы) при выборе ценных бумаг в зависимости от экономики, масштабов производства, производительности и пр. [6; 7; 13].

Воздействие финансовой среды на человека неуклонно растет. Раньше говорили о человеке разумном, теперь все чаще говорят о человеке финансовом, поскольку каждый рыночный субъект стремится к минимизации вредных для себя финансовых последствий.

В процессе моделирования финансовых групп (дивидендных акционеров) и их поведения первый шаг состоит в том, чтобы оценить характер и масштабы воздействия финансовых сигналов и предсказать, как изменится поведение рыночных субъектов, прежде всего обывателей с незначительным объемом сбережений. Это самая большая движущая сила. В этом состоит цель создаваемой сейчас в глобальном масштабе и в масштабе нашей страны системы экономического трансгуманизма и мониторинга.

Второй этап – прогнозирование последствий изменения дивидендной политики.

Третий шаг – определение лимита ресурсов, который является драйвером конкуренции.

Четвертый этап – дифференциация и сегментирование населения ареала на несколько групп с определенным уровнем сбережений и финансовыми привычками. Как правило, дифференцируют акционеров по возрасту (40–75 лет) и по уровню доходов. Когда у группы людей усиливается страх перед определенным финансовым риском и численность этой группы (Ch) растет, меняются финансовые стратегии

компаний, расположенных в данном ареале, происходит смена дивидендной политики. Момент необходимых изменений определяют как точку перегиба логистической кривой, которую формируют по двум критериям (предикатам). Например, часто используют финансовую эластичность (K). Величина K соответствует такой численности группы инвесторов, при которой необходимо идентифицировать финансовый риск или мотивацию и внести изменения в дивидендную политику, чтобы не потерять или увеличить численность дивидендных акционеров.

Пятый этап – определение реперных точек модели. Для этого используем уравнение Ферхюльста – уравнение логистического роста [6; 7]:

$$Ch = \frac{K}{1 + 10^{a+bt}} + F,$$

где a, b – индексы роста компании и сегмента рынка – параметры уравнения, определяющие характер логистической кривой;

t – время;

F – базисная величина численности, с которой начато ее измерение.

Поскольку у нас логистическая кривая в финансовой сфере, то могут быть минимум две дивидендные стратегии по достижении необходимой численности инвесторов. Может быть незначительная волатильность численности при стабильных долгосрочных дивидендных выплатах [1; 10].

В настоящее время можно наблюдать рост инвестиционного интереса к компаниям ретейла. В сбалансированном портфеле доля ретейла выросла за последний год до 15%. Максимальную доходность эти компании имеют именно в период кризиса. Люди чувствуют себя комфортно в зависимости от уровня наполнения их по-

требительской корзины, что приводит к росту спроса на акции компаний ретейла.

Это стабильный бизнес, который является достаточно устойчивым, и в него вложены значительные инвестиции. Практически в каждом финансовом индексе доля ретейла превышает 10%. Так, например, суммарные инвестиции ПАО «Х5 Retail Group», ПАО «Магнит», ПАО «Лента», ПАО «М.Видео-Эльдорадо» составляют около 5,7 трлн рублей. Особое положение сейчас у ПАО «Магнит», поглотившего ПАО «Дикси», которое в свою очередь поглотило сеть магазинов «Красное и белое». В ближайшее время возможны коллаборации между ПАО «Магнит» и ПАО «Лента».

В качестве примера применения логистической кривой Ферхюльста для определения критериев, характеризующих необходимость изменения дивидендной политики, поскольку поменялись численность и запросы финансовой группы (дивидендных акционеров), можно рассмотреть динамику финансовой группы по ретейлу ПАО «Магнит» (сегмент – супермаркеты) (табл. 1).

Таблица 1
Исходные данные для анализа финансовой популяции

Величина чистых активов (NAV), млн руб.	Величина трафика, млн чел/квартал
0	15
1	60
2	300
3	900
4	1 050
5	1 140
6	1 155
7	1 167

Решением уравнения является S-образная кривая. По заданным параметрам рассчитаем эмпирическое уравнение логистической регрессии:

$$Ch = \frac{2\,000}{1 + 10^{1,637700834865 + (-0,322643029349)t}} + 196,$$

где $\lim_{t \rightarrow \infty} Ch_t = K$.

Формула Ферхюльста показывает, что компания ретейла начинает принимать участие в создании дивидендного портфеля, как только ее трафик превысит 200 млн человек в квартал, и необходимо внести изменения в дивидендную политику, если трафик достигнет 900 млн человек в квартал (рисунки).

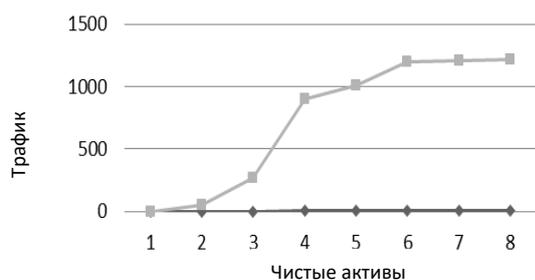

Рис. Логистическая кривая, построенная по показателям ПАО «Магнит»

Модель Лотки – Вольтерры, о которой упоминалось выше, позволяет ввести в модель дивидендной политики дополнительные технико-экономические факторы, например, численность финансовых групп и их дифференциацию; численность рыночных субъектов и др. Более сложную логистическую регрессию целесообразно применить для анализа сбалансированного (универсального) портфеля ценных бумаг [6; 7].

Другой вопрос, важный для дивидендной политики, – это величина выплат. В данном случае используется классический прием микроэкономики. Их справедливая стоимость равна произведению рыночной цены производимого продукта на предельную эффективность переменного фактора.

Одной из решаемых менеджментом задач является обеспечение налогового комфорта при получении ключевыми инвесторами дивидендов [14]. Поскольку компания заинтересована в увеличении численности своих инвесторов, то она в дивидендной политике должна заложить минимальные налоговые риски для своих ключевых акционеров.

Эта практика стала активно использоваться с 80-х гг. XX в. Р. Литценбергером и К. Рамасвами. В частности, К. Рамасвами подсчитал, что в любой стране каждый второй или четвертый налоговый закон оплачен и пролоббирован корпорациями. ТНК каждой страны используют дивиденды для содержания политических партий¹.

Дивидендная политика напрямую влияет на действия инвесторов, поэтому учет их предпочтений позволит увеличить масштабы акционирования. При формировании дивидендного портфеля акционеры компании учитывают величину дивидендов и налоги на них; сальдо изменения курсовой разницы по валюте и налоги на нее; эффективную ставку налога на прибыль в разных странах для избежания двойного налогообложения. Дивидендная политика организаций в настоящее время оказывает влияние не только на средневзвешенную стоимость капитала, инвестиционную привлекательность компании, но и на эффективность налогового портфеля. Налоговый портфель организации, как известно, – это отношение между хозяйствующим субъектом и государством по поводу достижения баланса целей между хозяйствующим субъектом и государством по накоплению налоговых доходов. Еще Дж. М. Кейнс, А. Маршалл и А. Пигу считали налоги дихотомией инвестиций². Сумма налога на дивиденды определяется по формуле, определенной в НК РФ:

$$N = K \cdot tr \cdot (D_a - D_b),$$

где N – налог на дивиденды;

K – доля каждого российского получателя дивидендов в общей сумме начисленных дивидендных платежей;

tr – ставка налога;

D_a, D_b – валовая сумма платежей, подлежащих распределению как дивиденды, получаемых российскими организациями

¹ См.: Принципы корпоративного управления ОЭСР. URL: <http://www.corp-gov.ru/projects/principles-ru.pdf>

² URL: <http://www.damodaran.com> (дата обращения: 18.02.2022).

по итогам текущего периода и предыдущих отчетных периодов соответственно.

В настоящее время установлена дифференциация налоговых ставок, представленная в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Налоговые ставки по акциям (ст. 284 НК РФ)

Налоговая ставка, %	Объект налогообложения
<i>По акциям</i>	
0	Величина дивидендов мажоритарных акционеров (которым принадлежит не менее 50% акционерного капитала) при условии владения долей более 365 дней
5	Величина дивидендов, получаемая нерезидентами (международными холдинговыми компаниями) по доходам, полученным до 1 января 2029 г. и при условии, что иностранные организации в порядке редомициляции являлись ПАО
13	Величина дивидендов, получаемых российскими организациями, или иностранными эмитентами, или по ADR
15	Величина дивидендов, получаемых нерезидентами от российских организаций
<i>По облигациям</i>	
15	Величина дивидендов, получаемых по государственным и муниципальным ценным бумагам, размещаемым за пределами Российской Федерации
13	Величина дивидендов по долговым ценным бумагам, эмитированным российскими резидентами и обращающимся на территории Российской Федерации

Если раньше налоговый портфель трактовался как совокупность различных налогов, уплачиваемых организацией в процессе хозяйственной деятельности, то теперь налоговый портфель учитывает и налоги на дивиденды. В России дивидендные доходы и налоги аналитиками не брались в расчет, но сейчас эту часть налогового портфеля рассматривают как источник гарантированных льгот, уменьшающих налоговую нагрузку. Дифференциация по дивидендам будет усиливаться.

Дивидендные стратегии компаний ретейла предусматривают два основных направления. С одной стороны, они позволяют обеспечить своим потенциальным инвесторам доходность выше депозита. С другой стороны, дивидендная политика должна обеспечить рост ценности компании, рост эффективности стимулирующих программ, изменение финансового поведения населения. Дивидендная политика представляет собой определенный набор инструментов, благодаря которому осуществляется процесс распределения чистой прибыли и одновременно формируются накопления. Не зря самая популярная стратегия обывателей – это «лестни-

ца», т. е. люди реинвестируют дивиденды в ценные бумаги компании, которая их эмитировала. Дивиденд, являясь денежным доходом акционеров, сигнализирует о том, что компания, в акции которой они инвестировали, работает успешно.

Поскольку изменяется стратегия распределения прибыли, то необходима перестройка системы контроллинга денежных потоков ретейла в следующей последовательности [12]:

1. Составление оптимального бюджета капиталовложений и расчет требуемой инвестиционной суммы.

2. Определение схемы финансирования инвестиционного портфеля за счет реинвестирования прибыли и поддержания целевой структуры источников.

3. Выплата дивидендов в том случае, если не вся прибыль использована в целях инвестирования.

Кроме перераспределения прибыли, компания также должна решить правовые вопросы контроля. Контроллинг должен охватить все факторы: инвестиционные возможности, альтернативные инвестиции, альтернативную выплату дивидендного дохода, рациональную стоимость

кредитов и займов, ограничения на выплаты дивидендов.

Невозможно подобрать оптимальный план контроллинга. О. Б. Бигдай, В. В. Мануйленко и Т. А. Садовская отмечают зависимость между дивидендной политикой, налоговой политикой и риск-менеджментом [2]. С 2010-х гг. организации активно используют информацию из социальных сетей для мониторинга и контроля предпочтений своих акционеров. Контроллинг денежных потоков и анализ поведения инвесторов являются теперь базой для оптимизации финансовой политики, в частности для идентификации и монетизации факторов риска. Во-первых, необходимо учитывать структуру капитала компании, сектор экономики, к которому относится компания, требуемый минимум инвестиций и гарантий. Во-вторых, следует учитывать тип отрасли и уровень инновационности. И. А. Бланк [3], Т. В. Тимофеева [11], В. В. Ковалев [9] подчеркивают, что одним из преимуществ крупных промышленных гигантов, имеющих на протяжении долгого времени стабильные финансовые показатели, является поток дивидендов, образующий пассивный доход большой группы обывателей, резидентов, что положительно влияет на ситуацию в регионе. Такие компании имеют дополнительные институциональные бонусы.

Е. А. Бадокина – сторонник теории ответственности дивидендной политики составу акционеров – обращает внимание на необходимость учета того фактора, что у стабильных компаний растет число институциональных собственников (может быть офис политической партии), которые имеют право на льготное налогообложение [1]. Соответственно, доля капитализации будет иметь устойчивый тренд к сокращению. Контроллинг должен обеспечить необходимый минимум его прироста – не менее 6–8%. Это как раз случай необходимого политического лоббирования.

Если финансовый год был закрыт успешно, рыночный сантимиент позитивный и состоятельные субъекты рынка ис-

пытывают склонность к риску, инвестируя в рискованные ценные бумаги, имеющие высокий потенциал, то функции контроллинга ориентированы на рост цены и ценности как ценных бумаг, так и бизнеса.

При завоевании сегмента финансового рынка компании прибегают к выплатам гарантированного минимума и экстрадивидендов в течение одного либо двух дивидендных сезонов. Функции контроллинга сводятся, по мнению Ю. Фама [13], М. М. Карнова [8], Т. Г. Ошурковой [10], к поиску компромисса, так как компания пытается соблюсти свои интересы и акционеров (экстрадивиденды) и занять устойчивое место в сбалансированном портфеле.

При методике выплат дивидендов акциями (как сейчас делает ПАО «Аэрофлот») собственники вместо денежных средств получают дополнительный пакет акций, что также вызывает у них интерес, поскольку полученные ценные бумаги они могут реализовать на фондовом рынке. К данной практике компании прибегают в случае неустойчивого финансового положения и отсутствия высоколиквидных активов для расчетов с акционерами либо необходимости реинвестирования прибыли отчетного года в высокоэффективный проект.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время планирование прибыли должно опираться на интересы финансовых групп (дивидендных акционеров). При разработке политики выплат дивидендов компания ставит цель – сбалансировать различные финансовые и политические интересы разных групп инвесторов и обеспечить себе драйверы роста.

В современных экономических условиях, когда рыночная конъюнктура волатильна, дивидендная политика является якорем стабильности и показателем успешной деятельности организации, является маркером финансовой власти внутри компании, гарантом устойчивости системы корпоративного управления. Диви-

дендная политика – важная часть финансового менеджмента. Она позволяет изменять финансовое поведение людей, создавая положительный рыночный сантимерт. Адекватный тип дивидендной политики указывает на уровень профессионализма и служит гарантом дальнейшего его развития, в частности как инвестиционно привлекательного объекта. На основе дивидендной политики все чаще определяют приоритеты для эмиссии ценных бумаг, создаются новые инвестиционные продукты для населения, например, токенизированные

акции, разрабатываются программы по расширению географических сегментов деятельности компаний, что особенно актуально для компаний ретейла. Дивидендная политика должна соответствовать общим целям компании, задача которой состоит в максимизации накопленных акционеров и изменении структуры капитала и методов финансирования компании. Кроме того, дивидендная политика может оказать существенное влияние на цену акций компании.

Список литературы

1. Бадюкина Е. А. Дивидендная политика и рыночная стоимость компании // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 2.
2. Бигдай О. Б., Мануйленко В. В., Садовская Т. А. Создание модели контроллинга прибыли в акционерном обществе // Финансы и кредит. – 2014. – № 24 (600). – С. 19–29.
3. Бланк И. А. Управление финансовой стабилизацией предприятия. – Киев : Ника-Центр : Эльга, 2013.
4. Грызунова Н. В. Структурный продукт как инструмент управления проблемной задолженностью // Вестник университета. – 2019. – № 12. – С. 159–166.
5. Грызунова Н. В. Финансовый инжиниринг бизнес-процессов и инвестиций промышленных компаний в инновационной системе мегаполиса // Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития : сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции. – М., 2020. – С. 191–194.
6. Дроздук А. Логистическая кривая. – Торонто : Choven, 2019.
7. Думачев В. Н., Родин В. А. Эволюция антагонистически взаимодействующих популяций на базе двумерной модели Ферхюльста – Пирла // Математическое моделирование. – 2005. – Т. 17. – № 7. – С. 11–22.
8. Карнов М. М. Обзор исследований о взаимосвязи понятий: дивиденд, цена акций, дивидендная политика и их влияние на благосостояние акционеров // European Scientific Conference : сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 91–94.
9. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби : Проспект, 2007.
10. Ошуркова Т. Г. Дивиденды 2019. – URL: <https://centeryf.ru/data/economy/dividendy-2019.php>
11. Тимофеева Т. В. Анализ денежных потоков предприятия. – 3-е изд. – М. : Финансы и статистика, 2020.
12. Хорват П. Концепция контроллинга: управленческий учет, система отчетности, бюджетирование. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2006.
13. Fama E. Characteristics or Lower Propensity to Pay? // Journal of Financial Economics. – 2018. – N 2. – P. 60–62.

14. Gordienko M. S., Gryzunova N. V., Zakharova D. S., Polyakova A. G. Fiscal Mechanisms for the Deoffshorization of the Russian Economy // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. – 2018. – Vol. 5. – N 1.3. – P. 191–199.

15. Graham J. R., Kumar A. Do Dividend Clienteles Exist? Evidence on Dividend Prefernces of Retail Investors // Journal of Finance. – 2006. – Vol. 61. – P. 1305–1336.

16. Sawicki J. Corporate Governance and Dividend Policy in Southeast Asia Pre- and Post-Crisis // European Journal of Finance. – 2009. – Vol. 15. – Issue 2. – P. 211–230.

References

1. Badokina E. A. Dividendnaya politika i rynochnaya stoimost kompanii [Dividend Policy and Market Value of the Company]. *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyokarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2010, No. 3, p. 2. (In Russ.).

2. Bigday O. B., Manuylenko V. V., Sadovskaya T. A. Sozdanie modeli kontrollinga pribyli v aktsionernom obshchestve [Creation of a Profit Controlling Model in a Joint-Stock Company]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2014, No. 24 (600), pp. 19–29. (In Russ.).

3. Blank I. A. Upravlenie finansovoy stabilizatsiey predpriyatiya [Management of the Financial Stabilization of the Enterprise]. Kiev, Nika-Tsentr, Elga, 2013. (In Russ.).

4. Gryzunova N. V. Strukturnyy produkt kak instrument upravleniya problemnoy zadolzhennostyu [Structural Product as a Tool for Managing Bad Debts]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2019, No. 12, pp. 159–166. (In Russ.).

5. Gryzunova N. V. Finansovyy inzhiniring biznes-protsessov i investitsiy promyshlennykh kompaniy v innovatsionnoy sisteme megapolisa [Financial Engineering of Business Processes and Investments of Industrial Companies in the Innovation System of a Metropolis]. *Tsifrovaya ekonomika: tendentsii i perspektivy razvoitiya: sbornik tezisov dokladov natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Digital Economy: Trends and Development Prospects. Collection of abstracts of reports of the National Scientific-Practical Conference]. Moscow, 2020, pp. 191–194. (In Russ.).

6. Drozdyuk A. Logisticheskaya krivaya [Logistic Curve]. Toronto, Choven, 2019. (In Russ.).

7. Dumachev V. N., Rodin V. A. Evolyutsiya antagonisticheskoi vzaimodeystviyushchikh populyatsiy na baze dvumernoy modeli Ferkhlyulsta – Pirla [Evolution of Antagonistically Interacting Populations Based on the Two-Dimensional Ferhulst – Pearl Model]. *Matematicheskoe modelirovanie* [Mathematical Modeling], 2005, Vol. 17, No. 7, pp. 11–22. (In Russ.).

8. Karnov M. M. Obzor issledovaniy o vzaimosvyazi ponyatiy: dividend, tsena aktsiy, dividendnaya politika i ikh vliyanie na blagosostoyanie aktsionerov [Review of Research on the Relationship Between Concepts: Dividend, Share Price, Dividend Policy and their Impact on the Welfare of Shareholders]. *European Scientific Conference: sbornik statey XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [European Scientific Conference. Collection of articles of the 18th International Scientific and Practical Conference]. Penza, 2020, pp. 91–94. (In Russ.).

9. Kovalev V. V. Finansovyy menedzhment: teoriya i praktika [Financial Management: Theory and Practice], 2nd edition, revised and expanded. Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2007. (In Russ.).

10. Oshurkova T. G. Dividendy 2019 [Dividends 2019]. (In Russ.). Available at: <https://centeryf.ru/data/economy/dividendy-2019.php>

11. Timofeeva T. V. Analiz denezhnykh potokov predpriyatiya [Analysis of the Company's Cash Flows], 3rd edition. Moscow, Finansy i statistika, 2020. (In Russ.).
12. Khorvat P. Kontsepsiya kontrollinga: upravlencheskiy uchet, sistema otchetnosti, byudzhetrovanie [Controlling Concept: Management Accounting, Reporting System, Budgeting]. Moscow, Alpina Biznes Buks, 2006. (In Russ.).
13. Fama E. Characteristics or Lower Propensity to Pay? *Journal of Financial Economics*, 2018, No. 2, pp. 60–62. (In Russ.).
14. Gordienko M. S., Gryzunova N. V., Zakharova D. S., Polyakova A. G. Fiscal Mechanisms for the Deoffshorization of the Russian Economy. *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*, 2018, Vol. 5, No. 1.3, pp. 191–199. (In Russ.).
15. Graham J. R., Kumar A. Do Dividend Clienteles Exist? Evidence on Dividend Prefernces of Retail Investors. *Journal of Finance*, 2006, Vol. 61, pp. 1305–1336. (In Russ.).
16. Sawicki J. Corporate Governance and Dividend Policy in Southeast Asia Pre- and Post-Crisis. *European Journal of Finance*, 2009, Vol. 15, Issue 2, pp. 211–230. (In Russ.).

Сведения об авторе

Наталья Владимировна Грызунова

доктор экономических наук,
профессор, профессор кафедры
финансового менеджмента
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Gryzunova.NV@rea.ru

Information about the author

Natalya V. Gryzunova

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department
for Financial Management
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Gryzunova.NV@rea.ru

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ИНДУСТРИЯ 5.0: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Н. В. Барина

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В. Р. Барин

Московский политехнический университет,
Москва, Россия

Современное развитие цифровой экономики тесно связано с достижениями в области искусственного интеллекта. В статье проанализированы основные подходы к изучению терминов «сильный искусственный интеллект» и «слабый искусственный интеллект», представленные в научной литературе различными исследователями. Основное содержание статьи составляет рассмотрение проблем искусственного интеллекта в российской и зарубежной экономике. Авторами показаны основные направления использования искусственного интеллекта, наиболее востребованные в современной жизни. К таким направлениям относятся медицина, навигация, сельское хозяйство, ретейл, маркетинг, лингвистика и т. д. Приводятся аргументы, свидетельствующие о том, что применение искусственного интеллекта приведет к новому этапу развития человеко-машинного взаимодействия. Однако повсеместное использование систем искусственного интеллекта и нейросетей имеет большую опасность. В статье отмечены основные угрозы, с которыми может столкнуться человечество при массовом внедрении достижений искусственного интеллекта во все сферы жизни. Проанализированы исследования ученых по данному вопросу, перечислены российские и зарубежные организации, которые занимаются изучением потенциальных угроз, связанных с использованием искусственного интеллекта. Основной вывод, который отражен в исследованиях, свидетельствует о том, что масштабы и степень применения искусственного интеллекта должны быть ограничены правовыми и нравственно-этическими нормами человеческой жизни во избежание серьезных последствий. В заключение сделаны выводы о тенденциях развития искусственного интеллекта и Индустрии 5.0 в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, теория стратегирования, киберсоциальная система, стратегическое управление, нейронные сети, big data.

DIGITAL ECONOMY, ARTIFICIAL INTELLECT, INDUSTRY 5.0: TODAY'S CHALLENGES

Natalya V. Barinova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Vladimir R. Barinov

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

The present day development of digital economy is closely connected with achievements in the field of artificial intellect. The article analyzes key approaches to investigation of the terms 'strong artificial intellect' and 'weak artificial intellect' that were introduced to academic literature by different researchers. The principle content of the article deals with problems of artificial intellect in Russian and overseas economy. The authors demonstrate the key lines of using artificial intellect that are necessary for today's life. These lines include medicine, navigation, agriculture, retail, marketing, linguistics, etc. They provide arguments showing that artificial intellect can lead to a new stage of developing man-machine interaction. However, the overall application of artificial intellect systems and neural nets can be hazardous. The article identifies key threats that could face mankind in case of mass introduction of artificial intellect in all spheres of life. Academic works dealing with this problem were analyzed, Russian and overseas organizations studying potential threats of artificial intellect were named. The principle

conclusion shown in the research gives evidence that the scale and degree of using artificial intellect should be limited by legal and moral standards of human life to avoid serious consequences. And finally, conclusions were made about trends of developing artificial intellect and Industry 5.0 in the era of digitalization

Keywords: digital transformation, theory of strateging, cyber-social system, strategic management, neural nets, big data.

В последние годы мировая экономика переходит на пятый технологический уклад, связанный с технологиями человеко-машинного взаимодействия на основе систем искусственного интеллекта и машинного обучения. Ближайшее будущее будет построено на системе цифрового обмена данными между участниками процесса, что в свою очередь активизирует дальнейшее развитие нейросетей и систем искусственного интеллекта (ИИ).

По мнению многих зарубежных исследователей, ИИ является драйвером процессов цифровой трансформации, что позволит всем участникам экономических процессов перейти на новую ступень человеко-машинного взаимодействия, способствуя дальнейшему развитию цифровых платформ и цифровой экономики в целом [21].

Современные исследования в области Индустрии 5.0 отражают актуальные тенденции развития искусственного интеллекта, основанные на двух подходах.

Первый подход сформулирован Брентом Кедзерски в рамках выступления на круглом столе 17 июня 2021 г., проходившем в Великобритании и посвященном проблемам искусственного интеллекта. По мнению ученого, суть Концепции 5.0 состоит в «объединении возможностей подключенных технологий Индустрии 4.0 с человеко-ориентированным подходом Индустрии 5.0, что откроет путь гармоничному взаимодействию человеческого интеллекта с когнитивными вычислениями» [2. – С. 377].

Второй подход сформулирован Оздчан Саритас, руководителем исследовательской лаборатории Института статистических исследований и экономики знаний, который был представлен на XXII Апрельской Международной конференции по

проблемам развития экономики и общества, состоявшейся 13–30 апреля 2021 г. В рамках данной трактовки Концепция 5.0 подразумевает «объединение человеческого и машинного интеллекта для создания коллективного интеллекта, позволяющего избежать в будущем технологической сингулярности, а также совершенствовать человека и развивать технологии одновременно» [2. – С. 377].

Таким образом, в Индустрии 5.0 будет сформирована новая модель человеко-машинного интерфейса, что в свою очередь приведет к интеллектуальной цифровизации производственно-экономических систем на более высоком уровне, чем в Индустрии 4.0 [16. – С. 183].

Остановимся подробнее на некоторых понятиях, наиболее часто встречающихся в научной литературе по вопросам искусственного интеллекта.

В первую очередь отметим, что в научной литературе существуют два основных понятия: «слабый искусственный интеллект» и «сильный искусственный интеллект».

В первом случае применение определенных алгоритмов и систем обработки данных (в том числе big data) только способствует повышению скорости и эффективности их обработки. Во втором случае возможности систем ИИ поистине безграничны, так как они способны самообучаться вне заданных машинных алгоритмов и обладают когнитивными способностями, превосходящими человеческий интеллект.

Сильный ИИ имеет три основные формы: *ограниченный ИИ, гибридный (или киберфизический) ИИ и квантовый (или нейросетевой) искусственный суперинтеллект.*

Указанные формы сильного ИИ составляют основные направления развития ми-

рового информационного и экономического пространства на ближайшие годы и в перспективе. Рассмотрим их подробнее.

Ограниченный искусственный интеллект (Artificial Narrow Intelligence – ANI) представляет собой набор инструментов, с помощью которых возможно решить отдельные задачи в заданной предметной области. Часто в литературе также используется понятие «*дополненный интеллект*». Ограниченный ИИ выступает в роли помощника, дополняя возможности человека при решении определенных задач. Несмотря на то, что возможности использования ANI ограничены, его использование сегодня приносит экономике существенные дивиденды. Так, по оценке специалистов фирмы Gartner, использование дополненного интеллекта в мировом масштабе создаст прибавочную стоимость в размере 2,9 трлн долларов и сэкономит 6,2 млрд чел.-час [7. – С. 26].

Гибридный (киберфизический) искусственный интеллект (Artificial Hybrid Intelligence – AGI) основан на использовании глубокого машинного обучения и во многом приближен к способностям человека, представляя собой модель нейросетевого человеко-машинного интеллекта [7. – С. 27].

Квантовый (нейросетевой) искусственный суперинтеллект (Neural Network Artificial Super Intelligence) представляет собой наивысшую степень развития ИИ, основанную на использовании квантово-нейронных технологий и имеющую функции, многократно превосходящие способности человека и всего общества в целом [7. – С. 27].

На современном этапе развития экономики происходит переход от ограниченного искусственного интеллекта к гибриднему, который сопровождается процессами нейросетевой трансформации экономических систем в мировой экономике.

Важный вклад в уточнение понятия «искусственный интеллект» внес исследователь А. А. Курдин. Он отмечает, что в определении термина «искусственный интеллект», несмотря на большое количество

публикаций, нет единого подхода. Обобщив российские и зарубежные исследования, А. А. Курдин пришел к выводу, что существуют три основных подхода к понятию «искусственный интеллект». В рамках первого подхода ИИ рассматривается как система, основанная на математических алгоритмах с возможностью машинного обучения. В рамках второго подхода он рассматривается как система автоматизации процессов. В рамках третьего подхода искусственный интеллект представляется авторам как аналог человеческого интеллекта с присущими ему чертами. А. А. Курдин рассматривает искусственный интеллект в рамках первого подхода, что, на наш взгляд, считается наиболее обоснованным [9. – С. 58].

Интересный подход к определению термина «искусственный интеллект» отражен в книге Г. Леонгарда «Технологии против человека». Он пишет: «ИИ – первая движущая сила в области экспоненциальных технологий; ее можно определить как разработку машин (программ или роботов), обладающих интеллектом и способных к самостоятельному обучению, т. е. это машины, способные думать как люди» [11. – С. 4].

Области применения искусственного интеллекта обладают большим разнообразием. Наибольшее распространение системы искусственного интеллекта получили в областях распознавания изображений, их отбора, группировки и построения прогнозов (создание интерактивных карт и т. д.). На основе систем искусственного интеллекта построены экспертные системы, которые позволяют строить прогнозы, а также обучаемые нейронные сети, применяемые для решения задач управления большими системами и т. д. Большие перспективы у систем искусственного интеллекта имеются в области компьютерной лингвистики, связанной с изучением проблем машинного перевода, понимания человеческой речи, перевода письменного языка в устный и наоборот, а также языковых переводов [3–6; 17].

Научное обобщение областей применения систем искусственного интеллекта было проведено О. А. Карпенко и Л. В. Левченко в статье «Создание и функционирование искусственного интеллекта в современной экономике: проблемы и перспективы развития» [8. – С. 178].

Одним из важнейших достижений Индустрии 5.0 А. А. Федоров, И. В. Либерман, С. И. Корягин, П. М. Клачек и К. Л. Полупан считают возможность нового уровня человеко-машинного взаимодействия, т. е. способность вводить данные в компьютер без программирования на языке, максимально приближенном к обычному, используемому в жизни [16. – С. 184]. Развитие сильного искусственного интеллекта приведет к тому, что он будет обладать возможностью реализации творческих задач, которыми сегодня обладает только человек, – создавать высокохудожественные произведения в архитектуре, литературе, живописи и т. д. Уже сейчас существуют системы, способные продолжить написание текста по нескольким предложениям, сохраняя общую стилистическую и смысловую нагрузку. Конечно, данные программы еще нельзя считать совершенными, но развитие систем искусственного интеллекта продолжается и в скором будущем мы сможем увидеть его достижения.

С развитием систем ИИ происходит переход на новую ступень человеко-машинного взаимодействия. Как пишет в своей статье «Визуализация больших данных в экономических науках в условиях информационного общества» исследователь В. В. Платонов, до недавнего времени извлекать информацию из данных могли только люди. С появлением искусственного интеллекта эту функцию могут выполнять машины [12. – С. 1836].

Одним из достижений искусственного интеллекта, успешно используемым в экономической деятельности (в частности в электронной торговле), являются так называемые самоорганизующиеся карты (SOM), изобретенные Т. Кохоненом. С помощью этого инструмента технологии искусствен-

ного интеллекта позволяют распределить данные о покупателях сети по различным критериям, например, по большой сумме чека и редким покупкам или по малой сумме чека, но по большой частоте совершаемых покупок [20]. Таким образом, между человеком и машиной в настоящее время не просто происходит механический обмен данными, а образуются потоки информационного обмена, что свидетельствует о развитии систем искусственного интеллекта и возрастании роли человеко-машинного взаимодействия.

В компаниях наиболее востребовано применение ИИ для защиты конфиденциальной информации, так как по всему миру растет число кибератак. Алгоритмы машинного обучения, построенные на основе графовых структур, имеют широкие сферы применения в различных областях. Способность таких систем обрабатывать неструктурированные данные и самообучаться открывает большие возможности. Системы подобного уровня способны обнаруживать наиболее уязвимые точки в информационных системах, в которых злоумышленники могут пробивать защиту и похищать данные, например, в финансово-кредитной сфере. Как пишет в своей статье «Угрозы и возможности применения технологий искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации экономики» исследователь А. И. Фалько, использование систем ИИ не только позволит компаниям создавать индивидуальные программы защиты данных, но и предоставит возможность решения более сложных задач (в том числе стратегических) для сотрудников подразделений, отвечающих за кибербезопасность [15. – С. 280].

На наш взгляд, не стоит забывать, что стремительное развитие нейронных технологий и создание сильного ИИ последнего поколения должны происходить при понимании важности нравственно-этических, юридических, личностных и прочих норм человека, в соответствии с которыми будет соблюдаться личная безопас-

ность индивида в информационном пространстве.

Важность разработки цифровых этических норм подчеркивал несколько лет назад известный ученый Г. Леонгард в своей книге «Технологии против человека», отмечая, что отсутствие этики у технологий ИИ при их неограниченной мощности и способности к стремительному развитию может привести к необратимым последствиям для человека [11].

Американский специалист по искусственному интеллекту Элиезер Шломо Юдковский, исследующий проблемы технологической сингулярности, в своих исследованиях показал, что конструкции ИИ способны к самопониманию и самоидентификации¹. Известен случай, когда в компании были запущены чат-боты, которые первоначально были сконструированы на основе систем ИИ для обработки большого количества обращений пользователей. Сначала чат-боты действительно оказывали большую помощь в обработке сообщений, но далее они начали общаться между собой, сначала на английском языке, а позднее создали свой особый язык, непонятный для разработчиков. С целью предотвращения возможных негативных последствий их деятельность было решено остановить.

Автор исследований доктор экономических наук С. А. Дятлов отмечает, что существует нравственно-этическая проблема в применении и использовании соционейроморфных систем искусственного интеллекта. В своих исследованиях он задается вопросом: «в какой мере человечество может доверять решениям, принимаемым искусственным интеллектом (нейросетевым искусственным суперинтеллектом) в различных сферах экономики и жизни общества?» [7. – С. 28].

Этот вопрос возник не случайно. При использовании технологий искусственного интеллекта существует вероятность возникновения непредвиденных ситуаций и событий, так как полностью заменить че-

ловека в принятии сложных решений и ответственности за нестандартные ситуации не представляется возможным.

Ситуации, возникающие при работе с объектами, использующими технологии искусственного интеллекта, условно можно разделить на две группы: ситуации, требующие немедленного реагирования со стороны человека, и ситуации, в которых можно принять отложенное решение.

К первой группе можно отнести аварийные ситуации (например, при использовании беспилотных транспортных средств), медицинские операции (оперативные вмешательства, производимые роботами); ко второй – распознавание изображений (при использовании в медицинских и иных целях), аналитические отчеты по обращениям пользователей (при использовании голосовых помощников или чат-ботов) и т. д.

Таким образом, в ситуациях первой группы необходимо экстренное реагирование человека на основе профессионального, социального, образовательного и иного опыта, которым на данный момент времени искусственный интеллект не обладает. В ситуациях, относящихся ко второй группе, имеется возможность проанализировать результаты, полученные с использованием искусственного интеллекта, человеком, что позволит принять взвешенное решение.

В этой связи стоит обратить внимание и на такой важный аспект, отмеченный в публикации С. В. Курегяна: при достижении наивысшей степени своего развития искусственный интеллект будет обладать возможностями, обеспечивающими его превосходство над человеческим, поэтому необходимо освободить его от отрицательных чувств и эмоций, присущих человеческому интеллекту [10. – С. 44].

Другими словами, масштабы и степень развития искусственного интеллекта должны быть ограничены правовыми и нравственно-этическими нормами жизни человеческого общества.

¹ URL: <https://habr.com/ru/post/404137/>

Изучением проблем потенциальных угроз, в частности юридического и этического характера, занимается ряд отечественных и зарубежных научных институтов. Среди них Российская академия наук, Институт будущего жизни (Бостон), Foresight Institute (Пало-Альто, Калифорния, США), Future of Humanity Institute (Оксфорд, Великобритания), Open AI (Сан-Франциско, Калифорния, США).

Как отмечалось выше, в современной цифровой экономике происходят активные процессы трансформации производительных сил и производственных отношений на основе достижений искусственного интеллекта. Цифровая экономика коренным образом отличается от индустриальной. В частности, К. Скиннер приводит в своей книге такое сравнение: «...в индустриальную эпоху правили фирмы-монолиты, в цифровую – компании-платформы... Компании индустриальной эпохи – это тяжеловесные физические активы; компании-платформы предоставляют открытые рынки. Вот почему в индустриальную эпоху в крупных компаниях для создания высокой стоимости работали сотни тысяч людей, а онлайн-платформы генерируют сопоставимую капитализацию, имея всего несколько тысяч сотрудников» [13. – С. 62].

В последние годы коренной трансформации подверглись процессы принятия управленческих решений. Сущность этого процесса можно охарактеризовать тезисом исследователей Э. Бриньольфссон и Э. Макафи из Массачусетского технологического института: «В течение следующего десятилетия искусственный интеллект не заменит руководителей, однако применяющие искусственный интеллект руководители вытеснят тех, кто этого не делает» [19].

Развитие искусственного интеллекта в мировом сообществе происходит неравномерно. Есть страны-лидеры (США, Япония, Корея, Китай), которые вкладывают в разработку систем ИИ крупные ассигнования и имеют большое количество патен-

тов. Крупнейшей мировой компанией в области применения ИИ является IBM, второе место занимает Microsoft. В число компаний-лидеров входят Toshiba, Samsung, NEC [1. – С. 5].

В России темпы развития ИИ не столь масштабны. Наиболее известными российскими компаниями, применяющими в своей деятельности достижения ИИ, являются Mail.Ru Group, «Яндекс», Сбербанк и некоторые другие.

Развитие систем искусственного интеллекта в России происходит с некоторыми трудностями. Д. В. Ходос и А. М. Воротынская в статье «Стратегическое управление искусственным интеллектом в российской экономике» представили сравнительную характеристику технических уровней системы искусственного интеллекта в России на период до 2030 г. [18].

Уровень развития искусственного интеллекта в России находится на первом уровне (таблица). Для перехода на следующие уровни необходимо решить проблемы научного и организационно-технического плана. Одной из них является отсутствие единого центра развития ИИ, обеспечивающего постановку проблем, которые необходимо решать в области искусственного интеллекта, координацию деятельности по созданию банка данных о полученных экспериментальных результатах, а также решению других проблем научного характера (например, организации междисциплинарных исследований).

К проблемам организационно-технического характера можно отнести также недостаточную техническую оснащенность, связанную с большой географической протяженностью российских территорий, необходимостью вложения крупных финансовых ассигнований и отсутствием подготовленных кадров.

Для решения вышеуказанных проблем в последние годы на государственном уровне принимаются законодательные акты, регулирующие деятельность по развитию искусственного интеллекта.

Сравнительная характеристика различных технических уровней искусственного интеллекта с социально-экономической точки зрения*

Порядок уровня	Техническая характеристика	Роль человеческого фактора	Примеры	Уровень текущего распространения	Эффективность
Первый (начальный) уровень	Самостоятельно не вступает во взаимодействие с внешней средой	Высокая, не только разработка, но и операционная деятельность ИИ	Специализированные компьютерные программы, направленные на обработку данных и формирование оптимальных моделей поведения субъекта управления в различных отраслях и сферах экономической деятельности	Высокий, активно используется в логистических сервисах, при формировании маркетинговой политики, реализации государственных электронных услуг и т. д.	Относительно низкая, значительные первоначальные капиталовложения при одновременном росте затрат на обслуживающий персонал и модернизацию созданных технологических продуктов
Второй (промежуточный) уровень)	Самостоятельно вступает во взаимодействие с внешней цифровой средой	Средняя, в большей степени связана с разработкой и контролем за деятельностью систем ИИ	Автоматизированные системы управления, полностью контролируемые управленческий процесс в той или иной функциональной области	Средний, в большей степени в условиях крупных международных и российских корпораций в связи с высокой стоимостью внедрения	Средняя в зависимости от объемов проводимых операций и масштаба деятельности компании
Третий уровень	Самостоятельно вступает во взаимодействие с внешней физической средой	Высокая, связана с разработкой и модернизацией систем ИИ	Роботизированная техника, искусственный интеллект, выполняет конкретные действия и операции, полностью заменяя человека	Низкий уровень из-за сложности создания и адаптации систем искусственного интеллекта к текущим бизнес-процессам	Высокая, связана с минимизацией затрат на человеческие ресурсы в процессе использования систем ИИ

* Источник: [18. – С. 95].

Основные направления развития искусственного интеллекта в России отражены в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», на основе которого утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. В данном документе отражены цели, задачи и направления развития искусственного интеллекта в российской

экономике. Стратегической целью является использование систем искусственного интеллекта во всех областях деятельности, что в свою очередь способствует активному развитию цифровой экономики. Однако повсеместное внедрение систем искусственного интеллекта во все области человеческой жизнедеятельности имеет определенные сложности и риски. По мнению А. И. Фалько, применение систем искусственного интеллекта будет обострять со-

циально-экономические противоречия в обществе (увеличение безработицы, проблемы распределения экономических и управленческих ресурсов) [15. – С. 283].

В недалеком будущем мировое сообщество столкнется с проблемами не только экономического, но и социально-управленческого плана, так как многие интеллектуальные системы будут обладать возможностями, в той или иной степени сопоставимыми и превосходящими уровень человеческого интеллекта. Данный тезис подтверждают исследователи И. С. Соколова и А. А. Гальдин. По их мнению, применение систем сильного искусственного интеллекта породит новые проблемы: «широкая проблематика эффективного применения искусственного интеллекта в

контексте шестого технонаучного уклада неизбежно окажется в фокусе междисциплинарных исследований» [14. – С. 75].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что современная экономика находится в стадии перехода к пятому технологическому укладу, что характеризуется активным применением технологий искусственного интеллекта, трансформацией производительных сил и производственных отношений. В то же время отмечается ряд опасностей и угроз, связанных с расширением возможностей применения искусственного интеллекта. Дальнейшее развитие Индустрии 5.0 будет способствовать изменению мировой экономики и появлению новых форм человеко-машинного взаимодействия.

Список литературы

1. Алферьев Д. А., Кремин А. Е. Развитие искусственного интеллекта в современной экономике // Human Progress. – 2020. – Т. 6. – Вып. 1.
2. Бабкин А. В., Федоров А. А., Либерман И. В., Клачек П. М. Индустрия 5.0: понятие, формирование и развитие // Экономика промышленности. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 375–395.
3. Баринов В. Р. Возможности применения программного обеспечения на основе ориентированно детерминированных графов для выявления манипуляций в финансово-экономической сфере в контексте ПОД/ФТ // Система ПОД/ФТ в глобальном мире: риски и угрозы мировой экономики : сборник тезисов докладов участников V Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ. – М., 2020. – С. 103–106.
4. Баринов В. Р. Методы обработки и хранения данных коннектома и когнайзера для формирования структуры ассоциативно-вербальной сети // XXXIV Международные Плехановские чтения : сборник статей аспирантов и молодых ученых. – М., 2021. – С. 165–170.
5. Баринов В. Р. Создание семантической сети как метод структуризации информации для дальнейшей обработки // XXXIII Международные Плехановские чтения : сборник статей аспирантов и молодых ученых. – М., 2020. – С. 108–115.
6. Баринов В. Р., Баринова Н. В. Использование инструментов искусственного интеллекта при разработке программного обеспечения в контексте ПОД/ФТ // Угрозы и риски финансовой безопасности в контексте цифровой трансформации : материалы VII Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ. – М., 2021. – С. 241–246.
7. Дятлов С. А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейросетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 2 (128). – С. 25–29.
8. Карпенко О. А., Левченко Л. В. Создание и функционирование искусственного интеллекта в современной экономике: проблемы и перспективы развития // Экономика.

Общество. Человек : материалы национальной научно-практической конференции с международным участием. – М., 2020. – С. 170–184.

9. Курдин А. А. Обзор перспектив внедрения искусственного интеллекта в практику управления предприятиями (по материалам научного семинара об исследованиях цифровой экономики экономического факультета МГУ) // Научные исследования экономического факультета : электронный журнал. – 2021. – Т. 13. – № 3 (41). – С. 57–66.

10. Курегян С. В. Электронная экономика, искусственный интеллект и экономическая теория // Экономическая наука сегодня. – 2019. – № 10. – С. 41–46.

11. Леонгард Г. Технологии против человека. – М. : АСТ, 2018.

12. Платонов В. В. Визуализация больших данных в экономических науках в условиях информационного общества // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 1831–1848.

13. Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019.

14. Соколова И. С., Гальдин А. А. Практическое применение искусственного интеллекта в условиях цифровой экономики // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2018. – № 2 (26). – С. 71–79.

15. Фалько А. И. Угрозы и возможности применения технологий искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации экономики // Экономика. Общество. Человек : материалы национальной научно-практической конференции с международным участием. – М., 2020. – С. 277–283.

16. Федоров А. А., Либерман И. В., Корягин С. И., Клачек П. М., Полупан К. Л. Основы создания технологии и инструментальной среды трансформации знаний и адаптивного управления «Индустрии 5.0» // Основы создания нейроцифровых экосистем. Гибридный вычислительный интеллект. – Калининград, 2021. – С. 182–207.

17. Филиппович Ю. Н., Барин В. Р. Поиск цепочек в ассоциативно-вербальных сетях // Сборник материалов XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности». 6–8 июня 2019 г. – М. : Канцлер, 2019. – С. 160–161.

18. Ходос Д. В., Воротынская А. М. Стратегическое управление искусственным интеллектом в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 1 (127). – С. 91–96.

19. Brynjolfsson E., McAfee A. The Business of Artificial Intelligence. – URL: <https://hbr.org/cover-story/2017/07/the-business-of-artificial-intelligence> (дата обращения: 02.02.2022).

20. Luellen E. An Updated Text Analytics Primer: Key Factors in a Text Analytics Strategy. Towards data science. – URL: <https://towardsdatascience.com/atext-analytics-primer-key-factors-in-a-text-analytics-strategy-d24dc84a5576> (дата обращения: 10.03.2022).

21. Magistretti S., Dell’Era C., Petruzzelli A. M. How Intelligent is Watson? Enabling Digital Transformation through Artificial Intelligence // Business Horizons. – 2019. – Vol. 62. – N 6. – P. 819–829.

References

1. Alferev D. A., Kremin A. E. Razvitie iskusstvennogo intellekta v sovremennoy ekonomike [The Development of Artificial Intelligence in the Modern Economy]. *Human Progress*, 2020, Vol. 6, Issue 1. (In Russ.).

2. Babkin A. V., Fedorov A. A., Liberman I. V., Klachek P. M. Industriya 5.0: ponyatie, formirovanie i razvitie [Industry 5.0: Concept, Formation and Development]. *Ekonomika promyshlennosti* [Industrial Economics], 2021, Vol. 14, No. 4, pp. 375–395. (In Russ.).

3. Barinov V. R. *Vozmozhnosti primeneniya programmnoy obespecheniya na osnove orientirovanno determinirovannykh grafov dlya vyyavleniya manipulyatsiy v finansovo-ekonomicheskoy sfere v kontekste POD/FT* [Possibilities of Using Software Based on Oriented Deterministic Graphs to Identify Manipulations in the Financial and Economic Sphere in the Context of AML/CFT]. *Sistema POD/FT v globalnom mire: riski i ugrozy mirovoy ekonomiki: sbornik tezisov dokladov uchastnikov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Mezhdunarodnogo setevogo instituta v sfere POD/FT* [AML/CFT System in the Global World: Risks and Threats to the Global Economy. Collection of abstracts of reports of participants of the V International Scientific and Practical Conference of the International Network Institute in the field of AML/FT]. Moscow, 2020, pp. 103–106. (In Russ.).

4. Barinov V. R. *Metody obrabotki i khraneniya dannykh konnektoma i kognayzera dlya formirovaniya struktury assotsiativno-verbalnoy seti* [Methods of Processing and Storing Connectome and Cognizer Data for the Formation of the Associative-Verbal Network Structure]. *XXXIV Mezhdunarodnye Plekhanovskie chteniya: sbornik statey aspirantov i molodykh uchenykh* [XXXIV International Plekhanov Readings. Collection of articles by graduate students and young scientists]. Moscow, 2021, pp. 165–170. (In Russ.).

5. Barinov V. R. *Sozdanie semanticheskoy seti kak metod strukturizatsii informatsii dlya dalneyshey obrabotki* [Creation of a Semantic Network as a Method of Structuring Information for Further Processing]. *XXXIII Mezhdunarodnye Plekhanovskie chteniya: sbornik statey aspirantov i molodykh uchenykh* [XXXIII International Plekhanov Readings. Collection of articles by graduate students and young scientists]. Moscow, 2020, pp. 108–115. (In Russ.).

6. Barinov V. R., Barinova N. V. *Ispolzovanie instrumentov iskusstvennogo intellekta pri razrabotke programmnoy obespecheniya v kontekste POD/FT* [The Use of Artificial Intelligence Tools in Software Development in the context of AML/CFT]. *Ugrozy i riski finansovoy bezopasnosti v kontekste tsifrovoy transformatsii: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Mezhdunarodnogo setevogo instituta v sfere POD/FT* [Threats and Risks of Financial Security in the Context of Digital Transformation. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference of the International Network Institute in the Field of AML/FT]. Moscow, 2021, pp. 241–246. (In Russ.).

7. Dyatlov S. A. *Iskusstvennyy intellekt kak institut razvitiya tsifrovoy neyrosetevoy ekonomiki* [Artificial Intelligence as an Institute for the Development of Digital Neuro-Network Economy]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Saint Petersburg State University of Economics], 2021, No. 2 (128), pp. 25–29. (In Russ.).

8. Karpenko O. A., Levchenko L. V. *Sozdanie i funktsionirovanie iskusstvennogo intellekta v sovremennoy ekonomike: problemy i perspektivy razvitiya* [Creation and Functioning of Artificial Intelligence in the Modern Economy: Problems and Prospects of Development]. *Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek: materialy natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Economics. Society. Human. Materials of the National Scientific and Practical Conference with International Participation]. Moscow, 2020, pp. 170–184. (In Russ.).

9. Kurdin A. A. *Obzor perspektiv vnedreniya iskusstvennogo intellekta v praktiku upravleniya predpriyatiyami (po materialam nauchnogo seminara ob issledovaniyakh tsifrovoy ekonomiki ekonomicheskogo fakulteta MGU)* [Overview of the Prospects for the Introduction of Artificial Intelligence into the Practice of Enterprise Management (based on the materials of a scientific seminar on digital economy research at the Faculty of Economics of Moscow State University)]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakulteta: elektronnyy zhurnal*

[Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic magazine], 2021, Vol. 13, No. 3 (41), pp. 57–66. (In Russ.).

10. Kuregyan S. V. Elektronnaya ekonomika, iskusstvennyy intellekt i ekonomicheskaya teoriya [Electronic Economy, Artificial Intelligence and Economic Theory]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya* [Economic Science Today], 2019, No. 10, pp. 41–46. (In Russ.).

11. Leongard G. Tekhnologii protiv cheloveka [Technologies Against Man]. Moscow, AST, 2018. (In Russ.).

12. Platonov V. V. Vizualizatsiya bolshikh dannykh v ekonomicheskikh naukakh v usloviyakh informatsionnogo obshchestva [Visualization of big data in Economic Sciences in the Information Society]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of Innovative Economy], 2020, Vol. 10, No. 4, pp. 1831–1848. (In Russ.).

13. Skinner K. Chelovek tsifrovoy. Chetvertaya revolyutsiya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo [Digital Man. The Fourth Revolution in the History of Mankind, Which will Affect Everyone]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2019. (In Russ.).

14. Sokolova I. S., Galdin A. A. Prakticheskoe primeneniye iskusstvennogo intellekta v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Practical Application of Artificial Intelligence in the Digital Economy]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society], 2018, No. 2 (26), pp. 71–79. (In Russ.).

15. Falko A. I. Ugrozy i vozmozhnosti primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v usloviyakh tsifrovoy transformatsii ekonomiki [Threats and Possibilities of Using Artificial Intelligence Technologies in the Conditions of Digital Transformation of the Economy]. *Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek: materialy natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Economics. Society. Human. Materials of the National Scientific and Practical Conference with International Participation]. Moscow, 2020, pp. 277–283. (In Russ.).

16. Fedorov A. A., Liberman I. V., Koryagin S. I., Klachek P. M., Polupan K. L. Osnovy sozdaniya tekhnologii i instrumentalnoy sredy transformatsii znaniy i adaptivnogo upravleniya «Industrii 5.0» [Fundamentals of Technology Creation and Instrumental Environment of Knowledge Transformation and Adaptive Management "Industry 5.0"]. *Osnovy sozdaniya neyro-tsifrovyykh ekosistem. Gibridnyy vychislitelnyy intellekt* [The Basics of Creating Neuro-Digital Ecosystems. Hybrid Computational Intelligence]. Kaliningrad, 2021, pp. 182–207. (In Russ.).

17. Filippovich Yu. N., Barinov V. R. Poisk tsepochek v assotsiativno-verbalnykh setyakh [Search for Chains in Associative-Verbal Networks]. *Sbornik materialov XIX Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii «Teoriya rechevoy deyatel'nosti: vyzovy sovreemennosti». 6–8 iyunya 2019 g.* [Collection of materials of the XIX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory "Theory of Speech Activity: Challenges of Modernity". June 6–8, 2019]. Moscow, Kantsler, 2019, pp. 160–161. (In Russ.).

18. Khodos D. V., Vorotynskaya A. M. Strategicheskoe upravleniye iskusstvennym intellektom v rossiyskoy ekonomike [Strategic Management of Artificial Intelligence in the Russian Economy]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Saint Petersburg State University of Economics], 2021, No. 1 (127), pp. 91–96. (In Russ.).

19. Brynjolfsson E., McAfee A. The Business of Artificial Intelligence. Available at: <https://hbr.org/cover-story/2017/07/the-business-of-artificial-intelligence> (accessed 02.02.2022).

20. Luellen E. An Updated Text Analytics Primer: Key Factors in a Text Analytics Strategy. Towards data science. Available at: <https://towardsdatascience.com/atext-analytics-primer-key-factors-in-a-text-analytics-strategy-d24dc84a5576> (accessed 10.03.2022).

21. Magistretti S., Dell’Era C., Petruzzelli A. M. How Intelligent is Watson? Enabling Digital Transformation through Artificial Intelligence. *Business Horizons*, 2019, Vol. 62, No. 6, pp. 819–829.

Сведения об авторах

Наталья Владимировна Барина

кандидат экономических наук,
главный специалист отдела научных мероприятий и защиты интеллектуальной собственности РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: barinova23@mail.ru

Владимир Романович Барин

аспирант кафедры инфокогнитивных технологий Московского Политеха.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», 105094, Москва, Большая Семеновская ул., д. 38.
E-mail: inarael@yandex.ru

Information about the authors

Natalya V. Barinova

PhD, Chief Expert of the Department of Academic Events and Intellectual Property Protection of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: barinova23@mail.ru

Vladimir R. Barinov

Post-Graduate Student of the Department for Infocognitive Technologies of the Moscow Poly.
Address: Moscow Polytechnic University, 38 B. Semenovskaya Str., Moscow, 105094, Russian Federation.
E-mail: inarael@yandex.ru

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОКРАЩЕНИЕ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ: МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

В. В. Брижанин, Р. В. Филиппова, Е. В. Сударикова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

М. Д. Судариков

Стартап SILI ecoengineering, Московская область, Мытищи, Россия

Проблема роста выбросов парниковых газов в атмосферу является одним из основных вызовов текущего столетия. Негативные последствия изменения климата требуют от мирового сообщества гармонизации задач охраны климата и деятельности человека. В статье приведено обоснование необходимости сокращения выбросов парниковых газов и показаны возможности России в этой области. Авторами рассмотрены и проанализированы законодательные инициативы и экономические инструменты низкоуглеродного развития России. Представлены выводы о рисках для устойчивого развития национальной экономики, если климатическая повестка будет игнорироваться. Показано, что введение обязательной отчетности по парниковым газам и стремление бизнеса соответствовать стандартам развития в трех категориях ESG-оценки (социальной, управленческой и экологической) будут напрямую влиять на развитие экоиноваций, зеленых технологий и стимулировать отечественные организации внедрять данные новшества. Авторами предложено технологическое решение по системной активизации поиска, разработки и внедрения экоиноваций по снижению парниковых газов в деятельность отечественной промышленности. Предложенный цифровой сервис по созданию и внедрению научно-технических проектов и экологических технологий позволит предприятиям не только сократить плату за квоты парниковых газов, но и в перспективе увеличить выручку от коммерческой деятельности. Сделаны выводы, что в России созданы необходимые условия для разработки и внедрения в промышленность технологических решений, которые обладают положительными социо-эколого-экономическими эффектами для развития предприятий и снижения выбросов парниковых газов.

Ключевые слова: климат, устойчивое развитие, ESG, экология, инвентаризация выбросов, контроль выбросов, экоиновации.

RUSSIAN FEDERATION CONTRIBUTION TO CUTTING GREENHOUSE GAS EMISSIONS: REGULATING MECHANISMS AND ADVANCED TECHNOLOGICAL SOLUTION OF THEIR IMPLEMENTATION

Vladimir V. Brizhanin, Rimma V. Filippova, Elena V. Sudarikova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Mikhail D. Sudarikov

SILI ecoengineering startup, Moscow region, Mytishchi, Russia

The issue of growth in greenhouse emissions to the atmosphere is the most principle challenge of our century. Adverse after-effects of climate change require harmonization of global tasks dealing with climate protection and

human activity. The article grounds the necessity to cut greenhouse gas emissions and shows our possibilities in this field. The authors study and analyze legislative initiatives and economic tools of the low-carbon development in Russia. The article shows risks for sustainable development of national economy, which are feasible in case climate agenda is ignored. It was proved that introduction of obligatory reporting on greenhouse emissions and business urge towards standards in three categories ESG – assessment (social, managerial and ecological) can directly impact eco-innovation development, green technologies and motivate home organizations to introduce such innovation. The authors put forward a technological solution on system intensification of search, working-out and introduction of eco-innovation aimed at lowering the amount of greenhouse emissions to home industry. The proposed digital service on devising and introducing scientific and technological projects and ecological technologies could cut enterprises' pay for greenhouse gas quotas and later increase proceeds of commercial work. Finally, conclusions were made that in Russia necessary conditions were created for development and introduction into industry technological solutions, which possess positive social, ecological and economic effects for enterprise upgrading and cutting greenhouse gas emissions.

Keywords: climate, sustainable development, ESG, ecology, emission inventory, emission monitoring, eco-innovation.

Глобальные экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, изменение климата, стихийные бедствия, техногенные катастрофы) значительно влияют на состояние окружающей среды и качество жизни людей. Согласно данным Всемирного банка, по состоянию на апрель 2021 г. целенаправленными мерами регулирования охвачен только 21% мировых эмиссий парниковых газов. Наиболее распространенными механизмами регулирования являются системы квотирования выбросов парниковых газов и системы углеродных налогов и сборов на национальном и региональном уровнях¹.

В статистических отчетах BP Statistical Review of World Energy ежегодно представляются актуальные данные по объемам выбросов CO₂ в страновом разрезе. В частности, совокупный объем выбросов углекислого газа в мире в 2019 г. достиг 34,2 млрд тонн, увеличившись на 1,1%. Самый весомый вклад в увеличение объема выбросов внесли развивающиеся экономики (+2,4%), в то время как страны Европейского союза и Великобритания сократили

выбросы на 3,9%. Крупнейшими эмитентами выбросов парниковых газов в мире являются Китай (первое место – 28,8%), США (второе место – 14,5%), Европейский союз (третье место – 9,7%), Индия (четвертое место – 7,3%), Россия (пятое место – 4,5%) и Япония (шестое место – 3,3%). На долю стран ОЭСР (за исключением США и Японии) в 2019 г. приходилось 17,3% выбросов, а на развивающиеся страны (за исключением Китая, Индии и России) – 24,3% [7].

Соответственно, в международной климатической политике Россия является одним из ключевых участников со всеми вытекающими обязательствами, возможностями и рисками по регулированию выбросов парниковых газов.

С целью исполнения принятых международных обязательств в части изменения климата Россия на регулярной основе обновляет, публикует и представляет Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) через секретариат РКИК ООН национальный кадастр антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями всех парниковых газов, разрабатывает и активно внедряет правовые и экономические механизмы по их снижению². Подготовка климатической отчетности ведется в соответствии с правилами РКИК ООН и

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». – URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf>; Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году». – URL: <https://2020.ecology-gosdoklad.ru/api/media/file/d3005e7015da96594907894c110510956a5a7dff.pdf>

² См.: Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. – URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_октябрь_web.pdf

методологиями Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Представление национальной отчетности является обязательным требованием климатических соглашений, так как по ней определяется степень выполнения принятых обязательств по защите климата и адаптации к его изменениям.

В 2019 г. объем выбросов углекислого газа в России составлял 1,5 млрд тонн. По данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей

среды, темпы роста концентрации CO₂, снизившиеся в 2020 г. в результате введения ограничений, связанных с пандемией COVID-19, восстановились в 2021 г. и продолжают расти. Ключевую роль в совокупном выбросе продолжают играть выбросы энергетического сектора. Уменьшился вклад сельского хозяйства, но при этом постоянный рост демонстрируют выбросы, связанные с отходами производства и потребления (таблица).

Тенденции выбросов парниковых газов в Российской Федерации по парниковым газам*
(млн. т CO₂-эквивалента)

Сектор	Выбросы					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Энергетика	1 616,5	1 612,3	1 629,6	1 679,2	1 667,7	1 597,7
Промышленная деятельность	218,6	218,3	232,6	243,3	237,4	241,7
Сельское хозяйство	108,6	112,5	113,1	112,8	114,2	116,6
Землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство (ЗИЗЛХ)	-589,0	-608,9	-603,3	-586,7	-534,8	-569,2
Отходы	92,1	94,1	96,2	98,2	100,2	95,4
Всего без учета ЗИЗЛХ	2 035,9	2 037,2	2 071,5	2 133,6	2 119,4	2 051,4
Всего с учетом ЗИЗЛХ	1 446,9	1 428,3	1 468,2	1 546,9	1 584,6	1 482,2

* Составлено по: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». – URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf>; Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2021 год. – URL: http://downloads.igce.ru/reports/Doklad_o_klimate_RF_2021sZamechIsPol_VSTUPITELNOE_slovo.pdf (дата обращения: 18.08.2022).

Примечание. Значения приведены с округлениями. Знак минус соответствует абсорбции (поглощению) парниковых газов из атмосферы.

С целью достижения основных положений Парижского соглашения, которое было ратифицировано Россией 21 сентября 2019 г., реализуется национальный проект «Экология» и входящие в его состав федеральные проекты «Чистый воздух» и «Наилучшие доступные технологии», которые направлены на сокращение выбросов парниковых газов и внедрение эффективных зеленых технологий с минимальным углеродным следом и ущербом для окружающей среды.

Быстрыми темпами разрабатывается и утверждается целый ряд нормативных правовых актов для дальнейшего развития механизма квотирования выбросов.

В 2020 г. Российская Федерация заявила о целевом показателе ограничения выбро-

сов парниковых газов до 70 %к 2030 г. относительно уровня 1990 г. с учетом поглощающей способности лесов и иных национальных экосистем. На 2030 г. предельный для всей России показатель выбросов парниковых газов оценивается в 2,212 млрд тонн эквивалента углекислого газа (CO₂-эквивалента). Предельная масса нетто-выбросов – 1,673 млрд тонн CO₂-эквивалента (54% относительно 1990 г.)¹.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р утверждена стратегия социально-экономического развития Российской Фе-

¹ URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_октябрь_web.pdf; https://www.meteorf.gov.ru/upload/pdf_download/NIR-2017_v1_fin.pdf; <https://www.interfax.ru/russia/855520>

дерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года.

30 декабря 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», призванный создать условия для устойчивого и сбалансированного развития экономики России при снижении уровня выбросов парниковых газов. Указанный закон определяет основы правового регулирования отношений в сфере хозяйственной и иной деятельности, которая сопровождается выбросами парниковых газов и осуществляется на территории Российской Федерации.

В рамках Федерального закона:

- создана система государственной отчетности, проверки и верификации данных о выбросах парниковых газов организаций разных форм собственности;
- произведена увязка системы отчетности с общеэкономическими и отраслевыми целевыми показателями снижения выбросов парниковых газов;
- сформированы условия для получения и свободного обращения внутри страны единиц сокращения выбросов парниковых газов.

Указанный закон вводит обязательную отчетность для ряда российских компаний о выбросах парниковых газов, создает контуры национальной системы торговли углеродными выбросами, но не предполагает штрафов и не прописывает целевые показатели сокращения выбросов, поэтому Минэкономразвития России вслед за принятым законом разработало целевые показатели снижения парниковых выбросов к 2030 г. в CO₂-эквиваленте для регулируемых организаций¹ и предложило ежегодно оценивать их достижение. Показатели устанавливаются на пятилетний период для семи секторов экономики: энергетики,

¹ Регулируемые организации – юридические лица и индивидуальные предприниматели, хозяйственная и иная деятельность которых сопровождается выбросами парниковых газов, масса которых эквивалентна 150 и более тыс. тонн CO₂ в год до 1 января 2024 г. или 50 и более тыс. тонн CO₂ в год за период с 1 января 2024 г.

промпроизводства, транспорта, сферы обращения с отходами производства и потребления, строительства и ЖКХ, лесного хозяйства, сельского хозяйства.

Оценка достижения целевых значений будет проводиться профильными федеральными министерствами. Соответствующие отчеты Минэкономразвития будут ждать от ведомств до 1 июня года, следующего за отчетным годом. Отчеты федеральных органов исполнительной власти должны содержать данные об объемах выбросов парниковых газов в указанных секторах экономики, информацию о влияющих на них страновых госпрограммах и ключевых рисках, а также о действиях, направленных на достижение отраслевых показателей. В отчеты должны также быть внесены предложения по дополнительным мерам государственной политики и прогнозы по выбросам. По общеэкономическому показателю снижения выбросов CO₂ планируется отчитываться Минэкономразвития России ежегодно. При этом регулируемые организации ежегодно обязаны предоставлять отчеты о выбросах парниковых газов в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в срок до 1 июля года, следующего за отчетным, в установленном порядке и форме.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2022 г. № 449 утверждены Правила оценки достижения целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов и внесены изменения в Положение о Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2022 г. № 707 утверждены Правила представления и проверки отчетов о выбросах парниковых газов, формы отчета о выбросах парниковых газов, Правила создания и ведения реестра выбросов парниковых газов.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 790 утверждены Правила создания и ведения реестра углеродных единиц, а также про-

ведения операций с углеродными единицами¹ в реестре углеродных единиц.

Реестр является информационной системой, в которой регистрируются климатические проекты² и ведется учет углеродных единиц и операций с углеродными единицами, предусмотренных законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации.

Субъекты Российской Федерации и ведущие российские компании должны использовать указанные нормативные правовые документы при разработке и принятии корпоративных программ снижения выбросов и повышения энергетической эффективности.

Начиная с 1 января 2023 г. регулируемые организации, работа которых сопровождается значительными объемами выбросов парниковых газов, должны будут представить соответствующие отчеты. Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 г. № 2979-р, государственному учету на территории России подлежат двуокись углерода (CO₂), метан (CH₄), закись азота (N₂O), гидрофторуглероды, перфторуглероды, гексафторид серы (SF₆), трифторид азота (NF₃). При этом установление ежегодных квот допустимых выбросов парниковых газов для региональных регулируемых организаций происходит с учетом баланса фактических выбросов и поглощений парниковых газов и планируемых темпов их сокращений. Для выполнения квот региональные регулируемые организации могут использовать принадлежащие им углеродные единицы и единицы выполнения квоты (если эти единицы учтены в реестре углеродных единиц).

¹ Углеродная единица – верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа.

² Климатический проект – комплекс мероприятий, обеспечивающих сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение поглощения парниковых газов.

Если лимит квоты превышен, то законопроектом предусмотрена платность выбросов парниковых газов. Примечательно, что регулируемые организации самостоятельно вычисляют размер платы путем умножения величины выбросов парниковых газов сверх квоты с учетом зачета углеродных единиц (единиц выполнения квоты) на соответствующую ставку указанной платы. Ставки платы за превышение квоты устанавливаются Правительством Российской Федерации. Просрочка оплаты влечет уплату процентов в размере 1/300 ключевой ставки Банка России, действующей на день уплаты пеней, но не более чем в размере двух десятых процента за каждый день просрочки.

Таким образом, до конца 2022 г. у российских предприятий еще есть возможность оценить для себя выгоды и риски от введения системы учета выброса парниковых газов и откорректировать свою хозяйственную деятельность соответствующим образом.

Следовательно, независимо от пожеланий российские компании будут следовать ESG-принципам и мировому тренду на ответственность, экологичность и устойчивое развитие коммерческой деятельности.

Введение обязательной отчетности по парниковым газам и стремление бизнеса соответствовать стандартам развития в трех категориях ESG-оценки (социальной, управленческой и экологической) будут напрямую влиять на развитие экоиноваций, зеленых технологий и стимулировать отечественные организации внедрять данные новшества. Это и использование альтернативных источников энергии, и ограничение строительства электростанций, работающих на газе или угле, и переход на низкоуглеродные транспортные средства, и т. д. Данные тенденции положительно отразятся на развитии национальной экономики, ВВП, повышении энергоэффективности и структуре топливного баланса страны.

Переход на низкоэмиссионное развитие ставит перед всеми отраслями экономики

страны задачу актуализации параметров и получения точных исходных данных для обеспечения качественных и достоверных национальных инвентаризаций парниковых газов. Со стороны государственного регулирования ожидается включение новых методик расчета, обеспечивающих полноту и охват антропогенной деятельности, приводящей к выбросам парниковых газов.

8 февраля 2021 г. в России вступил в действие Указ Президента Российской Федерации № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений». В целях реализации данного Указа 8 февраля 2022 г. была утверждена Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития Российской Федерации (далее – НТП), предусматривающая создание наукоемких технологических решений, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов.

На реализацию НТП предусмотрено финансирование в размере 30 млрд рублей до 2030 г. начиная с 2021 г. Объем финансирования реализации НТП за период 2021–2024 гг. представлен на рисунке [5].

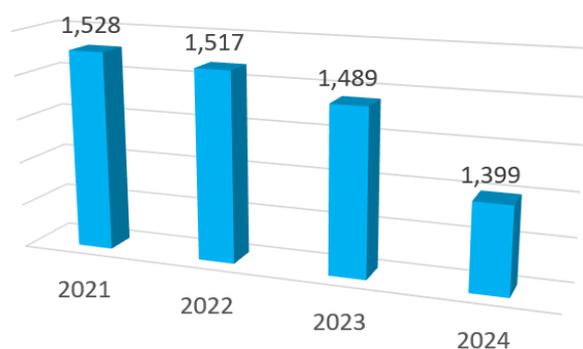

Рис. Объем финансирования реализации НТП на период 2021–2024 гг. (в млн руб.)

Минэкономразвития России на регулярной основе проводит оценки перспек-

тив роста зеленых облигаций. В частности, в 2021 г. размер облигаций составлял 23 млрд рублей; в марте 2022 г. отмечен рост до 135 млрд рублей, а к 2030 г. прогнозируется рост до 3,3 трлн рублей, что превосходит начальную сумму в 30 раз [3].

Для привлечения участников к реализации климатических проектов в 2021 г. был разработан пакет льгот, который включает:

- отмену НДС на доходы от реализации работ и услуг в климатических проектах, а также с продажи углеродных единиц;
- освобождение физических лиц и индивидуальных предпринимателей, занятых в выпуске и торговле углеродными единицами, от НДФЛ [2].

В соответствии с утвержденным Федеральным законом от 3 марта 2022 г. № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» на территории Сахалинской области с 1 сентября 2022 г. по 31 декабря 2028 г. проводится первый в России эксперимент по достижению углеродной нейтральности целого региона.

В 2021 г. была проведена инвентаризация парниковых газов в регионе: выбросы составили 12,3 млн тонн CO₂-эквивалента, поглощение – 11,1 млн тонн CO₂-эквивалента. Соответственно, объем, который требуется сократить для достижения углеродной нейтральности, составляет около 10%, или 1,2 млн тонн CO₂-эквивалента [1].

Более 75% региональных эмиссий образуются в результате деятельности порядка 100 предприятий, 4 из которых имеют ежегодные выбросы свыше 1 млн тонн CO₂-эквивалента¹.

Для решения поставленной задачи и в целях тиражирования данного опыта на другие регионы 17 июня 2022 г. в рамках

¹ См.: Климатическая программа Сахалинской области на период до 2025 года. – URL: https://ecology.sakhalin.gov.ru/fileadmin/user_upload/klimaticheskaja_programma_A4_final_4_5_.pdf (дата обращения: 20.08.2022).

Петербургского международного экономического форума Правительство Сахалинской области заключило трехстороннее соглашение с АО «Газпромбанк» и Российским экономическим университетом имени Г. В. Плеханова» [6]. На базе научно-исследовательского института «Низкоуглеродная экономика» РЭУ им. Г. В. Плеханова создан орган валидации и верификации парниковых газов (ОВиВПГ).

Одна из задач деятельности ОВиВПГ заключается в создании цифрового сервиса для предприятий по улучшению предоставляемой на валидацию и/или верификацию нефинансовой отчетности, включающего в себя создание и внедрение новых технологий, экоинноваций по снижению парниковых газов. Под экоинновациями авторы подразумевают коммерчески выгодные бизнес-идеи, проекты, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по экологической тематике, полученные в том числе путем экологизации проектов из различных сфер деятельности и дополняющие утвержденный перечень наилучших доступных технологий.

Основная функция сервиса – оказание помощи предприятиям не только снизить выбросы CO₂, но и увеличить выручку их деятельности за счет внедрения новых экологических технологий, экоинноваций. Для этого необходим цифровой сервис – база данных новых экологических проектов, технологий, экоинноваций, которая содержит в себе технические проекты в области экологии.

Указанный подход позволит систематизировать и автоматизировать проведение научно-технической деятельности в области климата и снижения выбросов парниковых газов, а в дальнейшем и процесс управления выбросами. ОВиВПГ РЭУ им. Г. В. Плеханова ставит перед собой задачу создания такого цифрового сервиса для предприятий, который поможет им улучшить предоставляемую на валидацию и/или верификацию нефинансовую отчетность.

Также цифровой сервис поможет предприятиям за счет создания и внедрения научно-технических проектов, экологических технологий, экоинноваций не только сократить плату за квоты парниковых газов, но и в перспективе увеличить выручку от своей деятельности.

В заключение следует отметить, что концентрация углекислого газа в атмосфере Земли неуклонно растет, и это отражается на изменении климата. Согласно данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), изменение климата в России следует охарактеризовать как продолжающееся потепление со скоростью, более чем в два с половиной раза превышающей среднюю скорость глобального потепления. Это еще раз подтверждает значимость вклада нашей страны в общую эмиссию парниковых газов, что следует учитывать при дальнейшей разработке мер, направленных на решение национальных климатических проблем.

Экология в современных реалиях и долгосрочной перспективе – это практический и научно-технический фундамент для начала разумной деятельности человека на Земле, т. е. такой деятельности, когда происходит не только сокращение негативного воздействия на окружающую среду, но и устранение накопившегося ущерба, так как игнорирование глобальной климатической повестки создаст риски для устойчивого развития национальной экономики. Такой принцип заложен в концепции устойчивого развития, в основе которой лежит достижение баланса между деятельностью людей и законами природы путем смены потребительского отношения к природе. Устойчивое развитие – это ключевой фактор формирования современного, открытого, безопасного и жизнестойкого городского пространства, стимулирующего позитивные социально-экономические и экологические перемены в жизни общества.

Список литературы

1. *Абрамченко В.* Эксперимент по квотированию выбросов на Сахалине запустит оборот углеродных единиц. – URL: <http://government.ru/news/44578/> (дата обращения: 23.08.2022).
2. *Бойко А.* Правительство предложило ввести налоговые льготы для климатических проектов. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/06/885466-minekonomrazvitiya-nalogovie> (дата обращения: 23.08.2022).
3. *Дуэль А.* Российские компании откладывают «зеленые» проекты и облигации. – URL: <https://rg.ru/2022/03/22/rossijskie-kompanii-otkladyvaiut-zelenye-proekty-i-obligacii.html> (дата обращения: 22.08.2022).
4. *Лабанок А.* Импортзамещение в условиях санкций. В Москве прошла научная конференция. – URL: https://aif.ru/society/ecology/importozameshchenie_v_usloviyah_sankciy_v_moskve_proshla_nauchnaya_konferenciya (дата обращения: 21.08.2022).
5. Минэкономразвития определило целевые показатели снижения парниковых выбросов к 2030 году. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/855520> (дата обращения: 16.08.2022).
6. Сахалин подписал на ПМЭФ соглашение по развитию низкоуглеродной экономики. – URL: <https://ria.ru/20220617/sakhalin-1795975151.html> (дата обращения: 21.08.2022).
7. The Statistical Review of World Energy 2020. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

References

1. Abramchenko V. Eksperiment po kvotirovaniyu vybrosov na Sakhaline zapustit oborot uglerodnykh edinit [The Experiment on Quotas of Emissions on Sakhalin will Launch the Turnover of Carbon Units]. (In Russ.). Available at: <http://government.ru/news/44578/> (accessed 23.08.2022).
2. Boyko A. Pravitelstvo predlozhilo vvesti nalogovye lgoty dlya klimaticheskikh proektov [The Government has Proposed to Introduce Tax Incentives for Climate Projects]. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/06/885466-minekonomrazvitiya-nalogovie> (accessed 23.08.2022).
3. Duel A. Rossiyskie kompanii otkladyvayut «zelenye» proekty i obligatsii [Russian Companies Postpone "Green" Projects and Bonds]. (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/2022/03/22/rossijskie-kompanii-otkladyvaiut-zelenye-proekty-i-obligacii.html> (accessed 22.08.2022).
4. Labanok A. Importozameshchenie v usloviyakh sanktsiy. V Moskve proshla nauchnaya konferentsiya [Import Substitution under Sanctions. A Scientific Conference was Held in Moscow]. (In Russ.). Available at: https://aif.ru/society/ecology/importozameshchenie_v_usloviyah_sankciy_v_moskve_proshla_nauchnaya_konferenciya (accessed 21.08.2022).
5. Minekonomrazvitiya opredelilo tselevye pokazateli snizheniya parnikovyykh vybrosov k 2030 godu [The Ministry of Economic Development has Set Targets for Reducing Greenhouse Emissions by 2030]. (In Russ.). Available at: <https://www.interfax.ru/russia/855520> (accessed 16.08.2022).
6. Sakhalin podpisal na PMEF soglasenie po razvitiyu nizkouglerodnoy ekonomiki [Sakhalin Signed an Agreement on the Development of a Low-Carbon Economy at the SPIEF].

(In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20220617/sakhalin-1795975151.html> (accessed 21.08.2022).

7. The Statistical Review of World Energy 2020. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed 23.08.2022).

Сведения об авторах

Владимир Владимирович Брижанин

кандидат юридических наук,
директор, руководитель органа по валидации
и верификации парниковых газов
НИИ «Низкоуглеродная экономика»
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: brizhaninvv@gmail.com

Римма Владимировна Филиппова

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник – эксперт
органа по валидации и верификации
парниковых газов НИИ «Низкоуглеродная
экономика» РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Rimma-filippova@yandex.ru

Елена Валерьевна Сударикова

кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник – эксперт
органа по валидации и верификации
парниковых газов НИИ «Низкоуглеродная
экономика» РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: evs023@mail.ru

Михаил Дмитриевич Судариков

основатель и руководитель стартапа
SILI ecoengineering.
Адрес: стартап SILI ecoengineering,
141001, Московская область, Мытищи,
ул. Железнодорожная, д. 52-24.
E-mail: info@silify.ru

Information about the authors

Vladimir V. Brizhanin

PhD, Director, Head of the Greenhouse Gas
Validation and Verification Department
of the Research Institute
of "Low-Carbon Economy" of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: brizhaninvv@gmail.com

Rimma V. Filippova

PhD, Leading Researcher of the Greenhouse Gas
Validation and Verification Department
of the Research Institute
of "Low-Carbon Economy" of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: Rimma-filippova@yandex.ru

Elena V. Sudarikova

PhD, Leading Researcher of the Greenhouse Gas
Validation and Verification Department
of the Research Institute
of "Low-Carbon Economy" of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, плехано,
Russian Federation.
E-mail: evs023@mail.ru

Mikhail D. Sudarikov

Founder and Head of SILI ecoengineering
startup.
Address: SILI ecoengineering startup,
52-24 Zheleznodorozhnaya Str., Mytishchi,
Moscow region, 141001, Russian Federation.
E-mail: info@silify.ru

РОССИЯ РАСПРАВИЛА КРЫЛЬЯ. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СИСТЕМНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

В. И. Карпунин

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Национальный Фонд Управления Активами,
Москва, Россия

Т. С. Новашина

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Национальный Фонд Управления Активами,
Москва, Россия

В статье раскрываются особенности современного этапа развертывания глобального системного противоречия «кредиторы – должники». Показан генезис его острой фазы в контексте многообразия форм проявления тотальной гибридной, информационной войны, задолго спроектированной, тщательно подготовленной, массированно развязанной против России заморскими и заокеанскими англосаксонскими политическими элитами. Рассмотрены технологии современной информационной войны, применяемые инструменты циничного манипулирования общественным сознанием населения собственных стран с целью получения массовой поддержки согражданами любых принимаемых в дальнейшем правительствами этих стран решений. Массированный информационный поток призван сформировать «дымовую завесу», скрывающую истинные мотивы и намерения архитекторов глобального доминирования. Преднамеренно сформированная лож направлена на дискредитацию в глазах мировой общественности заранее выбранного объекта. Объект – это назначенный институциональный враг. Объект, который является преградой в силу факта своего естественного существования, категорически неприемлем англосаксонским элитам в реализации своих истинных интересов и помыслов, поскольку мешает воплощению новой идеи – глобальному доминированию, возведенному британской политической элитой в ранг стратегического императива этого безусловного, настоятельного требования. Стратегический императив – это не фигура речи. Это официальная доктрина, озвученная в особо торжественной, светской обстановке главой МИД Великобритании в лондонском Сити. Безусловное требование, составляющее суть стратегического императива, возникло, созревало и продвигалось всеми доступными способами. Это требование составляет сегодня суть проявления интересов англосаксонских элит, суть любых форм низвержения врага в процессе развертывания глобального системного социально-экономического противоречия «кредиторы – должники». Сегодня противостояние интересов социальных групп, образующих полюса этого противоречия, перешло в фазу глобального системного противостояния современной эпохи и достигло своего апогея. Чтобы достичь желанной цели стратегического императива для нас всех, Лондон намерен придерживаться нового подхода в международных отношениях, который будет основываться на трех сферах – военной силе, экономической безопасности и более продвинутых глобальных альянсах. Стратегия британской политической элиты определена и публично озвучена. Институциональным врагам брошен открытый, беспрецедентный по целям и задействованным ресурсам вызов. Вызов Россия приняла. Перед Россией стоит множество наисерьезнейших задач, которые предстоит безусловно решить.

Ключевые слова: англосаксонская элита, безусловное требование, гибридная война, деньги, информационная война, категорический императив, первоочередная задача России, первостепенная задача России, политическая элита, социально-экономическое противоречие, стратегический императив, хозяева денег.

RUSSIA HAS SPREAD ITS WINGS. PHENOMENOLOGY OF OUR ERA GLOBAL SYSTEMATIC CONTRADICTION DEVELOPMENT

Vyacheslav I. Karpunin

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation,
National Asset Management Fund,
Moscow, Russia

Tatyana S. Novashina

Moscow University for Industry and Finance «Synergy»,
National Asset Management Fund,
Moscow, Russia

The article reveals specific features of the present day stage in the global systematic contradiction 'creditors – debtors' development. The origin of its critical stage was depicted in the context of form variety in the total hybrid, informational war that was projected well in advance, thoroughly worked-out and unleashed in a mass way against Russia by overseas and over-oceans Anglo-Saxon political elites. Technologies of the present day informational wars were studied and tools of cynical manipulation of public opinion of people in their own countries used to obtain a mass support of any decisions made by their governments were described. The massive information flow is meant to form a smoke-screen, which could hide real goals and intentions of architects of global domination. Deliberately formulated lies aim at discrediting a previously chosen object in eyes of the global public. This object is a nominated institutional enemy. This object forms a barrier due to its natural being and it is absolutely unacceptable for a new idea, i.e. global dominating exalted by British political elite to the strategic imperative of this implicit, pressing demand. Strategic imperative has a direct meaning, it is an official doctrine presented in a solemn, high-society atmosphere by the head of the Ministry of Foreign Affairs of Great Britain in the London City. The implicit demand, forming the essence of strategic imperative arose, grew and was promoted by all possible ways. This demand makes today the essence of Anglo-Saxon elites' interests, the essence of any form of overthrowing the enemy in the process of developing the global systematic social-economic antagonism 'creditors-debtors'. Today contradiction of interests of social groups forming poles of this antagonism passed over to the stage of global systematic antagonism of our era and has reached its climax. To attain the longed-for goal of strategic imperative for all of us London is going to stick to a new approach in international relations, which will be based on three spheres: military force, economic security and more advanced global alliances. Strategy of British political elite was defined and declared in public. An open, unprecedented by its aims and attracted resources challenge was thrown down to institutional enemies. Russia has accepted the challenge. Today Russia is facing numerous most serious problems that must be settled without any doubts.

Keywords: Anglo-Saxon elite, implicit demand, hybrid war, cash, information war, categorical imperative, urgent task of Russia, paramount task of Russia, political elite, social and economic contradiction, strategic imperative, cash masters.

Симфонические танцы, ор. 45, 1940.

С. В. Рахманинов

Интродукция

Гибридная война, развязанная США и Великобританией против России в рамках проекта «Украина – анти-Россия», была расчетливо заложена в начале 90-х гг. XX столетия. Проект основан на возрождении нацизма и направлен на культивирование и разжигание нравственной и этической сущности человека,

расовой дискриминации, а в дальнейшем и ненависти.

Проект реализуется посредством изощренных методов и инструментов, масштабно и цинично тиражируется в многообразии форм его проявления многочисленными политическими, военными, экономическими союзниками, марионеточными режимами, своекорыстными оголте-

лыми попутчиками, примкнувшими к этому процессу с вождельной надеждой воплощения своих тайных (скрываемых и явных) меркантильных интересов. Подготовка к современному этапу его реализации велась политическими и военными элитами США и Великобритании более трех десятилетий, в течение которых нравственно и духовно развращали, деформировали сознание, уродовали психику украинского народа, особенно детей.

В данном проекте Украина – средство, Россия – цель. Средство – человеческие жизни как расходный материал, жизни миллионов и военных, и невинных гражданских лиц. Тактическая цель – тотальное ослабление России; стратегическая цель – полное уничтожение России.

Для достижения этих целей хозяева денег готовились долго и основательно: выращивали и европейские, и иные политически элиты, своих подручных¹ – лицемеров и нравственных уродов, лишенных совести и чести; нравственно развращали представителей элит различных этносов и конфессий; понуждали (через силу) к принятию декларируемых ими ценностей; лгали себе и миру о своей особой миссии; манипулировали общественным сознанием; готовили и вели бесконечные войны, используя для этого виртуозно изощренные, порой невинные и окрашенные в цвета гуманизма и миротворчества инструменты.

Один из них – ежегодная номинация «Человек года» американского журнала TIME (издается с 1927 г.) – одна из самых популярных в США и широко известная в мире. Вот несколько наиболее значимых «небожителей» из 95 обладателей этого титула:

1938 – *Адольф Гитлер*. Девиз – объединение Германии с Австрией и Судетской областью (*Мюнхенское соглашение*);

1939 – *Иосиф Сталин*. Девиз – лидер СССР;

1945 – *Гарри Трумэн*. Девиз – санкционировал атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки;

1949 – *Уинстон Черчилль*. Девиз – Человек полувека²;

1989 – *Михаил Горбачев*. Девиз – Человек десятилетия;

1950 – *американский солдат*. Девиз – представляет войска США (Корейская война 1950–1952 гг.);

2003 – *американский солдат*. Девиз – представляет войска США по всему миру (особенно в Иракской войне 2003–2011 гг.).

Основанием выбора обладателя подобного свойства являются либо оплаченные заказчиком рейтинги (международные рейтинги – особый вид бизнеса) как череда претендентов на то или иное (желательно первое) место (в особом виде англосаксонских рейтингов международного статуса высшая оценка – ААА); либо некий феномен – реальная личность, собирательный образ, условный объект, в своей визуализации расчетливо возносимый на обозначенный пьедестал (Человек года), возведенный на виртуальной вершине такой высоты, чтобы невозможно было остаться незамеченным, и такого ранга, чтобы невозможно было не восхититься.

У коллективного Запада нет конструктивной жизнеутверждающей идеологии, проникнутой высокими идеалами нравственности и гуманизма; нет идеологии, созвучной с чаяньем, – мечтой, надеждой, желаниями простых людей мира; нет значимого девиза, способного воодушевить и объединить под знаменами англосаксонской политической элиты, американского и британского истеблишмента – власть имущих, занимающих ключевые позиции в социально-политических системах США и Великобритании, миллионы и миллионы жителей планеты разных этносов, про-

¹ Один из таких подручных, пропитанный патологической русофобией, обучавшийся в США премьер-министр Польши (2017) Матеуш Моравецкий заявил, что необходимо уничтожить идеологию «русский мир». – URL: www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/13/17730044.shtml

² Присутствует и номинация «Человек столетия», но это скорее символический, обобщенный образ, ассоциативно привязанный к определенной сфере деятельности человеческой цивилизации вообще.

живающих на разных континентах. Например, девиз Великой французской революции – «Свобода. Равенство. Братство». Свобода (Liberté) состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому. Равенство (Égalité) означает, что все равны перед законом. Братство (Fraternité) состоит в том, чтобы не делать другим того, что не хотел бы получить сам, а делать по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы по отношению к себе.

Чем власть имущие западного мира пытаются заместить отсутствие жизнеутверждающей и объединяющей нации и народы мира идеологии? Как они консолидируют общественные массы? Как апеллируют к общественному сознанию? Как манипулируют этим сознанием?

Технологии манипулирования общественным сознанием

Существуют три *успешно апробированные в новое историческое время*, противоположные по инструментам реализации, но единые по своим глубинным задачам *социальные технологии*. Каждая из них имеет свой особый, специфический *инструмент воздействия* на целевой предмет – общественное сознание. Каждая из технологий позволяет в массовом порядке *формировать и манипулировать общественным сознанием, результативно управлять поведением людей*.

Первая. Общество потребления – «идеал» социально-экономического бытия человека, навязанный хозяевами денег. Развитие и повсеместное тотальное распространение общества потребления среди различных этносов и экономических юрисдикций привело к деградации человека.

Вместо человека разумного (Homo sapiens) имеем сегодня повсеместно человека потребляющего (Homo consummatus), человека, нравственно деградирующего, находящегося во власти «кредитной ловушки», но имеющего *ничем не ограниченное право* на легкодоступный потребительский кредит. Истинные цели зарождения, а в дальнейшем тотального развертывания общества потребления по всему миру рас-

крыты в целом ряде серьезных публикаций. В философских, политэкономических, социально-психологических, этико-нравственных исследованиях убедительно показаны суть, тайные смыслы, последствия формирования человека-потребителя [4; 5; 7; 11; 12].

Вторая. Националистическая идеология во всех формах проявления, в многообразии видов и оттенков: французского, итальянского, испанского, японского, германского фашизма; американского расизма; украинского национализма и фашизма.

Движущие силы и интересы правящих элит – реваншизм, милитаризм, превосходство расы, человеконенавистничество. Бенефициары – хозяева денег.

Националистическая идеология воспроизводит человека зомбированного, с замутненным сознанием, нравственно изуродованного и деградирующего. Манипулирование общественным сознанием может достигать тотальных размеров. Человек превращается в послушного социального робота, общество – в орудие реализации честолюбивых и корыстных интересов элит.

Третья. Религиозная идеология крайне правого толка – сложнейшая, весьма острая тема, требующая глубокого осмысления и освещения. На службе англосаксонских элит сегодня стоит *радикальный исламский фундаментализм*. Это понятие используется в основном в США и Великобритании. *Политический продукт* – *исламское государство*. Методы воздействия на поведение социума – *терроризм и тоталитаризм*.

На службе англосаксонских элит стоит также *религиозно-политический экстремизм*. Это религиозно камуфлированная деятельность, направленная на разжигание религиозной вражды и ненависти, насильственный захват власти, насильственное изменение государственного строя, насильственное разрушение суверенитета и территориальной целостности государства. Бенефициары – хозяева денег.

Для практического использования, масированного продвижения выбранных и

возведенных в ранг политической доктрины социальных технологий элиты США и Великобритании создали и запустили изоциренную, весьма изобретательную, циничную в достижении поставленных целей пропагандистскую машину. Это *пропагандистская машина лжи*.

Говоря научным языком, создан совершенный, высокоадаптивный пропагандистский механизм, включающий многочисленные и многообразные специализированные институты; институты с высокопрофессиональным кадровым составом; институты, обладающие арсеналом высокоэффективных методов и инструментов; институты, располагающие необходимыми для достижения поставленных целей ресурсами без ограничений.

Политические лидеры, если говорить о них как о национальных лидерах, – президенты, канцлеры, премьер-министры (терминологическое разнообразие достаточно велико), вне зависимости от того, как они пришли во власть либо кем приведены во власть, предназначены для выполнения определенной миссии или исполнения заведомо определенной роли (порой до банальности утилитарной, порой и исторической).

М. Горбачев (фигурирует в представленной номинации журнала TIME) был выбран Западом осознанно и расчетливо для выполнения наиважнейшей, с их точки зрения, миссии. Сам того до конца не понимая или не осознавая вовсе, он подписался (в прямом смысле этого слова) на уничтожение русской идентичности и, как следствие, русской цивилизации.

Его роль в этом процессе оценена и отмечена заказчиками формальными почестями:

1987 – Человек года (журнал TIME). Девиз – политические реформы, перестройка;

1989 – Человек десятилетия (журнал TIME);

1990 – Нобелевская премия мира. Обоснование: «В знак признания его ведущей роли в мирном процессе, который сегодня

характеризует важную составную часть жизни международного сообщества».

В этих вознесениях М. Горбачева (на вершину виртуального Олимпа) и награждениях (общественный почет и солидное денежное вознаграждение) на самом деле награждается не субъект – М. Горбачев, как выглядит это со стороны для непосвященных. Фактически столь высоко оценены команда исполнителей и их лидер за результативно выполненную наиважнейшую работу. Посвященные прекрасно понимают, кому на самом деле адресованы эти почести¹. Громадная заслуга в результативных деяниях М. С. Горбачева и его ведущей роли в мирном процессе принадлежит 71-му премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер, баронессе Тэтчер, «вожаку стаи», «жесткому руководителю»², яркому представителю консервативной политической элиты англосаксов, а также и секретным разведывательным службам Великобритании, прежде всего руководству и агентам SIS – высокопрофессиональной, весьма результативной службы, широко известной как MI6 (образована в 1909 г., официально не признавалась вплоть до 1994 г.).

Чтобы понять мотивы, которые двигали поступками всех этих людей, уместно привести выдержки из двух выступлений г-жи Тэтчер.

«Первая обязанность любого правительства состоит в том, чтобы защитить свой народ от внешней агрессии, гарантировать выживание нашего образа жизни...

Русские стремятся к мировому господству, и они быстро приобретают средства, чтобы стать самой могущественной имперской нацией, которую когда-либо видел мир... Они

¹ Посвященные – это те, кто правит миром – хозяева денег: члены Бильдербергского клуба (*Bilderberg Group*, 1954, разработка ЦРУ США); члены Трехсторонней комиссии (*Trilateral Commission*, 1973, инициатива Дэвида Рокфеллера). Косвенные свидетельства содержатся, в частности, в работе известного журналиста Д. Эстулина [15].

² Эти оценки (самооценки) принадлежит самой г-же Тэтчер [8. – С. 273].

неудачники в человеческом и экономическом плане.

Но не будем ошибаться. Русские считают, что их военная мощь более чем компенсирует их экономическую и социальную слабость...

Мы рассматриваем *наш союз с Америкой и НАТО как главную гарантию нашей собственной безопасности...*

На протяжении всей нашей истории мы несли факел свободы. Теперь, путешествуя по миру, я снова и снова нахожу людей, спрашивающих: «Что случилось с Британией?» ...мы считаем, что наша внешняя политика должна и впредь основываться на тесном *взаимопонимании с нашим традиционным союзником – Америкой. Это часть нашей англосаксонской традиции...* (курсив наш. – В. К.)» [10].

Эта речь, хотя и проникнута известной долей патетики, несомненно, представляет интерес, особенно сегодня. Россия для Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии всегда выступала и выступает институциональным врагом и несет в себе экзистенциальную угрозу их образу жизни. Это непосредственно подтверждают слова самой г-жи Тэтчер, произнесенные ею в одном из знаковых выступлений под названием «Как мы разрушали Советский Союз».

«Советский Союз – это страна, представлявшая *серьезную угрозу для западного мира... угрозу экономическую*» мы рассчитывали на «приход к власти *с нашей помощью* человека, благодаря которому мы сможем реализовать *наши намерения*. Это была оценка моих экспертов... Этим человеком был М. Горбачев, который характеризовался экспертами как *человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый...* Б. Ельцину была оказана существенная помощь... де-юре Советский Союз существует. Я уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении распада Советского Союза (курсив наш. – В. К.)» [8. – С. 259–262].

Роль М. Горбачева, не фигуры М. Горбачева как личности, а именно роль, кото-

рую Президент СССР как человек «*неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый*», как человек, который пришел к власти «*с нашей помощью*», которому удалось реализовать «*наши намерения*», была оценена и отмечена заказчиками высокими формальными почестями – *Человек десятилетия*, Нобелевская премия мира. Да что не сделаешь ради реализации такой цели, как распад Советского Союза, распад государства – институционального врага.

Директор института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии при Академии общественных наук Китая У. Эньюань (1948) *ключевую причину распада СССР* обозначил одним словом – «Горбачев», т. е. это не «экономика» или «национализм», не «идеология» или «гласность» [14].

Вполне очевидно, что существуют и иные точки зрения, обоснованные, как полагают их авторы, не менее убедительно [9]. Ретроспективный исторический анализ (область абстрактной деятельности) строится на основе объективных (относительно исследователя) данных: архивных документов¹, собственных воспоминаний (как правило, с известной долей лукавства)² и воспоминаний очевидцев³, артефактов (продукт творческой деятельности человека), материальных и социальных свидетельств прошедшего времени⁴, но прежде всего на основе общей теории (концепции) исследуемого процесса⁵, инструментов и методов умозрительного анализа. Инструментарий исследователя – формальная и

¹ Например, секретное приложение к мирному договору, подписанному Ш. Талейраном 26 декабря 1805 г. от имени Франции (Пресбургский мир). – Clercq M. de. Recueil des traités de la France. – Т. 2. – Paris, 1880.

² Например: Цезарь Г. Ю. Записки о Галльской войне. – М.: Время, 2018.

³ Например: Бунин И. Окаянные дни. – М.: АСТ, 2020.

⁴ Например, Кодекс Хаммурапи – законодательный свод, высеченный клинописью на диоритовой стеле, созданный при царе Хаммурапи I (1750-е гг. до н. э.). Хранится в Лувре, Париж.

⁵ Например: Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. – М.: Азбука-Аттикус, 2017.

диалектическая логика, композиции причинно-следственных связей, системно-функциональный анализ и пр.

В списке журнала ТИМЕ есть политическая фигура иного ранга – Уинстон Черчилль. В его вознесениях и награждениях присутствует иной смысл и иной подтекст – гордость и почитание:

1949 – Человек *полувека*;

1953 – Нобелевская премия по литературе. Обоснование: «За его высокое искусство исторического и биографического описания, а также за блестящее ораторство в защиту возвышенных человеческих ценностей».

Лондон украшает множество памятников великим и знаменитым соотечественникам, но самое большое их количество посвящено памяти легендарной личности Уинстона Черчилля.

У всех народов память о великих соотечественниках священна и почитаема, но не у англосаксонской политической элиты с ее врожденным лицемерием. Дж. Буш младший, экс-президент США, возможно, ради своекорыстных интересов с целью манипулирования общественным сознанием недавно приравнял в величии статусы У. Черчилля (Великобритания) и М. Зеленского (Украина), назвав последнего «Черчиллем современной эпохи». Это либо свидетельство полной умственной деградации представителя американского истеблишмента, либо проявление беспрецедентного лицемерия и беззастенчивой лжи.

В этой парадигме (наборе концепций и шаблонов мышления) заключена одна из стратегических линий напряжения системного социально-экономического противоречия между образом жизни англосаксов и русского мира (миссия, видение, ценности, культура), противоречия, которое сегодня *разворачивается* как *глобальное системное противоречие современной эпохи*.

Глобальное системное противоречие современной эпохи. Сущностные моменты

Противоречие, как известно, – это и закон мышления, и закон бытия. Раскрытие

понятия «противоречие» как закона мышления и применение его в формальной логике принадлежит Платону, Аристотелю, И. Канту. Раскрытие понятия «противоречие» как закона бытия и применение его в диалектической логике принадлежит Г. Гегелю и К. Марксу. Большой вклад в осмысление научного наследия мировой философской мысли, в философское просвещение и образование в России внес русский философ, сотрудник Института философии АН СССР, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, лауреат Сталинской премии I степени В. Ф. Асмус (1894–1975) [1. – С. 4–62].

В метафизике логическое противоречие трактуется как феномен, появляющийся в *мышлении* в силу его несовершенства или его неправомерного использования (границы применимости).

В философии, политэкономии, политологии социально-экономическое противоречие трактуется как феномен, появляющийся в *социальной среде* в силу столкновения противоположных интересов различных социальных групп, когда существующие и вновь возникающие *проблемы бытия человека* не разрешаются в течение длительного времени.

Необходимо четко и глубоко осознать, что отношение противоречия есть *установление взаимоисключающего отношения*.

Социально-экономическое противоречие обладает двойственностью – полюсами противоречия. Полюса противоречия – это социальные группы людей, объединенные общностью интересов. Развертывание социально-экономического противоречия неизбежно приводит полюса противоречия через *возникновение конфликта* к столкновению и *взаимоисключению форм существования* противоречия.

Победителем в этом столкновении (если противоречивые интересы сторон не гасятся путем решения устоявшихся проблем, а продолжают обостряться) *неизбежно выходит только одна сторона* – это социальная группа, ресурсы которой *основательны, общественная воля несгибаема, общественное*

сознание едино, историческое/социальное время как один из самых значимых ресурсов достаточно для существования данной социальной группы.

Разворачивание противоречия происходит через различные формы бытия социальных групп – полюса противоречия. Это прежде всего *интересы* социальных групп (больших и малых) в различных сферах. Сферы – это системная среда, в которой существует и разворачивается социально-экономическое противоречие: социальная, политическая, экономическая, правовая, военная, религиозная, культурная и др. [3. – С. 16–17].

Исторически должна побеждать истина в силу закона мышления и социальная справедливость в силу закона бытия. Однако это происходит далеко не всегда. Ложь превалирует над истиной. Алчность побеждает умеренность и усердие. Общеизвестно, в пятиконечной звезде сосредоточено пять основополагающих принципов:

пов: мудрость, справедливость, сила, умеренность, усердие [6. – С. 34].

Мудрость – вершина пятиконечной звезды. *Мудрость – это вершина человеческого бытия, созидательная сила ума, божественное око духа, могущество человека.*

«Человеку присущи два родственных могущества: знание и мудрость. Знание лишь настолько истина, видимая в искаженном свете, насколько ум преуспевает, двигаясь ощупью; мудрость – это божественное око духа» [13. – С. 7].

Социально-экономическое противоречие «кредиторы – должники», в своем историческом генезисе пройдя общую, системную фазу, вошло в современную глобальную фазу и *разворачивается как глобальное системное противоречие современной эпохи.* Более того, разворачивание глобального системного социально-экономического противоречия «кредиторы – должники» вошло в острую фазу, предопределяя всю полноту драматизма происходящих событий.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Диалектика Аристотеля // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1976.
2. Блэквилл Р., Харрис Дж. М. Война иными средствами. Геоэкономика и государственное регулирование. – М. : АСТ, 2017.
3. Карпунин В. И., Новашина Т. С. Денежно-кредитная политика России как фактор обеспечения ее безопасности // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2019. – Т. 16. – № 6 (108). – С. 11–20.
4. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». – М. : Институт русской цивилизации, 2017.
5. Катасонов В. Ю. Хозяева денег. 100-летняя история ФРС. – М. : Алгоритм, 2014. – (Тайная сила).
6. Новашина Т. С. Современная денежно-кредитная политика России в свете теории дисфункции денег // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2019. – Т. 16. – № 1 (103). – С. 27–44.
7. Паренти М. Власть над миром. Истинные цели американского империализма. – М. : Поколение, 2006.
8. Рейган Р., Тэтчер М. Англосаксонская мировая империя. – М. : Алгоритм, 2014. – (Титаны XX века).
9. Сюй Хайянь. Тридцатилетние перестройки в СССР: оценки китайских ученых // Россия и АТР. – 2015. – № 4. – С. 48–57.
10. Тэтчер М. Выступление в Кенсингтонской ратуше «Пробудитесь Британия». – URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/102939>

11. Фромм Э. З. Бегство от свободы. Человек для себя : пер. с англ. – М. : АСТ, 2006.
12. Фромм Э. З. Иметь или быть? – М. : Директ-Медиа, 2007.
13. Шри Ауробиндо. Мысли и афоризмы / пер. с англ. Воламура. – М. : ЦНИИТЭИлегпром, 1993.
14. Эньюань У. Исследования истории СССР в КНР // Сочинения. – Т. 1. – Ч. I. – М. : Родина, 2022. – (Китайский новаторский марксизм).
15. Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба / пер. с исп. И. В. Жук. – Минск : Попурри, 2009.

References

1. Asmus V. F. Dialektika Aristotelya [Aristotle Dialectics]. *Aristotel. Sochineniya* [Aristotle Works], in 4 vol. Vol. 1. Moscow, Mysl, 1976. (In Russ.).
2. Blackwill R., Harris G. M. Voyna inymi sredstvami. Geoekonomika i gosudarstvennoe regulirovanie [War by Other Means. Geo-Economics and State Regulation]. Moscow, AST, 2017. (In Russ.).
3. Karpunin V. I., Novashina T. S. Denezhno-kreditnaya politika Rossii kak faktor obespecheniya ee bezopasnosti [Monetary and Credit Policy of Russia as Factor of Providing its Security]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2019, Vol. 16, No. 6 (108), pp. 11–20. (In Russ.).
4. Katasonov V. Yu. Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoy tsvivilizatsii» [Capitalism. History and Ideology of 'Cash Civilization']. Moscow, Institut russkoy tsvivilizatsii, 2017. (In Russ.).
5. Katasonov V. Yu. Khozyaeva deneg. 100-letnyaya istoriya FRS [Money Masters. 100-Years History of FRS]. Moscow, Algoritm, 2014. (Secret Force). (In Russ.).
6. Novashina T. S. Sovremennaya denezhno-kreditnaya politika Rossii v svete teorii disfunktsii deneg [Today's Monetary and Credit Policy of Russia in View of Theory of Cash Malfunction]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2019, Vol. 16, No. 1 (103), pp. 27–44. (In Russ.).
7. Parenti M. Vlast nad mirom. Istinnye tseli amerikanskogo imperializma [Rule over the World. True Goals of American Imperialism]. Moscow, Pokolenie, 2006. (In Russ.).
8. Reygan R., Tetcher M. Anglosaksonskaaya mirovaya imperiya [Anglo-Saxon Global Empire]. Moscow, Algoritm, 2014. (Titans of the 20th Century). (In Russ.).
9. Syuy Hayan. Tridtsatiletnie perestroyki v SSSR: otsenki kitayskikh uchenykh [30th Anniversary of USSR Restructuring: Assessment of Chinese Scientists]. *Rossiya i ATR* [Russia and Pacific Region], 2015, No. 4, pp. 48–57. (In Russ.).
10. Tetcher M. Vystuplenie v Kensingtonskoy ratushe «Probudites Britaniya» [Speech in Kensington Town Hall 'Wake up Britain']. (In Russ.). Available at: <https://www.margareththatcher.org/document/102939>
11. Fromm E. Z. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya [Flight from Freedom. Man for Himself], translated from English. Moscow, АСТ, 2006. (In Russ.).
12. Fromm E. Z. Imet ili byt? [To Possess or to Be?]. Moscow, Direkt-Media, 2007. (In Russ.).
13. Shri Aurobindo. Mysli i aforizmy [Thoughts and Aphorisms], translated from English by Volamur. Moscow, TsNIITElegprom, 1993. (In Russ.).

14. Enyuan U. Issledovaniya istorii SSSR v KNR [Researching USSR History in China]. *Sochineniya* [Works], Vol. 1, Part I. Moscow, Rodina, 2022. (Chinese Advanced Marxism). (In Russ.).

15. Estulin D. Sekrety Bilderbergskogo kluba [Secrets of Bilderberg Club] translated from Spanish by I. V. Zhuk. Minsk, Popurri, 2009. (In Russ.).

Сведения об авторах

Вячеслав Иванович Карпунин

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Международные финансы»
МГИМО МИД России;
исполнительный директор
Национального Фонда Управления Активами.
Адрес: ФГАОУ ВО «Московский
государственный институт международных
отношений (университет) Министерства
иностраннх дел Российской Федерации»,
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76;
НО «Национальный Фонд Управления
Активами», 103132, Москва, ул. Варварка, д. 7.
E-mail: vikarpunin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7947-4131

Татьяна Сергеевна Новашина

кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой банковского дела
Университета «Синергия»; член Коллегии
Правления Национального Фонда
Управления Активами.
Адрес: негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-промышленный
университет "Синергия"», 125190, Москва,
Ленинградский проспект, д. 80;
НО «Национальный Фонд Управления
Активами», 103132, Москва, ул. Варварка, д. 7.
E-mail: tnovashina@mail.ru

Information about the authors

Vyacheslav I. Karpunin

PhD, Assistant Professor, Assistant Professor
of the Department for Internationale Finanzen
of MGIMO University; Exekutivdirektor
of the National Asset Management Fund.
Address: Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian
Federation, 76 Vernadskiy Avenue,
Moscow, 119454, Russian Federation;
National Asset Management Fund,
7 Varvarka Str., Moscow, 103132,
Russian Federation.
E-mail: vikarpunin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7947-4131

Tatyana S. Novashina

PhD, Assistant Professor,
the Head of the Department for Banking
of the Synergy University; board-member
of the National Asset Management Fund.
Address: Non-state private educational
institution of higher professional education
"Moscow University for Industry and Finance
"Synergy"", 80 Leningradsky Avenue,
Moscow, 125190, Russian Federation;
National Asset Management Fund,
7 Varvarka Str., Moscow, 103132,
Russian Federation.
E-mail: tnovashina@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

М. А. Плахотникова

ООО УЦ «НОВЫЙ ШАГ», Москва, Россия

А. Ю. Анисимов

Университет «Синергия», Москва, Россия

М. А. Сулова

НИТУ «МИСиС», Москва, Россия

Е. Д. Сулов

АО «НПП «Торий», Москва, Россия

Развитие различных отраслей экономики в кризисный период предполагает наличие определенных отклонений от прогнозов, сделанных до возникновения таких ситуаций, что должно быть учтено в стратегиях развития отраслей. Определение тенденций развития инвестиционно-строительной сферы в кризисных условиях позволяет скорректировать стратегическое управление отраслью, что представляет собой актуальную научно-практическую задачу. Цель исследования – определение тенденций развития инвестиционно-строительной сферы для оценки оптимальности ее стратегического управления. В качестве методов авторами были использованы систематизация, классификация, статистический анализ. В исследовании подчеркивается, что в последние годы стало активно развиваться проектное банковское финансирование жилищного строительства, что повысило уровень безопасности вкладов дольщиков и увеличило спрос на первичном рынке жилья. По мнению авторов статьи, разработанная Стратегия инновационного развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030 года является основополагающим документом, формирующим вектор ее развития на десятилетия вперед. Авторы делают вывод, что на сегодняшний момент инвестиционно-строительная сфера Российской Федерации активно развивается и уже восстановила рост показателей после кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Результатом исследования являются выделенные тенденции развития инвестиционно-строительной сферы России в кризисных и посткризисных условиях.

Ключевые слова: стратегия развития строительной отрасли, экономический кризис, ипотека.

ACUTE DEVELOPMENT TRENDS OF INVESTMENT-CONSTRUCTION SPHERE

Mariya A. Plakhotnikova

LLC Training center “NEW STEP”, Moscow, Russia

Aleksandr Yu. Anisimov

Synergy University, Moscow, Russia

Marina A. Suslova

National University of Science and Technology “MISiS”,

Moscow, Russia

Evgeniy D. Suslov

JSC “RPC “Toriy”, Moscow, Russia

The development of various industries during crisis presupposes certain deviations from forecasts made before such situations and it should be taken into account in development strategies of industries. Identifying development trends in the investment-construction sphere during crisis can help correct strategic management of the industry, which forms an acute scientific and practical task. The goal of the research is to identify trends in development of investment and construction sphere to estimate optimum nature of its strategic management. The authors used systematization, classification and statistic analysis as methods of the research. They underline the fact that lately

project bank financing has been developing vigorously, which improved safety level of holders' investment and raised the demand on new homes market. According to the authors the Strategy of innovative development of construction industry in the Russian Federation up to 2030 makes up a fundamental document formulating the vector of its development for decades ahead. The authors came to the conclusion that today investment-construction sphere of the Russian Federation is fast developing industry and it has already restored the growth in indicators after the crisis caused by the corona virus pandemic. The outcome of the research is identified trends in the development of the investment-construction sphere in Russia during crisis and after it.
Keywords: strategy of construction industry development, economic crisis, mortgage.

Улучшение состояния и развитие предприятий инвестиционно-строительной сферы – одна из приоритетных задач России. В Стратегии инновационного развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030 года предполагается, что данная отрасль должна быть эффективной, конкурентной, высокотехнологичной, открытой. Это обусловлено тем, что строительная отрасль обеспе-

чивает значительную долю ВВП. В 2020 г. она составляла 10,6%, а доля занятого населения в данной сфере – 12,2%. При этом строительная отрасль должна обеспечивать устойчивый рост комфорта и безопасности среды жизнедеятельности.

На рис. 1 представлены направления развития основных сегментов инвестиционно-строительной сферы [1; 2].

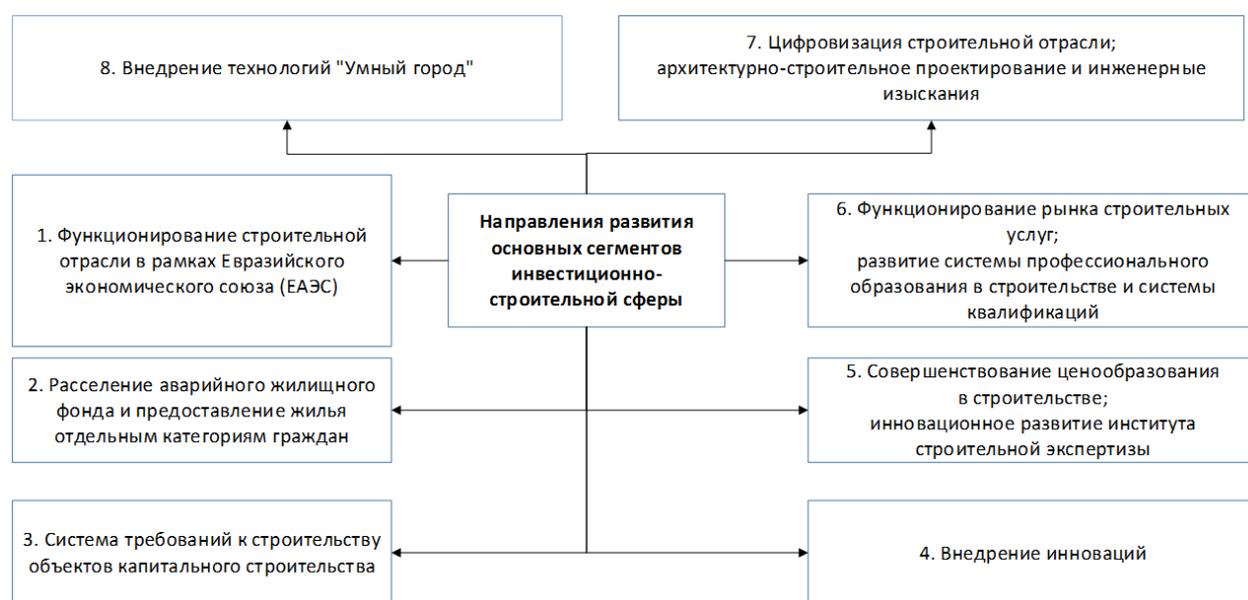

Рис. 1. Направления развития основных сегментов инвестиционно-строительной сферы

Инвестиционно-строительная сфера тесно связана с такими понятиями, как ипотечное кредитование [6] и ипотечные ставки [7]. Именно поэтому для развития инвестиционно-строительной сферы необходимо прогнозирование размера ипотечных ставок [9. – С. 154]. В 2018 г. предпола-

галась динамика ипотечной ставки, представленная на рис. 2. Вместе с тем в связи с кризисом, связанным с пандемией, были разработаны постановления Правительства Российской Федерации о льготных условиях ипотеки, в которых была уста-

новлена единая ставка по ипотеке 7%, выдерживаемая в настоящее время.

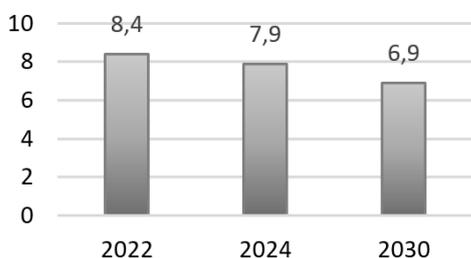

Рис. 2. Прогнозные значения ипотечной ставки согласно Стратегии инновационного развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030 года (в %)

В Стратегии предполагался рост количества выдаваемых ипотечных кредитов к 2022 г. на 20%, однако по факту уже в 2021 г. количество таких кредитов выросло на 29,3%, поэтому, скорее всего, данные прогноза окажутся ниже фактических (рис. 3).

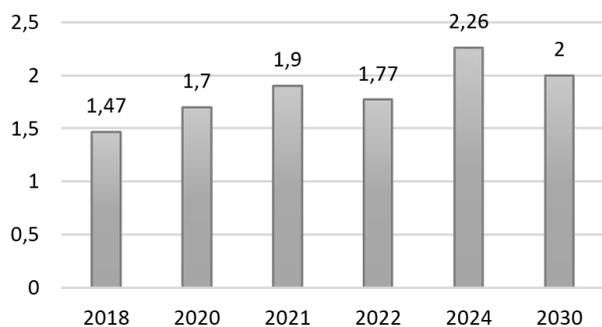

Рис. 3. Фактические и прогнозные значения количества выдаваемых ипотечных кредитов (в млн шт.)

Как видно из рис. 3, прогнозные значения достаточно осторожны, фактические значения в 2020–2021 гг. превысили прогнозные, поскольку спрос на жилые помещения повышался. Это обусловлено тем, что в 2019 г. была осуществлена реформа на рынке первичного жилья, которая значительно уменьшила риски физических лиц при покупке жилья [10]. Показатель-

ным также является объем выдачи ипотечных кредитов на приобретение жилья на первичном рынке (рис. 4).

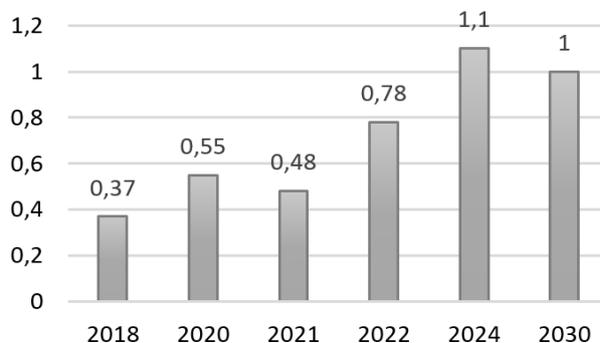

Рис. 4. Объем выдачи ипотечных кредитов на приобретение жилья на первичном рынке (факт и прогноз) (в млн шт.)

Инвестиционно-строительная сфера характеризуется рядом параметров, таких как [8; 10. – С. 255]:

- 1) объем жилищного строительства;
- 2) объем многоквартирного жилья в стадии строительства;
- 3) число заключаемых договоров участия в долевом строительстве;
- 4) уровень обеспеченности населения жильем;
- 5) доля городов с благоприятной городской средой.

Проанализируем динамику этих показателей. В 2020 г. на территории Российской Федерации за счет всех источников финансирования было построено 1 121,6 тыс. новых квартир общей площадью 82,2 млн м², что составило 100,2% к соответствующему периоду предыдущего года. В 2018 г. ввод общей площади жилья увеличился на 4,5%, в 2019 г. – на 6,2%, в 2020 г. – на 0,2%. Ввод общей площади жилья в расчете на 1 000 человек населения увеличился на 2 м² в 2020 г. по сравнению с 2019 г. В жилищном фонде в 2020 г. в среднем на одного жителя приходилось 26,9 м² общей площади жилых помещений. В январе – мае 2021 г. было введено 358,9 тыс. новых квартир общей площадью

28,8 млн м², что составило 128,4% к январю – маю 2020 г.

По прогнозу экспертов Минстроя России, к концу 2022 г. ожидается рост объема жилищного строительства до 104 млн м², а к концу 2024 г. – до 120 млн м² (рис. 5).

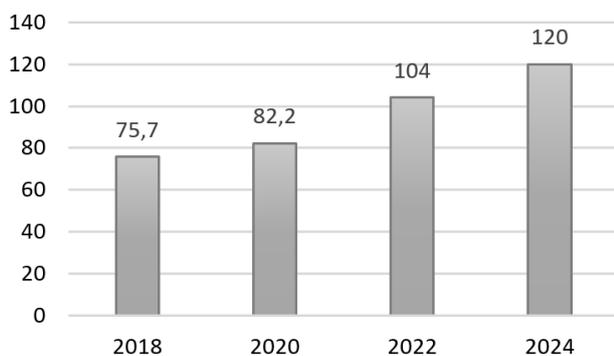

Рис. 5. Объем жилищного строительства (факт и прогноз) (в млн м²)

Объем многоквартирного жилья в стадии строительства при этом должен увеличиться со 127,5 млн м² в 2018 г. до 151 млн м² в 2022 г. и до 168 млн м² начиная с 2024 г. Предполагается также рост числа заключаемых договоров участия в долевом строительстве. Если в 2018 г. их было 660 тыс., то в 2022 г. должно быть 699 тыс., а в 2030 г. – более 1 млн.

Кроме того, должен увеличиться уровень обеспеченности населения жильем. По итогам 2021 г. на одного человека в стране приходилось 25,8 м², в 2022 г. должно быть 26 м², в 2024 г. – 28–30 м², а в 2030 г. показатель должен превысить 30 м² на человека. Доля городов с благоприятной городской средой в 2022 г. должна составить 45%, в 2024 г. – достичь 60%, а в 2030 г. – увеличиться до 80%.

Анализ статистических данных показал, что значительная часть инвестиций в основной капитал в строительной сфере осуществляется за счет собственных средств (56,7%), при этом в последние четыре года можно отметить стабильное снижение доли привлеченных средств в инвестициях в основной капитал [13].

Значимыми факторами, влияющими на этот процесс, являются сокращение вложений иностранных инвесторов и отток зарубежных капиталов, которые обусловлены геополитической напряженностью отношений России с западными странами.

Проведенный анализ выявил некоторые сдерживающие развитие исследуемой сферы факторы, а именно:

- 1) недостаточный уровень инвестиций из государственного бюджета [3];
- 2) низкий уровень капитальных вложений корпоративного сектора и финансовых средств населения [4];
- 3) нарушение сроков строительства и его финансирования [3];
- 4) низкий уровень инновационного и технологического развития, в том числе цифровизации [5];
- 5) снижение численности занятых [4];
- 6) рост цен на основные виды и услуги, в том числе вызванный введением международных экономических санкций, резкими падениями курса национальной валюты [5].

Необходимо отметить, что особенностью развития российской инвестиционно-строительной сферы является большая доля долевого финансирования строительства [12]. Однако в последние годы стало активно развиваться проектное банковское финансирование жилищного строительства, что повысило уровень безопасности вкладов дольщиков и увеличило спрос на первичном рынке жилья.

Таким образом, в настоящее время инвестиционно-строительная сфера Российской Федерации активно развивается и уже восстановила рост показателей после кризиса, вызванного пандемией коронавируса. При этом показатели, предусмотренные Стратегией инновационного развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030 года, выполняются, а по некоторым из них наблюдается превышение прогнозных значений. Вместе с тем нестабильность экономики в целом создает определенную напряженность в социально-экономических процессах, связанных с

отраслю, поэтому для поддержания ее роста инвестиционно-строительные компании нуждаются в эффективных антикризисных мерах.

Список литературы

1. Асадчий А. С. Современный менеджмент в условиях пандемии коронавируса // *Материалы XIV Международной студенческой научной конференции*. – URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2022/61e15f42e9497.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Бадужева В. Д., Палагин А. А. Развитие отрасли строительства под влиянием COVID-19 // *Вестник Академии знаний*. – 2020. – № 4 (39). – С. 81–85.
3. Блохин А. А., Стерник С. Г., Телешев Г. В. Институциональные трансформации сферы жилищного строительства в 2020 году // *Проблемы прогнозирования*. – 2021. – № 2 (185). – С. 43–55.
4. Доржиева В. В. Строительная отрасль: тенденции развития, влияние пандемии и условия восстановительного роста в контексте задач структурной модернизации // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2020. – № 3. – С. 237–243.
5. Ермолина А. А. Устойчивое развитие предприятий во время COVID-19 на базе симметричных структур // *Стратегии бизнеса*. – 2020. – № 8. – С. 228–231.
6. Зубов С. А. Ипотечное кредитование в 2020 г. // *Экономическое развитие России*. – 2021. – № 2. – С. 51–54.
7. Зубов С. А. Ипотечное кредитование в январе – мае 2021 г.: риск перегрева рынка недвижимости // *Экономическое развитие России*. – 2021. – № 7. – С. 32–35.
8. Лапина А. М., Анохина М. Е. Стратегии трансформации бизнеса в условиях пандемии COVID-19 // *Стратегии бизнеса*. – 2020. – № 9. – С. 242–245.
9. Мир после пандемии COVID-19: политика, безопасность, экономика и культура – прогнозы будущего через призму настоящего : материалы XVI Международной научно-практической конференции межвузовского научно-дискуссионного клуба «Эксперт» им. А. А. Самохина / отв. ред. А. С. Евтушенко. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021.
10. Пахомов Е. В., Овчинникова М. С. Текущее состояние строительной отрасли РФ // *Молодой ученый*. – 2019. – № 2 (240). – С. 255–260.
11. Соловьева Е. В., Бердникова В. Н. Строительная отрасль и пандемия COVID-19: новые вызовы и возможности // *Beneficium*. – 2021. – № 3 (40). – С. 35–42.
12. Судас Л. Г., Оносов А. А. Проектное финансирование в жилищном строительстве: в поисках баланса интересов // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2020. – № 83. – С. 243–270.
13. Шибина В. А. Анализ инвестиционной ситуации в России в 2020 году // *Молодой ученый*. – 2021. – № 30 (372). – С. 79–85.

References

1. Asadchiy A. S. Sovremennyy menedzhment v usloviyakh pandemii koronavirusa [Present Day Management in Conditions of Corona Virus Pandemic]. *Materialy XIV Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii* [Materials of the 14th International Students' Scientific Conference]. (In Russ.). Available at: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2022/61e15f42e9497.pdf> (accessed 20.01.2022).

2. Badusheva V. D., Palagin A. A. Razvitie otrasli stroitelstva pod vliyaniem COVID-19 [The Development of Construction Industry under the Influence of COVID-19]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Knowledge Academy], 2020, No. 4 (39), pp. 81–85. (In Russ.).

3. Blokhin A. A., Sternik S. G., Teleshev G. V. Institutsionalnye transformatsii sfery zhilishchnogo stroitelstva v 2020 godu [Institutional Transformations in the Field of Housing Construction in 2020]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems], 2021, No. 2 (185), pp. 43–55. (In Russ.).

4. Dorzhieva V. V. Stroitel'naya otrasl: tendentsii razvitiya, vliyanie pandemii i usloviya vosstanovitelnogo rosta v kontekste zadach strukturnoy modernizatsii [Construction Industry: Trends in Development, Impact of Pandemic and Conditions of Restoration Growth in the Context of Tasks of Structural Modernization]. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Academic Works of the Free Economic Society in Russia], 2020, No. 3, pp. 237–243. (In Russ.).

5. Ermolina A. A. Ustoychivoe razvitie predpriyatiy vo vremya COVID-19 na baze simmetrichnykh struktur [Sustainable Development of Enterprises during COVID-19 on the Basis of Symmetric Structures]. *Strategii biznesa* [Business Strategy], 2020, No. 8, pp. 228–231. (In Russ.).

6. Zubov S. A. Ipotechnoe kreditovanie v 2020 g. [Mortgage Crediting in 2020]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic Development in Russia], 2021, No. 2, pp. 51–54. (In Russ.).

7. Zubov S. A. Ipotechnoe kreditovanie v yanvare – mae 2021 g.: risk peregreva rynka nedvizhimosti [Mortgage Crediting in January – May 2021: Risk of RE Market Overheating]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic Development in Russia], 2021, No. 7, pp. 32–35. (In Russ.).

8. Lapshina A. M., Anokhina M. E. Strategii transformatsii biznesa v usloviyakh pandemii COVID-19 [Strategy of Business Transformation in Conditions of COVID-19]. *Strategii biznesa* [Business Strategy], 2020, No. 9, pp. 242–245. (In Russ.).

9. Mir posle pandemii COVID-19: politika, bezopasnost, ekonomika i kultura – prognozy budushchego cherez prizmu nastoyashchego: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii mezhvuzovskogo nauchno-diskussionnogo kluba «Ekspert» im. A. A. Samokhina [The World after COVID-19 Pandemic: Politics, Security, Economy and Culture – Forecasts for the Future in View of the Present: materials of the 16th International Conference of the A. A. Samokhin University Discussion Club 'Expert'], edited by A. S. Evtushenko. Krasnodar, Kuban State University, 2021. (In Russ.).

10. Pakhomov E. V., Ovchinnikova M. S. Tekushchee sostoyanie stroitel'noy otrasli RF [The Current Situation in Construction Industry of Russia]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2019, No. 2 (240), pp. 255–260. (In Russ.).

11. Soloveva E. V., Berdnikova V. N. Stroitel'naya otrasl i pandemiya COVID-19: novye vyzovy i vozmozhnosti [Construction Industry and COVID-19 Pandemic: New Challenges and Opportunities]. *Beneficium*, 2021, No. 3 (40), pp. 35–42. (In Russ.).

12. Sudas L. G., Onosov A. A. Proektnoe finansirovanie v zhilishchnom stroitelstve: v poiskakh balansa interesov [Project Financing in Housing Construction: in Search for Balance of Interests]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [State Management. E-Bulletin], 2020, No. 83, pp. 243–270. (In Russ.).

13. Shibina V. A. Analiz investitsionnoy situatsii v Rossii v 2020 godu [Analysis of Investment Situation in Russia in 2020]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2021, No. 30 (372), pp. 79–85. (In Russ.).

Сведения об авторах

Мария Александровна Плахотникова

кандидат экономических наук, доцент,
методист ООО УЦ «НОВЫЙ ШАГ».
Адрес: ООО УЦ «НОВЫЙ ШАГ», 121205,
Москва, тер. Сколково Инновационного
Центра, Большой бульвар, д. 42,
стр. 1, помещение 12.
E-mail: erelda@mail.ru

Александр Юрьевич Анисимов

кандидат экономических наук, доцент,
заместитель директора по учебно-
методической работе факультета
информационных технологий,
доцент кафедры информационного
менеджмента и информационно-
коммуникационных технологий
имени профессора В. В. Дика
Университета «Синергия».
Адрес: Университет «Синергия», 125190,
Москва, Ленинградский проспект, д. 80.
E-mail: anisimov_au@mail.ru

Марина Алексеевна Суслова

старший преподаватель кафедры
промышленного менеджмента
НИТУ «МИСиС».
Адрес: Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»,
119049, Москва,
Ленинский проспект, д. 4, стр. 1.
E-mail: juice.sno@mail.ru

Евгений Дмитриевич Суслов

начальник планово-экономического отдела
АО «НПП «Торий».
Адрес: АО «НПП «Торий»,
117393, Москва,
ул. Обручева, д. 52, стр. 5.
E-mail: SuslovED@mail.ru

Information about the authors

Mariya A. Plakhotnikova

PhD, Assistant Professor, Methodist
of the LLC Training center "NEW STEP".
Address: LLC Training center "NEW STEP",
12 room, 1 building, 42 Bolshoi Boulevard,
Center Innovation Skolkovo ter., Moscow,
121205, Russian Federation.
E-mail: erelda@mail.ru

Aleksandr Yu. Anisimov

PhD, Assistant Professor, Deputy Director
for Educational and Methodological Work
of the Faculty of Information Technologies,
Assistant Professor of the Department
of Information Management and Information
and Communication Technologies
named after Professor V. V. Dick
of the Synergy University.
Address: Synergy University,
80 Leningradsky Avenue, Moscow,
125190, Russian Federation.
E-mail: anisimov_au@mail.ru

Marina A. Suslova

Senior Lecturer of the Department
for Industrial Management
of the "MISiS".
Address: National University of Science
and Technology "MISiS", 1 building,
4 Leninsky Avenue, Moscow, 119049,
Russian Federation.
E-mail: juice.sno@mail.ru

Evgeniy D. Suslov

Head of the Planning and Economic Department
of the JSC "RPC "Toriy".
Address: JSC "RPC "Toriy", 5 building,
52 Obrucheva Str., Moscow, 117393,
Russian Federation.
E-mail: SuslovED@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕДИТНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ

А. Р. Симонян

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

На сегодняшний день в условиях активного распространения и практически повсеместной интеграции цифровых технологий в различные сферы человеческой жизнедеятельности трансформируются отношения между ее субъектами, в том числе в сфере экономики и финансов, делая их удобнее и эффективнее. Цифровые технологии расширяют коммуникативные возможности, упрощают движение информационных и финансовых потоков, открывают широкий спектр направлений дальнейшего совершенствования механизмов взаимодействия между основными субъектами финансового рынка, в том числе в сфере кредитной потребительской кооперации. Основная цель проводимого исследования состоит в поиске и обосновании перспективных направлений цифровизации деятельности саморегулируемых организаций кредитных потребительских кооперативов (КПК), расширении механизмов привлечения дополнительных инвестиций в их деятельность и повышении общей финансовой доступности в Российской Федерации. Стремительное развитие российской экономики, наблюдаемое в последнее десятилетие, распространение цифровых, финансовых, банковских услуг и технологий оказали позитивное влияние на систему денежного обращения и кредитных отношений, формируя современный облик финансового сектора России, в том числе сектора кредитной кооперации. В статье выделены два ключевых направления по внедрению цифровых технологий в деятельность КПК, а также намечены основные векторы их практического применения: 1. Цифровизация процессов организации и управления КПК, оптимизация взаимодействия ее членов, руководящего аппарата и саморегулирующей организации. 2. Использование современных цифровых технологий в деятельности КПК.

Ключевые слова: саморегулируемые организации, микрофинансовые организации, цифровые технологии, FinTech-технологии, блокчейн.

PROSPECTS OF DIGITAL TECHNOLOGY INTRODUCTION IN WORK OF CREDIT CONSUMER COOPERATIVES

Ani R. Simonyan

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Today, when digital technologies keep proliferating and integrating in different spheres of human activity, relations among entities, including economy and finance, are being transformed, which makes them more convenient and effective. Digital technologies extend communicative possibilities, simplify movement of information and finance flows and reveal a broad range of lines in further improvement of mechanisms providing better interaction between key entities of finance market, including credit consumer cooperatives. The principle goal of the research is to identify and substantiate the most promising directions of digitalization in functioning of self-regulating bodies of credit consumer cooperatives (CCC), to extend the number of mechanisms of raising extra investment into their work and to improve general finance accessibility in the Russian Federation. Fast development of Russian economy during the last decade, proliferation of digital, finance, banking services and technologies exercised a great impact on the system of cash circulation and credit relations, which shapes a modern outlook of the finance sector in Russia, including the sector of credit cooperation. The article demonstrates two key lines in introducing digital technologies into CCC work and depicts major vectors of their practical application: 1. Digitalization of CCC organization and

management processes, as well as optimization of interaction between its members, executive body and self-regulating organization; 2. Use of advanced digital technologies in CCC functioning.

Keywords: self-regulating organizations, micro-finance organizations, digital technologies, FinTech-technologies, blockchain.

Развитие системы кредитной кооперации в нашей стране имеет богатую историю и корнями уходит в далекое прошлое. Изучая особенности ее становления и развития, можно прийти к выводу о широком распространении кооперативного движения как в дореволюционной, так и современной России. Сегодня кредитная кооперация позволяет получить доступ к финансовым ресурсам наиболее экономически уязвимым участникам финансового рынка, делая кредитную потребительскую кооперацию (КПК) его полноценным сегментом.

Несмотря на относительно невысокую долю кредитной потребительской кооперации на финансовом рынке в последнее время, по своему ассортименту продуктов и услуг она все больше похожа на банковские организации. Так, кооперативные банки, например, АО «Инвестиционный Кооперативный Банк», являясь наиболее развитой формой кредитной кооперации, по рыночным позициям сегодня практически не уступают классическим банкам. Однако большинство КПК существуют в виде мелких и средних форм кооперации. Для того чтобы выдерживать конкуренцию с превосходящими по ресурсам и сетевой структуре финансовыми организациями, сохраняя при этом кооперативный дух и ценности, необходимо активно искать и интегрировать новые, инновационные решения для развития бизнеса.

Для кредитной кооперации эффективным драйвером развития могут стать цифровые финансовые технологии, расширяющие возможности по оказанию финансовых услуг и привлечению финансовых ресурсов, способствуя повышению доступности финансовых услуг, и в то же время сохраняя кооперативные принципы, что и определяет актуальность данного исследования [1].

С развитием IT-технологий происходит усиление конкуренции между традиционными финансовыми посредниками и технологическими компаниями на финансовом рынке на всех уровнях экономики.

В современных условиях кредитные потребительские кооперативы для сохранения своих конкурентных позиций на рынке микрокредитования вынуждены приближаться по своим функциональным возможностям к банкам и микрофинансовым организациям. В то же время традиционные кредитные организации достаточно тесно сотрудничают с FinTech-компаниями либо на основе контрактов, либо создают их внутри своих подразделений, что значительно увеличивает эффективность взаимодействия с клиентами, позволяя оказывать целый спектр связанных друг с другом финансовых услуг, формируя некую экосистему [2].

Следовательно, для обеспечения выживаемости кредитных потребительских кооперативов на рынке финансовых услуг, сохраняя при этом свои ценности и идеологию, необходимо искать возможности по активному внедрению современных цифровых технологий, позволяющих упростить взаимодействие пайщиков, кредитных потребительских кооперативов и саморегулируемой организации, сделав КПК прозрачными, понятными и удобными [7; 10].

При исследовании тенденций развития КПК нужно отметить, что с 2021 г. продолжается процесс консолидации, который характеризуется снижением портфеля займов и общего числа пайщиков (рис. 1). Вместе с тем данная форма организации оказывает поддержку заемщикам в случае недоступности других способов финансирования.

Отдельного внимания на фоне укрупнения КПК заслуживает сравнительный

анализ среднерыночных значений полной (займов) с микрофинансовыми организа-
стоимости потребительских кредитов циями (МФО), сгруппированных в таблице.

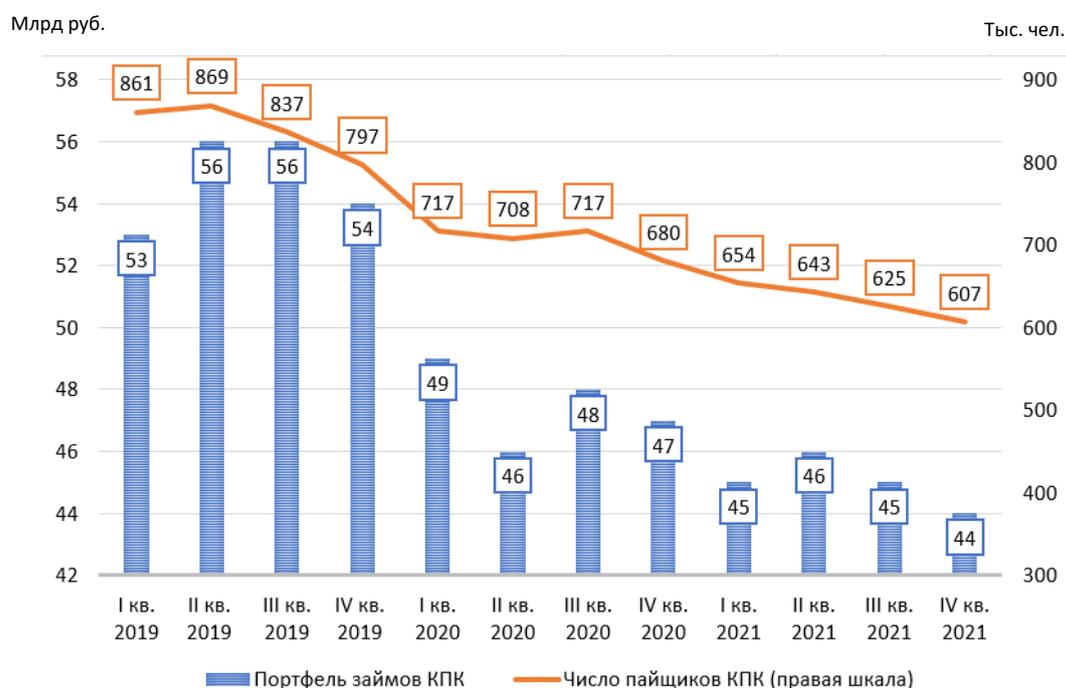

Рис. 1. Динамика основных показателей деятельности КПК

Источник: URL: <https://cbr.ru/microfinance/statistics/> (дата обращения: 02.06.2022).

Среднерыночные значения полной стоимости потребительских кредитов (займов) КПК и МФО (в %)

Категория потребительских кредитов (займов)	Среднерыночные значения полной стоимости потребительских кредитов (займов)			
	С 01.10.19 по 31.12.19	С 01.10.20 по 31.12.20	С 01.01.21 по 31.03.21	С 01.01.22 по 31.03.22
Потребительские займы с обеспечением в виде залога (КПК)	27,262	21,988	21,896	22,774
Потребительские займы без обеспечения, до 30 дней включительно, до 30 тыс. руб. (КПК)	188,815	186,903	186,704	185,148
Потребительские займы без обеспечения, свыше 365 дней, до 30 тыс. руб. включительно (КПК)	43,064	39,258	37,784	45,545
Потребительские займы с обеспечением в виде залога (МФО)	73,665	68,119	66,061	71,457
Потребительские займы без обеспечения, до 30 дней включительно, до 30 тыс. руб. (МФО)	348,974	346,706	349,161	353,058
Потребительские займы без обеспечения, свыше 365 дней, до 30 тыс. руб. включительно (МФО)	54,322	47,661	47,690	48,02**

* Источник: URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/psk/ (дата обращения: 02.06.2022).

** До 100 тыс. рублей включительно.

Данные таблицы показывают, что среднерыночные значения полной стоимости потребительских кредитов в кредитных потребительских кооперативах значительно ниже аналогичных показателей в микрофинансовых организациях, однако по определенным причинам микрофинансовые организации остаются более популярными и доступными, особенно среди физических лиц.

Так, по данным на середину 2021 г., 47% объема выдач в кредитных потребительских кооперативах приходится на необеспеченные займы. Некоторые виды таких займов по срокам и суммам сопоставимы с продуктами МФО. Из них наиболее востребованными категориями необеспеченных займов являются:

– краткосрочные – до 30 дней, до 30 тыс. рублей (средняя сумма займа – 7 тыс. рублей);

– среднесрочные – свыше 100 тыс. рублей сроком до 6 месяцев (средняя сумма – 380 тыс. рублей) и от 6 месяцев до 1 года (средняя сумма – 507 тыс. рублей) [11].

Следовательно, для обеспечения притока дополнительных участников (пайщиков) кредитным потребительским кооперативам необходимо искать пути совершенствования механизмов своей деятельности.

С учетом вышеизложенного основная цель проводимого исследования состоит в поиске и обосновании перспективных направлений цифровизации деятельности кредитных кооперативов.

На рис. 2 представлены основные направления развития КПК, полученные на основе проведенного Банком России опроса 92 кооперативов в мае 2021 г.

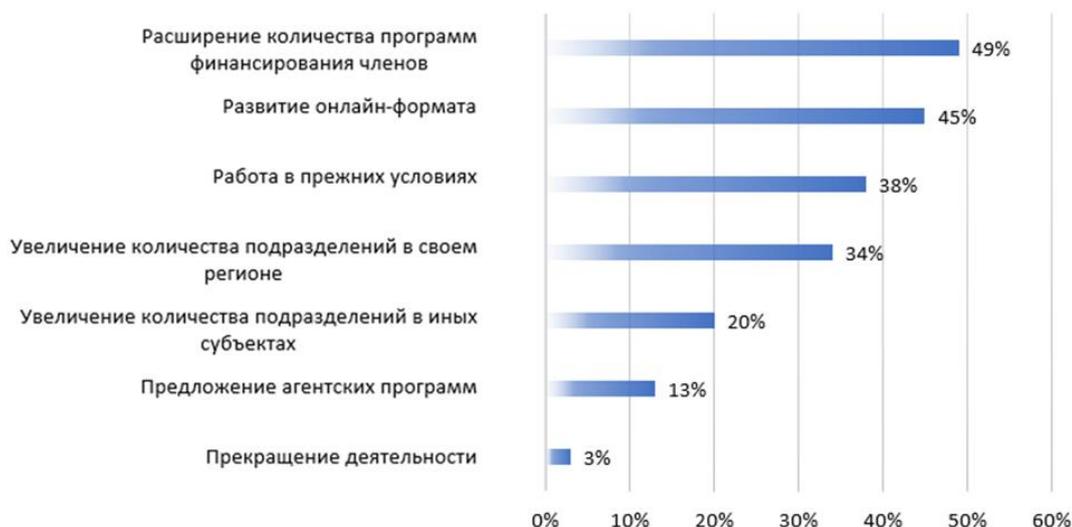

Рис. 2. Планы развития КПК

Источник: URL: <https://cbr.ru/analytics/microfinance/kpk/2021/>

Расширение спектра программ финансирования и развитие онлайн-формата заинтересовали практически половину всех КПК, что позволяет судить о правильности наших предположений о дальнейшем направлении развития их деятельности.

Значительное количество КПК внедряет более современные подходы к взаимодей-

ствию с потенциальными или действующими членами.

Между тем на сегодняшний день лишь треть кредитных потребительских кооперативов использует цифровые инструменты в процессе взаимодействия со своими членами и в решении задачи привлечения новых участников, а 35% КПК не исполь-

зуют инновационные подходы вовсе, о чем свидетельствуют данные проведенного Банком России опроса, результаты которого отражены на рис. 3.

В целом по итогам 2021 г. деятельность кредитных потребительских кооперативов испытывает некоторые сложности и деструктивные тенденции, которые также

происходят в результате дискредитирующих действий топ-менеджмента, заключающихся в нецелевом использовании ресурсов и несанкционированном выводе средств из кооператива, что в конечном счете часто приводит к их реорганизации или даже ликвидации.

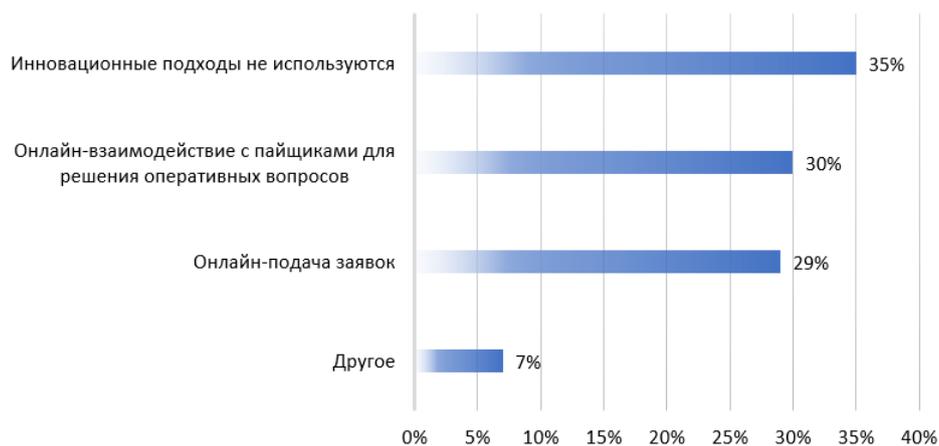

Рис. 3. Использование в работе современных методов взаимодействия с пайщиками

Источник: URL: <https://cbr.ru/analytics/microfinance/kpk/2021/>

По нашему мнению, с учетом изложенных фактов кредитным потребительским организациям наиболее целесообразно внедрять в практику своей деятельности цифровые технологии по следующим ключевым направлениям:

1. Цифровизация процессов организации и управления КПК, оптимизация взаимодействия ее членов, руководящего аппарата и саморегулирующей организации.

2. Использование современных цифровых технологий в деятельности КПК [8; 10].

Основной технологией по цифровизации процессов организации и управления КПК должно стать создание цифровой экосистемы и доведение ее элементов до практического использования. Однако в силу незначительных масштабов деятельности отдельно взятых КПК, с одной стороны, и достаточно дорогостоящих FinTech-технологий и инструментов – с другой, на наш взгляд, они покажут свою максимальную эффективность только при их интеграции в объединенные КПК второго уровня, на

уровне регионов или национальном уровне в целом. Только такой подход позволит создать полноценную, удобную и функциональную экосистему, интуитивно понятную для потенциальных пользователей.

Создаваемая на основе объединения КПК экосистема с интеграцией FinTech-технологий, включающая цифровые заемно-сберегательные, расчетные, гарантийные, обеспечительные и другие сервисы, цифровые платформы и прочие элементы, должна быть доступной для каждого входящего в объединение кооператива.

Из использованных современных цифровых технологий в деятельности КПК наиболее перспективными можно считать технологии распределенных реестров (блокчейн) и открытых интерфейсов. Так, переводение финансово-хозяйственной деятельности кредитного кооператива на блокчейн-цепочки в условиях замкнутости паевой базы способно решить проблемы незаконных, несанкционированных опе-

раций и непрозрачных решений менеджмента.

Таким образом, предлагаемые к интеграции в деятельность КПК технологии будут способствовать развитию кредитной кооперации в целом, усиливать конкурентные преимущества, основанные на кооперативных принципах, оптимизировать обмен информацией между пайщиками, руководством кооператива и саморегулируемой организацией о формировании и использовании общего кооперативного фонда.

Предлагаемые технологии способны повысить прозрачность и контролируемость операций кредитного кооператива, позволяя при этом избегать не только внешнего посредничества, но и необходимости содержания внутренних контрольных органов (например, ревизионной комиссии кооператива).

Все это позволит решить задачу доступности физических и юридических лиц к свободным финансовым ресурсам, более привлекательным по сравнению с услугами микрофинансовых организаций.

Список литературы

1. Баранов Д. Н. Ключевые технологии в области цифровизации социально-трудовых отношений. – URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2021-3/> (дата обращения: 03.06.2022).
2. Баранов Д. Н. Оценка потенциала применения цифровых технологий в области организации социально-трудовых отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. – URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-11-2021-60/> (дата обращения: 03.06.2022).
3. Горбач О. В. Отдельные вопросы саморегулирования в сфере финансового рынка // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 1 (88). – С. 51–57.
4. Грызунова Н. В. Влияние мисселинга на технологии формирования портфельных инвестиций // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2020. – № 6 (81). – С. 78–86.
5. Грызунова Н. В. Структурный продукт как инструмент управления проблемной задолженностью // Вестник университета. – 2019. – № 12. – С. 159–166.
6. Грызунова Н. В., Киселева И. А., Романченко О. В. Оптимизация денежных потоков компаний, основные факторы влияния // Экономико-правовые и социально-культурные аспекты взаимодействия и сотрудничества в интеграционном обществе : сборник статей Международной научно-практической конференции / под ред. Г. Б. Клейнера, Х. А. Константиныди, В. В. Сорокожердьева. – М., 2019. – С. 63–67.
7. Жансагимова А. Е., Ниязбекова Ш. У., Егинбаева А. Е. Элементы взаимодействия государства и бизнеса // Вестник университета «Туран». – 2016. – № 3 (71). – С. 44–48.
8. Жидков А. С. Концепция общественного блага и развитие сферы услуг // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2017. – № 4 (23). – С. 46–54.
9. Жидков А. С., Литвинюк А. В. Перспективы использования цифровых технологий в аудиторской деятельности // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2021. – № 1 (36). – С. 87–93.
10. Коробейникова О. М., Коробейников Д. А., Голубева Е. В., Чернованова Н. В. Цифровые инновации для кредитной кооперации // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2020. – № 1 (50). – С. 63–71.
11. Назаренко О. В., Ниязбекова Ш. У. Методы оптимизации налога на прибыль организаций // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2018. – № 2 (43). – С. 32–39.

12. Ниязбекова Ш. У., Иванова О. С. Развитие Fintech и big data в финансовой сфере: особенности, проблемы, возможности // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2020. – № 1 (32). – С. 30–36.

13. Manuylenko V. V., Razin D. A., Gryzunova N. V., Pyatanova V. I. Risk Management of the Company and Financial Security of the Company: Analysis of Modern Approaches. – Prague, 2021.

References

1. Baranov D. N. Klyuchevye tekhnologii v oblasti tsifrovizatsii sotsialno-trudovykh otnosheniy [Key Technologies in the Field of Digitalization of Social and Labor Relations]. (In Russ.). Available at: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2021-3/> (accessed 03.06.2022).

2. Baranov D. N. Otsenka potentsiala primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy v oblasti organizatsii sotsialno-trudovykh otnosheniy v sfere zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva [Assessment of the Potential for the Use of Digital Technologies in the Organization of Social and Labor Relations in the Field of Housing and Communal Services]. (In Russ.). Available at: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-11-2021-60/> (accessed 03.06.2022).

3. Gorbach O. V. Otdelnye voprosy samoregulirovaniya v sfere finansovogo rynka [Some Issues of Self-Regulation in the Financial Market]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [Siberian Law University], 2020, No. 1 (88), pp. 51–57. (In Russ.).

4. Gryzunova N. V. Vliyanie misselinga na tekhnologii formirovaniya portfelnykh investitsiy [The Influence of Misselling on Forming Technology Portfolio Investment]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus Federal University], 2020, No. 6 (81), pp. 78–86. (In Russ.).

5. Gryzunova N. V. Strukturnyy produkt kak instrument upravleniya problemnoy zadolzhennostyu [Structural Product as a Tool for Managing Problem Debt]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2019, No. 12, pp. 159–166. (In Russ.).

6. Gryzunova N. V., Kiseleva I. A., Romanchenko O. V. Optimizatsiya denezhnykh potokov kompaniy, osnovnye faktory vliyaniya [Optimization of Companies' Cash Flows, Main Factors of Influence]. *Ekonomiko-pravovye i sotsialno-kulturnye aspekty vzaimodeystviya i sotrudnichestva v integratsionnom obshchestve, sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Economic-Legal and Socio-Cultural Aspects of Interaction and Cooperation in an Integration Society. Collection of articles of the International Scientific-Practical Conference], edited by G. B. Kleyner, Kh. A. Konstantinidi, V. V. Sorokozherdev. Moscow, 2019, pp. 63–67. (In Russ.).

7. Zhansagimova A. E., Niyazbekova Sh. U., Eginbaeva A. E. Elementy vzaimodeystviya gosudarstva i biznesa [Elements of Interaction between the State and Business]. *Vestnik universiteta «Turan»*, 2016, No. 3 (71), pp. 44–48. (In Russ.).

8. Zhidkov A. S. Kontseptsiya obshchestvennogo blaga i razvitie sfery uslug [Concept of Public Blessing and Development of the Sphere of Services]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management], 2017, No. 4 (23), pp. 46–54. (In Russ.).

9. Zhidkov A. S., Litvinyuk A. V. Perspektivy ispolzovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v auditorskoy deyatelnosti [Prospects for the Use of Digital Technologies in Audit Activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management], 2021, No. 1 (36), pp. 87–93. (In Russ.).

10. Korobeynikova O. M., Korobeynikov D. A., Golubeva E. V., Chernovanova N. V. Tsifrovye innovatsii dlya kreditnoy kooperatsii [Digital Innovations for Credit Cooperation]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment], 2020, No. 1 (50), pp. 63–71. (In Russ.).

11. Nazarenko O. V., Niyazbekova Sh. U. Metody optimizatsii naloga na pribyl organizatsiy [Optimization Methods of Company Profittax]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment], 2018, No. 2 (43), pp. 32–39. (In Russ.).

12. Niyazbekova Sh. U., Ivanova O. S. Razvitie Fintech i big data v finansovoy sfere: osobennosti, problemy, vozmozhnosti [Development of Fintech and big data in the Financial Sphere: Features, Problems, Opportunities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management], 2020, No. 1 (32), pp. 30–36. (In Russ.).

13. Manuylenko V. V., Razin D. A., Gryzunova N. V., Pyatanova V. I. Risk Management of the Company and Financial Security of the Company: Analysis of Modern Approaches. Prague, 2021.

Сведения об авторе

Ани Рубеновна Симонян

аспирантка кафедры финансов
устойчивого развития
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: simonyan0010@gmail.com

Information about the author

Ani R. Simonyan

Post-Graduate Student of the Department
for Finance of Sustainable Development
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: simonyan0010@gmail.com

ПОНЯТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Е. А. Даниленко, В. Н. Рогожникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Стремительное развитие инноваций и активное внедрение новых технологий в повседневную жизнь оказывают большое влияние на формирование поведенческих паттернов. Первостепенной целью развития инноваций является формирование у человека способностей и компетенций, позволяющих ему не только эффективно адаптироваться к непрерывным изменениям в окружающем его мире, но и становиться инициатором подобных изменений. В результате в современной экономической науке формируется понятие о новом типе поведения человека – инновационном. В статье дана характеристика основных особенностей данного феномена. Цели исследования – выявление источников инновационного поведения в экономике и подходов к его исследованию; определение факторов, обуславливающих склонность индивида к инновационному типу поведения; характеристика особенностей инновационного поведения в сферах производства и потребления. Для достижения указанных целей применяются методы описания и сравнительного анализа, индуктивный и генетический подходы. Авторами сделан вывод о двойственной природе инновационного поведения, преобладании индивидуально-личностной, а не коллективной его обусловленности. При этом изменение поведенческих паттернов характерно не только для индивидов, непосредственно участвующих в производстве и внедрении новых технологий, но и для потребителей последних. В заключение представлено обобщенное определение инновационного поведения с точки зрения экономической теории.

Ключевые слова: инновации, экономическое поведение, инновационный потенциал личности, мотивация персонала, тенденции потребления, цифровизация.

THE IDEA OF INNOVATION BEHAVIOR IN PRESENT DAY ECONOMY

Ekaterina A. Danilenko, Varvara N. Rogozhnikova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Fast development of innovation and energetic introduction of new technologies in everyday life exercise a great impact on shaping behavior patters. A prime goal of innovation development is to stimulate people's abilities and competences that could allow them not only to adapt to constant changes in the world but also to initiate such changes. As a result, a notion of a new type of man's behavior is being devised in today's economics, i.e. innovation one. The article provides characteristic of key features of this phenomenon. The goals of the research is to identify sources of innovation behavior in economy and approaches to its investigation; to show factors stipulating individual's inclination to innovation behavior; to characterize peculiarities of innovation behavior in production and consumption. To attain the mentioned goals the authors use methods of description and comparative analysis, inductive and genetic approaches. The authors came to the conclusion about dubious nature of innovation behavior and domination of individual and personality but not collective conditionality in it. At the same time changes in behavior patters are typical not only of individuals directly participating in production and new technology introduction, but also of consumers of the latter. Finally, the authors provide a summarized definition of innovation behavior in view of economic theory.

Keywords: innovation, economic behavior, innovation potential of personality, personnel motivation, consumption trends, digitalization.

Введение

Поведение человека представляет собой комплексное явление, включающее широкий спектр осознанных и бессознательных реакций на внешние стимулы. Изучение форм и закономерностей поведения человека – одна из приоритетных задач современной экономической науки (в частности мейнстрима) в соответствии с тем пониманием ее предмета, которое сложилось на основе предпосылок неоклассической экономической теории. Отметим, что предметом экономической науки является поведение индивидов в рамках процессов производства, распределения и потребления, направленное на максимизацию собственных выгод при минимальных издержках.

Под экономическим поведением человека в общем смысле мы понимаем совокупность его действий, направленных на удовлетворение потребностей в условиях ограниченных ресурсов. Стоит отметить, что динамично меняющиеся условия экономической среды способствуют повышению разнообразия поведенческих паттернов агентов. Вместе с изменением образа жизни трансформируются система ценностей человека, его внутренние установки и мотивация, отношение к риску и неопределенности. Ключевая роль в данных изменениях принадлежит инновациям.

На сегодняшний день существует огромный пласт экономических исследований, посвященных изучению инноваций и инновационной деятельности. Под инновацией традиционно понимается нововведение, повышающее эффективность существующих процессов [27; 28]. При этом в последние годы происходит смещение основного акцента с макроэкономического аспекта на микроуровень, где особое внимание уделяется влиянию инноваций на отдельного экономического агента и его поведение.

Тем не менее, несмотря на многообразие взглядов, четкое определение понятия «инновационное поведение» и единое представление о процессе принятия инно-

вационных решений в литературе не сформированы. В то же время формулировка единого определения инновационного поведения имеет большое значение для формирования представлений о процессе принятия экономических решений и переосмысления модели поведения человека в современной экономике.

В научной литературе термин «инновационное поведение» часто используется в качестве синонима инновационной деятельности, что не позволяет раскрыть многогранность данного явления. Трудность в определении данного понятия не в последнюю очередь связана с междисциплинарным характером последнего [6]. Так, важное значение данное понятие приобрело в социологии и психологии, где инновационное поведение рассматривается в контексте изучения творческого потенциала личности [14].

Еще одной проблемой на пути к формулировке определения понятия инновационного поведения выступает необходимость различать:

- инновационное поведение производителей (фирм, предпринимателей);
- инновационное поведение работников предприятий;
- инновационное поведение потребителей.

Таким образом, цель данной статьи – дать характеристику особенностей инновационного поведения человека в современной экономике.

На пути к реализации поставленной цели необходимо выявить:

- места понятия «инновационное поведение» и основных подходов к его определению в экономической литературе;
- источников инновационного поведения в экономике;
- факторов, обуславливающих различия в склонности индивидов к производству и потреблению инноваций;
- специфики инновационного поведения человека в процессе производства;
- особенностей инновационного поведения современного потребителя.

Отметим, что все виды инновационного поведения следует рассматривать в их тесной взаимосвязи. Так, несмотря на то что основополагающим в экономике на первый взгляд является инновационное поведение производителей, именно инновационное поведение потребителей обеспечивает распространение инноваций в обществе и дальнейшее развитие инновационных экосистем [9].

Инновационное поведение: подходы к определению

Большинство исследований в области инновационного поведения ориентированы на изучение данного феномена с точки зрения управления организацией и менеджмента, т. е. рассматривают главным образом поведение работников. Это приводит к тому, что современные западные авторы во многом исходят из определения инновационного поведения В. Веста и Дж. Фарра, сформулированного еще в 1990-х гг. Согласно этому определению данное понятие трактуется как поведение, направленное на реализацию сотрудниками новых идей и процессов, способствующих оптимизации деятельности предприятия в целом или отдельных его подразделений [40]. В то же время в работах С. Скотта и Р. Брюса был сформирован подход к рассмотрению инновационного поведения в его взаимосвязи с творческим началом, подчеркивающий важность креативного поведения на этапе генерирования инновационных идей [37].

Более узкий подход к исследованию инновационного поведения предложили Ф. Юань и Р. Вудмэн. Они выделили две основные составляющие такого поведения: ориентацию на достижение успеха и социально-политическую компоненту [41]. С одной стороны, инновационное поведение направлено на повышение эффективности деятельности и базируется на ожидании дополнительных выгод как для предприятия в целом, так и для отдельных его сотрудников. С другой стороны, в рамках социально-политического подхода ис-

следователи полагают, что инновационное поведение представляет собой результат современных трендов в обществе и дань моде, являясь, таким образом, для предприятия скорее имиджевым, чем экономическим фактором [42]. Данный вывод применим к анализу инновационного поведения как на уровне фирм, так и на уровне отдельных экономических агентов.

Российские исследователи уделяют больше внимания личностным характеристикам инновационного поведения и его психологическим основам. В понятие инновационного поведения включается не только способность человека к генерации и внедрению новых идей, но и стремление к максимальной самореализации и проявлению своей индивидуальности [14]. Так, немаловажную роль играет наличие у экономического агента психологической потребности в реализации инноваций и принятии связанного с таким поведением риска [16]. В формировании данной потребности важно сочетание внешнего стимулирования в виде ожидаемого вознаграждения и непосредственно психологического настроения индивида к изучению и созданию нового.

Обобщенное понятие инновационного поведения, характеризующее данный конструкт как на уровне предприятия, так и на уровне отдельной личности, сформулировано Н. Ю. Молостовой. Она определяет данный феномен как «инициативный тип индивидуального или коллективного поведения, связанный с систематическим освоением социальными субъектами новых способов деятельности в различных сферах общественной жизни, либо с созданием новых объектов материальной и духовной культур» [14. – С. 133].

Подобным образом Е. В. Батоврина ассоциирует инновационное поведение со способностью человека «быть гибким, адаптироваться к быстро и зачастую непредсказуемо меняющимся условиям жизни, находить неординарные решения встающих перед ним задач, проявлять инициативу и максимально полно исполь-

зовать свой творческий потенциал» [4. – С. 215]. В. Ф. Исламутдинов и Р. Г. Шанга-раев под инновационным поведением понимают способность индивида предвидеть будущие изменения внешних условий, подготовиться к ним и в конечном итоге использовать их в свою пользу [9]. Отдельно выделяется также инновационный тип конкурентного поведения как разновидность конкурентного поведения производителя. Для данного типа поведения характерны создание принципиально новых товаров и услуг, а также высокая степень креативности в процессе их производства и реализации.

В. Е. Клочко и Э. В. Галажинский в свою очередь рассматривают инновационное поведение как совокупность инновационного потенциала личности, включающего личностные качества и компетенции, и мотивационной готовности к инновационной деятельности, представляющей собой способность индивида выходить за рамки сложившихся поведенческих паттернов и стереотипов и изменять их [10; 11]. При этом наряду с личными возможностями и готовностью человека к осуществлению инновационной деятельности важно наличие соответствующей среды, предоставляющей индивиду возможность реализации своего инновационного потенциала и саморазвития. Существующие институты могут как способствовать развитию инновационного поведения в обществе, так и нивелировать саму потребность в новаторстве, ограничив возможности применения и распространения инновационного знания.

Таким образом, в основе определения инновационного поведения лежит представление о его источнике. С одной стороны, инновационное поведение формируется в результате изменений внешних условий, требующих адаптации и оптимизации существующих процессов. С другой стороны, понятие инновационного поведения тесно взаимосвязано с внутренними потребностями и характеристиками личности. Изучению данного аспекта уделяет-

ся особое внимание в современных исследованиях. Таким образом, для более глубокого понимания феномена инновационного поведения необходимо проанализировать обе группы факторов.

Источники и мотивация инновационного поведения

Исходя из двоякой природы инновационного поведения можно сделать вывод о комплексности его происхождения. Наличие устойчивой мотивации как необходимого условия инновационного типа поведения обеспечивается взаимодействием внешних и внутренних ее компонентов. Таким образом, источниками инновационного поведения являются как факторы внешней среды, так внутренняя мотивация личности. Именно формирование эффективной комплексной мотивации играет ключевую роль в развитии творческого начала человека, выступающего важнейшим поведенческим фактором в эпоху неопределенности [13]. Отмечается, что одним из детерминантов инновационного типа поведения является склонность к принятию неопределенности и риска [30].

В. Е. Клочко и Э. В. Галажинский полагают, что в качестве источника инновационного поведения в обществе следует в первую очередь определять не потребность в данной активности, а ее возможность [10; 11]. В основе этого феномена лежит процесс саморазвития человека, представляющий собой «особую, только человеку присущую форму перехода возможности в действительность» [11. – С. 12]. Таким образом, важно еще раз подчеркнуть, что инновационное поведение представляет собой не просто приспособление к новым условиям существования, но и активное изменение внешней среды в процессе самореализации личности.

Стоит отметить, что развитие технологий – непрерывный, самоусиливающийся процесс, нарушающий экономическое равновесие и вынуждающий экономических агентов постоянно корректировать свои действия [23]. На сегодняшний день

процессы глобализации и тотальной цифровизации стремительно расширяют границы человеческих возможностей и предлагают новые, более эффективные способы самореализации. Цифровая трансформация экономики и развитие инновационных экосистем невозможны без развития соответствующих институтов и инфраструктуры. Все это в свою очередь формирует новые требования к человеку и как к специалисту-профессионалу, и как к члену общества в целом [1].

В частности, современный этап развития экономики способствует переходу к антропоцентрической организации производства, что требует от человека выхода за рамки своих базовых профессиональных функций, развития дополнительных компетенций и творческого подхода [10]. Таким образом, сегодня в обществе возникла потребность не в послушных исполнителях, а в инициативных созидателях, способных быстро ориентироваться в ситуации, мыслить гибко и брать на себя ответственность за смелые решения [5; 15].

Важнейшая роль в развитии инновационного типа поведения сегодня принадлежит именно внутренней мотивации и проактивности человека [38], включающей природную любознательность и стремление к познанию, потребность в новых впечатлениях, достижениях, а также общественном признании. В связи с этим особенно важным становится формирование подобной мотивации еще на этапе первичной социализации личности и дальнейшее ее стимулирование системой высшего образования. Этим обусловлено особое внимание исследователей к проблематике инновационного поведения в сфере образования [5; 15; 18]. Так, на сегодняшний день образование должно рассматриваться не просто как «система воспроизводства знания, передачи и усвоения прошлого опыта», но и как способ «производства, образования человеческого ресурса и капитала» [10. – С. 151].

Таким образом, среди основных характеристик инновационного поведения сле-

дует выделить целенаправленность и созидательность деятельности, ориентацию на достижение успеха, а не на преодоление неудачи, гибкость и быстроту реакции на изменения внешней среды, а также способность рационально анализировать возникающие трудности и стремление преодолевать их [5; 14].

В то же время способность к осуществлению инновационного поведения во многом определяется индивидуальными особенностями человека, которые попадают в фокус внимания исследователей, изучающих понятие «инновационная личность». В качестве характеристик инновационной личности чаще всего выделяют стремление к новизне и творчеству, инициативность и решительность, развитые социально-коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект, организаторские способности и лидерские качества.

В. Е. Ключко и Э. В. Галажинский вводят понятие «инновационный потенциал личности», включающий такие личностные качества, как толерантность к неопределенности и оправданному риску, мотивация к достижениям, креативность и развитый интеллект, а также высокие коммуникативные и информационные компетенции [10; 11].

Таким образом, основная задача инновационной личности состоит в обеспечении эффективного функционирования экономики в условиях информатизации и цифровизации. Несмотря на то, что на сегодняшний день далеко не все члены общества имеют отношение непосредственно к созданию инноваций, каждый может внести определенный вклад в их распространение. Адаптируясь к происходящим изменениям, а не игнорируя их, человек открывает для себя новые возможности и трансформирует свои поведенческие модели в повседневной жизни. Так, например, цифровые технологии могут помочь человеку оптимизировать свое поведение, выстроить баланс между сферами своей деятельности, а также более рационально распределять свои ресурсы.

Особого внимания требует рассмотрение феномена инновационного поведения сквозь призму соотношения индивидуального и коллективного. Так, М. Хе и Дж. Ли приходят к выводу, что на стадии разработки и первичного внедрения инновации индивидуализм оказывает положительный эффект на уровень инновационности поведения [30]. Инновационное поведение предполагает выход за рамки привычного, оригинальность решений и подходов.

Таким образом, несмотря на то что принадлежность к определенной группе и отождествление себя с ней, а также тесные внутрикомандные взаимосвязи могут быть мощным источником мотивации и повышения эффективности, данные факторы способны оказывать неоднозначное влияние на инновационное поведение внутри группы. Так, Р. Личфилд и соавторы, анализируя влияние групповой идентификации на инновационное поведение, утверждают, что мощное коллективное сознание может препятствовать развитию инновационного поведения в группе при отсутствии должного уровня рефлексии. В то же время на уровне межгруппового взаимодействия сильная командная идентификация внутри групп, напротив, может способствовать рождению инновационных идей и стратегий [33].

Данные результаты коррелируют с выводом Дж. Наранхо-Валенсия и соавторов, отмечающих, что наиболее подходящей организационной культурой для развития и проявления инновационного поведения является адхократия¹ [34]. Данная структура характеризуется гибкостью, отсутствием четкой иерархии и высокой степенью автономности отдельных проектных групп.

Таким образом, с нашей точки зрения, инновационное поведение представляет собой феномен скорее индивидуально-личностного уровня. Понятие инновационности противоположно консерватизму и традиционности, характерным для массового поведения в обществе. Инновацион-

ное поведение группы стоит рассматривать как совокупность индивидуальных инновационных паттернов. Коллективное инновационное поведение может формироваться на уровне малой группы, однако его основой и первоисточником является индивидуальный инновационный потенциал каждого из ее участников. Данный тезис согласуется с принципом методологического индивидуализма, принятым в рамках мейнстрима современной экономической теории.

Социально-демографическая обусловленность инновационного поведения

При анализе понятия инновационного поведения вне контекста психологических особенностей инновационной личности стоит обратить внимание и на социально-демографические характеристики такого поведения. Так, О. С. Сухарев называет фундаментальным ограничением экономической модели человека отсутствие учета такого параметра, как возраст [16]. Между тем модель поведения человека и его мотивация во многом обусловлены возрастом и трансформируются в течение жизни. Изменения в возрастной структуре общества оказывают существенное влияние на агрегированные потребности, структуру спроса и доминирующие поведенческие паттерны.

Логичным кажется утверждение, что стремление к разработке и внедрению новшеств в большей степени присуще молодым людям, т. е. людям в возрасте от 18 до 35 лет. Представители этой возрастной группы являются более восприимчивыми к инновациям в повседневной жизни и вносят основной вклад в распространение новых потребительских практик. Однако необходимо помнить, что инновационный тип поведения не сводится к активному пользованию современными гаджетами и сервисами, а также перениманию всех тенденций согласно моде на технические новинки.

В современных условиях ускоренный ритм жизни, а также ориентация на гиб-

¹ От лат. *ad hoc* – специально для этого случая.

кость и поощрение инициатив приводят к тому, что уже к 30 годам человек может обладать как развитыми психоэмоциональными характеристиками, формирующими инновационный тип мышления, так и достаточным практическим опытом в профессиональной деятельности и необходимыми новатору компетенциями. Это приводит к «омоложению» управленческих кадров, наблюдаемому в последние годы на многих современных предприятиях. Все чаще в инновационных, динамично развивающихся компаниях менеджерами высшего звена становятся люди 30–35 лет или даже моложе, что можно считать естественным эволюционным процессом вытеснения новаторами консерваторов.

Отметим, что развитие любой экономической системы предусматривает адаптацию к новым условиям и постепенное превращение новаторов в консерваторов. Однако возможен и обратный процесс, а также качественное развитие старого новатора, превращающее его в нового новатора [16]. Именно эти процессы приобретают сегодня особую важность. Молодые современные новаторы, имеющие высокий инновационный потенциал, располагают также и достаточным временем в рамках своего экономически активного возраста для прохождения нескольких кругов таких превращений. Г. Руйу и М. Бреши показывают, что представители старших поколений, в особенности имеющие высшее образование, с возрастом не теряют инновационного потенциала и склонности проявить его при благоприятных условиях [36].

Инновационное поведение представляет собой особый тип мышления, формирующийся в самом юном возрасте и проносимый человеком через большую часть жизни. Таким образом, разрабатывая портрет инновационной личности и понятие инновационного поведения, будет неправильным утверждать, что данные категории относятся к конкретным возрастным группам людей. Более корректным кажется вывод, что данным возрастам соответ-

ствует наилучшая возможность для реализации инновационного потенциала. То есть наилучшим образом сходятся между собой детерминанты инновационного поведения, выделенные В. Е. Клочко и Э. В. Галажинским: личностные, интеллектуальные и творческие возможности человека; благоприятная среда для реализации этих возможностей; внутренняя готовность человека реализовывать их здесь и теперь [10; 11].

Необходимо отметить, что феномен инновационного поведения не принадлежит конкретной сфере экономической деятельности человека. Изменение поведенческих паттернов характерно не только для индивидов, непосредственно участвующих в производстве и внедрении новых технологий, но и для потребителей последних.

Инновационное поведение в производстве

Что касается инновационного поведения сотрудников предприятий, Е. Батоврина на основе сложившихся в литературе представлений об источниках данного поведения выделяет три подхода к его определению: процессный, многозадачный и личностный [4]. Сторонники процессного подхода А. Венендаль и Т. Бондарук подчеркивают этапность инновационного процесса. Инновационным поведением они называют систему действий и реакций, демонстрируемых персоналом на разных стадиях инновационного развития рабочих процессов: от выявления проблемы до внедрения инновационного решения.

В рамках многозадачного подхода инновационным называют поведение, направленное на решение конкретных задач с целью повышения эффективности предприятия и активизации инновационного процесса. Представителями данного направления являются К. Йео Кхар, Дж. Сетела и М. Росли [41]. Личностный подход предполагает, что инновационное поведение является проявлением творче-

ского начала личности, совокупности внутренних установок и ценностей человека. Данный подход развивается Т. Амабайл [21], С. Хосе и С. Мампилли [32], а также отечественными авторами В. Е. Ключко, Э. В. Галажинским [10; 11], Н. Ю. Молостовой [14].

Особую важность в рамках обсуждаемого аспекта инновационного поведения приобретают вопросы стимулирования и поощрения сотрудников. Отмечается, что важнейшим стимулом к инновационному поведению сегодня является не внешняя организационная среда, а внутренняя активность работников, их самостоятельное стремление к данной модели поведения и готовность ее реализовать. При этом некоторые исследователи полагают, что в формировании внутренней мотивации к инновационному поведению основную роль играют не работодатели, а предшествующие этапы становления и социализации личности, в частности, как уже отмечалось выше, образовательная среда [4; 14]. В то же время уровень удовлетворенности местом своей работы в целом также оказывает благоприятное воздействие на стимулирование инновационного поведения у сотрудников, а косвенное влияние оказывают также дружественная атмосфера и поддержка коллег [24].

В результате в современных компаниях наивысший приоритет на сегодняшний день отдается развитию нематериальной мотивации сотрудников, повышению их личной внутренней заинтересованности в своей деятельности [31]. Творческие задачи, предоставление свободы в выборе способов их решения, публичное поощрение новаторства [2; 4; 35], а также наличие вдохновляющего лидера и активная вовлеченность в работу [22] являются одними из важнейших факторов, стимулирующих инновационное поведение работников. В. С. Комарова и С. Н. Кукушкин, однако, называют устаревшим разделение средств мотивации персонала на материальные и нематериальные, отмечая возрастающую популярность синергетического

подхода к управлению мотивацией [12]. Данный подход состоит в выстраивании системы мотивирования сотрудников, в рамках которой материальные и нематериальные методы гибко сочетаются и взаимно усиливают друг друга.

Также необходимо еще раз отметить высокую зависимость склонности к инновационному типу поведения от личностных качеств и компетенций сотрудников. Так, широкий кругозор и открытость к изменению внутренних установок и ценностей, равно как и стремление к самосовершенствованию, способствуют развитию инновационного типа поведения сотрудников [26; 29]. Кроме того, особую актуальность приобретают вопросы развития корпоративного обучения и повышения квалификации сотрудников, играющие важную роль в приумножении человеческого капитала организаций [17].

Таким образом, несмотря на различие во взглядах, все исследователи так или иначе отмечают огромную роль личностных характеристик в формировании инновационного поведения сотрудников. Развитие этих качеств и выстраивание мотивации для их успешного применения становятся ключевыми задачами управления персоналом, так как из инновационных поведенческих паттернов отдельных сотрудников складывается инновационный потенциал предприятия в целом.

Инновационное поведение в потреблении

Изучению инновационного поведения потребителей в литературе уделяется не так много внимания, что значительно обедняет понимание этого феномена в современных экономических исследованиях. Так, инновационное поведение потребителей связывают с готовностью индивида пробовать новые информационные технологии и перенимать новые идеи раньше большинства [25]. Подчеркивая комплексность данного феномена, выделяют две основные составляющие инновационного поведения потребителей: врожденное но-

ваторство и инновационность в специфической предметной области [25]. Врожденное новаторство означает предрасположенность человека к принятию инновационных товаров и услуг в целом, в то время как предметная инновационность подразумевает готовность к принятию инновационных сервисов в рамках конкретной сферы интересов. Индивиды, обладающие обеими характеристиками, находят новые технологии простыми в использовании и осваивают их раньше других [25].

Развитие цифровых технологий и инновационных сервисов побуждает покупателей менять свои привычки, формируя новые тенденции в потреблении. Так, поведенческие исследования показывают, что склонность к демонстративному потреблению в обществе снижается, и потребители становятся более практичными [3]. Эпоха глобализации наряду с расширением границ потребительского выбора способствует и формированию новых потребительских компетенций [7]. Современные технологии позволяют быть более избирательными в выборе, способствуя повышению ориентации на качество товара и безопасность сделки.

Свой вклад в данные тенденции уже внесла и пандемия COVID-19. Она не только позволила людям более осознанно подходить к собственным потребностям, но и способствовала формированию нового стимула к развитию креативной экономики [19; 39]. Кроме того, именно пандемия дала мощный толчок развитию онлайн-торговли в сфере продуктов питания и потребительских товаров [20]. Сформированные в результате потребительские привычки уже демонстрируют свою устойчивость и в отсутствие ковидных ограничений.

В качестве отдельного глобального тренда, формирующего потребительское поведение, стоит отметить склонность к сознательному потреблению, подразумевающему выбор товаров и производителей, соответствующих внутренним ценностям и установкам покупателя. К данной

категории можно отнести также и экологичное потребление.

Глобальная интернетизация потребления позволяет удовлетворить запрос на повышение удобства совершения покупок и минимизацию временных издержек, возникший в результате ускорения ритма жизни в обществе. Те же причины формируют и еще один потребительский тренд – все больший «аутсорсинг» бытовых вопросов, таких как приготовление еды или уборка дома [8].

Изменение потребительского поведения в свою очередь дает новый толчок дальнейшему развитию производственных и маркетинговых стратегий, обеспечивая выход экономики в целом на новый виток инновационного развития.

Заключение

Таким образом, инновационное поведение в современной экономике представляет собой комплексное понятие. Оно включает в себя как способность к предложению новых идей и технических решений, так и творческий потенциал личности. Феномен инновационного поведения обусловлен скорее индивидуальной, чем коллективной природой, а также имеет свои особенности в сфере производства и потребления, которые необходимо учитывать при его определении и разработке методологии поведенческих исследований.

Несмотря на то, что инновации в большей степени ассоциируются с молодым поколением, более динамичным и гибким в своих предпочтениях, нельзя утверждать, что инновационное поведение имеет возрастную детерминацию. Наиболее правильным представляется определение инновационного поведения как результата внутренне присущего человеку образа мышления, развиваемого в течение всей жизни. Таким образом, инновационность поведения в общем смысле проявляется прежде всего в собственной открытости к новому опыту и стремлении привносить новый опыт в жизнь других. Цифровая трансформация экономики способствует

преобразованию как модели организации производства и бизнеса, так и производимых товаров и услуг. Данные изменения требуют не простой адаптации, а осознанного принятия инноваций, способности предвосхищать их появление и управлять ими, приумножая свои преимущества. Та-

ким образом, инновационное поведение в экономике можно определить как сознательную гибкость в предпочтениях и потребностях, а также стремление к совершенствованию способов их удовлетворения в изменяющихся условиях.

Список литературы

1. Акбердина В. В., Василенко Е. В. Инновационная экосистема: теоретический обзор предметной области // Журнал экономической теории. – 2021. – № 3. – С. 462–473.
2. Алехина Е. И., Парахина В. Н. Актуальность стимулирования инновационной компетентности управленческих кадров в посткризисных условиях функционирования отечественных предприятий // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2018. – № 2 (65). – С. 55–62.
3. Аликперова Н. В. Поведение потребителей: современные реалии и глобальные тренды // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 4. – С. 46–51.
4. Батоврина Е. В. Мотивация инновационного поведения персонала // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 81. – С. 215–232.
5. Быкова Е. А. Личностные детерминанты инновационной деятельности педагогов и обучающихся // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 395–399.
6. Ваулина Т. А. Современные подходы к определению понятия «инновационное поведение» // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 340. – С. 168–171.
7. Депутатова Е. Ю. Рационализация потребительского поведения в эпоху пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 4-2. – С. 69–72.
8. Зверева А. О., Ильяшенко С. Б. Инновационные решения в торговле в контексте глобальных экономических процессов // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19. – № 3. – С. 609–618.
9. Исламутдинов В. Ф., Шангараев Р. Г. К вопросу о концепции инновационного человека // Вопросы инновационной экономики. – 2011. – № 4 (4). – С. 3–12.
10. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 325. – С. 146–151.
11. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Исследование инновационного потенциала личности: концептуальные основания // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 33. – С. 6–12.
12. Комарова В. С., Кукушкин С. Н. Мотивация персонала: опыт российских компаний // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2022. – Т. 19. – № 1 (121). – С. 84–93.
13. Лозина О. И., Рогожникова В. Н., Тутов Л. А. Модель творческого человека в современной экономике: опыт создания // Научные исследования экономического факультета : электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 7–20.
14. Молостова Н. Ю. Теоретико-методологические основания понятия «инновационное поведение» // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 5-1. – С. 132–136.
15. Перевозчикова Н. А., Багдасарова Д. Г. Управление мотивацией инновационной деятельности персонала современных вузов // Вестник Кемеровского государственного

университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2019. – № 1 (11). – С. 122–127.

16. Сухарев О. С. Психологические факторы в анализе инновационного поведения и экономического развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 11 (314). – С. 2–11.

17. Толстякова О. В. Формирование системы развития человеческого капитала путем внедрения непрерывного обучения // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 6. – С. 65–67.

18. Трапицына Г. Н., Трапицын С. Ю. Детерминанты инновационного поведения педагогов // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-3. – С. 320–325.

19. Харланов А. С. Влияние пандемии COVID-19 на развитие креативных индустрий и изменение поведения потребителей // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 245–248.

20. Щиголов В. А. Динамика развития рынка доставки продуктов и товаров народного потребления за последние три года // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2021. – Т. 18. – № 1 (115). – С. 166–172.

21. Amabile T. Motivating Creativity in Organizations: on Doing What You Love and Loving What You Do // California Management Review. – 1997. – Vol. 40. – N 1. – P. 39–58.

22. Amankwaa A., Susomrith P., Seet P-S. Innovative Behavior Among Service Workers and the Importance of Leadership: Evidence from an Emerging Economy // The Journal of Technology Transfer. – 2021. – Vol. 47 (8). – DOI: 10.1007/s10961-021-09853-6

23. Arthur W. B. Complexity Economics: A Different Framework for Economic Thought // Santa Fe Institute Working paper. – 2013.

24. Bani-Melhem S., Zeffane R., Albaity M. Determinants of Employees' Innovative Behavior // International Journal of Contemporary Hospitality Management. – 2018. – Vol. 30. – N 3. – P. 1601–1620.

25. Chauhan V., Yadav R., Choudhary V. Analyzing the Impact of Consumer Innovativeness and Perceived Risk in Internet Banking Adoption: A Study of Indian consumers // International Journal of Bank Marketing. – 2019. – Vol. 37. – N 1. – P. 323–339.

26. Duradoni M., Di Fabio A. Intrapreneurial Self-Capital and Sustainable Innovative Behavior within Organizations // Sustainability. – 2019. – N 11 (2). – P. 322–332.

27. Dziallas M., Blind K. Innovation Indicators Throughout the Innovation Process: An Extensive Literature Analysis // Technovation. – 2019. – Vol. 80–81. – P. 3–29.

28. Edwards-Schachter M. The Nature and Variety of Innovation // International Journal of Innovation Studies. – 2018. – Vol. 2. – N 2. – P. 65–79.

29. Farrukh M., Ansari N. Y., Raza A., Meng F., Wang, H. High-performance work practices do much, but H.E.R.O does more: an empirical investigation of employees' innovative behavior from the hospitality industry // European Journal of Innovation Management. – 2021. – DOI: 10.1108/EJIM-11-2020-0448

30. He M., Lee J. Social Culture and Innovation Diffusion: a Theoretically Founded Agent-Based Mode // Journal of Evolutionary Economics. – 2020. – N 30. – P. 1109–1149.

31. Iudin I., Kuzina L. Determinants of Employees' Innovative Behavior in Russian Organizations // Higher School of Economics Research Paper № WP BRP 114/STI/2020. – 2020. – URL: <https://www.hse.ru/data/2020/11/17/1367027956/114STI2020.pdf>

32. Jose S., Mampilly S. Innovative Work Behavior: Propositions on Influence from Within and Without an Individual and Organizational Context // Asia-Pacific Journal of Management Research and Innovation. – 2017. – N 12. – P. 232–237.

33. Litchfield R. C., Karakitapoğlu-Aygün Z., Gumusluoglu L., Carter M., Hirst G. When Team Identity Helps Innovation and When It Hurts: Team Identity and Its Relationship to Team and

Cross-Team Innovative Behavior // Journal of Product Innovation Management. – 2017. – N 35 (3). – P. 350–366.

34. Naranjo-Valencia J. C., Jimenez-Jimenez D., Sanz-Valle R. Organizational Culture and Radical Innovation: Does Innovative Behavior Mediate this Relationship? // Creativity and Innovation Management. – 2017. – N 26 (4). – P. 407–417.

35. Newman A., Tse H. H. M., Schwarz G., Nielsen I. The Effects of Employees' Creative Self-Efficacy on Innovative Behavior: The Role of Entrepreneurial Leadership // Journal of Business Research. – 2018. – N 89. – P. 1–9.

36. Ruiu G., Breschi M. The Effect of Aging on the Innovative Behavior of Entrepreneurs // Journal of the Knowledge Economy. – 2019. – N 10. – P. 1784–1807.

37. Scott S. G., Bruce R. A. Determinants of Innovative Behaviour: A Path Model of Individual Innovation in the Workplace // Academy of Management Journal. – 1994. – N 37. – P. 580–607.

38. Su F., Zhang J. Proactive Personality and Innovative Behavior: A Moderated Mediation Model // Social Behavior and Personality: An International Journal. – 2020. – N 48 (3). – P. 1–12.

39. Valaskova K., Durana P., Adamko P. Changes in Consumers' Purchase Patterns as a Consequence of the COVID-19 Pandemic // Mathematics. – 2021. – N 9 (15). – P. 1788.

40. West V. A., Farr J. L. Innovation at Work // Innovation and Creativity at Work: Psychological and Organizational Strategies. – Chichester, England : Wiley, 1990. – P. 3–13.

41. Yeoh Khar K., Sethela J., Rosli M. The Determinants of Innovative Work Behavior in the Knowledge Intensive Business Services Sector in Malaysia // Asian Social Science. – 2013. – Vol. 9. – N 15. – P. 47–59.

42. Yuan F., Woodman R. W. Innovative Behavior in the Workplace: The Role of Performance and Image Outcome Expectations // Academy of Management Journal. – 2010. – N 53. – P. 323–342.

References

1. Akberdina V. V., Vasilenko E. V. Innovatsionnaya ekosistema: teoreticheskiy obzor predmetnoy oblasti [Innovation Ecosystem: Theoretical Review of the Subject Area]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2021, No. 3, pp. 462–473. (In Russ.).

2. Alekhina E. I., Parakhina V. N. Aktualnost stimulirovaniya innovatsionnoy kompetentnosti upravlencheskikh kadrov v postkrisisnykh usloviyakh funktsionirovaniya otechestvennykh predpriyatiy [The Relevance of Stimulating the Innovative Competence of Managerial Personnel in Post-Crisis Conditions for the Functioning of Domestic Enterprises]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta* [Vestnik of the North Caucasian Federal University], 2018, No. 2 (65), pp. 55–62. (In Russ.).

3. Alikperova N. V. Povedenie potrebiteley: sovremennye realii i globalnye trendy [Consumer Behavior: Modern Realities and Global Trends]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Vestnik Humanitarian Sciences. Bulletin of the Financial University], 2019, No. 4, pp. 46–51. (In Russ.).

4. Batovrina E. V. Motivatsiya innovatsionnogo povedeniya personala [Motivation of Innovative Behavior of Personnel]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin], 2020, No. 81, pp. 215–232. (In Russ.).

5. Bykova E. A. Lichnostnye determinanty innovatsionnoy deyatel'nosti pedagogov i obuchayushchikhsya [Personal Determinants of Innovative Activities of Teachers and Students]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2018, No. 2 (69), pp. 395–399. (In Russ.).

6. Vaulina T. A. *Sovremennye podkhody k opredeleniyu ponyatiya «innovatsionnoe povedenie»* [Modern Approaches to the Definition of the Concept of «Innovative behavior»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Tomsk State University], 2010, No. 340, pp. 168–171. (In Russ.).

7. Deputatova E. Yu. *Ratsionalizatsiya potrebitelskogo povedeniya v epokhu pandemii* [Rationalization of Consumer Behavior in the Era of a Pandemic]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2020, No. 4-2, pp. 69–72. (In Russ.).

8. Zvereva A. O., Ilyashenko S. B. *Innovatsionnye resheniya v torgovle v kontekste globalnykh ekonomicheskikh protsessov* [Innovative Solutions in Trade in the Context of Global Economic Processes]. *Rossiyskoe predprinimatelstvo* [Russian Entrepreneurship], 2018, Vol. 19, No. 3, pp. 609–618. (In Russ.).

9. Islamutdinov V. F., SHangaraev R. G. *K voprosu o kontseptsii innovatsionnogo cheloveka* [On the Issue of the Concept of an Innovative Person]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Questions of Innovative Economics], 2011, No. 4 (4), pp. 3–12. (In Russ.).

10. Klochko V. E., Galazhinskiy E. V. *Innovatsionnyy potentsial lichnosti: sistemno-antropologicheskii kontekst* [Innovative Potential of Personality: System-Anthropological Context]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Tomsk State University], 2009, No. 325, pp. 146–151. (In Russ.).

11. Klochko V. E., Galazhinskiy E. V. *Issledovanie innovatsionnogo potentsiala lichnosti: kontseptualnye osnovaniya* [The Study of the Innovative Potential of the Individual: Conceptual Foundations]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2009, No. 33, pp. 6–12. (In Russ.).

12. Komarova V. S., Kukushkin S. N. *Motivatsiya personala: opyt rossiyskikh kompaniy* [Personnel Motivation: the Experience of Russian Companies]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2022, Vol. 19, No. 1 (121), pp. 84–93. (In Russ.).

13. Lozina O. I., Rogozhnikova V. N., Tutov L. A. *Model tvorcheskogo cheloveka v sovremennoy ekonomike: opyt sozdaniya* [A Model of a Creative Person in the Modern Economy: an Experience of Creation]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakulteta, elektronnyy zhurnal ekonomicheskogo fakulteta MGU imeni M. V. Lomonosova* [Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University], 2020, Vol. 12, No. 4, pp. 7–20. (In Russ.).

14. Molostova N. Yu. *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya ponyatiya «innovatsionnoe povedenie»* [Theoretical and Methodological Foundations of the Concept of «Innovative Behavior»]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, No. 5-1, pp. 132–136. (In Russ.).

15. Perevozchikova N. A., Bagdasarova D. G. *Upravlenie motivatsiey innovatsionnoy deyatel'nosti personala sovremennykh vuzov* [Motivation Management of Innovative Activity of Personnel of Modern Universities]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Vestnik of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 2019, No. 1 (11), pp. 122–127. (In Russ.).

16. Sukharev O. S. *Psikhologicheskie faktory v analize innovatsionnogo povedeniya i ekonomicheskogo razvitiya* [Psychological Factors in the Analysis of Innovative Behavior and Economic Development]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2013, No. 11 (314), pp. 2–11. (In Russ.).

17. Tolstyakova O. V. *Formirovanie sistemy razvitiya chelovecheskogo kapitala putem vnedreniya nepreryvnogo obucheniya* [Formation of the Human Capital Development System through the Introduction of Continuous Learning]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2021, No. 6, pp. 65–67. (In Russ.).

18. Trapitsyna G. N., Trapitsyn S. Yu. Determinanty innovatsionnogo povedeniya pedagogov [Determinants of Innovative Behavior of Teachers]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2018, No. 60-3, pp. 320–325. (In Russ.).

19. Kharlanov A. S. Vliyanie pandemii COVID-19 na razvitie kreativnykh industriy i izmenenie povedeniya potrebiteley [The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Development of Creative Industries and Changing Consumer Behavior]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2022, No. 2, pp. 245–248. (In Russ.).

20. Shchigolev V. A. Dinamika razvitiya rynka dostavki produktov i tovarov narodnogo potrebleniya za poslednie tri goda [Dynamics of the Development of the Market for the Delivery of Products and Consumer Goods over the Past Three Years]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2021, Vol. 18, No. 1 (115), pp. 166–172. (In Russ.).

21. Amabile T. Motivating Creativity in Organizations: on Doing What You Love and Loving What You Do. *California Management Review*, 1997, Vol. 40, No. 1, pp. 39–58.

22. Amankwaa A., Susomrith P., Seet P-S. Innovative Behavior Among Service Workers and the Importance of Leadership: Evidence from an Emerging Economy. *The Journal of Technology Transfer*, 2021, Vol. 47 (8). DOI: 10.1007/s10961-021-09853-6

23. Arthur W. B. Complexity Economics: A Different Framework for Economic Thought. *Santa Fe Institute Working paper*, 2013.

24. Bani-Melhem S., Zeffane R., Albaity M. Determinants of Employees' Innovative Behavior. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2018, Vol. 30, No. 3, pp. 1601–1620.

25. Chauhan V., Yadav R., Choudhary V. Analyzing the Impact of Consumer Innovativeness and Perceived Risk in Internet Banking Adoption: A Study of Indian consumers. *International Journal of Bank Marketing*, 2019, Vol. 37, No. 1, pp. 323–339.

26. Duradoni M., Di Fabio A. Intrapreneurial Self-Capital and Sustainable Innovative Behavior within Organizations. *Sustainability*, 2019, No. 11 (2), pp. 322–332.

27. Dziallas M., Blind K. Innovation Indicators Throughout the Innovation Process: An Extensive Literature Analysis. *Technovation*, 2019, Vol. 80–81, pp. 3–29.

28. Edwards-Schachter M. The Nature and Variety of Innovation. *International Journal of Innovation Studies*, 2018, Vol. 2, No. 2, pp. 65–79.

29. Farrukh M., Ansari N. Y., Raza A., Meng F., Wang, H. High-performance work practices do much, but H.E.R.O does more: an empirical investigation of employees' innovative behavior from the hospitality industry. *European Journal of Innovation Management*, 2021. DOI: 10.1108/EJIM-11-2020-0448

30. He M., Lee J. Social Culture and Innovation Diffusion: a Theoretically Founded Agent-Based Mode. *Journal of Evolutionary Economics*, 2020, No. 30, pp. 1109–1149.

31. Iudin I., Kuzina L. Determinants of Employees' Innovative Behavior in Russian Organizations. *Higher School of Economics Research Paper № WP BRP 114/STI/2020*, 2020. URL: <https://www.hse.ru/data/2020/11/17/1367027956/114STI2020.pdf>

32. Jose S., Mampilly S. Innovative Work Behavior: Propositions on Influence from Within and Without an Individual and Organizational Context. *Asia-Pacific Journal of Management Research and Innovation*, 2017, No. 12, pp. 232–237.

33. Litchfield R. C., Karakitapoğlu-Aygün Z., Gumusluoglu L., Carter M., Hirst G. When Team Identity Helps Innovation and When It Hurts: Team Identity and Its Relationship to Team and Cross-Team Innovative Behavior. *Journal of Product Innovation Management*, 2017, No. 35 (3), pp. 350–366.

34. Naranjo-Valencia J. C., Jimenez-Jimenez D., Sanz-Valle R. Organizational Culture and Radical Innovation: Does Innovative Behavior Mediate this Relationship? *Creativity and Innovation Management*, 2017, No. 26 (4), pp. 407–417.
35. Newman A., Tse H. H. M., Schwarz G., Nielsen I. The Effects of Employees' Creative Self-Efficacy on Innovative Behavior: The Role of Entrepreneurial Leadership. *Journal of Business Research*, 2018, No. 89, pp. 1–9.
36. Ruiu G., Breschi M. The Effect of Aging on the Innovative Behavior of Entrepreneurs. *Journal of the Knowledge Economy*, 2019, No. 10, pp. 1784–1807.
37. Scott S. G., Bruce R. A. Determinants of Innovative Behaviour: A Path Model of Individual Innovation in the Workplace. *Academy of Management Journal*, 1994, No. 37, pp. 580–607.
38. Su F., Zhang J. Proactive Personality and Innovative Behavior: A Moderated Mediation Model. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 2020, No. 48 (3), pp. 1–12.
39. Valaskova K., Durana P., Adamko P. Changes in Consumers' Purchase Patterns as a Consequence of the COVID-19 Pandemic. *Mathematics*, 2021, No. 9 (15), pp. 1788.
40. West V. A., Farr J. L. Innovation at Work. *Innovation and Creativity at Work: Psychological and Organizational Strategies*. Chichester, England, Wiley, 1990, pp. 3–13.
41. Yeoh Khar K., Sethela J., Rosli M. The Determinants of Innovative Work Behavior in the Knowledge Intensive Business Services Sector in Malaysia. *Asian Social Science*, 2013, Vol. 9, No. 15, pp. 47–59.
42. Yuan F., Woodman R. W. Innovative Behavior in the Workplace: The Role of Performance and Image Outcome Expectations. *Academy of Management Journal*, 2010, No. 53, pp. 323–342.

Сведения об авторах

Екатерина Алексеевна Даниленко

аспирантка кафедры философии
и методологии экономики
МГУ имени М. В. Ломоносова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М. В. Ломоносова»,
119234, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 46.
E-mail: danilenkoea@my.msu.ru

Варвара Николаевна Рогожникова

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
и методологии экономики
МГУ имени М. В. Ломоносова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М. В. Ломоносова»,
119234, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 46.
E-mail: veselial@mail.ru

Information about the authors

Ekaterina A. Danilenko

Post-Graduate Student of the Department
for Philosophy and Methodology of Economics
of the Lomonosov MSU.
Address: Federal State Educational Institution
of Higher Professional Education Lomonosov
Moscow State University, 46 building,
1 Leninskie gory, Moscow, 119234,
Russian Federation.
E-mail: danilenkoea@my.msu.ru

Varvara N. Rogozhnikova

PhD, Assistant Professor
of the Department for Philosophy
and Methodology of Economics
of the Lomonosov MSU.
Address: Federal State Educational Institution
of Higher Professional Education Lomonosov
Moscow State University, 46 building,
1 Leninskie gory, Moscow, 119234,
Russian Federation.
E-mail: veselial@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ В ЦЕЛОМ И НА ОТДЕЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ СТРАНЫ (на примере Краснодарского края)

И. В. Балашова, Т. А. Терещенко

Краснодарский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Краснодар, Россия

Большое количество предприятий малого и среднего предпринимательства (МСП), а также огромное разнообразие специализаций компаний повышают конкурентоспособность экономики. Значительное сокращение числа микро- и малых предприятий в 2020 г. при одновременном увеличении количества средних предприятий показывает, что одни организации прекратили осуществлять свою деятельность, а другие, наоборот, объединились с целью укрупнения и выхода на новый уровень экономического развития. Поскольку 2020 г. ознаменовался периодом коронавирусной инфекции, то некоторые организации приняли решение объединиться и переквалифицировать свою деятельность в те направления, которые активно поддерживало государство в период пандемии, чтобы продолжать вести бизнес в столь сложное время для экономики страны благодаря его помощи. В целом одной из основных причин сокращения числа субъектов МСП за анализируемый период является введение ограничительных мер из-за коронавирусной инфекции в 2020 г. Многие предприятия понесли убытки в период пандемии и были вынуждены прекратить свою деятельность. Рекомендации автора по результатам исследования рекомендации по устранению последствий пандемии могут оказать благоприятное влияние на развитие экономического потенциала субъектов малого предпринимательства.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, конкурентоспособность экономики, социально-экономическое развитие.

THE IMPACT OF CORONA VIRUS INFECTION ON ECONOMY OF RUSSIA IN GENERAL AND ON CERTAIN REGIONS OF THE COUNTRY (illustrated by the Krasnodar area)

Irina V. Balashova, Tatyana A. Tereshchenko

Krasnodar branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Krasnodar, Russia

A great number of enterprises of small and medium business (SMB) and a big variety of company specializations increase competitiveness of economy. A serious drop in the number of micro- and small enterprises in 2020 with a simultaneous increase in the number of medium enterprises testify to the fact that some organizations ceased their work, while others, on the contrary, integrate in order to expand and reach a new level of economic development. As 2020 was marked by the period of the corona virus infection, some organizations took a decision to merge and change their specialization to such area that were supported by the government during the pandemic to continue their business in such a complicated situation thanks to the state aid. In general, a key reason for cutting the number of SMB entities during this period is restrictive measures introduced in 2020 due to the corona virus infection. A lot of enterprises suffered losses during the pandemic and were forced to stop working. Recommendations worked out by the author on the basis of research findings can produce a favorable impact on the development of economic potential of small business enterprises.

Keywords: small and medium business, economy competitiveness, social and economic development.

В связи со сложившейся ситуацией в мире многих волнует, как повлияет коронавирусная инфекция на экономику и бизнес в России в целом. В настоящее время можно наблюдать тенденцию спада экономики России. Развитие малого и среднего предпринимательства будет способствовать созданию новых рабочих мест, увеличению занятости и числа экономически активного населения, обеспечению роста налоговых поступлений в бюджет.

В структуре МСП выделяют микропредприятия и малые и средние предприятия. Рассмотрим более подробно основные показатели деятельности МСП в России за период 2018–2021 гг. Как видно из табл. 1, в целом количество субъектов МСП за анализируемый период ежегодно сокращалось. С 2018 по 2021 г. данный показатель уменьшился на 354 655 единиц, или на 5,87%.

Таблица 1

**Основные показатели деятельности МСП в России за период 2018–2021 гг.
(по состоянию на 1 января)**

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021
Количество субъектов МСП – всего	6 039 216	6 041 195	5 916 906	5 684 561
В том числе:				
микропредприятия	5 751 885	5 771 626	5 675 756	5 450 261
малые предприятия	267 033	250 758	224 105	216 615
средние предприятия	20 298	18 811	17 045	17 685
Количество работников – всего, чел.	16 106 581	15 873 589	15 321 788	15 491 144
В том числе:				
микропредприятия	7 029 955	7 522 729	7 429 623	7 519 074
малые предприятия	7 099 040	6 538 893	6 189 172	6 143 489
средние предприятия	1 977 586	1 811 967	1 702 993	1 828 581
Объем продукции – всего, млрд руб.	3 818	4 823	6 081	8 160
В том числе:				
микропредприятия	2 574	3 595	4 742	6 696
малые предприятия	981	957	1 094	1 226
средние предприятия	263	271	245	238

Число микро- и малых предприятий к 2021 г. имело тенденцию сокращения, в то время как количество средних предприятий, наоборот, увеличилось. Данное изменение связано с объединением малых предприятий в более крупную форму бизнеса. Также можно заметить, что МСП состоит в основном из микропредприятий. Их доля в общей структуре составляет более 95%. На малые и средние предприятия приходится около 4–5% от общего числа субъектов МСП, однако, несмотря на их столь малое количество, они предоставляют около 40% рабочих мест населению.

Анализ общего числа работников МСП показывает, что с 2018 по 2020 г. наблюдалась тенденция сокращения сотрудников, но к 2021 г. произошло увеличение исследуемого показателя. На данное изменение значительно повлиял рост количества работников микро- и средних предприятий – с 2020 по 2021 г. состав микропредприятий увеличился на 89 451 человек, или на 1,2%, а средних предприятий – на 125 588 человек, или на 7,37%. Численность работников на микро- и малых предприятиях составляла большую часть от общего объема МСП.

Объем выпускаемой продукции МСП имеет положительную тенденцию за анализируемый период. С 2018 по 2021 г. данный показатель увеличился более чем в 2 раза – с 3 818 млрд до 8 160 млрд рублей. Основную часть продукции производят микропредприятия, меньше всего – предприятия средних размеров. Несмотря на увеличение числа средних организаций и численности сотрудников в них, объем выпускаемой продукции данной формой бизнеса ежегодно уменьшается. Такое изменение связано с тем, что многие предприятия, которые относительно недавно

перешли в формат средних, еще не начали достигать желаемых объемов производства, так как только осваиваются в новой нише экономики.

Одним из важных факторов, влияющих на состояние МСП, является территориальное расположение предприятий. Существуют большие различия в части географической плотности малого бизнеса, а также вовлеченности населения в предпринимательскую деятельность. Структура субъектов МСП по федеральным округам представлена в табл. 2.

Таблица 2

Структура субъектов МСП по федеральным округам (в %)

Федеральный округ	2018	2019	2020	2021
Центральный	30	31	31	37
Северо-Западный	12	12	12	13
Южный	12	12	12	8
Северо-Кавказский	3	3	3	3
Поволжский	18	18	18	19
Уральский	9	9	8	7
Сибирский	12	11	11	9
Дальневосточный	4	4	5	4
Итого	100	100	100	100

Наибольшее число предприятий малого и среднего бизнеса размещено в Центральном, Северо-Западном, Поволжском и Южном федеральных округах, причем их количество в первых трех округах имеет тенденцию к увеличению. В Южном федеральном округе к 2021 г. значительно сократилось число субъектов малого бизнеса, что в большей части связано с введением ограничительных мер из-за коронавирусной инфекции в 2020 г. Особенно высока доля малых и средних предприятий в Центральном федеральном округе. В Северо-Кавказском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах значительная доля в экономике приходится на отрасли первичного сектора, которые не ориентированы на МСП (сырьевой сектор и сельское хозяйство), поэтому данные

округа имеют небольшую долю в общем объеме. Несмотря на то, что в Сибирском федеральном округе находятся крупные регионы с достаточно развитой экономикой, к сожалению, он не занимает лидерских позиций, и число субъектов малого бизнеса в данном округе ежегодно уменьшается [3].

Большое количество малых и средних предприятий, а также огромное разнообразие специализаций компаний повышают конкурентоспособность экономики. На сегодняшний день многие развитые регионы за счет МСП усиливают свое преимущество перед другими регионами.

Рассмотрим число субъектов МСП и сумму среднесписочной численности сотрудников МСП в Краснодарском крае с 2019 по 2021 г. (табл. 3 и 4).

Таблица 3
Количество организаций МСП в Краснодарском крае за 2019–2021 гг.

	На 10.06.19	На 10.06.20	На 10.06.21	Абсолютное изменение (2021/2019), (+; -)	Темп изменения (2021/2019), %
Микропредприятия	280 436	273 065	265 608	-14 828	94,71
Малые предприятия	7 898	7 159	6 965	-933	88,19
Средние предприятия	592	560	580	-12	97,97
Всего	288 926	280 784	273 153	-15 773	94,54

Таблица 4
Сумма среднесписочной численности сотрудников МСП в Краснодарском крае
за 2019–2021 гг. (в чел.)

	На 10.06.19	На 10.06.20	На 10.06.21	Абсолютное изменение (2021/2019), (+; -)	Темп изменения (2021/2019), %
Микропредприятия	273 686	280 681	285 096	+11 410	104,17
Малые предприятия	209 141	198 301	200 307	-8 834	95,78
Средние предприятия	60 258	60 323	62 889	+2 631	104,37
Всего	543 085	539 305	548 292	+5 207	100,96

Как показывают данные, приведенные в табл. 3, большая доля организаций малого и среднего предпринимательства приходится на микропредприятия. Их удельный вес составляет более 95%. Меньшую часть занимают предприятия среднего размера (0,2%). За анализируемый период прослеживается отрицательная тенденция изменения числа субъектов МСП.

Количество микропредприятий с 10 июня 2019 г. по 10 июня 2021 г. сократилось на 14 828 единиц, или на 5,29%. Число малых предприятий также ежегодно уменьшалось – с 7 898 до 6 965.

В отношении организаций средних размеров ситуация немного иная. По состоянию на 10 июня 2021 г. их число в сравнении с данными на 10 июня 2019 г. сократилось на 12 единиц, или на 2,03%, а в сравнении данными на 10 июня 2020 г. количество средних предприятий увеличилось на 20 единиц, или на 3,57%.

Поскольку число микропредприятий составляет более 95% от общего количества МСП, то рабочие места, предоставляемые данным субъектом малого бизнеса, занимают основную часть (более 50%). За анализируемый период сумма среднесписоч-

ной численности сотрудников микропредприятий увеличилась на 11 410 человек, или на 4,17%, при одновременном уменьшении количества организаций данного типа на 14 828 единиц, или на 5,29%.

Среднесписочная численность сотрудников малых предприятий по состоянию на 10 июня 2021 г. сократилась на 8 834 человека, или на 4,22%, в сравнении с данными на 10 июня 2019 г., но увеличилась на 2 006 человек, или на 1,014%, в сравнении с данными на 10 июня 2020 г., несмотря на тенденцию к сокращению числа малых предприятий.

Обратная зависимость существует между показателями количества субъектов МСП, а именно микро- и малых предприятий, и суммой среднесписочной численности сотрудников. Это свидетельствует о том, что в организациях данного типа ранее сотрудники были трудоустроены неофициально. Однако после того как государство в период пандемии 2020 г. стало оказывать финансовую поддержку каждому работнику малого бизнеса, предприятия были вынуждены официально офор-

мить всех своих сотрудников для получения данной государственной помощи.

Что касается средних предприятий, то можно заметить обратную зависимость суммы среднесписочной численности сотрудников от количества предприятий: в период уменьшения числа организаций с 10 июня 2019 г. по 10 июня 2021 г. наблюдалось увеличение суммы среднесписочной численности на 2 631 человек, или на 4,37%.

В период коронавирусной инфекции государство активно поддерживало МСП.

Для комплексного развития МСП в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» было определено пять направлений, реализуемых в регионах:

1. Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства.
2. Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации.
3. Популяризация предпринимательства.
4. Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию
5. Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности.

На данные направления запланировано потратить более 480 млрд рублей, что в три раза больше, чем было выделено на господдержку МСП в 2008–2017 гг. 85% из них – это обязательства федерального уровня. Однако, по мнению экспертов, увеличение объема государственной поддержки не решает проблемы МСП, так как его развитие сдерживается по следующим причинам:

- сложность доступа к кредитным ресурсам;
- непрозрачность мер государственной поддержки.

Малый бизнес благоприятно влияет на экономику страны в целом, поэтому государству следует активно заниматься развитием данного сектора экономики.

На сегодняшний день Краснодарский край принадлежит к группе регионов России, которые отличаются наиболее динамичным развитием, что обеспечивается во многом активным развитием субъектов МСП на территории края.

Развитие субъектов МСП в крае осуществляется преимущественно в сферах легкой и тяжелой промышленности, сельского хозяйства, АПК, транспорта, коммуникаций, образования и здравоохранения, а также в некоторых других. Важно отметить, что сфера услуг на сегодняшний день также открывает огромные возможности для развития бизнеса в рассматриваемых секторах (преимущественно для бизнеса малых форм). В сфере услуг постоянно возникают новые прибыльные и перспективные рыночные ниши, в том числе высокотехнологичного производства, телекоммуникаций и др.

На основе анализа структуры и динамики различных показателей субъектов малого бизнеса Краснодарского края за 2019–2021 гг. можно выделить следующие проблемы:

1. *Нехватка собственных денежных средств.* Данная проблема была всегда актуальна, однако в период распространения коронавирусной инфекции в 2020 г. многие жители страны потеряли стабильный заработок, у большинства россиян стал сильно ограничен бюджет, соответственно, чтобы открыть новый бизнес, не хватало денежных средств.

2. *Недостаточная поддержка государства.* Данная проблема тесно взаимосвязана с первой, однако, помимо недостаточной финансовой поддержки малого бизнеса, речь идет об отсутствии развитых социально-экономических механизмов, которые могут способствовать развитию различных бизнес-идей. В период пандемии государство активно поддерживало уже существующие предприятия, но не оказывало внимания поддержке малого бизнеса на начальном этапе [4].

3. *Довольно высокие хозяйственные риски в условиях нестабильной экономической систе-*

мы, которые появляются по внешним и внутренним причинам. Оказать влияние на различные мировые изменения, вызванные в 2020 г. коронавирусной инфекцией, невозможно, но внутри собственной страны вполне реально минимизировать негативные последствия экономической нестабильности из-за пандемии.

4. *Нехватка квалифицированного персонала.* Данная проблема довольно актуальна для предприятий малого бизнеса, поскольку не все организации имеют финансовую возможность обеспечивать достойную заработную плату сотрудникам с высоким уровнем профессионализма [1]. Также в период коронавирусной инфекции была еще одна проблема, связанная с персоналом организации, – большинство предприятий потеряли квалифицированных работников, так как не имели возможности оплачивать их труд.

5. *Низкий спрос на инновационные технологии со стороны малых предприятий.* В XXI в. существует большое количество различных нововведений, которые позволяют во многом усовершенствовать бизнес. Однако малые предприятия не могут использовать инновационные продукты, поскольку их стоимость слишком высока и у организаций не хватает денежных средств на их приобретение.

6. *Низкий спрос предпринимателей малого бизнеса на развитие технологических и фондоемких производств из-за отсутствия интереса инвесторов в финансировании бизнес-идей в данной области.* Большинство предпринимателей выбирают сферу торговли и общественного питания, поскольку именно данные отрасли пользуются большим спросом покупателей, и есть вероятность финансовой поддержки инвесторов [6]. Однако остаются без внимания технологические и фондоемкие производства, так как предприниматели понимают, что данные отрасли довольно затратные и инвестирование в них маловероятно.

7. *Недостаточно сведений о рынках сбыта в Краснодарском крае.* Многие предприниматели довольно часто начинают открывать

свое дело в той нише, которая очень перенасыщена конкурентами. У них нет необходимой информации, чтобы узнать о состоянии спроса на рынке в данный момент, о точном количестве конкурентов по видам деятельности, что значительно затрудняет выбор идеи бизнеса.

8. *Низкий уровень развития инфраструктуры (финансовой, информационной, маркетинговой).* Данная проблема затрагивает не только предприятия малого сектора экономики, но и в целом все организации. Незрелость инфраструктуры обусловлена относительно небольшим сроком развития рыночных отношений в стране.

9. *Большое число предпринимателей осуществляют свою деятельность без регистрации или без лицензии в связи с возникновением сложностей при постановке на учет.* Довольно часто при оформлении документации малого бизнеса, регистрации индивидуального предпринимателя, а также открытии лицевого счета в банке появляются проблемы, решение которых занимает много времени и требует значительных денежных средств. Поэтому некоторые бизнесмены осуществляют свою деятельность без регистрации. В период коронавирусной инфекции в 2020 г. данная проблема была очень актуальна, так как многие предприниматели стали незаконным путем продавать средства индивидуальной защиты (маски, перчатки, антисептические средства и т. п.).

10. *Высокая стоимость кредитных ресурсов.* Данная проблема связана с высоким уровнем риска при финансировании субъектов малого бизнеса [2]. Поэтому многие кредитные организации предпочитают воздерживаться от такого рода действий. В период пандемии 2020 г. банки отказывали в поддержке начинающему малому бизнесу из-за нестабильной экономической ситуации в стране.

Все вышеперечисленные проблемы являются довольно актуальными на сегодняшний день в Краснодарском крае [5]. На рисунке представлены пути их решения.

Рис. Проблемы малого бизнеса в Краснодарском крае и пути их решения

В период коронавирусной инфекции 2020 г. малый бизнес Краснодарского края претерпел значительные неблагоприятные изменения. После изучения динамики количества малых и средних предприятий и численности их сотрудников нами были разработаны следующие рекомендации по устранению последствий пандемии:

1) малым предприятиям, осуществляющим деятельность в период коронавирусной инфекции, необходимо адаптировать свой бизнес под сложившиеся ограничения, ввести дополнительные услуги (например, в кафе, где имеет место только

обслуживание посетителей в зале, следует ввести доставку и еду на вынос);

2) предоставление малым предприятиям, пострадавшим в период пандемии, специализированных заказов не только от государства, но и от крупных компаний (например, АО «Тандер» оформило заказ на поставку товара у индивидуального предпринимателя, занимающегося производством хлебобулочных изделий);

3) субъектам МСП необходимо разработать антикризисный план, который поможет восстановить организацию после пандемии и выйти из кризисной ситуации,

обратившись за данной услугой к кризис-менеджеру банка.

Таким образом, государству необходимо проявлять большую заинтересованность в развитии экономического потенциала субъектов малого предпринимательства Краснодарского края, поскольку их дея-

тельность может оказать огромное благоприятное влияние на успешное развитие региона. В первую очередь это будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности края и росту валового регионального продукта.

Список литературы

1. Балашова И. В., Бюллер Е. А., Доббыш В. Е., Тлехурай-Берзегова Л. Т., Хуажева А. Ш., Якуба А. В. Управление человеческими ресурсами. – Краснодар, 2021.
2. Балашова И. В., Терещенко Т. А. Мусорные акции: сыр в мышеловке или алмаз без огранки // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2021. – Т. 18. – № 4 (118). – С. 162–168.
3. Балашова И. В., Терещенко Т. А. Формирование и использование средств регионального бюджета. – Краснодар, 2022.
4. Балашова И. В., Хохлова Т. П., Приходько К. С., Козловская С. А. Совершенствование методов государственной поддержки развития малого бизнеса в Краснодарском крае : коллективная монография. – Краснодар, 2020.
5. Пидяшова О. П., Кравченко Т. Е., Терещенко Т. А. Статистический анализ основных макроэкономических показателей региона // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 8 (121). – С. 104–111.
6. Терещенко Т. А., Балашова И. В. Финансовые инструменты государственного регулирования экономики // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 5 (40). – С. 522–526.
7. Piperskaya L., Gurnovich T., Latysheva L., Prokhorova V. V., Goretskaya E. O. Food Security in a Globalizing Environment // The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Series: Lecture Notes in Networks and Systems. – Heidelberg, 2021. – С. 193–200.

References

1. Balashova I. V., Byuller E. A., Dovbysh V. E., Tlekhuray-Berzegova L. T., Khuazheva A. Sh., Yakuba A. V. Upravlenie chelovecheskimi resursami [Human Resource Management]. Krasnodar, 2021. (In Russ.).
2. Balashova I. V., Tereshchenko T. A. Musornye aksii: syr v myshelovke ilialmaz bez ogranki [Garbage Stocks: Cheese in a Mousetrap or a Diamond without a Cut]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2021, Vol. 18, No. 4 (118), pp. 162–168. (In Russ.).
3. Balashova I. V., Tereshchenko T. A. Formirovanie i ispolzovanie sredstv regionalnogo byudzheta [Formation and Use of Funds of the Regional Budget]. Krasnodar, 2022. (In Russ.).
4. Balashova I. V., Khokhlova T. P., Prikhodko K. S., Kozlovskaya S. A. Sovershenstvovanie metodov gosudarstvennoy podderzhki razvitiya malogo biznesa v Krasnodarskom krae: kollektivnaya monografiya [Improving the Methods of State Support for the Development of Small Businesses in the Krasnodar Territory. Collective monograph]. Krasnodar, 2020. (In Russ.).
5. Pidyashova O. P., Kravchenko T. E., Tereshchenko T. A. Statisticheskiy analiz osnovnykh makroekonomicheskikh pokazateley regiona [Statistical Analysis of the Main Macroeconomic

Indicators of the Region]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 8 (121), pp. 104–111. (In Russ.).

6. Tereshchenko T. A., Balashova I. V. Finansovye instrumenty gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki [Financial Instruments of State Regulation of the Economy]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2020, No. 5 (40), pp. 522–526. (In Russ.).

7. Piperskaya L., Gurnovich T., Latsheva L., Prokhorova V. V., Goretskaya E. O. Food Security in a Globalizing Environment. *The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Series: Lecture Notes in Networks and Systems*. Heidelberg, 2021, pp. 193–200.

Сведения об авторах

Ирина Владимировна Балашова

кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой экономики
и управления Краснодарского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Краснодарский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
350002, Краснодар, ул. Садовая, д. 23.
E-mail: balashova.reu@mail.ru

Татьяна Александровна Терещенко

кандидат экономических наук, доцент
кафедры финансов и кредита
Краснодарского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Краснодарский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 350002, Краснодар,
ул. Садовая, д. 23.
E-mail: tanja-ter@mail.ru

Information about the authors

Irina V. Balashova

PhD, Assistant Professor,
Head of the Department
for Economics and Management
of the Krasnodar branch of the PRUE.

Address: Krasnodar branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
23 Sadovaya Str., Krasnodar, 350002,
Russian Federation.
E-mail: balashova.reu@mail.ru

Tatyana A. Tereshchenko

PhD, Assistant Professor
of the Department for Finance and Credit
of the Krasnodar branch
of the PRUE.

Address: Krasnodar branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
23 Sadovaya Str., Krasnodar, 350002,
Russian Federation.
E-mail: tanja-ter@mail.ru

ВНЕШНИЙ ТОВАРООБОРОТ АРМЕНИИ И ЕГО ДИНАМИКА

А. Г. Мурадян

Армянский государственный экономический университет, Ереван, Армения

В статье рассмотрены основные показатели внешней торговли Республики Армения за период 2010–2020 гг., такие как экспорт, импорт, внешний товарооборот, соотношение импорта к экспорту. Для оценки эффективности внешней торговли автором были рассчитаны коэффициент покрытия импорта, предельная склонность импорта и коэффициент открытости страны (коэффициент интеграции) по статистическим данным Армении. Подчеркнуто, что эти результаты еще недостаточно высокие. Автором разработана корреляционная матрица, с помощью которой установлена зависимость экспорта Армении от шести макроэкономических показателей, оценивается степень их влияния на объемы экспорта. Обосновано, что в республике экспорт больше всего зависит от величины импорта, внешнего долга и валового внутреннего продукта. Анализ экономических взаимосвязей соответствующих показателей показывает, что увеличение экспорта за счет увеличения внешнего долга или импорта не даст желаемого результата – сокращения отрицательного сальдо внешней торговли. Исходя из этого для улучшения торгового баланса Республики Армения автором предложено в ближайшем будущем главное внимание уделять ускорению темпов роста ВВП.

Ключевые слова: свободная торговля, баланс, экспорт, импорт, коэффициент интеграции.

FOREIGN TRADE TURNOVER IN THE REPUBLIC OF ARMENIA AND ITS DYNAMICS

Arpenik G. Muradyan

Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia

The article studies key indicators of foreign trade in the republic of Armenia in 2010–2020, such as export, import, foreign trade turnover, import-export ratio. To evaluate the efficiency of foreign trade the author calculated the factor of import coverage, max import disposition and the coefficient of country openness (integration ratio) based on statistic date of Armenia. It was underlined that results are not high enough. The author worked out a correlation matrix, which helped find a dependence of Armenia export on six macro-economic indicators and estimate a degree of their impact on export volume. It was grounded that in the republic export depends mainly on import, foreign debt and GDP. Analysis of economic interrelations between respective indicators shows that increase in export at the expense of a rise in foreign debt or import cannot give a positive result, i.e. cutting the unfavorable balance of foreign trade. In order to improve trade balance of the republic of Armenia the author proposes to pay the most serious attention to speeding up of GDP growth.

Keywords: free trade, balance, export, import, integration ratio.

Предпосылки для формирования и развития внешней торговли в мировом масштабе послужили основой для расширения торгово-экономических связей между отдельными странами. Последнее создает новые возможности для преодоления национальных ограничений отдельных стран; разработки технологических процессов, их совместного использования; обмена научными до-

стижениями; регулирования международных цен, соотношения между экспортом и импортом, а также решения ряда других экономических и социальных проблем.

Международная торговля товарами и услугами является одним из важнейших и наиболее динамичных факторов глобализации мирового хозяйства и участия в нем национальных экономик. Более того, сегодня ни одна страна не может рассчитывать

на успех в своем экономическом развитии без активного участия в международной торговле. Либерализация международной торговли во многих странах и регионах открывает много перспектив для их экономического роста, притока иностранных инвестиций и технологий. Гипотеза о позитивном влиянии свободной международной торговли на благосостояние всех наций оставалась на протяжении многих лет почти неоспоримой [1. – С. 91].

Многовековое развитие экономических наук и изучение динамики экономических показателей разных стран свидетельствуют, что региональная интеграция разных государств, и особенно протекционизм в отношении других стран, решает в основном краткосрочные задачи [4. – С. 19]. Одновременно, как утверждает Э. С. Райнерт, «...вопрос свободной торговли и прочих стратегических решений... сильно зависит от ситуации в стране и выбора момента. В отсутствие специфического контекста все аргументы экономистов-теоретиков за свободную торговлю или против нее будут так же бесполезны, как рекомендации врачей в отсутствие диагноза или знания симптомов» [5. – С. 50]. Между тем многие экономисты уверены, что первостепенной задачей является формирование такого

хозяйственного механизма, который нацелен на постоянные и высокие темпы экономического роста в условиях активного развития международной торговли и экономической интеграции.

В XXI в. ускорился процесс экономической глобализации, международного разделения труда. Глобальная цепочка создания стоимости претерпела глубокие изменения, демонстрируя тенденцию к регионализации и децентрализации [2. – С. 131].

Для Республики Армении также важно, что внутренний рынок в Армении достаточно ограничен, поэтому перспективы экономического развития связаны с внешним рынком. Исходя из такой позиции республика еще в конце XX в. либерализовала свою внешнюю торговлю, несмотря на то что национальные производители в то время очень нуждались в государственной поддержке (поддержка конечно была, но не в глобальном масштабе). Время показало, что такая политика в основном оправдывала себя, и со временем национальный бизнес преуспел и стал сравнительно конкурентоспособным. Однако в течение 30 лет баланс внешней торговли Армении всегда был отрицательным (рис. 1).

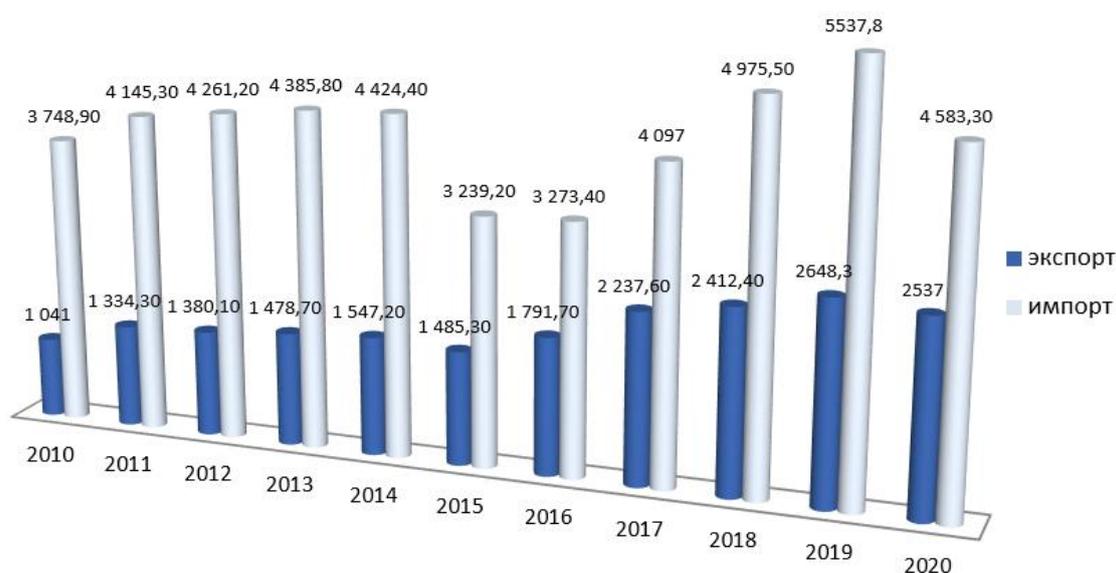

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта Армении за 2010–2020 гг. (в млн долл.)

Как видно из рис. 1, в течение изучаемого периода импорт Республики Армении в среднем в 2–2,5 раза превышает экспорт. Вместе с тем и экспорт, и импорт имеют тенденцию к росту (в результате чего рос и общий товарооборот), за исключением 2015 и 2020 гг. Сокращение импорта в 2015 г. в основном обусловлено резким обесцениванием курса армянского драма (курс армянского драма к доллару США в 2014 г. составлял 407,73 драма, а в январе 2015 г. – 475,73 драма). Сокращение как общего товарооборота, так и экспорта может быть в какой-то мере связано с членством Армении в ЕАЭС (с 1 января 2015 г.). Опыт показывает, что в начальный период членства в региональных экономических структурах были нежелательные результаты, которые можно преодолеть в ближайшие годы. Положительным является тот факт, что в основном темпы роста экспорта превысили темпы роста импорта, в результате чего сократилась разница между ними, обеспечивая сокращение отрицательного сальдо внешней торговли. Положительная тенденция более очевидна при

сравнении показателей с данными конца XX в. Так, если в 1998 г. соотношение импорта и экспорта Республики Армении составляло 3,6 (794,7/220,52) раза, то в 2020 г. оно сократилось и составило 1,8 раза. Однако для приобретения сбалансированной внешней торговли эти достижения неудовлетворительны. Об этом свидетельствует и сравнительный анализ данного соотношения с показателями в некоторых постсоветских и соседних с Арменией странах. Например, в Российской Федерации в 2020 г. экспорт составлял 336,4 млрд долларов, а импорт – 231,4 млрд долларов (торговый баланс положительный). Положительный торговый баланс в 2020 г. обеспечивали также Иран, Азербайджан и Казахстан. Беларусь, Турция и Узбекистан имеют отрицательный торговый баланс, но разница между экспортом и импортом сравнительно небольшая, а торговый баланс Молдовы и Грузии имеет слишком отрицательную величину. Армения по этому показателю уступает только последним двум странам (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Внешнеэкономические показатели разных стран в 2020 г.*

Страна	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.	Соотношение импорта к экспорту
Российская Федерация	336,4	231,4	0,69
Беларусь	29	32	1,1
Грузия	3,34	8,05	2,41
Иран**	96	41	0,43
Турция	169	219	1,3
Азербайджан	13,7	10,7	0,78
Узбекистан	13,2	20	1,51
Молдова	2,46	5,41	2,2
Казахстан	46,9	38,0	0,81

* Составлено по данным статистических ежегодников.

** Данные Ирана на 2018 г., на 2020 г. соответствующие данные отсутствуют.

Эффективность внешней торговли можно определить при помощи коэффициента покрытия импорта, который показывает, какую часть составляет экспорт страны в совокупном импорте: чем ближе этот показатель к единице, тем более сбалансированной можно считать внешнюю торговлю. Нами рассчитан показатель покрытия импорта Республики Армении за

2010–2020 гг., из которого очевидно, что покрытие импорта имеет тенденцию роста, колеблется от 0,277 (2010 г.) до 0,554 (2020 г.), однако пока очень далек от желаемого уровня. Вместе с тем этот показатель имеет определенный недостаток, поскольку даже при низком уровне развития внешней торговли страны, если объемы экспорта и импорта примерно равны, этот коэффици-

ент будет близок к единице, что показывает сбалансированность внешней торговли. Но в таком случае мы не можем оценивать страну как развитую, а внешнеэкономическую политику считать эффективной.

Для оценки развития внешней торговли Армении важно рассчитать, каким образом влияют темпы роста ВВП на основные показатели внешней торговли. С этой целью мы рассчитали предельную склонность импорта и коэффициент открытости страны (коэффициент интеграции) для экономики Армении в 2010–2020 гг. (рис. 2). Коэффициент интеграции (соотношение экспорта страны и ВВП в процентах) в Республике Армения с годами вырос и в 2020 г. достиг сравнительно высокого уровня. В период глобальной экономической интеграции в Армении произошли положительные сдвиги, что свидетельствует о развитии внешней торговли республики.

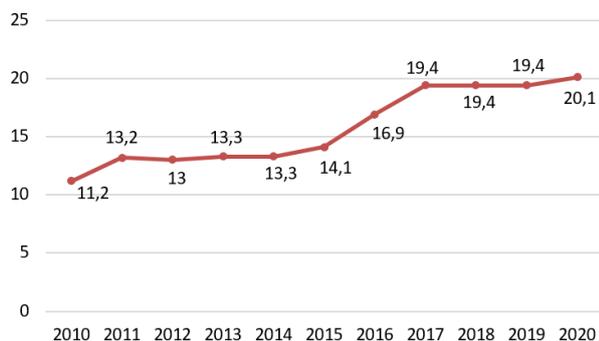

Рис. 2. Коэффициент открытости страны (коэффициент интеграции) для экономики Республики Армения в 2010–2020 гг. (в %)

Предельная склонность импорта в Республике Армения имела незначительные колебания (рис. 3). Следует отметить, что применение данного показателя с точки зрения оценки развития экономики страны и внешней торговли неоднозначно. С одной стороны, его рост подразумевает, что развивающиеся страны имеют возможность удовлетворять растущий спрос экономики и населения с ростом импорта современных товаров и услуг, но, с другой стороны, ограничиваются возможности отечественных производителей, так как

они нередко сталкиваются с препятствиями иностранной конкуренции и могут быть вытеснены с рынка.

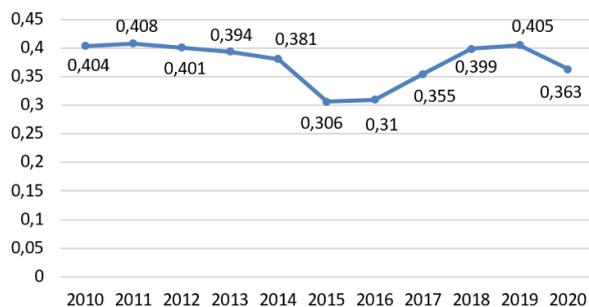

Рис. 3. Предельная склонность импорта Республики Армения в 2010–2020 гг.

Таким образом, можно отметить, что в 2010–2020 гг. во внешней торговле Армении произошли положительные изменения, но эти результаты еще недостаточно высокие. В долгосрочной перспективе дефицит торгового баланса остается отрицательным (разница между экспортом и импортом еще довольно велика), что во многом вызывает беспокойство для устойчивого развития экономики страны.

Наличие таких тенденций предполагает, что особое внимание следует уделять разработке политики, обеспечивающей опережающий рост экспорта по сравнению с импортом.

Важно отметить, что развитие экспорта является необходимым условием расширения участия страны в международном разделении труда с целью ускорения социально-экономического развития общества [3. – С. 165]. Для этой цели с помощью пакета EViews была проведена оценка существующих зависимостей между экспортом и рядом влияющих на него факторов: валового внутреннего продукта (GDP), валового внешнего долга (GFD), импорта (IM), курсов валют (доллар – драм) (EXCH), прямых инвестиций (INVD), портфельных инвестиций (INVP). Данные взяты за 2013–2020 гг. из отчетов Центрального банка Республики Армения и статистических сборников (табл. 2). Эту зависимость можно представить в виде корреляционной матрицы (табл. 3).

Таблица 2

Зависимость между экспортом и рядом влияющих на него факторов

obs	GFD	GDP	EXCH	EX	IM	INVD	INVP
2013:1	7 722,500	1 915,100	409,0000	6 365,000	11 491,00	-376,0000	0,00000
2013:2	7 924,400	2 357,700	414,0000	7 248,000	12 235,00	-596,0000	5,00000
2013:3	8 771,700	3 335,500	406,0000	9 458,000	14 227,00	-818,0000	-6 926,000
2013:4	8 732,800	3 527,200	408,0000	8 502,000	16 818,00	-1 368,000	-14,00000
2014:1	8 639,900	1 982,600	413,0000	6 876,000	11 877,00	-2 095,000	382,0000
2014:2	8 573,600	2 496,300	409,0000	7 497,000	12 597,00	-865,0000	-71,00000
2014:3	8 400,700	3 533,800	413,0000	10 017,00	15 392,00	-1 592,000	123,0000
2014:4	8 540,500	3 569,500	472,0000	8 814,000	15 006,00	774,0000	-50,00000
2015:1	8 522,400	1 842,900	477,0000	6 125,000	9 418,000	-686,0000	-2 483,000
2015:2	8 627,800	2 319,600	477,0000	7 808,000	10 140,00	-252,0000	-63,00000
2015:3	8 648,700	3 178,800	477,0000	9 310,000	11 976,00	-801,0000	309,0000
2015:4	8 918,800	3 207,500	487,0000	8 135,000	12 658,00	186,0000	-116,0000
2016:1	9 012,000	1 844,300	481,0000	7 207,000	8 741,000	-265,0000	-54,00000
2016:2	8 950,600	2 373,800	476,0000	8 148,000	9 972,000	-265,0000	-381,0000
2016:3	9 241,300	3 204,600	475,0000	10 678,00	12 364,00	-1052,000	1,000000
2016:4	9 953,100	3 170,100	485,0000	9 612,000	13 622,00	-863,0000	94,00000
2017:1	9 774,200	1 998,900	484,0000	8 747,000	10 335,00	-597,0000	478,0000
2017:2	9 943,200	2 508,900	479,0000	9 803,000	11 959,00	-322,0000	-51,00000
2017:3	9 901,000	3 316,600	481,0000	13 374,00	15 579,00	-455,0000	343,0000
2017:4	10 526,60	3 712,200	482,0000	12 172,00	18 633,00	-865,0000	104,0000
2018:1	10 801,30	2 317,400	481,0000	11 090,00	14 061,00	-1 190,000	2,000000
2018:2	10 592,20	2 823,100	482,0000	11 301,00	15 327,00	145,0000	-51,00000
2018:3	10 853,40	3 496,000	485,0000	14 082,00	17 756,00	-781,0000	288,0000
2018:4	10 928,30	3 815,600	486,0000	12 944,00	19 271,00	-772,0000	90,00000
2019:1	11 095,10	2 549,400	484,0000	10 662,00	13 901,00	-295,0000	379,0000
2019:2	11 492,70	3 086,600	476,0000	13 044,00	16 156,00	-492,0000	199,0000
2019:3	11 699,70	3 827,100	476,0000	17 241,00	20 445,00	-866,0000	-883,0000
2019:4	12 381,40	4 177,600	478,0000	16 233,00	24 628,00	-686,0000	222,0000
2020:1	12 043,40	2 629,200	487,0000	10 251,00	13 238,00	-200,0000	-18,00000
2020:2	12 546,60	2 621,900	483,0000	79 26,000	10 312,00	-444,0000	139,0000
2020:3	12 633,70	3 589,900	492,0000	9 812,000	13 059,00	-111,0000	848,0000
2020:4	12 901,10	3 773,100	518,0000	9 637,000	13 578,00	10,00000	-475,0000

Таблица 3

Корреляционная матрица взаимозависимых показателей

	GFD	GDP	EXCH	EX	IM	INVD	INVP
GFD	1,000000	0,437077	0,648040	0,602314	0,429766	0,196290	0,202671
GDP	0,437077	1,000000	0,200962	0,693531	0,798093	0,028071	-0,015996
EXCH	0,648040	0,200962	1,000000	0,366615	0,056250	0,513381	0,300648
EX	0,602314	0,693531	0,366615	1,000000	0,855948	-0,063579	0,098420
IM	0,429766	0,798093	0,056250	0,855948	1,000000	-0,158309	0,049907
INVD	0,196290	0,028071	0,513381	-0,063579	-0,158309	1,000000	0,049727
INVP	0,202671	-0,015996	0,300648	0,098420	0,049907	0,049727	1,000000

Корреляционная матрица переменных показывает, что в Армении экспорт имеет сильную прямую линейную связь с импортом, ВВП и валовым внешним долгом, при этом связь с обменным курсом в рассматриваемый период довольно слабая, с прямыми инвестициями – обратная незначительная, с портфельными инвестициями – также незначительная. Снижение разницы между экспортом и импортом (улучшение торгового баланса) может быть обеспечено

за счет опережающего роста экспорта. Вместе с тем согласно данным корреляционной матрицы увеличение импорта на один пункт приведет к увеличению экспорта на 0,855 пункта. Следовательно, экспортно-импортная зависимость не даст нам желаемого результата. Нежелательно также увеличивать экспорт за счет увеличения внешнего долга. Таким образом, можно сделать вывод, что в Армении с точки зрения увеличения объемов экспорта в бли-

жайшие годы особое внимание следует уделять ускорению темпов роста ВВП, как последний оказывает наибольшее влияние на экспорт.

Список литературы

1. Закариева М. Н., Гичиев А. Н., Гичиев Н. С. Традиционные и новые теории международной торговли // УЭПС: Управление, экономика, политика, социология. – 2019. – № 3. – С. 91–97.
2. Ма Сюэши. Новые вызовы китайско-российскому экономическому и торговому развитию // Инновационные и научные исследования. – 2022. – № 4-2 (18). – С. 129–134.
3. Миронова Ю. С., Климова К. Ю. Основные особенности и преимущества экспортной деятельности для предприятий // Инновационные научные исследования. – 2021. – № 11-2 (13). – С. 163–169.
4. Развитие интеграционных процессов в экономике региона : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Нальчик, 2021.
5. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – (Экономическая теория).

References

1. Zakarieva M. N., Gichiev A. N., Gichiev N. S. Traditsionnye i novye teorii mezhdunarodnoy torgovli [Traditional and New Theories of International Trade]. *UEPS: Upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiya* [UEPS: Management, Economics, Politics, Sociology], 2019, No. 3, pp. 91–97. (In Russ.).
2. Ma Syueshi. Novye vyzovy kitaysko-rossiyskomu ekonomicheskomu i torgovomu razvitiyu [New Challenges to Chinese –Russian Economic and Trade Development]. *Innovatsionnye i nauchnye issledovaniya* [Innovation and Academic Research], 2022, No. 4-2 (18), pp. 129–134. (In Russ.).
3. Mironova Yu. S., Klimova K. Yu. Osnovnye osobennosti i preimushchestva eksportnoy deyatel'nosti dlya predpriyatiy [Key Features and Advantages of Export Activity for Enterprises]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya* [Innovation and Academic Research], 2021, No. 11-2 (13), pp. 163–169. (In Russ.).
4. Razvitie integratsionnykh protsessov v ekonomike regiona: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [The Development of Integration Processes in Economy of the Region: collection of materials of the All-Russian Conference with International Participation]. Nalchik, 2021. (In Russ.).
5. Raynert E. S. Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi [How Rich Countries Became Rich and why Poor Countries are still Poor], translated from English by N. Avtonomova; edited by V. Avtonomov. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2011. (Ekonomicheskaya teoriya).

Сведения об авторе

Арпеник Гайковна Мурадян
кандидат экономических наук, доцент
кафедры макроэкономики АГЭУ.
Адрес: Армянский государственный
экономический университет,
Республика Армения, 0025,
Ереван, ул. М. Налбандяна, д. 128.
E-mail: arphikmuradyan@yahoo.com

Information about the author

Arpenik G. Muradyan
PhD, Assistant Professor
of the Department
for Macroeconomics of the ASUE.
Address: Armenian State University
of Economics, 128 M. Nalbandyan Str.,
Yerevan, 0025, Republic of Armenia.
E-mail: arphikmuradyan@yahoo.com

ПРОБЛЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ COVID-19

Л. А. Омелянович, А. С. Киризева, В. А. Остапова
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского,
Донецк, Донецкая Народная Республика

Процесс коронавирусной инфекции (COVID-19) оказал разрушительное воздействие на финансово-экономическую систему. Произошли сбои в ведении бизнеса, общее замедление экономической активности, резкий рост безработицы и первоначальное снижение стоимости активов из-за падения финансовых рынков. Денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика привела к еще более высоким процентным ставкам, резкому увеличению дефицита бюджета и государственного долга. Все это сказалось как на распределении государственных пенсий, так и на накопительных пенсионных системах. Цель исследования – оценка влияния коронавирусной инфекции (COVID-19) на финансовое благополучие населения и экономическое развитие страны. Рассматриваются условия, при которых пенсионеры могут инвестировать накопления. В процессе достижения поставленных целей использовались методы научного познания: анализа, прогнозирования, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения и сравнения. Сделан вывод о негативном влиянии пандемии на пенсионную систему, а также изменении мирового уровня инфляции и безработицы на фоне обострения пандемии в 2020–2021 гг. Рассчитаны прогнозные значения представленных показателей до 2024 г. Приведены возможные меры поддержки граждан во время пандемии. Освещена проблема уязвимости пенсионных систем перед угрозой кибератак и различных мошенников.

Ключевые слова: пенсионная система, пандемия, безработица, инфляция.

PROBLEMS OF PENSION PROVISION CAUSED BY COVID-19

Lydia A. Omelyanovich, Alisa S. Kirizleeva, Vlada A. Ostashova
Donetsk National University of Economics and Trade Named
after Mikhail Tugan-Baranovskiy,
Donetsk, Donetsk People's Republic

The corona virus infection (COVID-19) had a destructive impact on the finance and economic system. There were interruptions in business processes, general slowing-down in economic activity, sharp rise in unemployment rate and initial drop in asset value due to finance market contraction. Monetary-credit and taxation-budget policy resulted in even higher interest rates, sharp growth in budget deficit and state debt. These factors affected both the state pension distribution and defined contribution pension systems. The goal of the research is to assess the impact of the corona virus infection (COVID-19) on financial wellbeing of the population and economic development of the country. Conditions were studied, when pensioners could invest their savings. The following methods of academic investigation were used: analysis, forecasting, synthesis, induction, deduction, observation and comparison. A conclusion was drawn about the adverse impact of the pandemic on the pension system and changes in the global inflation and unemployment rates during the period of pandemic worsening in 2020–2021. Forecasts of the mentioned indicators were calculated up to 2024. Feasible measures of people support during the pandemic were proposed. The problem of pension system vulnerability to cyber attacks and various frauds was highlighted.

Keywords: pension system, pandemic, unemployment, inflation.

Масштаб последствий пандемии финансового кризиса 2008 г. С целью коронавирусной инфекции пре- сдерживания распространения вируса бы- восходит последствия мирового ли приняты меры к ограничению свободы

граждан. Локдаун повлиял на все сектора экономики. В результате произошел спад экономической активности, которая в ряде случаев опустилась до минимальных показателей.

Вопросы финансовых кризисов вследствие коронавирусной инфекции (COVID-19) исследовались многими учеными. Прогнозы некоторых из них представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Прогнозы влияния пандемии COVID-19 на экономику

Автор	Прогноз
Колесник А. П. [5]	Каждая страна прямо или косвенно ощутит негативное влияние коронавируса на свою финансово-экономическую систему при условии ликвидации всплеск коронавируса ко II кварталу 2020 г.: рост глобального ВВП произойдет на уровне 2% (вместо 2,5%)
Горлин Ю. М., Ляшок В. Ю. [3]	Мировая экономика подвергается негативному влиянию COVID-19. При увеличении заболеваемости населения возрастает негативное воздействие на мировую экономику
Милонова М. В., Баранов С. В. [6]	Если пандемию коронавируса не удастся преодолеть в течение первого полугодия 2020 г., рост мировой экономики не превысит 1,5%
Алтгелфах Р., Колчин С. П. [1]	В случае долговременной пандемии COVID-19 и разрастания болезни в течение II-III кварталов 2020 г. произойдет падение глобального ВВП на 1,5%

В среднем мировой уровень безработицы в 2020 г. достиг максимального значения и составил 8,15%. В 2021 г. он несколько

снизился – на 1,95 процентного пункта. При этом уровень безработицы до пандемии составлял 5,4% (рис. 1).

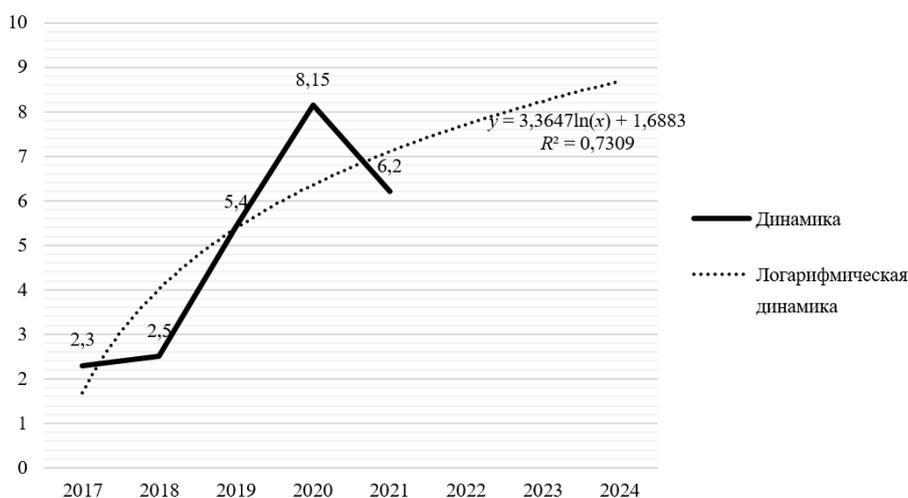

Рис. 1. Динамика и прогноз уровня мировой безработицы на 2022–2024 гг. (в %)

Во многих странах мира были внедрены беспрецедентные меры поддержки безработных и самозанятых, две трети государств облегчили или расширили доступ к пособиям по безработице.

По прогнозным данным с 2022 по 2024 г. будет наблюдаться увеличение уровня мировой безработицы, который в 2024 г.

достигнет своего максимального значения и составит 8,63 процентного пункта.

Что касается роста мирового уровня инфляции, то максимального значения он достиг в 2019 г., составив 2,7 процентного пункта. В 2022 г. прогнозный уровень инфляции составит 2,8 процентного пункта (рис. 2). Сбои в производстве, падение спроса, проблемы с волатильностью на

рынках произошли из-за краткосрочного воздействия инфляции.

Научное сообщество отреагировало на глобальные изменения в экономике. Большинство государств мира пошли по пути снижения нагрузки на бизнес и поддержки населения. И хотя подход к реше-

нию возникших проблем во многих странах отличается, разработанные и принятые совместные меры ученых и практиков позволяют снизить значимость влияния пандемии на уровень безработицы и инфляции и нивелировать ее негативное воздействие на экономику.

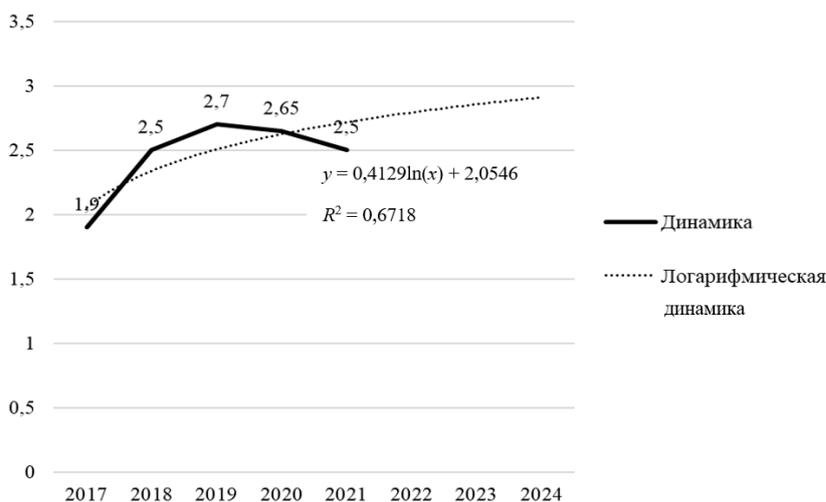

Рис. 2. Динамика и прогноз уровня мировой инфляции на 2022–2024 гг. (в %)

Во многих странах временные и целевые денежные переводы самозанятым часто зависят от предыдущих доходов или потерь доходов во время кризиса, как, например, в Австрии, Чили, Дании, Ирландии, Исландии, Латвии, Норвегии, Португалии, Швейцарии и Великобритании. Например, в Чили самозанятые полу-

чили пособия в размере до 70% от снижения их ежемесячного дохода на срок до 3 месяцев. В Дании самозанятые работники, потерявшие доход более чем на 30%, получили денежную поддержку в размере 75% от суммы убытка на срок до 3 месяцев (табл. 2).

Таблица 2

Меры поддержки доходов пенсионеров

Страны	Меры поддержки пенсионеров	Страны	Меры поддержки самозанятых
Австралия	Дополнительные выплаты пенсионерам	Австрия, Чили, Дания, Ирландия, Исландия, Латвия, Норвегия, Португалия, Швейцария, США	Предоставление временных и целевых денежных переводов самозанятым
Канада	Единовременные пособия	Бельгия, Канада, Колумбия, Чешская Республика, Франция, Греция, Италия, Израиль, Корея, Литва, Нидерланды, Испания, Словения	Платежи по фиксированной ставке
Новая Зеландия	Увеличение пособия на оплату электроэнергии	Япония, Корея, США	Новые временные льготы для населения
Словения	Бонус солидарности		
Австралия, Венгрия, Российская Федерация	Смягчение взносов на пенсионные активы	Российская Федерация, Украина	Предоставление временных и целевых денежных переводов самозанятым
Турция	Увеличение минимальной пенсии		

Исландия ввела субсидию в размере 80% от среднего заработка для самозанятых в течение трех месяцев. В Португалии самозанятые, которые приостановили свою предпринимательскую деятельность или потеряли доход более чем на 40%, получили субсидию, компенсирующую потерю их дохода. Бельгия, Канада, Колумбия, Чешская Республика, Франция, Греция, Италия, Израиль, Корея, Литва, Нидерланды, Испания и Словения ввели платежи по фиксированной ставке или единовременные переводы. Например, Италия предоставила компенсацию самозанятым в размере 600 евро в марте и апреле и 1 000 евро в мае. Литва субсидирует самозанятых за счет пособия в размере 257 евро в месяц. В Испании половине самозанятых было предоставлено новое пособие в размере 660 евро и более.

Япония, Корея и Соединенные Штаты Америки ввели новые временные льготы для большинства населения, включая рабочих. В отличие от Японии и Кореи, где пособия для всех категорий населения, в США исключили лиц, зарабатывающих более 135% от средней заработной платы (75 000 долларов в год).

В странах постсоветского пространства с начала пандемии ввели субсидии на выплату заработной платы для всех категорий граждан. Таким образом, реакция рынка труда и социальной политики была более быстрой и смелой, чем во время предыдущего кризиса.

Как правило, работающее население больше страдает от потерь доходов во время экономических спадов, чем пенсионеры. Выплачиваемые пенсии более защищены, поскольку они часто лишь частично или вообще не связаны с заработной платой. Ситуация с доходами пенсионеров имеет тенденцию к временному улучшению. Например, доход французских пенсионеров в 2020 г. увеличился со 105 до 110% [1].

Стоит отметить, что во многих странах была оказана поддержка пенсионерам, получающим минимальное пособие. Неко-

торые страны Британского содружества наций пошли дальше временных мер. Так, например, правительство Австралии предоставило до двух дополнительных выплат имеющим на это право получателям пенсии по возрасту в размере 750 австралийских долларов, что составляет около 3% от максимальной годовой суммы пенсии по возрасту, а также снизило коэффициент изъятия средств, что привело к среднему увеличению пособий на 313 австралийских долларов в год, или около 1% от максимальной годовой суммы пенсии по возрасту. Правительство Канады предоставило единовременное пособие в размере 300 канадских долларов пенсионерам, получающим базовую пенсию по старости, и дополнительные 200 канадских долларов пенсионерам, получающим минимальную пенсию. Общее пособие в размере 500 канадских долларов составляет около 10% от среднемесячного располагаемого дохода среди пенсионеров. Правительство Новой Зеландии удвоило пособие по оплате электроэнергии в зимний период, выплачиваемое всем пенсионерам в период с мая по октябрь, в размере 20,45 новозеландских долларов в неделю, что составляет 4% от базовой пенсии.

Словения ввела так называемый бонус солидарности для увеличения самых низких пенсий. Правительство Израиля предоставило специальное пособие пенсионерам старше 67 лет в размере до 4 000 шекелей в месяц – около 40% от среднемесячного располагаемого дохода [2].

С июня 2020 г. Венгрия на постоянной основе освободила тех, кто совмещает пенсию с самостоятельной занятостью, от уплаты взносов на социальное страхование. Турция увеличила самый низкий уровень минимальной пенсии на 50% – до 1 500 евро, что почти равно среднемесячному располагаемому доходу среди пенсионеров. В отличие от пенсионеров, вышедших на пенсию некоторое время назад, те, кто выходит на пенсию во время или вскоре после кризиса, могут столкнуться с постоянным сокращением пособий.

При потере работы или сокращении рабочего времени после вспышки COVID-19 граждане сталкиваются с большими трудностями при накоплении активов для выхода на пенсию. В периоды полной или частичной безработицы работники или работодатели перестают вносить взносы в пенсионные фонды, что приводит к срыву инвестирования накоплений. Уменьшение заработка приводит к невозможности работником оплачивать добровольные взносы в пенсионные фонды.

В настоящее время наблюдается снижение способности инвестирования в пенсионные сберегательные фонды в странах Европейского союза. Влияние кризиса COVID-19 на размеры взносов пока до конца не выяснено. Пандемия может изменить поведение в области потребления и сбережений. Некоторые страны сообщили о снижении взносов в пенсионные сберегательные фонды во втором квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.¹ Однако периоды нестабильности подталкивают некоторых людей сократить свое потребление. Так, например, в один из крупнейших пенсионных фондов Дании в 2020 г. были перечислены дополнительные добровольные взносы от участников на фоне падения потребления.

Пандемия COVID-19 привела к сбоям в различных сферах экономики. Правительствами разных стран были введены профилактические меры в области здравоохранения, направленные на ограничение физических контактов и поощрение людей оставаться дома, чтобы ограничить распространение вируса, что изменило традиционный подход к организации работы пенсионной системы, когда требовалось очное присутствие гражданина в пенсионных организациях [6].

Профилактические меры в области здравоохранения также повлияли на организацию труда работников пенсионных учреждений, где сотрудникам приходилось работать удаленно для выполнения своей обычной деятельности (такой как

сбор и перечисление взносов на индивидуальные счета, инвестирование активов, выплата пенсий и других пособий). Пандемия, несомненно, усложнила проведение обычной работы системы, включающей личные встречи (например, встречи членов правления и/или подкомитетов).

Поставщикам услуг пришлось разработать планы обеспечения непрерывности бизнеса, адаптировать свои процессы и решать проблемы, связанные со вспышкой COVID-19, в дополнение к своим обычным обязанностям по отношению к своим работникам и их руководителям [5].

Пенсионные фонды стремятся к проведению всех операций удаленно и отдают предпочтение цифровым инструментам для обмена информацией с поставщиками услуг и участниками пенсионной системы. Некоторые виды деятельности органов пенсионного надзора, такие как инспекции на местах, пришлось приостановить.

COVID-19 расширил использование цифровых инструментов, но, возможно, также усилил угрозу кибератак и мошенничества для пенсионных надзорных органов, поставщиков услуг и пенсионеров.

Внезапное увеличение числа сотрудников органов пенсионного надзора и поставщиков пенсионных услуг, работающих удаленно, создает беспрецедентные проблемы с конфиденциальностью данных и кибербезопасностью. Целью кибератак могут стать онлайн-платформы, используемые людьми для удаленных контактов с пенсионными центрами.

В настоящее время получают распространение операции с индивидуальными пенсионными планами. По мнению авторов, индивидуальный пенсионный план – это финансовый инструмент, обладающий наивысшей степенью защиты и позволяющий учитывать собственные цели и интересы инвестора при формировании необходимого объема вложений из различных видов доходов для обеспечения финансового благосостояния по достижении пенсионного возраста. Установленная наивысшая степень защиты включает запрет

¹ URL: <https://dx.doi.org/10.1787/0d1d1e2e-en>

на арест счета, на взыскание денежных средств, на обращение на них судебных приставов и др.

Участники пенсионной системы должны больше полагаться на онлайн-платформы и кол-центры, чем на физические встречи для управления своими пенсионными планами, которые могут подвергаться мошенническим атакам. Безусловно, потенциальная цель кибератак – это личная информация граждан.

Мошенники также могут использовать опасения участников, сталкивающихся с финансовыми трудностями в условиях нестабильных финансовых рынков. Они могут предлагать возможность доступа к своим пенсионным накоплениям, способы перевода своих пенсионных активов в другие финансовые организации или обналичивание средств, что, конечно же, далеко от истины. Эти атаки могут лишить участников их пенсионных накоплений [3].

Экономические последствия COVID-19 могут побудить людей получить доступ к своим пенсионным накоплениям на ранней стадии для удовлетворения кратко-

срочных потребностей. В некоторых странах разрешается получать доступ к своим пенсионным накоплениям до выхода на пенсию при определенных исключительных условиях, хотя финансовые трудности и безработица не были наиболее распространенными условиями для раннего доступа к пенсионным накоплениям в ОЭСР до COVID-19. В Мексике и Новой Зеландии, где ранний доступ к выходу на пенсию был возможен в связи с безработицей и финансовыми трудностями, было зарегистрировано большое количество изъятий средств после вспышки COVID-19.

Страны быстро отреагировали на проблемы, связанные с COVID-19. Их решения были направлены на помощь различным заинтересованным сторонам в схемах пенсионных накоплений. На рис. 3 представлен перечень основных проблем, которые повлияли на схемы пенсионных накоплений, а также даны предложения по их решению, нацеленные на обеспечение устойчивости механизмов пенсионных накоплений и защиту будущего пенсионного дохода от последствий COVID-19.

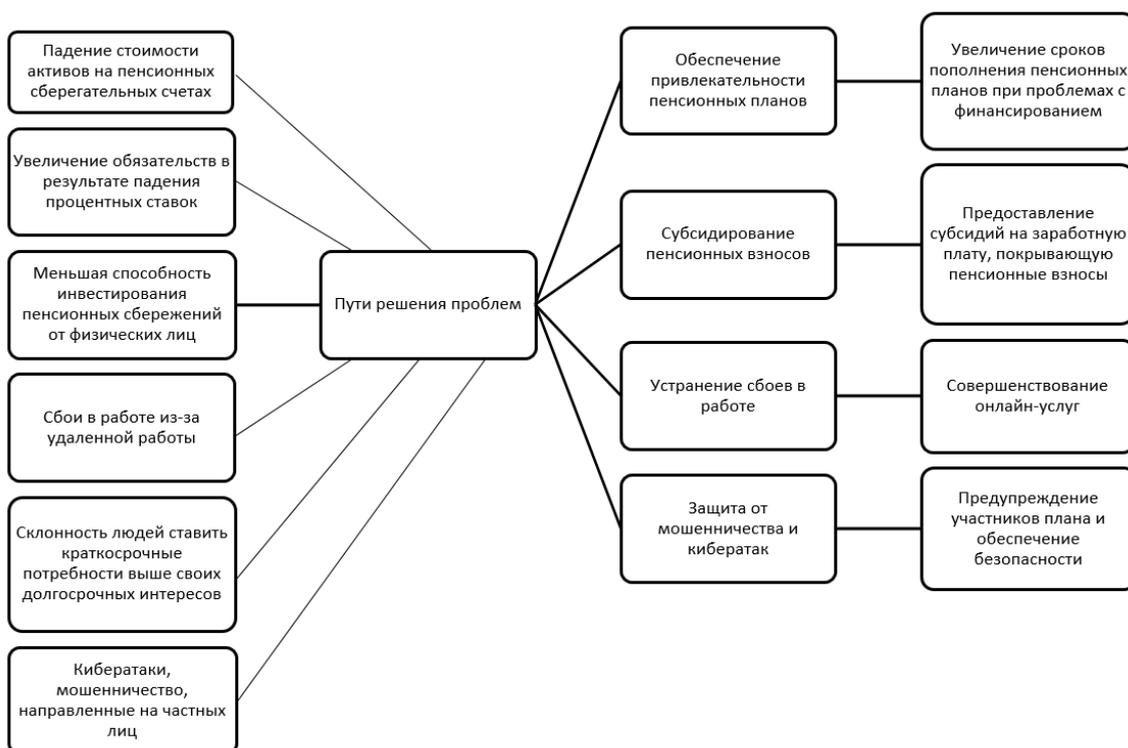

Рис. 3. Проблемы и пути решения проблем в области пенсионных накоплений, вызванных COVID-19

Стоимость пенсионных активов резко упала в первом квартале 2020 г., когда произошло падение финансовых рынков. Некоторые страны защищают пенсионеров от спадов на финансовых рынках с помощью гарантирования минимальных выплат. Пенсионный фонд выплачивает пенсионерам пособие в размере минимальной месячной заработной платы. Этот перевод защищает размер пособий и ограничивает инвестиционные убытки, которые могут понести пенсионеры. Однако это также может помешать пенсионерам получить выгоду от восстановления финансовых рынков на более позднем этапе.

Люди в возрасте, близком к пенсионному, подвергаются более высокому риску понести краткосрочные инвестиционные убытки, чем молодые участники пенсионной программы, поскольку у них меньше времени для возмещения убытков до начала фазы выплат. Этот риск особенно остро существует, если они переводят свои активы на текущие или депозитные счета, которые или не предусматривают выплаты процентов, или предусматривают выплату меньшего размера процента. Некоторые страны проводили меры, направленные на защиту категорий граждан, приближающихся к пенсионному возрасту, например, Канада и Латвия ввели в действие правила, позволяющие некоторым лицам в возрасте, близком к пенсионному, отложить начало фазы выплаты.

Государство путем законодательного регулирования также может обеспечивать устойчивость активов участников во время перехода от фазы накопления к фазе выплаты. Например, в Чили принято правило переводить пенсионные активы на другой счет, когда люди начинают подавать заявки на пенсионные выплаты при выхо-

де на пенсию. Размер активов пенсионного плана может варьироваться от момента начала подачи заявления на пенсионную выплату до фактического момента, когда люди могут получить свои пособия [3].

Пенсионные фонды должны придерживаться инвестиционных стратегий, с тем чтобы иметь возможность выполнять свои обещания и поддерживать доверие к системе.

Крайне важным видится разъяснение гражданам возможных типов мошенничества. Размещение информации о типах мошенничества на веб-сайтах национальных органов власти и пенсионных фондов может уменьшить негативное воздействие мошенничества и кибератак.

Таким образом, пандемия COVID-19 привела к серьезным проблемам на рынках труда, что повлияло на механизмы пенсионных накоплений и пенсий по старости. По мере ухудшения или даже прекращения экономической активности в некоторых секторах уровень безработицы резко возрос. В ответ страны приняли беспрецедентные по масштабам меры поддержки доходов трудящихся, которые включают расширение программ сохранения рабочих мест, облегчение доступа к пособиям по безработице и предоставление денежных переводов населению, в частности самозанятым.

Исследования показали существенное сокращение в ряде стран поступлений от взносов и, следовательно, ослабление пенсионного финансирования в краткосрочной перспективе. Более того, ожидается, что наблюдаемая до сих пор избыточная смертность из-за COVID-19 лишь незначительно сократит текущие и будущие пенсионные расходы.

Список литературы

1. Алтелфак Р., Колчин С. П. Влияние пандемии коронавируса на уровень инфляции в мировой экономике // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 3. – № 11 (119). – С. 245–250.

2. Амирханова Р. А. Динамика российской пенсионной системы: возможности и ограничения (методы обработки и анализа развития пенсионной системы) // Статистика и Экономика. – 2020. – Т. 17. – № 5. – С. 16–26.

3. Горлин Ю. М., Ляшок В. Ю. Кризис-2020: последствия и риски для российской пенсионной системы // Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27. – № 10. – С. 89–92.

4. Каримова Л. Р., Марьина А. В. Влияние кризисных явлений на пенсионную систему // Наука сегодня: теория и практика : сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции. Уфа, 30 июня 2020 года. – Уфа : Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2020. – С. 67–70.

5. Колесник А. П. Пенсионная система в условиях глобальных перемен // Пенсионный фонд России: опыт, традиции, инновации : материалы III Международной научно-практической конференции. Барнаул, 20–21 июня 2020 года / отв. ред. Б. А. Трофимов. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2020. – С. 140–147.

6. Милонова М. В., Баранов С. В. Ключевые проблемы мировой экономики на фоне пандемии коронавирусной инфекции // Международная торговля и торговая политика. – 2020. – Т. 6. – № 3 (23). – С. 30–38.

7. Соловьев А. К. Проблемы измерения эффективности государственной пенсионной системы в условиях глобальных рисков // Хроноэкономика. – 2021. – № 5 (33). – С. 12–16.

8. Соловьев А. К. Теневая занятость – главный резерв преодоления кризиса пенсионной системы // Государственное регулирование экономики: политико-экономические аспекты : сборник научных трудов по материалам 5-й Международной научно-практической конференции. Москва, 8 декабря 2017 года. – М. : Государственный университет управления, 2018. – С. 130–135.

References

1. Iltelfax R., Kolchin S. P. Vliyanie pandemii koronavirusa na uroven inflyatsii v mirovoy ekonomike [The Impact of Corona Virus on Inflation Rate in Global Economy]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Challenges and Solutions], 2021, Vol. 3, No. 11 (119), pp. 245–250. (In Russ.).

2. Amirkhanova R. A. Dinamika rossiyskoy pensionnoy sistemy: vozmozhnosti i ogranicheniya (metody obrabotki i analiza razvitiya pensionnoy sistemy) [Dynamics of the Russian Pension System: Opportunities and Restrictions (Methods of Processing and Analyzing Pension System Development)]. *Statistika i Ekonomika* [Statistics and Economics], 2020, Vol. 17, No. 5, pp. 16–26. (In Russ.).

3. Gorlin Yu. M., Lyashok V. Yu. Krizis-2020: posledstviya i riski dlya rossiyskoy pensionnoy sistemy [Crisis – 2020: Aftereffects and Risks for Russian Pension System]. *Ekonomicheskoe razvoitie Rossii* [Economic Development in Russia], 2020, Vol. 27, No. 10, pp. 89–92. (In Russ.).

4. Karimova L. R., Marina A. V. Vliyanie krizisnykh yavleniy na pensionnyuyu sistemu [The Impact of Crisis Events on Pension System]. *Nauka segodnya: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 30 iyunya 2020 goda* [Science Today: Theory and Practice: collection of academic articles of the 7th International Conference]. Ufa, the Ufa State Oil Technical University, 2020, pp. 67–70. (In Russ.).

5. Kolesnik A. P. Pensionnaya sistema v usloviyakh globalnykh peremen [Pension System in Time of Global Transformations]. *Pensionnyy fond Rossii: opyt, traditsii, innovatsii: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Barnaul, 20–21 iyunya 2020 goda* [The Pension Fund of Russia: Experience, Traditions and Practice: materials of the

3rd International Conference], edited by B. A. Trofimov. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 2020, pp. 140–147. (In Russ.).

6. Milonova M. V., Baranov S. V. Klyuchevye problemy mirovoy ekonomiki na fone pandemii koronavirusnoy infektsii [Key Challenges of Global Economy during Corona Virus Pandemic]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2020, Vol. 6, No. 3 (23), pp. 30–38. (In Russ.).

7. Solovev A. K. Problemy izmereniya effektivnosti gosudarstvennoy pensionnoy sistemy v usloviyakh globalnykh riskov [Assessing the Efficiency of State Pension System in Conditions of Global Risks]. *Khronoekonomika* [Chrono-economics], 2021, No. 5 (33), pp. 12–16. (In Russ.).

8. Solovev A. K. Tenevaya zanyatost – glavnyy rezerv preodoleniya krizisa pensionnoy sistemy [Shadow Employment as Major Reserve for Overcoming Pension System Crisis]. *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki: politiko-ekonomicheskie aspekty: sbornik nauchnykh trudov po materialam 5-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 8 dekabrya 2017 goda* [State Regulation of Economy: Political and Economic Aspects: collection of academic works based on materials of the 5th International Conference. Moscow, December 8, 2017]. Moscow, Gosudarstvennyy universitet upravleniya, 2018, pp. 130–135. (In Russ.).

Сведения об авторах

Лидия Александровна Омелянович
доктор экономических наук,
профессор, заведующая кафедрой финансов,
первый проректор ДОННУЭТ.

Адрес: ГО ВПО «Донецкий национальный
университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
Донецкая Народная Республика,
83050, Донецк,
ул. Щорса, д. 31.
E-mail: prorect@donnuet.ru

Алиса Салаватовна Киризлеева
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры финансов
ДОННУЭТ.

Адрес: ГО ВПО «Донецкий национальный
университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
Донецкая Народная Республика,
83050, Донецк,
ул. Щорса, д. 31.
E-mail: akirizleeva@mail.ru

Влада Александровна Осташова
магистрант ДОННУЭТ.
Адрес: ГО ВПО «Донецкий национальный
университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
Донецкая Народная Республика,
83050, Донецк,
ул. Щорса, д. 31.
E-mail: vladaska20@gmail.com

Information about the authors

Lydia A. Omelyanovich
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department for Finance,
First Vice-Rector of the DONNUET.
Address: State Organization of Higher
Professional Education «Donetsk National
University of Economics and Trade Named
after Mikhail Tugan-Baranovskiy»,
31 Shchors Str., Donetsk, 83050,
Donetsk People's Republic.
E-mail: prorect@donnuet.ru

Alisa S. Kirizleeva
Doctor of Economics, Assistant Professor,
Professor of the Department for Finance
of the DONNUET.
Address: State Organization of Higher
Professional Education «Donetsk National
University of Economics and Trade Named
after Mikhail Tugan-Baranovskiy»,
31 Shchors Str., Donetsk, 83050,
Donetsk People's Republic.
E-mail: akirizleeva@mail.ru

Vlada A. Ostashova
Master's Student of the DONNUET.
Address: State Organization of Higher
Professional Education «Donetsk National
University of Economics and Trade Named
after Mikhail Tugan-Baranovskiy»,
31 Shchors Str., Donetsk, 83050,
Donetsk People's Republic.
E-mail: vladaska20@gmail.com

ПЛАТФОРМЕННАЯ ГИГ-ЭКОНОМИКА – АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ С НЕСТАНДАРТНЫМИ ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

М. Ю. Варавва, О. С. Лазарева

Оренбургский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Оренбург, Россия

Новейшие онлайн-коммуникационные технологии трансформировали современный рынок труда, инициировав возникновение гиг-экономики и платформенной занятости. Цель исследования – актуализация проблемы перелива занятости в сферы виртуальной трудовой активности, что значительно модифицирует современные институты найма и предложения труда. Инструментарно-методический аппарат исследования базируется на использовании контент-анализа, системного подхода, приемов сравнения, описания и обобщения фактологического материала. В статье определен уровень сформированности теоретического понимания феномена платформенной гиг-экономики как элемента цифровой экономики. Показаны терминологические подходы к понятию «платформенная занятость» и его интерпретация на фоне имеющих место альтернативных трактовок, отражающих природу временной удаленной занятости. Проанализированы причины, обуславливающие стремительное развитие и востребованность трудовых онлайн-услуг по запросу. Систематизированы факторы, влияющие на генезис и трансформацию модели гиг-экономики с нестандартными трудовыми отношениями. Определены существенные характеристики, специфика и специализация ведущих российских и зарубежных цифровых платформ как посредников на рынке гиг-занятости, способствующих расширению возможностей создания альтернативных рабочих мест для традиционных работников. Уточнено определение «платформенная экономика с нестандартными трудовыми отношениями» в целях конкретизации содержания данной категории.

Ключевые слова: платформенная экономика с нестандартными трудовыми отношениями, on-demand-занятость, платформенные маркетплейсы.

PLATFORM GIG-ECONOMY AS ALTERNATIVE MODEL WITH NON-STANDARD LABOUR RELATIONS

Margarita Yu. Varavva, Oksana S. Lazareva

Orenburg branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Orenburg, Russia

The advanced on-line communicative technologies have transformed today's labour market by provoking the emergence of gig-economy and platform employment. The goal of the research is to attract attention to problems dealing with employment flowing to spheres of virtual labour activity, which can seriously transform the current institutions of employment and labour offer. The tool and methodological set of the research is based on content-analysis, system approach, methods of comparison, description and generalization of factual material. The article identifies the level of theoretical comprehension of the phenomenon of platform gig-economy as an element of digital economy. The article provides terminological approaches to understanding of 'platform employment' and its interpretation in view of alternative explanations demonstrating time remoteness nature of employment. Reasons for fast development of on-line services by request and their being in demand were analyzed. The authors systematized factors affecting the origin and transformation of gig-economy models with non-standard labour relations. They showed the essential characteristics, specificity and specialization of leading Russian and overseas digital platforms as intermediaries on gig-employment market, which could provide wider opportunities of creating

alternative jobs for traditional workers. The definition of 'platform economy with non-standard labour relations' was specified in order to make this category more concrete.

Keywords: platform economy with non-standard labour relations, on-demand employment, platform marketplaces.

Современные социоэкономические глобальные мегатренды и концепция четвертой индустриальной революции включают в себя ряд закономерностей: скорость генерации новшеств, рост интерактивных и ИКТ-технологий, супероткрытость глобальных рынков, возникновение новых форматов бизнеса; распределенное производство; гигантские темпы развития и диверсификации сектора услуг, мобильные и масштабные перемены трудовых ресурсов между регионами и континентами, исчезновение многих отраслей и быстрое устаревание трудовых навыков, знаний и компетенций, нарастание непредсказуемости многих процессов, исчерпание возможностей традиционных моделей экономики труда. Все отмеченное диктует необходимость пересмотра устоявшихся индустриальных форм занятости.

Стремительное развитие цифровых инноваций и платформ модифицировало рынок труда и механизмы занятости, что позволило работодателям и работникам взаимодействовать бесконтактно в информационно-цифровом поле. Такой формат трудовых отношений инициировал новую модель сотрудничества между бизнесом и виртуальным наймом.

К настоящему времени в научных источниках, несмотря на имеющиеся научные заделы и наработки, отсутствует универсальное академическое определение платформенной экономики в целом и платформенной занятости в частности. Это связано прежде всего с полифункциональностью, синергичностью и видовым разнообразием моделей виртуальных платформ и охватом ими различных видов деятельности. Кроме того, платформы являются объектом изучения дисциплин, находящихся на стыке исследовательских интересов: теоретической, институциональной, информационной экономики,

теории отраслевых рынков, экономики и социологии труда.

Этим и определяется специфика исследования феномена «платформенная экономика». Опираясь на ретроспективный анализ, следует отметить, что ряд авторов позиционирует ее как совокупность сообществ различных участников, создающих ценность путем взаимодействия и конкуренции [12; 13]; как симбиозные структуры или экосистемы, ориентированные на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия и осуществления трансакций между несколькими группами сторонних пользователей [3. – С. 25]. Рассматривая новую экономику в целом как модель цифрового посредничества на рынке труда, в рамках которого глобальные и локальные платформы объединяют различных участников экономических отношений, можно констатировать, что это экономика виртуальных площадок [9], ставшая повседневной реальностью, трансформирующая рынок труда и занятость [1]. В этом контексте данную модель можно классифицировать как экономику совместного пользования (*collaborative economy*), распределенную экономику (*peer-to-peer economy*), свободного заработка, экономику по запросу (*on-demand economy*), экономику разнообразия форм занятости [10].

В условиях виртуализации практически всех производственных процессов и инфраструктур, отсутствия рабочего места как такового, децентрализации управленческих функций в данной модели актуализируется функция вовлеченности, или эмпауэрмента (расширение массового участия и возможностей; содействие в достижении самостоятельности). В этом аспекте можно применить более уточняющий термин – гиг-экономика (*gig-economy*), введенный в научный оборот в 2009 г. Тиной Браун, которая заметила тренд, свидетель-

ствующий о зарождении нетрадиционных моделей краткосрочной занятости: бизнес с нестандартными трудовыми отношениями без заключения бессрочного контракта с работником.

Гиг-экономика – это система свободного рынка, в которой временные вакансии являются общедоступными и организации заключают краткосрочные контракты с независимыми работниками, работниками онлайн-платформ, подрядных фирм по вызову или агентств временной помощи [7]; это сдельная экономика подработки или свободного заработка, разового проекта, ангажемента; выполнение краткосрочных работ по предварительному заказу и поставкам [14]. Дж. Аткинсон [5] в модели гибкого рынка труда акцентирует периферийную занятость как выполнение работы по краткосрочным договорам и без договоров в отсутствии гарантий сохранения постоянного рабочего места. Колин Крауч определяет платформенную экономику с точки зрения прекарной занятости как рискованную, негарантированную и нестабильную работу по требованию (*on-call*) [6]. В рамках прекарной занятости работники находятся в состоянии постоянной готовности к выполнению заданий и должны быть всегда в зоне доступа, чтобы при необходимости незамедлительно приступить к работе. Так, в Великобритании работников, охваченных такой занятостью, насчитывается около 900 тыс. человек, 28% из них – это студенты.

Опираясь на институциональный подход в рамках рассматриваемой проблемы, следует говорить о субстантивной занятости, когда альтернативные и разовые (ангажементные) виды доходного занятия обеспечивают необходимые жизнеподдерживающие потребности индивида (особенно в периоды рецессий и роста безработицы).

Резюмируя, можно констатировать, что платформенная экономика с нестандартными трудовыми отношениями – это новая коллаборативная система цифрового посредничества в сфере труда, которая:

1) аккумулирует недозадействованные трудовые ресурсы с помощью новых бизнес-моделей; 2) активно использует цифровые технологии локации для быстрого нахождения и связи работника и работодателя; 3) предоставляет участникам беспрепятственный доступ к необходимым активам; 4) формирует фидуциарный эффект (взаимное доверие участников трудовых сделок); 5) способствует дальнейшему развеществлению рабочего места и сокращению потребности в физическом присутствии человека на работе.

К факторам, обуславливающим генезис и дальнейшую трансформацию платформенной экономики с нестандартной занятостью, относятся:

- усиление глобальной и локальной борьбы за трудовые ресурсы;

- глубокие структурные диспропорции в экономике, связанные с активными процессами сервисации и значительным сокращением реальных секторов производства, выпускающих физическую массу продукции;

- экспоненциальное развитие глобальных сетей, ИКТ-технологий, требующих соответствующей цифровой инфраструктуры;

- модификация устоявшихся и появление новых видов бизнеса;

- возникновение новых форматов взаимоотношений между работодателем и работником, облегчающих и трансграничную коммуникацию, и межстрановую мобильность;

- быстрота и сложность инновационных изменений, способствующих вымыванию многих видов деятельности, устареванию и исчезновению значительного числа традиционных профессий;

- сверхбыстрая диффузия новейших цифровых технологий, меняющих философию и мотивацию труда в сторону предпочтения гибкой занятости и независимого формирования собственных доходов.

К перечисленным факторам следует добавить, что мощным импульсом распространения платформенной занятости ста-

ла пандемическая ситуация, инициировавшая разнообразие деловой активности в онлайн-форматах.

Широкий спектр деятельности и уникальные возможности платформенной занятости обусловили возникновение различных видов экономической активности,

осуществляемых посредством платформ. Следует отметить, что практически все платформенные цифровые компании не являются прямыми работодателями, они посредники, помогающие найти работу под требуемый проект или услугу (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Платформы-посредники в сфере гиг-занятости

Сферы функционирования	Платформы	Направление деятельности
Поиск, подбор работы и формирование банка вакансий (рекрутинг)	Upwork InnoCentive Kaggle Job.com CareerBuilder.com Hh.ru Superjob.ru YouDo.ru Fl.ru	Job.com; CareerBuilder.com; Indeed.com; Hh.ru – платформы для активного поиска работы, вакансий и подбора карьерных возможностей, соединяющие новейшие рекрутинговые и мэтчинговые технологии. Платформы Upwork; InnoCentive Kaggle помогают клиентам размещать свои проекты, получать заявки, организовывать собеседования, подбирать персонал, формировать кадровый резерв
Грузо- и пассажирские перевозки	Uber.com Lyft.com Blablacar.com Яндекс.Такси Qty-mobil.ru Rentmania.com «Ситимобил»	Онлайн-площадка мобильности Uber оказывает диверсифицированные услуги: около 200 различных вариантов такси, сервисов поездок и доставки грузов. Сервис BlaBlaCar представляет собой площадку для совместных поездок (карпулинг). Qty-mobil.ru – онлайн-сервис, предоставляющий услуги агрегатора такси, каршеринга и кикшеринга
Курьерская доставка	Swiggy Zomato	Бесконтактная доставка еды и заказов из ресторанов и онлайн-магазинов на дом; доставка документов, белья из прачечных, посылок для корпоративных и частных клиентов и пр.
Бытовые услуги	Care.com Etsy Airtasker	Платформы бытовых услуг и подбора качественных специалистов в различных областях сервиса: уход за детьми, услуги пожилым людям, лицам с особыми потребностями, репетиторство, уход за домашними животными, помощь по дому и ведение домашнего хозяйства

Сегодня доля платформенной занятости в структуре глобального рынка труда составляет порядка 3%, или около 85 млн человек¹. По прогнозам аналитиков, к 2023 г. 52% всех занятых будут связаны отношениями с гиг-экономикой; около 70% занятых – это люди до 39 лет; наиболее высокий доход ожидает профессионалов в

сфере архитектуры блокчейна и искусственного интеллекта [7].

Наиболее востребованные и высокооплачиваемые рабочие места современного гиг-рынка распределены следующим образом:

- DevOps-программирование – 77,46 доллара в час);
- тестирование и проверка ИТ-систем на наличие потенциальных уязвимостей и этического взлома – 66,33 доллара в час;

¹ URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-09-17_uchenye_sprognozirovali_rezkij

- лямбда-кодирование для веб-сервисов Amazon – 51 доллар в час;
- UX/UI-дизайн – 50,18 доллара в час;
- разработки response.js – 40,75 доллара в час;
- редактирование Final Cut Pro X – 37,12 доллара в час;
- цифровой маркетинг – 31,23 доллара в час.

Доля российского рынка платформенной занятости в общей структуре глобального гиг-рынка достаточно скромна – менее 1%, а к 2025 г. она составит около 1,1%. Но российский рынок удаленной работы входит в первую десятку стран с количеством занятых 14 млн человек [11]. Большинство российских платформенных занятых работают через агрегаторы и онлайн-сервисы со средней продолжительностью 27 часов в неделю и оплатой труда в 408 руб./час¹. Точное число таких работников в Российской Федерации варьируется от 2 до 5 млн человек, что сопоставимо с другими странами мира.

В ближайшей перспективе ожидаются значительные структурные изменения рынка традиционной занятости на глобальном и локальном уровнях. Так, к 2027 г. в России наибольшее сокращение рабочих мест произойдет в реальном секторе экономики: в обрабатывающих отраслях – на 23,9%, в сельском хозяйстве – на 14,8%; на транспорте – на 9,3%. Кроме того, будет автоматизировано порядка 6,7 млн рабочих мест [2]. К 2023 г. 5% от экономически активного населения России будут работать через онлайн-сервисы. По оценкам аналитиков ВШЭ, число вовлеченных в гиг-экономику к 2030 г. составит от 6–8 до 15 млн человек [4. – С. 52].

Платформы как посредники дают возможность заработать представителям рутинных профессий on-demand service (услуги по запросу), которые выполняют быстрые повседневные услуги, ценятся за оперативное и качественное выполнение заказа, что значительно снижает различно-

го рода транзакции: уменьшается время поиска работы и подработки, переписки с работодателем, собеседования, оформления формальностей [8]. Но возможность реализации и монетизации своих компетенций находят здесь и высококвалифицированные специалисты с уникальными навыками. Так, на платформе «Профессионалы 4.0» свои вакансии размещают частные корпорации и госкомпании под конкретного специалиста, имеющего уже свой рейтинг и оценку выполненных проектов.

К настоящему времени платформенная занятость по требованию институционально трансформировалась в экосистему, в которой по типу специализации четко выделены три разновидности платформ или маркетплейсов, представляющие подвиды магазинов или торговых площадок, где предлагаются и покупаются услуги труда высоких профессионалов, фрилансеров, идеи, подбираются специалисты для выполнения проекта (табл. 2).

Таким образом, экспоненциальное распространение цифровых платформ кардинально изменяет экономический ландшафт, запуская принципиально новый мобильный и альтернативный механизм рынка труда гиг-экономики, где доминируют технологические факторы, формируются виртуальные отношения поиска работы, найма и выполнения трудовых услуг. Значительная экономия на издержках, гибкость в реализации профессиональных компетенций и опыта, эффект охвата и диверсификации, широкие возможности суперсовременных виртуальных технологий обеспечивают конкурентные преимущества платформенной занятости по сравнению с традиционными формами.

Гиг-экономика с нестандартными или альтернативными формами занятости представляет собой новую модель трудовых отношений на основе цифровых платформ, которая отличается от традиционной и стремительно порождает разнообразные модификации краткосрочной занятости.

¹ URL: <https://rb.ru/news/employed-platforms>

Специализация платформ-маркетплейсов

Сегмент маркетплейсов	Платформы-маркетплейсы	Специализация
Высококвалифицированные профессионалы в области сложных проектов	Toptal Catalant «Профессионалы 4.0»	Платформы Toptal и Catalant находят лучших нишевых экспертов: специалистов по цепочкам поставок, специалистов по большим данным, менеджеров стратегических проектов, инициатив или включения в команды. «Профессионалы 4.0» – деловая платформа, которая предоставляет специалистам доступ к качественным перспективным и масштабным стратегическим проектам от крупных корпоративных заказчиков; предлагает по запросу банк вакансий к высококвалифицированным профессионалам со всего мира с широким набором навыков и компетенций
Креативные фрилансеры	Upwork Freelancer 99designs.com	Подбор специалистов для выполнения конкретных задач: разработка логотипа, технического или контекстного перевода документов, разработка творческого контента для соцсетей
Краудсорсинг идей	InnoCentive Kaggle.com	Делегирование и размещение заданий (нетривиальные идеи и решения, творческие задачи, сложные алгоритмы и инженерные дилеммы) в мегакрупных сообществах технических специалистов. Помощь компаниям в доступе к профессионалам, которых им сложно найти или вырастить самостоятельно

Имеющиеся конкурирующие трактовки сущности платформенной занятости не демонстрируют единого подхода исследователей, что является следствием отсутствия общепринятого и исчерпывающего определения данного социально-экономического явления. В связи с этим фено-

мен «платформенная занятость», или «гиг-занятость с нестандартными трудовыми отношениями», требует углубленного изучения и включения в более широкое исследовательское поле, поскольку является важной частью предмета и понятийного аппарата теории цифровой экономики.

Список литературы

1. Баник Н., Падалкар М. Распространение гигномики // Форсайт. – 2021. – № 1. – С. 19–29.
2. В ОНФ оценили влияние перехода к цифровой экономике на рынок труда. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-onf-ocenili-vliyanie-perekhoda-k-cifrovoy-ekonomike-narynok-truda.html> (дата обращения: 27.02.2022).
3. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11. – № 6. – С. 22–36.
4. Платформенная занятость: определение и регулирование. – М. : НИУ ВШЭ, 2021.
5. Atkinson J. Flexibility, Uncertainty and Manpower Management. – Brighton : University of Sussex, Institute of Manpower Studies, IMS Report, 1984.
6. Crouch C. Will the Gig Economy Prevail? – Cambridge, 2019.
7. Duffin E. Gig Economy in the U. S. – URL: https://www.statista.com/topics/4891/gig-economy-in-the-us/#topicHeader__wrapper (дата обращения: 25.02.2022).
8. Huws U. Labor in the Global Digital Economy. The Cybertariat Comes of Age. – New York, 2014.

9. Kalleberg A. L., Dunn M. Good jobs, bad jobs in the Gig Economy // *Perspectives on Work*. – 2016. – N 20 (1-2). – P. 10–14.
10. Karanovic J., Stofberghhttps N. Reshaping Work 2021 Report. Advancing the Quality of Work and Working Conditions in the European Union. – URL: <https://www.appjobs.com/institute/reshaping-work-2021-report/pdf> (дата обращения: 11.03.2022).
11. Million U. S. Workers are Part of the Gig Economy. – URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf (дата обращения: 17.03.2022).
12. Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make them Work for you. – New York : W. W. Norton & Company, 2016.
13. Tiwana A. Platform Ecosystems Aligning Architecture, Governance, and Strategy. – San Francisco, CA : Morgan Kaufmann Publishers Inc., 2014.
14. Van Doorn N. Platform labor: On the gendered and racialized exploitation of low-income service work in the 'on-demand' economy // *Information, Communication and Society*. – 2017. – N 20 (6). – P. 898–914.

References

1. Banik N., Padalkar M. Rasprostranenie gignomiki [The Spread of Hygronomy]. *Forsayt [Foresight]*, 2021, No. 1, pp. 19–29. (In Russ.).
2. V ONF otsenili vliyanie perekhoda k tsifrovoy ekonomike na rynek truda [The ONF assessed the impact of the transition to the digital economy on the labor market]. (In Russ.). Available at: <https://www.pnp.ru/economics/v-onf-ocenili-vliyanie-perekhoda-k-cifrovoy-ekonomike-na-rynek-truda.html> (accessed 27.02.2022).
3. Geliskhanov I. Z., Yudina T. N., Babkin A. V. Tsifrovye platformy v ekonomike: sushchnost, modeli, tendentsii razvitiya [Digital Platforms in Economics: Essence, Models, Development Trends]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskije nauki [Scientific and Technical Bulletin of SPbGPU. Economic Sciences]*, 2018, Vol. 11, No. 6, pp. 22–36. (In Russ.).
4. Platformennaya zanyatost: opredelenie i regulirovanie [Platform Employment: Definition and Regulation]. Moscow, NIU VSHE, 2021. (In Russ.).
5. Atkinson J. Flexibility, Uncertainty and Manpower Management. Brighton, University of Sussex, Institute of Manpower Studies, IMS Report, 1984.
6. Crouch C. Will the Gig Economy Prevail? Cambridge, 2019.
7. Duffin E. Gig Economy in the U. S. Available at: https://www.statista.com/topics/4891/gig-economy-in-the-us/#topicHeader__wrapper (accessed 25.02.2022).
8. Huws U. Labor in the Global Digital Economy. The Cybertariat Comes of Age. New York, 2014.
9. Kalleberg A. L., Dunn M. Good jobs, bad jobs in the Gig Economy. *Perspectives on Work*, 2016, No. 20 (1-2), pp. 10–14.
10. Karanovic J., Stofberghhttps N. Reshaping Work 2021 Report. Advancing the Quality of Work and Working Conditions in the European Union. Available at: <https://www.appjobs.com/institute/reshaping-work-2021-report/pdf> (accessed 11.03.2022).
11. Million U. S. Workers are Part of the Gig Economy. Available at: https://www.pwc.ru/ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf (accessed 17.03.2022).

12. Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make them Work for you. New York, W. W. Norton & Company, 2016.

13. Tiwana A. Platform Ecosystems Aligning Architecture, Governance, and Strategy. San Francisco, CA, Morgan Kaufmann Publishers Inc., 2014.

14. Van Doorn N. Platform labor: On the gendered and racialized exploitation of low-income service work in the 'on-demand' economy. *Information, Communication and Society*, 2017, No. 20 (6), pp. 898–914.

Сведения об авторах

Маргарита Юрьевна Варавва

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
и социально-гуманитарных дисциплин
Оренбургского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Оренбургский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 460000, Оренбург,
ул. Пушкинская/Ленинская, д. 50/51–53.
E-mail: margur2010@mail.ru

Оксана Сергеевна Лазарева

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
и социально-гуманитарных дисциплин
Оренбургского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Оренбургский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 460000, Оренбург,
ул. Пушкинская/Ленинская, д. 50/51–53.
E-mail: lazareva.os@rea.ru

Information about the authors

Margarita Yu. Varavva

PhD, Assistant Professor
of the Department for Economics and Social
and Humanitarian Disciplines
of the Orenburg branch of the PRUE.

Address: Orenburg branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
50/51–53 Pushkin/ Leninskaya Str.,
Orenburg, 460000,
Russian Federation.
E-mail: margur2010@mail.ru

Oksana S. Lazareva

PhD, Assistant Professor
of the Department for Economics and Social
and Humanitarian Disciplines
of the Orenburg branch of the PRUE.

Address: Orenburg branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
50/51–53 Pushkin/ Leninskaya Str.,
Orenburg, 460000,
Russian Federation.
E-mail: lazareva.os@rea.ru

АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МИРЕ

И. Е. Бельских, Е. В. Кособокова

Волгоградский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Волгоград, Россия

В статье рассмотрены возможные альтернативы развития технологического предпринимательства в России и мире с позиции сценарного подхода: территориальные коммуникации в масштабе программ Большой Евразии; совершенствование сырьевых технологий (в частности, массовый допуск малых форм технологического бизнеса к доработке отработанных скважин и рудников); развитие сферы услуг для мировой экономики (строительных, транспортных, образовательных, рекреационных и др.). При этом используется градация стран по уровню технологического развития предпринимательства на четыре группы: высокоразвитые, среднеразвитые, слаборазвитые и страны «падающего типа» (например, Афганистан, Гаити, Сомали и др.). Сформулировано классическое определение задач технологического предпринимательства: отбор идей, организация финансирования, коммерциализация, массовое производство. Показано значение частного сектора как главного двигателя процесса новаций. Систематизированы виды финансирования технологических инноваций по странам: венчурное, внутрифирменное, государственное и смешанное. Дана оценка государственно-частному партнерству для данного вида бизнеса. Приведены примеры на основе российского и датского опыта строительства метро. Предложена мировая пирамида технологического предпринимательства с описанием уровней иерархии развития.

Ключевые слова: технологические инновации, прогноз, государственно-частное партнерство, сценарии развития, Россия, мир.

ALTERNATIVES OF DEVELOPING TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP IN THE WORLD

Igor E. Belskikh, Ekaterina V. Kosobokova

Volgograd branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Volgograd, Russia

The article studies possible alternatives of developing technological entrepreneurship in Russia and in the world in view of scenario approach: territorial communications in the scale of Big Eurasia programs; upgrading raw material technologies, in particular, mass access of small forms of technological business to completion of worked-out wells and mines; developing service sector for global economy (construction, transport, education, recreation, etc.). In this case gradation of countries according to the level of entrepreneurship development is carried out. Four groups of countries are named: highly-developed, medium-developed, underdeveloped and countries of the 'falling type' (for example, Afghanistan, Haiti, Somali, etc.). Classical definition of technological entrepreneurship tasks was formulated: selection of ideas, organization of financing, commercialization and mass production. The significance of private sector as a principle driver of the innovation process was highlighted. Types of financing for technological innovation were systematized according to countries: venture, in-company, state and mixed. State-private partnership for this type of business was assessed. Examples were provided on the basis of Russian and Danish experience in the underground construction. The authors proposed a global pyramid of technological entrepreneurship describing levels of development hierarchy.

Keywords: technological innovation, forecast, state-private partnership, scenarios of development, Russia, world.

Постановка проблемы

Современная мировая экономика развивается на основе высоких технологий. Объединение усилий ученых, инженеров и предпринимателей быстро меняет человечество, создавая новые условия для благополучия и благоденствия. Основа успешности развития регионов и стран зависит от технологического предпринимательства.

Инициативы и идеи предпринимателей в сфере технологий и промышленности проходят быструю апробацию на специальных площадках, в технопарках и в бизнес-инкубаторах [1]. Наиболее успешные технологии покупаются и выходят на широкий потребительский рынок. Страны, которые преуспеют в организации технологического предпринимательства, будут лидерами будущего мира, а остальные останутся на обочине.

По нашему мнению, технологическое предпринимательство – это самый интересный и сложный вид ведения бизнеса. Его участников отличают новаторский тип мышления, поиск оригинальных путей решения потребительских проблем, высокий уровень технического образования и налаженная система организационно-экономических отношений с инвесторами, выступающими в роли как финансовых, так и промышленных агентов.

Американский экономист М. Портер убедительно доказал, что взаимодействие технологий и бизнеса при кластерной оценке в экономике складывается и существует десятилетиями или даже веками, если речь идет о привычных отраслях [9]. В свою очередь маркетинговые теории рыночного лидерства подтверждают, что фирмы-лидеры и их ближайшие конкуренты на рынке способны эффективно сдерживать других участников в среднесрочной и долгосрочной перспективе патентной защитой, брендом и повышенной лояльностью потребителей [4; 7]. Создание брендов потребительского рынка на основе интегрированного подхода в маркетинге, использование рыночных корпоратив-

ных стратегий приводят к поиску национальных формул успеха [5; 15]. Исключением является развитие товаров-новинок, рынков инновационных продуктов, которые развиваются с учетом фирм-лидеров с опорой на страну (яркий пример – конкуренция смартфонов из США, Китая, Южной Кореи). В литературе рассмотрены примеры развития международной торговли под влиянием таких факторов [3].

Все это означает, что технологическое лидерство стран, регионов, фирм на рынке практически непоколебимо при прочих равных условиях. Активное участие государства и инвесторов может изменить традиционный расклад сил. Цифровая экономика [8; 11], территориальные инновации [10; 21] и использование вузовского потенциала могут ускорить все процессы [2; 20]. Примеры из Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Сингапур и др.), успехи предпринимателей из Китая это подтверждают [22; 23].

Альтернативность развития технологического предпринимательства на уровне стран – важная тема, требующая изучения. Большое значение данная проблема имеет для России, страны, которая имеет особую национально-экономическую специфику. Технологическое лидерство в ряде отраслей в советское время было основано на государственном планировании. Теперь стоит задача поиска и развития рыночных ниш для частной инициативы или ее организационной вариации под известным названием «государственно-частное партнерство».

Эмпирические материалы исследования

Базой для эмпирического материала послужили аналитические данные экономической истории, мировой статистики; обзоры и отчеты ряда неправительственных организаций и ведущих технологических компаний; изучение динамики импортно-экспортных операций и программ развития предпринимательства по разным странам.

Подходы к анализу материала были определены на основе трех основных исследовательских этапов в обзоре материала.

На первом этапе была установлена специфика технологического предпринимательства на современном этапе развития [1; 4; 17; 23], для которого важными стали вопросы финансирования инноваций, определения механизмов и форм работы на рынках [18; 19].

Второй этап позволил выявить границы возможных альтернатив при сценарно-страновом подходе к анализу материала и текущему пандемическому настоящему [12; 14].

Третий этап помог определить перспективы развития отечественного технологического предпринимательства, границы наиболее результативных альтернатив, адаптационные возможности для их использования с учетом отраслевой и территориальной специфики экономики [13; 16].

Результаты исследования

Обзор эмпирического материала показывает, что есть страны-лидеры, где технологическое предпринимательство развито успешно (Германия, США, Китай, Япония). Там создана технокультура, которая себя автоматически воспроизводит и создает рыночную продукцию, востребованную повсеместно. Образование, бизнес, менталитет, усилия регуляторов – все соединено для воспроизводства новейших и инновационных идей. Эти страны конкурируют между собой, не обращая никакого внимания на остальных участников технологической гонки. Внутри этих стран создана инфраструктура изобретений и продаж на рынках, которая построена на принципах самокупаемости и отраслевого лидерства. Можно обозначить их как страны с высоким уровнем развития технологического предпринимательства, пример для развития всех остальных стран.

Международное сравнение стран позволяет выделить и другую группу государств, чрезвычайно успешных в развитии

предпринимательства. Они являются высокотехнологичными в отдельных отраслях, направлениях, случаях. Их обозначим как страны второго уровня (или среднего уровня) развития. Например, Южная Корея, Нидерланды, Швеция, Бразилия, Финляндия и др. Размер экономики, количество населения, число фирм, предпринимательские структуры не позволяют им стать лидерами по всем направлениям. Они успешны по отдельным отраслям и рынкам. Фирмы этих стран активно участвуют в создании мировых цепочек ценностей для своих потребителей. Они лидеры в высокотехнологических сегментах продукции на мировом рынке. Их рынки труда привлекательны для инженеров и предпринимателей из других стран развивающегося мира. Эта группа стран активно развивает технологическую инициативу своих организаций и граждан, создает институциональные условия, формирует инвестиционную привлекательность за счет налоговых преференций, развития инфраструктуры, роста качества образования и т. д.

С позиции высоких технологий в сфере предпринимательства, создания товаров-новинок, доли продаж на мировых рынках можно выделить еще одну группу стран – слаборазвитые государства. Можно сказать, что это весь остальной мир, который живет идеями и покупает товары у первых двух групп. К сожалению, Россия среди них. Как правило, в этих странах значительное число технологических инноваций происходит не благодаря предпринимательству, а из-за усилий правительства и малоэффективных госкомпаний. Частная инициатива практически не получает признания рынков и работает в основном на выполнение госзаказов.

В качестве иллюстративного примера хотелось бы отметить небольшую страну Северной Европы – Данию. Так, в Копенгагене построили и запустили лучшее в мире, по мнению экспертов и потребителей, метро, где нет обслуживающего персонала (машинистов, кассиров-контролеров, по-

лицейских). Десятки станций, десятки километров путей, разные ветки, составы с электронными указателями – все работает автоматически. В России по такому принципу построили переезд из одного терминала в другой в аэропорту Шереметьево в Москве. Всего две станции на всю страну. Этот аэропорт служит классическим примером государственно-частного партнерства в стране: строит государство, а выгоды получают избранные предприниматели из частного сектора. С таким подходом России трудно стать лидером в сфере технологического предпринимательства.

Технологии всегда развиваются с опорой на экономическую инициативу, на финансирование изобретений и их продажу. В российских университетах уже есть дисциплина «Технологическое предпринимательство», которая направлена на рост влияния университетов на экономику, на поиск путей обеспечения экономического роста [4; 5], где технология плюс бизнес равно успеху. Технологическое предпринимательство, его классическое понимание – это роль бизнесмена в индустрии: отбор идей, организация финансирования, коммерциализация, массовое производство.

В мире сформировалось несколько общеизвестных типов финансирования технологий и открытий:

- венчурное (яркий пример – технологические фирмы США);
- внутрифирменное (общеевропейский и японский путь);
- государственное (российский вариант);
- смешанное (китайский вариант).

У каждого из вариантов есть свои положительные и негативные стороны. Основным критерием для технологического предпринимательства является способность товара (или услуги) при коммерциализации технологии быть проданным и принести прибыль своим собственникам. При государственном финансировании данный критерий не работает. Это показывает и региональный отечественный

опыт [6]. Там главное – отчет о потраченных средствах и начало их возврата.

Государственные инвестиции всегда неэффективны. Их задача – развитие отрасли, создание показательных производств, популяризация технических достижений.

Большую известность получил опыт Александровской мануфактуры в дореволюционной России, которая была создана в первой половине XIX в. для пропаганды достижений мировой хлопчатобумажной промышленности. С опорой на нее были достигнуты небывалые отечественные показатели в 30–40-е гг. XIX в. по развитию хлопчатобумажных мануфактур. Развитие множественных корпораций, созданных сейчас у нас в стране, просто неэффективно, а их отраслевое влияние минимально.

Человечество стремилось к открытиям, значительная часть из которых не имеет автора (колесо, стекло, порох и др.). Современные технологии настолько усложнились, что без соответствующей и многолетней подготовки ничего невозможно создать. Развитие образования, науки, техники достигает небывалых высот. В условиях роста системных сложностей невозможно планирование инноваций на государственном уровне. Только частная инициатива способна детально отразить вызов времени и найти решение технологической проблемы. На наш взгляд, при определении возможных альтернативных технологий следует ориентироваться на страны-лидеры, постоянно создавать условия для развития технологического предпринимательства и мониторинга результата.

Успех в современном мире для формирования альтернативных технологий заключается не только в хорошем техническом образовании и государственной поддержке, но и в инициативе, которая проявляется от разных креаторов. Для этого важно иметь развитый частный сектор фирм, ориентированных на создание товаров-новинок для массового рынка.

В странах третьей группы (по нашей классификации) мало или нет креаторов и нет условий для развития такого вида биз-

неса: недостаточно фирм, нет емкого внутреннего рынка, потребители ориентированы на технологическую продукцию стран-лидеров, отсутствуют технологии или нет к ним доступа (в частности, санкции) и т. п. Технологическое предпринимательство просто не имеет будущего и не развивается. Таких стран в мире много. Большинство стран научились развивать частный сектор экономики. Домашние хозяйства активно создают свой бизнес, но он не является высокотехнологичным. А некоторые страны даже не могут развивать бизнес-активность у своего населения.

Отсутствие технологий и слабая экономика полувоенных стран и обществ лишают их будущего. Скорее всего, они превратятся в страны «падающего типа» – это четвертая группа стран, самая отсталая (Афганистан, Гаити, Сомали). Для них характерны высокий уровень миграции, преступность, отсутствие современных форм экономической активности. Никто не ожидает от них производства смартфона в ближайшие века. Там нет коммуникаций, маркетинга районов, нет политики, направленной на внешнеэкономическое и технологическое развитие территорий [7. – С. 26].

Для развития в будущем технологического предпринимательства правителям любого отстающего государства, инициативным творцам и технологически ориентированным предпринимателям надо ответить на много вопросов, среди которых:

1. Что для них первично: технология или бизнес?

2. Что важнее при формировании ориентиров: рынок или государственный заказ?

3. В приоритете развития технологического продукта совесть изобретателя или прибыль; важнее нажива или этика открытий, когда доступ к товару отдается потребителям бесплатно или дешево?

На эти вопросы сложно сформулировать измеряемые и четкие ответы. Заказывая высокотехнологичную продукцию в Китае, многие предприниматели указыва-

ют на неизвестность исполнения заказа, использованных материалов, соблюдения экологических стандартов и прочих важных вопросов. Аналогичные вопросы задают и потребители. Особую важность играет арбитраж этих вопросов в бизнес-процессах. Ценовые сигналы не всегда помогают сделать правильный выбор на рынке. Таких вопросов много, а отбор альтернатив развития технологического предпринимательства превращается в трудную исследовательскую задачу.

Разработка альтернатив должна опираться на индикативный сценарный подход. Невозможно просчитать последовательность шагов и определить этапы планирования при развитии государственно-частного партнерства для отстающих стран. В основе такого исследовательского подхода лежит экспертная оценка, опирающаяся на проведенную классификацию стран.

Возможные сценарии (оптимистичный, пессимистичный и реалистичный) альтернативного развития определяются уровнем развития технологического предпринимательства в стране. В основе каждого из них находится учет трендов для четырех выделенных нами групп стран:

1. Сценарий для стран-лидеров, которые определяют тренды и правила для всех.

2. Сценарий для стран второго уровня, которые в силу историко-экономических и географических причин никогда не смогут стать лидерами, но успешны в своих сегментах и отраслях.

3. Сценарий для стран-неудачников технологического развития, которые в силу политических и исторических причин неспособны стать лидерами, но способны перейти во вторую группу стран.

4. Государства «падающего типа», которые не только неспособны развивать технологическое предпринимательство, но и буквально не могут себя прокормить.

Для каждой группы стран возможны свои сценарии и рекомендации.

Надо отметить, что большую роль в деле развития технологического предпринимательства играют бренды, популярные товарные марки, которые помогают странам и фирмам защищать свое лидерство на рынке. Умение работать с рынками характерно только для первых двух групп стран, третья группа стран из-за неразвитого частного сектора технологического предпринимательства неспособна создавать бренды и защищать их на рынках (за редким исключением). Нигде в мире нет товаров, произведенных государственной корпорацией, которая конкурировала бы с частной фирмой, даже в рамках государственно-частного партнерства.

Для анализа и характеристики альтернатив важно определить мировую иерархию пирамиды технологического предпринимательства.

Страны-лидеры по развитию технологического предпринимательства имеют международную систему правовой (патенты), финансовой (неограниченные ресурсы), рыночной (лидерство в сегментах и долях), отраслевой (ноу-хау, техпроцесс, оборудование, квалификация сотрудников) и другой защиты.

Страны второго уровня имеют аналогичные параметры в сфере своей специализации, включая свободный доступ на мировые рынки технологий.

У стран третьего уровня нет современных технологий, недостаточно частных инвестиций, ограничено количество потребителей или у них недостаточные доходы, чтобы покупать высокотехнологичные товары, а есть только потребности. Зачастую примитивные диктатуры и неэффективные правительства не могут развивать даже бизнес в своих странах, а потребности в технологиях и высокотехнологичных продуктах есть.

Четвертую группу стран нет смысла использовать в анализе. Они не существуют в мире технологий.

На рисунке показаны яркие названия для крайних точек: технологический рай (самый высокий уровень развития техно-

логий и бизнеса) и технологический ад (самый низкий уровень).

Рис. Мировая пирамида технологического предпринимательства

Эта мировая пирамида определяет основные сценарии развития предпринимательства в сфере технологий. Бизнес в высокоразвитых странах будет стремиться к развитию своих альтернативных позиций, в странах среднеразвитой группы – сохранить приоритеты, а в слаборазвитых странах – направить организационные усилия на появление своих товаров и услуг на мировых рынках. Исключение составляют страны, находящиеся под санкциями. Их главные усилия будут направлены на снятие санкций в сфере высоких технологий, чтобы получить доступ к мировым достижениям.

Заключение

В качестве вывода предлагаем обобщенные данные по прогнозированию развития технологического предпринимательства по выделенным группам стран на основании альтернативного сценарного подхода (таблица). Анализ данных трендов подтверждает, что России надо переходить от отдельных примеров успеха фирм (производителей программ мирового уровня) к созданию мифов о лидерстве в отдельных сегментах рынка и появлению глобальных потребительских брендов. Эта позиция нашла отражение и в продвижении программ развития технологического предпринимательства в вузах [6].

Сценарии возможных альтернатив развития технологического предпринимательства по выделенным группам стран

Сценарий	Высокоразвитые страны	Среднеразвитые страны	Слаборазвитые страны
Оптимистичный	Усиление лидерства и конкурентных позиций, развитие глобальных брендов и мировых продуктовых предложений	Расширение лидерства в отраслях и на рынках, усиление конкурентных позиций, развитие глобальных брендов	Лидерство по сегментам, формирование конкурентных позиций, рождение глобальных брендов
Пессимистичный	Потеря лидерства, снижение конкурентных позиций, исчезновение части глобальных брендов	Лидерство по сегментам, удержание конкурентных позиций, потеря глобальных брендов	Потраченные инвестиции, неудачные попытки создания брендов и товаров, отказ от технологичного бизнеса
Реалистичный	Сохранение лидерства, консервация конкурентных позиций, сохранение глобальных брендов	Сохранение лидерства, снижение конкурентных позиций, исчезновение части глобальных брендов	Отдельные примеры успеха, микронизи, усиление конкурентных позиций, мифы об успехах

Какие альтернативные направления следует выбрать для высокотехнологического будущего взаимодействия России и мира? Очевидно, что будущее России представляется только в технологической интеграции с миром, что может пойти по ряду направлений:

1. *Развитие территориальных коммуникаций.* Масштаб страны предполагает использование потенциала данной идеи в масштабе программ Большой Евразии.

2. *Совершенствование сырьевых технологий.* Мировая специализация России на продаже сырья заставляет использовать наиболее прогрессивные идеи технологического предпринимательства в отраслях топливно-энергетического комплекса, добывающей промышленности. В частности, будущее за малым технологическим бизнесом, который доработает старые скважины и рудники. Для этого необходимо сформировать приоритеты развития.

3. *Сфера услуг* (самое перспективное направление). Строительные, транспортные, образовательные, рекреационные и другие услуги всегда в неограниченном масштабе интересны мировому рынку: вкладывать значительный капитал не нужно, мобильность сектора, легко транспортируются на внешние рынки. Количество потребителей (жителей планеты) постоянно растет, что предопределяет высокий спрос. Система оплаты услуг в мире построена на авансировании платежей. Для России – страны с небольшим национальным капиталом и обладающей неустойчивой сырьевой валютой – это имеет большое значение.

Технологии и предпринимательство – трудный путь построения успешной экономики. Надо создавать такое будущее и развивать технологическое предпринимательство. Других альтернатив нет.

Список литературы

1. Балашова Е. С., Громова Е. А. Технологическое предпринимательство как конкурентоспособная модель инновационного развития // Экономические исследования. – 2016. – № 4. – С. 1.
2. Бельских И. Е., Пескова О. С., Бородина Е. А. и др. Маркетинговый и предпринимательский потенциал российских университетов как «локомотивы» регионального экономического роста // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 7 (96). – С. 752–754.
3. Василенко А. В., Аджиев Д. О. Современные тенденции развития международной торговли // Modern Science. – 2021. – № 5-1. – С. 56–60.
4. Вотчель Л. М., Викулина В. В. Технологическое предпринимательство и факторы его развития // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 12 (113). – С. 1185–1188.

5. Дойл П. Маркетинг-менеджмент и стратегия. – СПб. : Питер, 2002.
6. Инновационная экономика и технологическое предпринимательство войдут в программы вузов РФ // Инновации. – 2017. – № 7 (225). – С. 16–18.
7. Корчагин Р. Л. Специфика эволюции технологического предпринимательства в развивающихся и переходных странах // Инновации. – 2020. – № 12 (266). – С. 63–70.
8. Никулина О. В., Петросян С. А. Повышение конкурентоспособности участников международной торговли на основе цифровой трансформации деятельности // Экономика: теория и практика. – 2020. – № 3 (59). – С. 51–59.
9. Портер М. Конкуренция. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2003.
10. Романова А. И. Роль инновационных территориальных кластеров в реализации инновационной политики Республики Татарстан // Сибирская финансовая школа. – 2018. – № 2 (127). – С. 94–100.
11. Рынок e-commerce в России: тренды и новые решения. – URL: <https://plus.rbc.ru/partners/5fd0cfff7a8aa90fc83656b1> (дата обращения: 22.07.2021).
12. Савинов Ю. А., Кириллов В. Н., Тарановская Е. В. Срочно в номер: влияние китайского коронавируса на мировую экономику и торговлю // Международная экономика. – 2020. – № 2. – С. 63–71.
13. Смирнов Е. Н. Постпандемические эффекты для развития международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 2. – С. 7–20.
14. Технологическое предпринимательство в инновационной экономике // Наноиндустрия. – 2016. – № 1 (63). – С. 62–65.
15. Шульц Д. Е., Китчен Ф. Маркетинг. Интегрированный подход. – М. : Инфра-М, 2004.
16. Якушев Н. О. Технологическое предпринимательство в России: проблемы оценки // Вопросы территориального развития. – 2020. – Т. 8. – № 3. – С. 3.
17. Arogyaswamy B., Nowak A. High Tech and Societal Innovation in Poland: Prospects and Strategies // East-West Journal of Economics and Business. – 2009. – Vol. XII. – Issue 1. – P. 47–73.
18. Meil P., Salzman H. Technological Entrepreneurship in India // Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies. – 2017. – Vol. 9. – Issue 1. – P. 65–84.
19. Staniec I. Open Cooperation – the Future of Technological Entrepreneurship // Actual Problems of Economics. – 2016. – Vol. 182. – N 8. – P. 85–94.
20. Tomes A., Erol R., Armstrong P. Technological Entrepreneurship: Integrating Technological and Product Innovation // Technovation. – 2000. – Vol. 20. – N 3. – P. 115–127.
21. Venkataraman S. Regional Transformation through Technological Entrepreneurship // Journal of Business Venturing. – 2004. – Vol. 19. – N 1. – P. 153–167.
22. Watkins-Mathys L., Foster J. Entrepreneurship: the Missing Ingredient in China's STIPs? // Entrepreneurship & Regional Development. An International Journal. – 2006. – Vol. 18. – Issue 3. – P. 249–274.
23. Zhang G., Peng X., Li J. Technological Entrepreneurship and Policy Environment: a Case of China // Journal of Small Business and Enterprise Development. – 2008. – Vol. 15. – Issue 4. – P. 733–751.

References

1. Balashova E. S., Gromova E. A. Tekhnologicheskoe predprinimatelstvo kak konkurentosposobnaya model innovatsionnogo razvitiya [Technological Entrepreneurship as a Competitive Model of Innovative Development]. *Ekonomicheskie issledovaniya* [Economic Research], 2016, No. 4, p. 1. (In Russ.).

2. Belskikh I. E., Peskova O. S., Borodina E. A. et al. Marketingovy i predprinimatelskiy potentsial rossiyskikh universitetov kak «lokomotivy» regionalnogo ekonomicheskogo rosta [Marketing and Entrepreneurial Potential of Russian Universities as "Locomotives" of Regional Economic Growth]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economy and Entrepreneurship], 2018, No. 7 (96), pp. 752–754. (In Russ.).

3. Vasilenko A. V., Adzhiev D. O. Sovremennye tendentsii razvitiya mezhdunarodnoy trgovli [Modern Trends in the Development of International Trade]. *Modern Science*, 2021, No. 5-1, pp. 56–60. (In Russ.).

4. Votchel L. M., Vikulina V. V. Tekhnologicheskoe predprinimatelstvo i faktory ego razvitiya [Technological Entrepreneurship and Factors of its Development]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2019, No. 12 (113), pp. 1185–1188. (In Russ.).

5. Doyl P. Marketing-menedzhment i strategiya [Marketing Management and Strategy]. Saint Petersburg, Piter, 2002. (In Russ.).

6. Innovatsionnaya ekonomika i tekhnologicheskoe predprinimatelstvo voydut v programmy vuzov RF [Innovative Economics and Technological Entrepreneurship will be Included in the Programs of Higher Educational Institutions of the Russian Federation]. *Innovatsii* [Innovations], 2017, No. 7 (225), pp. 16–18. (In Russ.).

7. Korchagin R. L. Spetsifika evolyutsii tekhnologicheskogo predprinimatelstva v razvivayushchikhsya i perekhodnykh stranakh [Specificity of the Evolution of Technological Entrepreneurship in Developing and Transitional Countries]. *Innovatsii* [Innovations], 2020, No. 12 (266), pp. 63–70. (In Russ.).

8. Nikulina O. V., Petrosyan S. A. Povyshenie konkurentosposobnosti uchastnikov mezhdunarodnoy trgovli na osnove tsifrovoy transformatsii deyatel'nosti [Increasing the Competitiveness of International Trade Participants Based on Digital Transformation of Activities]. *Ekonomika: teoriya i praktika* [Economy: Theory and Practice], 2020, No. 3 (59), pp. 51–59. (In Russ.).

9. Porter M. Konkurentsia [Competition]. Moscow, Izdatelskiy dom «Vilyams», 2003. (In Russ.).

10. Romanova A. I. Rol innovatsionnykh territorialnykh klasterov v realizatsii innovatsionnoy politiki Respubliki Tatarstan [The Role of Innovative Territorial Clusters in the Implementation of the Innovation Policy of the Republic of Tatarstan]. *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian Financial School], 2018, No. 2 (127), pp. 94–100. (In Russ.).

11. Rynok e-commerce v Rossii: trendy i novye resheniya [The e-commerce Market in Russia: Trends and New Solutions]. (In Russ.). Available at: <https://plus.rbc.ru/partners/5fd0cfff7a8aa90fc83656b1> (accessed 22.07.2021).

12. Savinov Yu. A., Kirillov V. N., Taranovskaya E. V. Srochno v nomer: vliyanie kitayskogo koronavirusa na mirovuyu ekonomiku i trgovlyu [Urgently to the Issue: the Impact of the Chinese Coronavirus on the World Economy and Trade]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economics], 2020, No. 2, pp. 63–71. (In Russ.).

13. Smirnov E. N. Postpandemicheskie efekty dlya razvitiya mezhdunarodnoy trgovli [Post-Pandemic Effects for the Development of International Trade]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2021, No. 2, pp. 7–20. (In Russ.).

14. Tekhnologicheskoe predprinimatelstvo v innovatsionnoy ekonomike [Technological entrepreneurship in an innovative economy]. *Nanoindustriya* [Nanoindustry], 2016, No. 1 (63), pp. 62–65. (In Russ.).

15. Shults D. E., Kitchen F. Marketing. Integrirovannyi podkhod [Marketing. An integrated Approach]. Moscow, Infra-M, 2004. (In Russ.).

16. Yakushev N. O. Tekhnologicheskoe predprinimatelstvo v Rossii: problemy otsenki [Technological Entrepreneurship in Russia: Assessment Problems]. *Voprosy territorialnogo razvitiya* [Issues of Territorial Development], 2020, Vol. 8, No. 3, p. 3. (In Russ.).
17. Arogyaswamy B., Nowak A. High Tech and Societal Innovation in Poland: Prospects and Strategies. *East-West Journal of Economics and Business*, 2009, Vol. XII, Issue 1, pp. 47–73.
18. Meil P., Salzman H. Technological Entrepreneurship in India. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*, 2017, Vol. 9, Issue 1, pp. 65–84.
19. Staniec I. Open Cooperation – the Future of Technological Entrepreneurship. *Actual Problems of Economics*, 2016, Vol. 182, No. 8, pp. 85–94.
20. Tomes A., Erol R., Armstrong P. Technological Entrepreneurship: Integrating Technological and Product Innovation. *Technovation*, 2000, Vol. 20, No. 3, pp. 115–127.
21. Venkataraman S. Regional Transformation through Technological Entrepreneurship. *Journal of Business Venturing*, 2004, Vol. 19, No. 1, pp. 153–167.
22. Watkins-Mathys L., Foster J. Entrepreneurship: the Missing Ingredient in China's STIPs? *Entrepreneurship & Regional Development. An International Journal*, 2006, Vol. 18, Issue 3, pp. 249–274.
23. Zhang G., Peng X., Li J. Technological Entrepreneurship and Policy Environment: a Case of China. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2008, Vol. 15, Issue 4, pp. 733–751.

Сведения об авторах

Игорь Евгеньевич Бельских

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и финансов
Волгоградского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: Волгоградский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 400066, Волгоград,
ул. Волгодонская, д. 3.
E-mail: pr-ib@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3467-5092

Екатерина Вячеславовна Кособокова

кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой экономики и финансов
Волгоградского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: Волгоградский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 400066, Волгоград,
ул. Волгодонская, д. 3.
E-mail: ekkosobokova@yandex.ru

Information about the authors

Igor E. Belskikh

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department
for Economics and Finance
of the Volgograd branch of the PRUE.
Address: Volgograd branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
3 Volgodonskay Str., Volgograd, 400066,
Russian Federation.
E-mail: pr-ib@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3467-5092

Ekaterina V. Kosobokova

PhD, Assistant Professor,
Head of the Department
for Economics and Finance
of the Volgograd branch of the PRUE.
Address: Volgograd branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
3 Volgodonskay Str., Volgograd, 400066,
Russian Federation.
E-mail: ekkosobokova@yandex.ru

СОДЕЙСТВИЕ ВОЗВРАЩЕНИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ (О РЕАБИЛИТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРИНЦИПА)

Т. А. Бажан

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Игнорирование этнокультурного принципа в определении понятия «соотечественник» позволяет признавать в качестве таковых неоправданно широкий круг лиц. В наши дни очевиден риск превращения Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников из репатриационного проекта (первоначальная задумка) в рекрутинг иностранной рабочей силы: ограничены возможности участия пожилых и малообеспеченных иностранцев, владеющих русским языком, принадлежащих к народам России, готовых к интеграции в российское общество; соотечественниками легко признаются представители титульных наций некоторых постсоветских государств, не обладающие указанными социокультурными признаками; формируются те же коррупционные издержки, которые характерны для трудовой миграции; качество человеческого капитала, обеспечиваемого за счет Госпрограммы, не соответствует ни Конституции Российской Федерации, ни потребностям развития российского общества. Для придания политике государства должного репатриационного содержания необходимо провести ревизию ее целей, привести таковые в соответствие с Конституцией; конкретизировать правовую основу института репатриации (возвращения на Родину) соотечественников, поставив во главу угла не экономические, а культурно-нравственные категории (ключевыми социокультурными признаками должны выступить владение русским языком, принадлежность к народам России, готовность к интеграции в российское общество). Идеология Госпрограммы должна исходить не из рекрутинговых, а из репатриационных задач. Автором отмечается, что необходимо реформировать систему реализации Госпрограммы, снабдив ее адекватным порядком отбора претендентов в соответствии с их социокультурными признаками; возможностями адресной поддержки пожилых и малоимущих соотечественников для их переселения на историческую Родину; устранением коммерческой составляющей в работе с соотечественниками (как в странах исхода, так и на территории России); инфраструктурой для первоначальной адаптации и последующей интеграции соотечественников в российское общество. Статья посвящена анализу отдельных аспектов реализации Госпрограммы с целью выявления системных проблем данного репатриационного проекта и формулированию предложений по их решению и оптимизации государственной политики в сфере миграции.

Ключевые слова: государственная миграционная политика, репатриация, социокультурная интеграция мигрантов, инфраструктура для адаптации и интеграции мигрантов.

FOSTERING THE RETURN OF COMPATRIOTS (CONCERNING REHABILITATION OF ETHNO-CULTURAL PRINCIPLE)

Tatyana A. Bazhan

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

To ignore the ethno-cultural principle in defining the notion of 'compatriot' means recognition of too wide circle of people as such. Today the risk of turning the State program on fostering voluntary migration of compatriots from the repatriation project (the initial idea) into foreign labour recruiting is obvious. For instance, opportunities are limited for elderly and people with moderate means, who know Russian, belong to peoples of Russia and are ready

to integrate into Russian society; representatives of title nations of some post-soviet states are recognized as compatriots though they do not possess the mentioned-above socio-cultural features; the same corruption costs typical of labour migration are formed; the quality of human capital provided at the expense of the State program does not comply with the Constitution of the Russian Federation and needs of Russian society development. To fill state policy with the adequate repatriation content it is necessary to revise its goals, bring them into line with the Constitution; to concretize the legal basis of the repatriation institution (return to the homeland) of compatriots, primary importance should be assigned to cultural-morale categories but not to economic ones. The key socio-cultural features are mastering the Russian language, belonging to peoples of Russia and readiness to integrate into Russian society. Ideology of the State program should proceed from repatriation aims but not from recruiting ones. The author points out that it is necessary to reform the system of the State program implementation by providing it with the adequate way of selecting candidates in accordance with their socio-cultural features; opportunities to support elderly and those with moderate means for returning them to the historic homeland; elimination of commercial element in work with compatriots (both in countries of departure and on the territory of Russia); infrastructure for initial adaptation and further integration in Russian society. The article analyzes certain aspects of the State program and aims at identification of system problems of this repatriation project, as well as formulation of suggestions for their settlement and optimization of state policy in the field of migration.

Keywords: state migration policy, repatriation, socio-cultural integration of migrants, infrastructure for migrants; adaptation and integration.

В конце 2021 – начале 2022 г. в Обнинске Калужской области возникла острая конфликтная миграционная ситуация, вызвавшая широкий общественный резонанс. Не останавливаясь на пересказе событий (им посвящено множество материалов¹), обратимся к анализу отдельных объективных условий, обусловивших остроту и проблемность ситуации. В их числе – избыточная концентрация в регионе иностранных граждан, неготовых к интеграции в российское общество (не стремятся уважать местные традиции, соблюдать российские законы), а также создающих дополнительную нагрузку на социальную сферу. Возникшее напряжение вызвано не ошибками на местах, а несовершенством миграционной политики в стране. При определенных неблагоприятных обстоятельствах аналогичные процессы вероятны в любом другом регионе страны, где высока концентрация инкультурных иностранных мигрантов. В этой связи калужская история достойна серьезного анализа и оценки. Практически бесконтрольное массовое прибытие нового

населения в популярные регионы страны осуществляется в основном за счет внешней трудовой миграции.

В последние годы произошло усиление данного канала за счет возможностей Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 (далее – Государственная программа или Госпрограмма). Некоторые особенности ее реализации также внесли свой вклад в формирование упомянутой ситуации в Калужской области.

Различные вопросы реализации Госпрограммы достаточно подробно исследованы в научной литературе [8; 9 и др.]. Анализировались формирование правовых основ политики в отношении соотечественников [3; 17; 18 и др.], региональные аспекты реализации Госпрограммы [7; 10; 14 и др.], вопросы социокультурного характера [4; 19 и др.], особенности интеграции участников и др. Благодаря исследовательскому вниманию был выявлен и устранен ряд недостатков. Создан механизм для содействия жилищному обустройству переселенцев. В 2020 г. в Госпрограмму была введена норма о жилищной субсидии для участников Госпрограммы и членов их семей в целях обустройства в местах вселения. Раз-

¹ URL: <https://russian.rt.com/russia/article/961872-kaluga-ogranichenie-migraciya>; <https://ngregion.ru/gorod-i-gorozhane/narodozameshchenie>; <https://rg.ru/2022/02/13/reg-cfo/uzhe-tri-rossijskih-regiona-vveli-zapret-na-rabotu-migrantov.html>; <https://russian.rt.com/russia/article/961872-kaluga-ogranichenie-migraciya> и др.

работаны и другие формы помощи. Тем не менее роль этнического фактора в идеологии Государственной программы, его учет в практической работе остаются в проблемном поле и нуждаются в переосмыслении.

Таким образом, определенную лепту в формирование напряженности в Калужской области внесла и Государственная программа. В ходе ее реализации в регион прибыли 90,5 тыс. иностранных граждан. Согласно оценке руководства области, переселенцы первых лет могут быть названы именно соотечественниками. Они владели русским языком и были настроены на интеграцию в принимающий социум. Более 80% из них были русскими, украинцами и белорусами. На долю представителей титульных наций стран Центральной Азии и Закавказья приходилось около 20% (из них 10% – армяне).

Постепенно ситуация менялась. К 2021 г. доля переселенцев-славян снизилась до 17%, а количество представителей титульных наций государств Центральной Азии превысило 65%.

Кардинально изменились и социокультурные характеристики значительной части участников программы. Многие из них не владеют русским языком, обладают крайне низким интеграционным потенциалом, не стремятся уважать культуру и традиции местного населения. Именно эти качества, свойственные некоторой части прибывших соотечественников, внесли конфликтную составляющую в гостеприимный и миролюбивый калужский социум. Причем проблемность ситуации придал не сам факт прибытия инокультурных жителей (для исторически многонациональной страны это не удивительно), а количество прибывших, их компактное размещение и специфика интеграционного поведения. В связи с этим губернатор области обратился к Председателю Правительства России с предложением «об отсрочке разработки Правительством Калужской области проекта региональной

программы переселения»¹ (Письмо Губернатора Калужской области В. В. Шашши на имя Председателя Правительства Российской Федерации М. В. Мишустина от 11 февраля 2022 г.). В обращении содержится тревожный прогноз: «Продолжение массового притока иностранных граждан среднеазиатского происхождения приведет к затруднениям национальной идентификации населения нашего региона». Подтверждением тому стали результаты социологического исследования, проведенного ВЦИОМ, которое выявило беспокойство и тревожные настроения у коренного населения региона. На 7% возросла доля жителей, указавших на ухудшение межнациональных отношений в Калужской области, а 22% респондентов отнесли проблему мигрантов к числу наиболее острых.

Наибольшее количество участников Госпрограммы прибывает в Россию из стран ближнего зарубежья. Табл. 1 демонстрирует активное участие в программе выходцев из тех постсоветских государств, где невысок потенциал соотечественников и значительно подорваны позиции русского языка. Так, существенно активизировалось участие граждан Республики Таджикистан. Если в 2011 г. их доля не превышала 3% от всех участников Госпрограммы и членов их семей, то в 2021 г. она составила 30% (около 23,6 тыс. человек). В то же время в республике количество жителей, связанных происхождением с народами России и владеющих русским языком, в 2015 г. не превышало 1% от общей численности населения [11. – С. 65]. Активно участвуют в Госпрограмме выходцы из Армении и Азербайджана. На фоне общего роста количества участников Госпрограммы несколько уменьшились доли граждан Узбекистана и Киргизии. А вот доля граждан Украины среди участников Госпрограммы и членов их семей, поставленных на учет в

¹ Соответствующие региональные программы принимаются на определенный период. В начале 2022 г. осуществлялась работа по ее пролонгации на последующие годы.

подразделениях по вопросам миграции территориальных органов МВД России, в 2021 г. составила 2,9% (около 2,3 тыс. человек) от общего количества прибывших (78,5 тыс. человек), хотя, в отличие от большинства выходцев из стран Средней Азии, они владеют русским языком, имеют более высокий уровень образования и

профессиональной подготовки и готовы интегрироваться в социум. Резкое увеличение количества граждан Украины, участвовавших в Госпрограмме в 2014–2015 гг., было обусловлено не активизацией работы с соотечественниками в этой стране, а последствиями произошедшего там государственного переворота.

Т а б л и ц а 1

Количество иностранных граждан, переселившихся в Россию на условиях Госпрограммы, в общем количестве участников и членов их семей с 2011 по 2021 г.* (в %)

	2011	2012	2013	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Граждане Азербайджана	2	2,5	1,7	1,1	1	0,8	2,2	4,3	7,1	3,9
Граждане Армении	9,2	6,7	13,9	6,4	4	10,5	9,7	10,4	12,6	10,4
Граждане Казахстана	31	28,3	28,8	21,1	14,2	28,7	35,2	36	31,4	33
Граждане Киргизии	6,8	4,5	4,9	3	1,6	1,8	2,3	2,5	3,2	4,0
Граждане Молдовы	10,6	10	14,5	8,4	7,1	12,1	8,5	7,5	6	4,7
Граждане Таджикистана	3	9,8	5	15,7	3,6	9,5	11,8	17,6	24,6	30
Граждане Узбекистана	23,3	20	20,7	13,9	7,3	9,7	8	7,3	7,1	7,8
Граждане Украины	7,9	8,4	7,5	38,9	60,4	23,6	19,2	11,8	3,1	2,9
Граждане других государств	6,5	9	3	1,5	4,1	1,6	2	2,5	2,9	3,3

* *Источник:* Мониторинг Государственной программы. – URL: https://mvd.rf/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring

Аналогичная тенденция характеризует и прием иностранцев в гражданство Российской Федерации. Данные табл. 2 показывают увеличение среди принятых в гражданство Российской Федерации доли выходцев из ряда стран СНГ, где количество соотечественников незначительно.

Напомним, что там же на протяжении многих лет проводится жесткая политика сужения сферы распространения русского языка и вытеснения российской культуры из системы образования и общественной жизни.

Т а б л и ц а 2

Прием в гражданство Российской Федерации иностранных граждан из государств СНГ с наименьшими по численности русскоговорящими сообществами (в тыс. чел.)

	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Граждане Азербайджана	9,9	10,4	12,2	13,5	21,9	30,8
Граждане Армении	22,3	25,1	27,1	24	30,5	46,9
Граждане Киргизии	9,3	8,8	8,8	9,4	11,9	19,2
Граждане Узбекистана	23,2	23,3	21	19,4	23,1	31,8
Граждане Таджикистана	23	29	35,7	44,7	63,4	103,7

Как и в случае с участием в Госпрограмме, наблюдается стремительный рост количества новых граждан из Таджикистана: с 23 тыс. человек в 2016 г. до 103,7 тыс. человек в 2021 г. В 2021 г. каждый седьмой из всех принятых в российское гражданство был гражданином указанного государства (103 681 человек). Еще раз отметим,

что русскоязычная община составляет в указанной стране не более 30 тыс. человек, а позиции русского языка и российской культуры за три постсоветских десятилетия были значительно подорваны политической суверенного государства. Та же тенденция, но в меньших масштабах характеризует интенсивность принятия в гражд-

данство Российской Федерации выходцев из Узбекистана, Армении, Азербайджана и Киргизии.

Приведенный показатель по Таджикистану превосходят только жители Украины (включая граждан ЛНР и ДНР) – 375 989 человек. Тенденция приема в гражданство по странам происхождения вызывает предположение о том, что граждане Украины, ЛНР и ДНР составили почти половину от общего количества принятых в гражданство не благодаря политике в отношении соотечественников за рубежом, а лишь в силу сложившейся ситуации (государственный переворот на Украине 2014 г.) и принятых «в ручном режиме» последующих адресных политических решений. Кстати, вопрос о легализации граждан Украины решался не так быстро, как хотелось бы, и не так просто. Депутат Госдумы К. Затулин привел факт: с 2014 по 2017 г. гражданство в качестве носителей русского языка смогли получить только 2 тыс. человек. Причем из них 24 гражданина Украины, а остальные – граждане Таджикистана [13] (последним не требовалось на тот момент предоставлять документ о выходе из гражданства, так как до сих пор действует Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства от 7 сентября 1995 г.).

Калужская область – один из регионов страны, где в силу близости к Москве концентрируется значительное количество временно пребывающих, временно и постоянно проживающих и незаконно пребывающих иностранных граждан. Здесь же интенсивно проводится работа по приему в гражданство. Если в 2016 г. в гражданство было принято 6 006 человек, то в 2021 г. – уже 15 686 человек. Среди новых граждан значительна группа представителей титульных наций вышеуказанных постсоветских государств.

Важно отметить, что учет национальности участников Госпрограммы имеет фактативный характер (участники сообщают об этом по желанию) и фактически

не ведется. В этой связи социокультурные признаки участников в расчет не принимаются. Отсюда – значительное количество соотечественников, не владеющих русским языком.

В рамках работы по привлечению соотечественников не учитываются не только их этнокультурные параметры, но и важные социовозрастные признаки переселенцев. В результате неудовлетворительно ведется работа по организации обучения детей переселенцев, прибывших на условиях Госпрограммы (как, впрочем, и мигрантов в целом). В частности, не предусматриваются дополнительные расходы, необходимые на данные цели. В тех регионах, где высока концентрация трудовых мигрантов, участников Госпрограммы и членов их семей, школа оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, образовательное учреждение должно предоставлять качественные услуги, с другой – приходится включать в общий поток школьников детей, чья подготовка не соответствует возрастным требованиям обучения (не владеют русским языком, не обладают необходимыми поведенческими навыками, не имеют знаний для полноценного освоения изучаемых предметов). Таким образом, снижается качество предоставления образовательных услуг. Решение проблемной ситуации затратно: для того чтобы подтянуть данную проблемную категорию обучающихся до необходимого уровня, требуются дополнительные учебные программы, дополнительные штаты и часы. Но дело не только в школе. Далеко не все иностранные родители, отправляясь в Россию, озабочены подготовкой своих детей к обучению в российской школе. Нередко семьи мигрантов не мотивированы на полноценную интеграцию в принимающее общество. Кстати, спусковым крючком обнинского конфликта выступило именно неудовлетворительное поведение детей из мигрантских семей.

Вместе с тем количество лиц моложе 18 лет было значительным с самого начала реализации программы. В период с 2012 по

2021 г. их доля ежегодно составляла от 20,9 до 24% от общего числа переселенцев. Так, в 2013 г. несовершеннолетние составляли 20,90% от всех прибывших, в 2021 г. – 22,10% (рис. 1). Данный показатель должен учитываться при планировании работы в школе и соответствующих финансовых затрат. Но для этого политика государства нуждается в другом подходе: доминирование сиюминутных коммерческих интересов препятствует достижению стратегических целей.

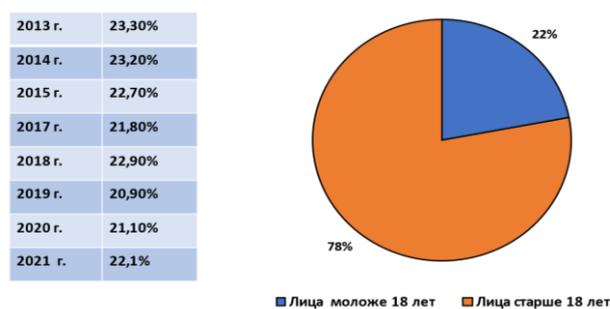

Рис. 1. Доля лиц моложе 18 лет в общем количестве участников Госпрограммы и членов их семей, прибывших в Российскую Федерацию в период с 2013 по 2021 г.

Если бизнес, использующий неквалифицированный иностранный труд, безразличен к культурно-интеграционным параметрам своих работников, то для принимающего социума социокультурные качества массово прибывающих иностранцев крайне важны. Безопасность общества и государства, гармония во взаимоотношениях старожилы и вновь прибывших зависят от готовности последних с уважением относиться к сложившемуся укладу жизни, его ценностям, истории, культуре.

Ключ к стабильности – интеграция в принимающее общество прибывших, а не приснопамятная борьба с ксенофобией (работа в области интеграции нередко сводится к последней). Государственная программа, формально ориентированная на переселение соотечественников, фактически обслуживает трудовой рекрутинг, игнорируя важнейшие этнокультурные

признаки ее участников. Естественные следствия из такого подхода приобретают порой парадоксальный характер. В их числе недостаточный учет потенциала соотечественников в тех странах исхода, где активно работает Госпрограмма.

Потенциал соотечественников в странах исхода неодинаков. Основная масса желающих участвовать в Госпрограмме проживает в странах ближнего зарубежья. После распада СССР за пределами Российской Федерации оказалось не менее 30 млн русских и представителей других народов России. По оценкам специалистов, за двадцать лет их численность уменьшилась почти вдвое. Только количество русских за этот период сократилось с 25,3 млн человек в 1989 г. до 14,9 млн человек в 2010 г. В странах СНГ, по данным переписей, русские составляли в Армении 13 тыс. человек; в Казахстане – 3,8 млн; в Киргизии – 419,6 тыс.; в Молдове – 140 тыс.; в Таджикистане – 35 тыс.; в Узбекистане – 720 тыс.; на Украине – около 8 млн человек [9. – С. 53].

О количестве желающих стать участниками Госпрограммы позволяют судить материалы различных социологических исследований, например, исследование, в рамках которого изучались миграционные настроения граждан, проживающих в 8 странах дальнего и ближнего зарубежья. В качестве респондентов (7 200 человек) выступили не только этнические русские, представители народов России, но также и представители титульных наций стран, где проводился опрос. На Украине готовность переехать в Россию выразили 65,2% опрошенных, в Молдове – 82,6%, в Казахстане – 50,7%, Узбекистане – 58,7%, в Киргизии – 91,2%. В Таджикистане 82,7% опрошенных заявили о желании выехать в Россию [12].

Характеристики переселенцев, готовность к интеграции в российское общество во многом зависят от их этнической принадлежности и от способности влиться в единое коммуникативное пространство России. Сокращение российской диаспоры на постсоветском пространстве сопровождается и уменьшением количества людей,

владеющих русским языком. Кроме того, с начала 90-х гг. XX в. происходит сужение сферы применения русского языка в ряде стран, где для значительной части населения он является родным. К 2015 г. количество жителей, владеющих русским языком, сократилось с 119,5 млн до 82,5 млн человек (рис. 2) [20].

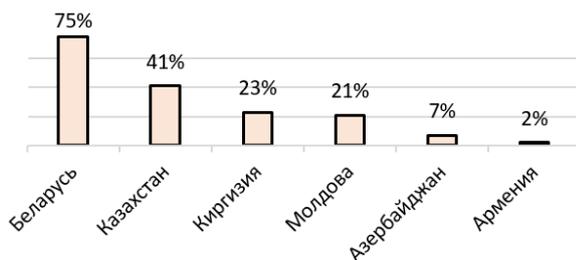

Рис. 2. Доля обучавшихся на русском языке детей (данные на 2014 г.) [2]

Причины связаны не только с возвращением русскоговорящих представителей народов России на историческую Родину, но и с языковой политикой новых государств, которая направлена на сужение сферы применения русского языка в общественной жизни и масштабное сокращение обучения русскому языку в школе. 10 лет назад преподавание на русском языке охватывало 75% детей в Беларуси, 41% в Казахстане, 25% на Украине, 23% в Киргизии, 21% в Молдове, 7% в Азербайджане, 5% в Грузии, 2% в Армении [6]. В последующем ситуация не улучшилась.

По выражению В. А. Тишкова, в ближайшем зарубежье русский язык оказался «наказанным языком», причем наказанным не за грехи, а за «великую модернизационную миссию» [15; 16], благодаря которой консолидировалось огромное социокультурное пространство Российской империи, а затем СССР. Сужение позиций русского языка на пространстве СНГ является причиной того, что выросло поколение (не менее 38 млн), которое не владеет русским языком вообще. Хотя сегодня по инициативе России реализуется множество проектов, направленных на популяризацию и укрепление позиций русского языка, заметного прогресса не наблюдается.

О положении дел в этой области свидетельствует тот факт, что значительная часть иммигрантов из ряда стран СНГ не владеет государственным языком России и не мотивирована на его изучение.

В условиях, когда на территорию страны ежегодно прибывают миллионы иностранцев, от сохранения и укрепления ее единого коммуникативного пространства зависят и ее целостность, и устойчивость. Новая редакция статьи 68 Конституции Российской Федерации определила особую роль русского языка, имеющего статус государственного на территории государства. Без общего языка проблематична экономическая, социальная, культурная и политическая интеграция общества [18]. По оценке Т. Я. Хабриевой и А. А. Клишаса, изменения, внесенные в статью 68 Основного закона страны, впервые на конституционном уровне признали культуру национальной ценностью, которая выступает важнейшим условием сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России [18]. Таким образом, устанавливается общий принцип консолидации общества – культура и язык. Этот теперь уже конституционный принцип должен пронизывать всю государственную политику Российской Федерации. Не может быть исключением и политика в сфере миграции. Успешное выполнение уникальной миссии русского языка – консолидации населения – зависит в том числе и от адекватного выбора принципов и целей указанной политики. В этой связи и политика в отношении соотечественников за рубежом также должна исходить из конституционного принципа, учитывать общность языка и культуры, укрепляя тем самым консолидацию общества.

Тем не менее конституционная норма пока еще не работает ни в идеологии Госпрограммы, ни в практике ее реализации. Об этом свидетельствуют игнорирование этнокультурных признаков переселенцев, которые признаются соотечественниками (владение русским языком, осознание себя представителем одного из народов (этно-

сов) России, восприятие нашей страны в качестве большой Родины). При планировании работы с зарубежными соотечественниками практически не учитывается их реальное количество в той или иной стране исхода, а также объективные условия, позволяющие/препятствующие сохранению их самоидентификации с российским социумом. Госпрограмма не учитывает также и этнокультурные особенности членов семьи ее участников. В результате очевиден риск работы программы на трудовую миграцию, а не на выполнение конституционной обязанности государства перед соотечественниками в части их возвращения на Родину, а значит, и в сфере улучшения качества человеческого капитала Российской Федерации.

Опасный крен в сторону трудовой миграции очевиден и в других особенностях реализации Госпрограммы. Изначально к участию в ней допускаются лица трудоспособного возраста (пенсионеры, нетрудоспособные, несовершеннолетние могут переселиться только в качестве членов семьи). Хотя соотечественники, достигшие пенсионного возраста, своим происхождением связаны с народами России, владеют русским языком, многие из них обладают высшим или средним специальным образованием, ощущают историческую и культурную связь с Родиной. Таким образом, программа, отказывая в содействии в возвращении на Родину пожилых соотечественников, лишает переселенческий проект гуманистического содержания. Возобладало прагматическое отношение к соотечественникам как миграционно-трудовому ресурсу. Но такой прагматизм и невнимание к этнокультурным характеристикам участников и членов их семей не принесли ни экономии бюджетных средств, ни социальной стабильности. Отказ от приема в Госпрограмму пожилых соотечественников (нерациональные траты) в конечном итоге с лихвой перекрывается расходами на многочисленных членов семей участников (пенсионеры, дети, содержание которых предполагает выплату

пенсий, пособий, материнского капитала, а также введенных в 2020 г. жилищных субсидий).

В Госпрограмму неоднократно вносились изменения, облегчившие участие различных категорий иностранных граждан. Благодаря этому отчетные цифры о количестве участников значительно увеличивались. Но подобные изменения мало затронули соотечественников. Не появились соответствующие возможности для вступления в программу пенсионеров, малообеспеченных соотечественников, которые порой не имеют возможности не только переехать в Россию (средства, затраченные за переезд, компенсируются позднее), но даже добраться до места расположения пункта приема документов в стране постоянного проживания. Не были созданы условия благоприятствования русскоязычным участникам, нацеленным на интеграцию в общество. Не произошло и существенного увеличения количества населения в трудонедостаточных районах страны. Причина связана не только с неблагоприятными социально-экономическими и природными условиями непопулярных, но стратегически важных регионов. Программа стала активно использоваться отдельными категориями соотечественников для быстрой легализации в России. Сформировался риск трансформации механизма реализации Государственной программы в своеобразный организованный набор [5. – С. 22] инокультурных трудовых мигрантов. После получения российского гражданства гастарбайтеры-соотечественники направляются в другие российские регионы, где с помощью российского паспорта и диаспоры удовлетворяют не патристические потребности, а экономические запросы. Тенденция роста количества подобных недобросовестных переселенцев прослеживается в различных субъектах Федерации. Будучи обычными трудовыми мигрантами, они стремятся осуществить свою миграционную стратегию в российских мегаполисах, не участвующих в Госпрограмме. Для этого выходцы из некото-

рых стран ближнего зарубежья в упрощенном порядке получают российское гражданство в других субъектах, участвующих в программе [14].

Признаки крена Госпрограммы в сторону трудовой миграции были обозначены и в Представлении Счетной палаты Российской Федерации, направленном в ФМС России по итогам проведения контрольного мероприятия по вопросам реализации Госпрограммы, в котором указывалось, что в 2014–2015 гг. 3 986 участников программы покинули территории вселения ранее установленного срока (т. е. ранее двух лет)¹. Причем это произошло сразу же после получения российского гражданства. А для того чтобы ускорить этот не очень добросовестный процесс и не попасть в денежную зависимость от государства, они отказываются от получения положенных соотечественникам выплат и компенсаций. Счетная палата констатировала очевидную тенденцию к отказу соотечественников от участия в Госпрограмме сразу после получения гражданства России. Неслучайно в Критериях оценки эффективности реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденных Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 октября 2013 г. № 1947-р, предлагается учитывать долю участников и членов их семей, «реализовавших право на получение за счет средств федерального бюджета государственных гарантий и социальной поддержки... в общей численности соотечественников» (пп. а) п. 3), а также долю тех переселенцев, которые выехали в

другой регион страны «ранее чем через 3 года со дня постановки на учет в территориальном органе МВД России в качестве участника Государственной программы и (или) члена его семьи, в общей численности соотечественников» (пп. а) п. 4).

Также в Представлении Счетной палаты Российской Федерации был отмечен рост количества не занятых трудовой или предпринимательской деятельностью участников Госпрограммы. Указанное коррелирует с ключевым признаком иностранной трудовой миграции в России: ежегодно более половины прибывающих в поисках работы иностранцев «уходят в тень». По-видимому, некая часть соотечественников, получивших российские паспорта, также вовлекается в теневой сектор экономики. О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, Т. С. Хроленко указывают, что «механизмы реализации Госпрограммы, по существу, являются своеобразным организованным набором трудовых мигрантов» [5. – С. 22]. Благодаря этому может проследиваться некоторое позитивное влияние на рынок труда, но это весьма далеко от репатриационной идеи, провозглашенной в период разработки Госпрограммы.

Реализации ранее задуманного гуманистического репатриационного проекта препятствуют и некоторые системные проблемы нынешней конструкции Госпрограммы. Так, не определен единый федеральный орган исполнительной власти, который бы не просто координировал деятельность других, но отвечал за ее реализацию и контролировал ход осуществления. Именно этот фактор, по оценке ряда экспертов, обусловил неэффективность Госпрограммы, коррупционный характер некоторых ее звеньев, а как итог – избытие соотечественников, снабженных российскими паспортами, не владеющих государственным языком России. Представляется, что причинами смещения репатриационного смысла программы на миграционный трудовой рекрутинг являются игнорирование этнокультурных признаков участников и внимание к тем, которые ак-

¹ См.: Представление Счетной палаты Российской Федерации от 1 апреля 2015 г. № ПР 07-31/07-02 «О результатах контрольного мероприятия «Проверка целевого и эффективного использования средств федерального бюджета, выделенных в 2014 году и истекшем периоде 2015 года на реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

туальны для обеспечения бизнеса иностранными работниками. Учитывая особенности отдельных категорий соотечественников-гастарбайтеров, доля которых постоянно увеличивается, напрашивается предположение о формировании у данного процесса коррупционного контекста. Естественным следствием может стать усугубление искусственных барьеров, препятствующих участию в программе тех иностранцев, которые в полном смысле этого слова могут быть названы соотечественниками.

Вопреки общественным ожиданиям от Госпрограммы значительная часть переселенцев мало напоминает соотечественников. Может быть, причина заключается в том, что уровень жизни всех соотечественников, проживающих в странах ближнего зарубежья (откуда прибывает основная часть участников), так высок, что историческая Родина не кажется привлекательной. Такое предположение не представляется точным. Фактически их участие в программе затруднено либо организационными особенностями (непросто попасть на прием, подать анкету), либо условиями участия (возрастные ограничения), либо материальными возможностями соискателей. Кроме того, в стране массового исхода мигрантов наши соотечественники оказываются в ситуации конкуренции с представителями титульной нации. И такая конкуренция дает преимущества отнюдь не им. Здесь необходимо внести некоторые уточнения.

Во-первых, в России (стране приема) действуют мощные, богатые диаспоры, имеющие собственный бизнес и нуждающиеся в его кадровом обеспечении «своими». Такие этнические сообщества выработали систему помощи землякам, в том числе негласно содействуют их участию в Госпрограмме. Кроме того, они оказывают поддержку переселенцам в интеграции, правда не в российское общество, а в этнический анклав. Затраты на такую деятельность окупаются с лихвой, принося и экономическую (в текущий момент), и поли-

тическую (в перспективе) выгоду: а) этнический бизнес пополняет свои трудовые ресурсы лояльными работниками; б) расходы на включение в программу (как на родине, так и в России) возвращаются с прибылью; в) количественный рост соплеменников с российскими паспортами – потенциальная дорога во власть (электорат), перспективное дополнение имеющегося коррупционного рычага политическим. В нашей стране уже сформировались устойчивые общности, живущие преимущественно по собственным правилам. Их новое пополнение не нуждается в изучении государственного языка России (язык анклава актуальнее). В стране оседают представители титульных наций некоторых государств, чьи этнокультурные параметры уже весьма далеки от признаков соотечественника.

Подобные этнические сообщества в стране приема благодаря сплоченности и приобретенному статусу научились оказывать влияние на принятие решений на всех этапах участия земляка-соискателя в Госпрограмме. Содействие начинается в стране исхода (подача документов, решение формальных вопросов, материальная поддержка для переезда и др.), а продолжается в стране приема. Прибыв в регион вселения, участник Госпрограммы нередко сталкивается с непростыми бюрократическими препонами, преодоление которых может происходить с помощью коррупционных приемов и материальных возможностей диаспоры. В частности, участие иностранного гражданина в Госпрограмме согласовывается в органах власти региона вселения. Там же может потребоваться помощь в оформлении документов прибывшему участнику Госпрограммы и др. Кстати, в ситуации в Калужской области очевидны были сильные позиции нескольких этнических бизнес-сообществ, которые располагают значительными средствами для создания рабочих мест для своих земляков; обеспечения постоянного их притока в регион путем «решения вопросов» с чиновниками, в том числе и в части Гос-

программы, а также порой защиты земляков от назойливого внимания правоохранительных органов.

Во-вторых, в отдельных странах исхода уже на стадии вступления в Госпрограмму соотечественники могут оказаться в невыигрышном положении по отношению к представителям титульной нации, стремящимся обзавестись российским гражданством. Русскоязычные сообщества не обладают той степенью сплоченности, которая характерна для титульных наций ряда постсоветских стран. В частности, «русским не свойственна консолидация и компактное проживание» [9. – С. 206–224]. Национальная политика таких государств практически вытеснила основную массу российских соотечественников на обочину социума. У многих из них просто нет средств ни для вступления в Госпрограмму, ни для оплаты дороги на Родину, а тем более для коррупционных расходов. Их дети не всегда могут попасть в русскоязычные школы, куда устраивают своих детей более обеспеченные и сплоченные представители титульной нации. Данная ситуация вызывает особое сожаление: ведь такие школы нередко осуществляют свою деятельность благодаря полному или частичному финансированию Российской Федерации.

Печально, что интерес к пожилым и малоимущим соотечественникам, например, в Таджикистане, проявляет не Российское государство (а тем более Государственная программа), а немногие благотворительные структуры, например, Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви. На территории Республики Таджикистан проживает большое количество русских людей, находящихся за чертой бедности. Среди них одинокие и брошенные старики, инвалиды, многодетные семьи. Парадоксально, что индифферентная к вопросам этнической принадлежности Госпрограмма проявляет трогательную заботу об иностранцах, преследующих порой весьма корыстные цели. За

ними не стоит богатый этнический анклав, у них нет денег для обеспечения возникающих вокруг Госпрограммы коммерческих проектов. В этой связи часть российских соотечественников обречена на социокультурную деградацию в странах, куда многие попали по воле государства. Но эти люди говорят и думают на русском языке. Несмотря на возраст или бедственное положение, они ценнейший человеческий капитал для пополнения российского социума, который нуждается в заботе уже достаточно свободной и окрепшей России.

Заточенность миграционной политики не на стратегические цели, а на сиюминутные задачи (порой бизнес-задачи) порождает противоречивость и непоследовательность ее выработки и реализации. Отсюда – размытость определения «соотечественник», которая порождает и адресную неточность обязательств государства перед данной категорией иностранных граждан. Политика в отношении соотечественников за рубежом активно проводится уже более двадцати лет и дает свои позитивные плоды. Тем не менее в программе свободно участвуют лица, которых сложно относить к соотечественникам народов России. Во многом данная коллизия связана именно с размытостью определения понятия «соотечественник» в законодательстве, что позволяет слишком произвольно его использовать для различных целей.

В части 3 статьи 69 Конституции Российской Федерации указано: «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности». Федеральным законом от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» определены место политики в отношении соотечественников в общей системе государственной политики страны (ч. 1 ст. 5), ее цели (ч. 3 ст. 5), обязательства по содействию в реализации их прав, включая право на воз-

вращение на Родину (ч. 4 ст. 5) и др. Предусмотрены возможности для взаимодействия с соотечественниками за рубежом, включая стимулирование со стороны государства сотрудничества российских юридических и физических лиц с хозяйствующими субъектами соотечественников, создание совместных предприятий, участие соотечественников в инвестициях в российскую экономику (ч. 1 ст. 16) и др. Учтены вопросы их поддержки в области культуры, языка, религии и образования.

Указанный Федеральный закон установил, что зарубежные соотечественники могут полагаться на поддержку Российской Федерации в осуществлении своих гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав, сохранении самобытности.

Определены социокультурные признаки, которые отличают соотечественника, проживающего за рубежом, от других категорий граждан государств ближнего и дальнего зарубежья:

а) обладание «общностью языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев» (ч. 1 ст. 1);

б) принадлежность к народам России, которые исторически проживают на территории Российской Федерации (ч. 3 ст. 1);

в) свободно сделанный выбор «в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией» (ч. 3 ст. 1).

Тем не менее в определении есть некоторые положения, которые позволяют слишком широко и произвольно его применять к различным категориям иностранных граждан. Это оговорка «как правило» применительно к принадлежности лиц к народам России (ч. 3 ст. 1), уже мало актуальное указание на связь с гражданством СССР (ч. 3 ст. 1), а также необязательность подтверждения своей этнической или духовно-культурной связи с Россией. В силу этого Государственная программа, ссылаясь на вышеупомянутое определение «соотечественник» (пп. а) п. 6 Госпрограммы), на деле не учитывает ни один из указанных там социокультурных критериев. В резуль-

тате Федеральный закон и Госпрограмма представляют собой две параллельные реальности. Общим для них является употребление формулы «соотечественник», в которую каждый из источников вкладывает собственное содержание. Программа не только не учитывает необходимые социокультурные параметры, но и не требует их подтверждения. Иностранному гражданину, претендующему на участие в Госпрограмме, не нужно подтверждать знание русского языка. А о таких вещах, как общность культурного наследия, выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией, речь не идет вообще. Достаточно лишь иметь связь с лицами, имевшими советское гражданство.

Если государство стремится оказать правовую и материальную поддержку определенным категориям иностранцев (на это и нацелена Госпрограмма), то ключевые признаки принадлежности к такой категории должны устанавливаться. Статья 3 Федерального закона № 99-ФЗ непосредственно посвящена вопросу о признании и подтверждении принадлежности иностранного гражданина к соотечественникам. Подтверждением могут выступить документы о гражданской принадлежности (ч. 1 ст. 3). Закон указывает и возможность подтверждения акта самоидентификации личности в качестве соотечественника (ч. 2 ст. 3). Подобный акт подтверждается достаточно конкретными видами деятельности по «сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников». Такой выбор может подтверждаться (в том числе документально) и иными направлениями деятельности, свидетельствующими о «духовной и культурной связи с Российской Федерацией» (ч. 3 ст. 3).

По-видимому, для еще более широкого использования понятия «соотечественник» и в целях увеличения количественных показателей в 2010 г. из статьи 2 Федерального закона № 99-ФЗ было исключено понятие «титульная нация», под которым понималась «часть населения государства, национальность которой определяет официальное наименование данного государства» (принадлежность участника Госпрограммы к титульной нации страны исхода перестала вызывать излишние вопросы). Кроме того, была исключена статья 4 «Основные понятия для подтверждения принадлежности соотечественников к группам, предусмотренным настоящим Федеральным законом» (Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ). Таким образом, исчезли все препятствия для участия в Госпрограмме практически любого трудоспособного совершеннолетнего представителя титульных наций стран ближнего зарубежья. Отказать соискателю могут в том случае, если его профессиональные и возрастные качества не подходят под требования региона вселения или его уличат в выступлениях за насильственное изменение основ конституционного строя, в финансировании терроризма, использовании поддельных или подложных документов и т. д. (пункты 25 и 26 Госпрограммы). При этом владеет ли он государственным языком, сделал ли свободный духовный выбор в пользу российской культуры, имеет ли какое-либо отношение к народам России, готов ли к интеграции в общество никакого значения не имеет.

Итак, игнорирование этнокультурных признаков соотечественников в Госпрограмме исходит (в том числе) из размытости определения соотечественника в Федеральном законе № 99-ФЗ. Скорее всего, это обусловлено либерально-колониальным наследием «святых девяностых», когда русофобские догмы надежно «защищали» общественное сознание от излишних напоминаний о государствообразующем и других народах России. Не случайно упомянутый закон, принятый в 1999 г.,

однажды был определен как «свод противоречивых намерений» [1]. Последствия отказа Госпрограммы от учета этнокультурных признаков соотечественников обозначились и в калужской истории: значительная часть иностранцев, легализовавшихся в этом регионе на условиях программы, не обладала признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев.

Как отмечалось ранее, Госпрограмма открывает участникам и членам их семей быстрый путь к получению российского гражданства в упрощенном порядке. Причем при приеме в гражданство в общем порядке иностранные граждане подтверждают владение русским языком. Соотечественники – носители русского языка – также подтверждают свои знания (специальные комиссии проводят собеседование). И лишь особая категория соискателей гражданства – участники Государственной программы – освобождена от каких бы то ни было подтверждений того, что они готовы влиться в единое коммуникативное пространство страны (ч. 7 ст. 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»): «Он ведь соотечественник! Зачем ему в России русский язык?!»

Исключительно на увеличение количества участников было направлено реформирование Госпрограммы в 2012 г. В ее первоначальной версии отсутствовало определение членов семьи участника. На практике в качестве таковых в Россию переселялись преимущественно супруга (супруг) участника и близкие родственники по прямым восходящей и нисходящей линиям. Согласно упомянутым изменениям участник программы получил право в качестве членов семьи указывать супругу (супруга); его детей (в том числе усыновленных или находящихся под опекой/попечительством); детей его супруги (супруга); родителей (участника и его супруги); его родные сестры и братья; родные сестры и братья его супруги (супруга); дети его (и его супруги) родных сестер и братьев, в том числе усыновленные или

находящиеся под опекой (попечительством), бабушки, дедушки, внуки¹. В 2020 г. к данному кругу были добавлены, помимо родителей участника Государственной программы и его супруги (супруга), приемные родители, супруга (супруг) отца (матери) участника Государственной программы и отца (матери) его супруги (супруга)². Также было снято ограничение для супруги (супруга) участника самостоятельно (а не только в качестве члена семьи) участвовать в Госпрограмме. В итоге значительно возросло количество участников. Но такое увеличение произошло благодаря тем, кто не идентифицирует себя с Россией и ее народами, а порой нацелены на перенос собственного миропорядка в принявшую их страну. Более того, реализации Госпрограммы стали угрожать риски появления околомиграционной коммерции: соотечественнику достаточно обратиться к посреднику-коммерсанту, который за плату заполнит анкету на русском языке, выдаст необходимые инструкции, а затем вместе с многочисленными родственниками отправиться в Россию.

Необходимо отметить, что признание иностранного гражданина российским соотечественником не является абстрактной культурологической характеристикой. За таким признанием следуют определенные правовые последствия (от поддержки за рубежом до содействия в переселении и принятии в российское гражданство). Лицо, признанное соотечественником, обретает особый правовой статус, предоставляющий ему ряд возможностей, которых лишены иные категории иностранцев.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2020 г. № 322 «О некоторых вопросах реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Необходимость совершенствования законодательства о соотечественниках в части более точного их определения стала понятной давно. В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации внесено положение о том, что Россия оказывает поддержку соотечественникам (ч. 3 ст. 69). В рамках реализации конституционной нормы в октябре 2021 г. в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона «О репатриации в Российскую Федерацию» № 1191989-7, направленный на более эффективное содействие переселению соотечественников в Россию. Для этих целей предлагалось конкретизировать признаки соотечественника, акцентируя внимание на владении русским языком и происхождении, связанном с народами России. Также законопроектом предлагалось оптимизировать излишне расширенный круг членов семьи. В Пояснительной записке отмечено, что важнейшим звеном общекультурной идентичности является «знание общего для всех россиян языка – государственного языка России». В этой связи предлагается дополнить социокультурные признаки соотечественника указанием на владение русским языком, а также предусмотреть исключительно личную форму подачи документов (форма собеседования – надежный и необременительный способ проверки владения государственным языком). Принятие такого закона повлекло бы конструктивное изменение идеологии Государственной программы, избавило бы ее от утилитарно-формального подхода и перевело бы на гуманитарно-этнокультурные рельсы. Для этого требуется немного: уточнить критерии и разработать механизм отбора участников с учетом их интеграционного потенциала и владения русским языком. Потребовалось бы и усовершенствование системы информирования и привлечения соотечественников, максимально дистанцируя таковую от коммерческой, а также и коррупционной составляющей.

В связи с тем что упомянутый законопроект не был принят, 28 марта 2022 г. в

Государственную Думу был внесен еще один проект федерального закона, в котором предлагается новая редакция определения «соотечественник»¹. К ключевым признакам соотечественника законопроект относит владение русским языком как государственным языком России, а также принадлежность к народам, исторически проживающим на территории современной Российской Федерации. При установлении признаков соотечественника предлагается исключить связь с гражданством СССР как утратившую актуальность и не отражающую сложившиеся исторические и социокультурные реалии. Дело в том, что после распада Советского Союза прошло три десятилетия. Выросло новое поколение соотечественников, которое не имело соответствующего гражданства, но не утратило при этом ключевые этнокультурные признаки. В то же время представители титульных наций суверенных постсоветских государств (львиная доля претендентов на участие в Госпрограмме) в большинстве своем не являются носителями указанных признаков. О важности такого подхода свидетельствует анонс в Telegram-канале Председателя Государственной Думы В. В. Володина, где приводятся вышеуказанные признаки соотечественника².

В апреле 2022 г. был разработан еще один проект федерального закона, предлагающий внести в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» понятие «соотечественник за рубежом»³. Определение этого понятия исходит из ключевых положений пункта 3 статьи 1 Федерального закона «О

государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», акцентируя внимание на принадлежности к народам России и «свободном выборе в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией».

Принятие такой поправки будет затратным, но существенным шагом по выполнению государством своих конституционных обязательств перед соотечественниками за рубежом. Данный шаг позволит связать воедино (содержательно и терминологически) два ключевых понятия, до сих пор имеющих неоднородное содержание. Речь идет о понятиях «соотечественник» и «участник Государственной программы». До сих пор таковые пересекаются лишь частично и обозначают неоднородные категории иностранных граждан: первое понятие фиксирует некое культурологическое ядро, не создавая при этом действенных правовых последствий; второе – обозначает более широкий круг лиц (фактически потенциальных трудовых мигрантов). При этом участники наделяются реальными правами и социальными возможностями.

Представляется, что подход, который демонстрируют упомянутые законопроекты, вполне рационален. Необходимо реабилитировать этнокультурный принцип и в выработке политики в отношении соотечественников за рубежом, и в ее реализации. В этом случае политика по содействию добровольному переселению в Россию будет помогать именно российским соотечественникам, а не бизнес-анклавным проектам, имеющим сомнительный экономический эффект и содержащим взрывоопасный риск-потенциал. Кстати, многие страны мира давно и активно взаимодействуют со своими зарубежными соотечественниками, этнически четко определяя соответствующую аудиторию. Это обеспечивает, с одной стороны, решение гуманистических задач, а с другой – достижение вполне прагматических целей в области демографии, геополитики, эконо-

¹ См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом"» № 95462-8.

² URL: https://t.me/vv_volodin/432

³ См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"» № 111236-8.

мики. В монографии С. В. Рязанцева и А. А. Гребенюка ««Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию» дается любопытный анализ механизмов репатриации, которые используют различные государства [9]. Важно отметить, что повсеместно содействие возвращению соотечественников основано на принципе этнической идентичности народу (народам) страны. Такой принцип работает в Беларуси, Болгарии, Великобритании, Дании, Израиле, Индии (лицо индийского происхождения), Ирландии, Испании, Киргизии, Китае, Латвии, Норвегии, Перу, Португалии, Румынии, Сербии, Словакии, Хорватии, Чехии, Эстонии, Южной Корее и др. В неполном списке упомянуты страны, которые еще недавно были для нас непререкаемым авторитетом в вопросах цивилизованности и демократии. В этом плане российское законодательство о соотечественниках оказалось намного мультикультурнее и толерантнее своих учителей.

Успешные модели возвращения соотечественников на родину основаны на принципе их этнической общности с титульной нацией. Указанные выше страны не являются (или давно не являются) моноэтническими. Тем не менее их законодатели не побоялись выйти за пределы догматических либеральных формул и выбрать этнический принцип для репатриации своих соотечественников. Подчеркнем еще раз, что такой подход и справедлив, и прагматичен, и эффективен. Репатриация обеспечивает увеличение востребованного человеческого капитала. Соотечественники наиболее подготовлены для интеграции в общество благодаря общности истории, культуры, менталитета, языка. Опыт зарубежных стран, осуществляющих программы репатриации, достоин внимания. Например, Казахстан (полинациональная и поликонфессиональная страна) сумел переселить более миллиона представителей титульной нации, проживавших на

территории других государств. Доля прибывших из-за рубежа казахов к началу нынешнего десятилетия достигла 8,3% от количества представителей титульной нации в стране. Кстати, казахская диаспора за пределами страны по численности намного уступает количеству российских соотечественников за рубежом.

Этнический принцип используется при приеме в израильское гражданство. Преференции предоставляются лицам, которые могут доказать свое отношение к государствуобразующему этносу (хотя на территории страны с давних времен проживают представители и других народов). Благодаря целенаправленной работе государства количество проживающих представителей титульной нации с 1948 г. увеличилось в несколько раз.

Подводя итог калужского урока, хотелось бы сделать следующие выводы-предложения.

1. Продолжение Госпрограммы в сегодняшнем виде содержит риск ее окончательного превращения в средство обеспечения бизнеса иностранной рабочей силой. Рыночные методы управления миграционной политикой чреваты опасностью замещения коренного населения другим. Необходима гуманизация процесса переселения соотечественников. А для этого нужно, во-первых, реабилитировать этническую составляющую миграционной политики, заменить прагматически коммерческие цели нравственно-этическими. Во-вторых, ввести в законодательство конкретные признаки российских соотечественников, включающие и владение русским языком, и этническое происхождение, и приверженность российским духовно-культурным ценностям.

2. В настоящее время государство минимизировало свое участие в реализации миграционной политики и отчасти Госпрограммы. Программа возвращения соотечественников (репатриация) не даст ожидаемых обществом результатов, если будет пущена на самотек. Без доминирующей роли государства, его правовой под-

держки, предоставления преференций по принципу этнического происхождения и знания языка невозможно обеспечить конституционную норму – эффективную помощь соотечественникам.

3. Возвращение соотечественников не должно погружаться в бездну недобросовестного предпринимательства. А сегодня коммерция уверенно наступает на тонкие сферы в вопросах репатриации. Открыто оказывается возмездная помощь соискателям в оформлении документов, процветает коррупционное посредничество и т. д. На наш взгляд, участие коммерсантов в оказании государственных услуг (как бы таковые не были поименованы, например, ФГУП) неуместно. Благовидные аргументы «за» применительно к подобным бизнес-проектам прикрывают либо неумение организовать должным образом работу с гражданами (в данном случае иностранными), либо желание получить дополнительный заработок при выполнении государственных функций, оплачиваемых из средств бюджета.

4. Необходимо признать, что соискатель должен подавать документы для участия в Госпрограмме исключительно лично. Кстати, сам процесс написания заявления, заполнения анкет и т. д. является простым и необременительным, но объективным экзаменом на знание русского языка. При этом необходимо учесть, что прием иностранца в качестве полноценного члена принимающей социокультурной общности не может быть отдан на откуп «волшебной» цифровизации. Обезличенный цифровой мир хорош для решения вспомогательных моментов. В вопросах отбора лиц, которые могут быть признаны соотечественниками, необходимо участие не машины, а человека (желательно не обремененного коррупционными интересами).

5. Учитывая, что в рамках Госпрограммы в Россию прибыли сотни тысяч условных соотечественников, необходим всесторонний аудит и теории, и практики работы на данном направлении. Требуется установить, в правильном ли направлении

движется репатриация, точно ли определены направления господдержки, соответствует ли ее идеология требованиям времени и потребностям российского общества. Должны быть детально проанализированы механизмы программы, оценены объективные итоги ее реализации. Прежде всего следует установить, сколько же соотечественников (лиц, являющихся таковыми) переехало в Россию и каковы итоги их интеграции в общество. Для этого потребуются анализ национального состава прибывших с раскладкой по странам исхода; установление степени их интегрированности; определение мест проживания и сфер осуществления трудовой деятельности; анализ законопослушности и др.

6. Следует дать оценку тому, как учитывается потенциал соотечественников в различных странах их проживания при организации работы дипломатических представительств и представительств МВД России, задействованных в реализации Госпрограммы. Необходимо оценить оптимальность использования имеющихся инструментов для отбора лиц, которые могут считаться соотечественниками, провести их ревизию. Так, статья 25 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» и Положение о Министерстве иностранных дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 865, уполномочили МИД России проводить государственный мониторинг в области отношений с соотечественниками за рубежом. Для этого дипломатическим представительством России за рубежом поручается собирать и анализировать информацию о количестве соотечественников в стране пребывания, их демографических характеристиках, национальном составе, конфессиональной принадлежности и др. К сожалению, судя по этнокультурным характеристикам участников, в рамках реализации Госпрограммы сведения указанного мониторинга используются мало. А ведь данный ресурс

может быть положен в основу решения ряда конкретных практических вопросов содействия возвращению соотечественников. В их числе определение количества подразделений для работы с соотечественниками за рубежом, установление их штатной численности, оптимизация форм взаимодействия с данной категорией граждан и др.

7. Госпрограмма должна быть снабжена действенными механизмами помощи соотечественникам в их возвращении на Родину. Здесь тот самый случай, когда стоит воспользоваться опытом успешных репатриационных программ, например, Израиля, Германии и др.

8. В Государственную программу должны быть введены четкие критерии и про-

цедуры отбора претендентов для признания их соотечественниками. Это позволит содействовать переселению в Россию тех, кто действительно стремится связать свою судьбу с судьбой Родины, разделяет ее ценности и владеет русским языком.

Итак, содействие возвращению соотечественников – обязанность государства, его «моральный и этический долг... Зачастую люди оказывались за пределами России не только по собственной воле, но и по призыву государства. В настоящее время необходимо предоставить всем желающим российским мигрантам и их потомкам возможность вернуться на историческую Родину» [9. – С. 224].

Список литературы

1. *Абдуллаев М. Н., Кудимов А. В.* Этнополитические аспекты правового регулирования миграционных процессов в конце XX века в России // *История государства и права.* – 2007. – № 24. – С. 4–5.
2. Аналитический обзор по результатам исследования теоретических основ и практических аспектов использования русского языка как средства научной коммуникации на пространстве СНГ на современном этапе и в ретроспективе. – Тверь, 2018.
3. *Андриченко Л. В., Плюгина И. В.* Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения : монография. – М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2019.
4. *Васильева Л. Н., Плюгина И. В.* Соотечественники за рубежом: сохранение общекультурной идентичности // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* – 2021. – Т. 12. – № 6 (104). – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47111930> (дата обращения: 21.03.2022).
5. *Воробьева О. Д., Топилин А. В., Хроленко Т. С.* Воспроизводство трудовых ресурсов и миграционная политика // *Миграционное право.* – 2021. – № 2. – С. 21–25.
6. *Зубов А.* Нужен ли русский язык в СНГ? – URL: https://pravfond.ru/pressentr/stati/nuzhen_li_russkiy_yazyk_v_sng_2010/ (дата обращения: 07.04.2022).
7. *Копалкина Е. Г., Илтакова Н. В.* Проблема репатриации соотечественников в Российскую Федерацию // *Вестник экономики, права и социологии.* – 2019. – № 2. – С. 107–110.
8. *Леденева В. Ю., Деханова Н. Г.* Развитие и повышение привлекательности регионов Дальневосточного федерального округа в реализации Государственной программы по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников // *Социодинамика.* – 2020. – № 3. – С. 1–11.
9. *Рязанцев С. В., Гребенюк А. А.* «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. – М. : ИСПИ РАН, 2014.

10. *Рязанцев С. В., Касымов О. К.* Трансформация миграционной политики России: тренды, приоритеты, место стран Центральной Азии // Миграционное право. – 2021. – № 2. – С. 16–20.

11. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Храмова М. Н.* Возвратная миграция в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. – 2015. – № 2. – С. 64–72.

12. Статистика возврата соотечественников в Россию. – URL: <http://www.kpe.ru/sobytiya-i-mneniya/spravochnye-materialy/3830-statistik-rueckkehr-der-landsleute-in-russland> (дата обращения: 18.02.2022).

13. *Стешин Д.* Почему русские возвращаются в Россию в час по чайной ложке, а мигранты – едут миллионами. – URL: <https://pda.kp/daily/27045/4110876/> (дата обращения: 18.02.2022).

14. *Страусов И. А., Юхачев С. П.* Балльная система отбора – инструмент повышения эффективности реализации мероприятий Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территории Тамбовской области // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 112–116.

15. *Тишков В. А.* Доклад на Общем собрании РАН 19 декабря 2007 г. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html (дата обращения: 17.02.2022).

16. *Тишков В. А.* Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии. – URL: <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-russkij-yazyk-i-russkoyazychnoe-naselenie-v-stranah-sng-i-baltii> (дата обращения: 17.02.2022).

17. *Хабриева Т. Я.* Миграционное право: сравнительно-правовое исследование : монография. – М. : ИЗИСП : Юриспруденция, 2019.

18. *Хабриева Т. Я., Клишас А. А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М. : Норма : Инфра-М, 2020.

19. *Хоперская Л. Л.* Поддержка соотечественников – конституционная обязанность российского государства: опыт работы с соотечественниками в Киргизской Республике : монография. – М. : ООО «Просвещение-Союз», 2021.

20. Языковая политика России и позиционирование русского языка в мире (материалы круглого стола «Языковая политика Российской Федерации и положение русского языка в мире»). – URL: http://www.ifarcom.ru/files/2017/Russkii_yazyk.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

References

1. Abdullaev M. N., Kudimov A. V. Etnopoliticheskie aspekty pravovogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov v kontse XX veka v Rossii [Ethno-Political Aspects of Legal Regulation of Migration Processes in Late 20th Century in Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2007, No. 24, pp. 4–5. (In Russ.).

2. Analiticheskiy obzor po rezul'tatam issledovaniya teoreticheskikh osnov i prakticheskikh aspektov ispolzovaniya russkogo yazyka kak sredstva nauchnoy kommunikatsii na prostranstve SNG na sovremennom etape i v retrospektive [Analytical Review by Results of Researching Foundations and Practical Aspects of Using Russian as Means of Academic Communication on CIS Territory at the Current Stage and in Retrospective]. Tver, 2018. (In Russ.).

3. Andrichenko L. V., Plyugina I. V. Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: tendentsii razvitiya i praktika primeneniya, monografiya [Migration Legislation in the Russian

Federation: Trends of Development and Practice of Application, monograph]. Moscow, IZiSP, Norma, Infra-M, 2019. (In Russ.).

4. Vasileva L. N., Plyugina I. V. Sootechestvenniki za rubezhom: sokhranenie obshchekulturnoy identichnosti [Compatriots Abroad: Retaining Cultural Identity]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Istoriya»* [E-Journal 'History'], 2021, Vol. 12, No. 6 (104). (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47111930> (accessed 21.03.2022).

5. Vorobeva O. D., Topilin A. V., Khrolenko T. S. Vosproizvodstvo trudovykh resursov i migratsionnaya politika [Reproduction of Labour Resources and Migration Policy]. *Migratsionnoe pravo* [Migration Law], 2021, No. 2, pp. 21–25. (In Russ.).

6. Zubov A. Nuzhen li russkiy yazyk v SNG? [Do they Need Russian in CIS Countries?] (In Russ.). Available at: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/nuzhen_li_russkiy_yazyk_v_sng_2010/ (accessed 07.04.2022).

7. Kopalkina E. G., Iltakova N. V. Problema repatriatsii sootechestvennikov v Rossiyskuyu Federatsiyu [The Problem of Compatriots Returning to the Russian Federation]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2019, No. 2, pp. 107–110. (In Russ.).

8. Ledeneva V. Yu., Dekhanova N. G. Razvitiye i povysheniye privlekatelnosti regionov Dalnevostochnogo federalnogo okruga v realizatsii Gosudarstvennoy programmy po sodeystviyu dobrovolnomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootechestvennikov [Developing and Raising Appeal of Far-East Federal Areas in Implementing the State Program Aimed at Fostering Voluntary Migration of Compatriots to the Russian Federation]. *Sotsiodinamika* [Socio-Dynamics], 2020, No. 3, pp. 1–11. (In Russ.).

9. Ryazantsev S. V., Grebenyuk A. A. «Nashi» za granitsey. Russkie, rossiyanе, russkogovoryashchie, sootechestvenniki: rasseleniye, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu [‘Our People’ Abroad. Russians, Rossiyans, Russian-Speaking, Compatriots: Settling in New Locations, Integration and Return Migration to Russia]. Moscow, ISPI RAN, 2014. (In Russ.).

10. Ryazantsev S. V., Kasymov O. K. Transformatsiya migratsionnoy politiki Rossii: trendy, priority, mesto stran Tsentralnoy Azii [Transformation of Migration Policy in Russia: Trends, Priorities, Place of Central Asia Countries]. *Migratsionnoe pravo* [Migration Law], 2021, No. 2, pp. 16–20. (In Russ.).

11. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Khramova M. N. Vozvratnaya migratsiya v Rossiyu: sushchestvuet li migratsionnyy potentsial? [Return Migration to Russia: Is there any Migration Potential?]. *Narodonaseleniye* [Population], 2015, No. 2, pp. 64–72. (In Russ.).

12. Statistika vozvrata sootechestvennikov v Rossiyu [Statistics Concerning Compatriots' Return to Russia]. (In Russ.). Available at: <http://www.kpe.ru/sobytiya-i-mneniya/spravochnye-materialy/3830-statistik-rueckkehr-der-landsleute-in-russland> (accessed 18.02.2022).

13. Steshin D. Pochemu russkie vozvrashchayutsya v Rossiyu v chas po chaynoy lozhke, a migranty – edut millionami [Why Russians Return to Russia in Limited Numbers, while Migrants Arrive in Millions]. (In Russ.). Available at: <https://pda.kp/daily/27045/4110876/> (accessed 18.02.2022).

14. Strausov I. A., Yukhachev S. P. Ballnaya sistema otbora – instrument povysheniya effektivnosti realizatsii meropriyatiy Gosudarstvennoy programmy po okazaniyu sodeystviya dobrovolnomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, na territorii Tambovskoy oblasti [Grade System of Selection as a Tool of Raising Efficiency (on the Territory of the Tambov Region) of Taking Measures under the State Program Aimed at Fostering Voluntary Migration to the Russian Federation Compatriots Living Abroad]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], 2016, Vol. 11, No. 3, pp. 112–116. (In Russ.).

15. Tishkov V. A. Doklad na Obshchem sobranii RAN 19 dekabrya 2007 g. [Report at RAN General Meeting on December 19, 2007]. (In Russ.). Available at: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html (accessed 17.02.2022).

16. Tishkov V. A. Russkiy yazyk i russkoyazychnoe naselenie v stranakh SNG i Baltii [The Russian Language and Russian-Speaking Population in CIS Countries and Baltic Region]. (In Russ.). Available at: <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-russkij-yazyk-i-russkoyazychnoe-naselenie-v-stranah-sng-i-baltii> (accessed 17.02.2022).

17. Khabrieva T. Ya. Migratsionnoe pravo: sravnitelno-pravovoe issledovanie, monografiya [Migration Law: Comparative-Legal Research, monograph]. Moscow, IZISP, Yurisprudentsiya, 2019. (In Russ.).

18. Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. N 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti» [Topical Commentary to the Law of the Russian Federation on Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 N 1-FKZ]. Moscow, Norma, Infra-M, 2020. (In Russ.).

19. Khoperskaya L. L. Podderzhka sootchestvennikov - konstitutsionnaya obyazannost rossiyskogo gosudarstva: opyt raboty s sootchestvennikami v Kirgizskoy Respublike, monografiya [Support of Compatriots as a Constitutional Duty of the Russian State: Experience of Work with Compatriots in the Kirgiz Republic, monograph]. Moscow, OOO «Prosveshchenie-Soyuz», 2021. (In Russ.).

20. Yazykovaya politika Rossii i pozitsionirovanie russkogo yazyka v mire (materialy kruglogo stola «Yazykovaya politika Rossiyskoy Federatsii i polozhenie russkogo yazyka v mire» [Language Policy of Russia and Russian Language Positioning in the World (materials of the round-table discussion 'Language Policy of the Russian Federation and Standing of the Russian language in the World')]. (In Russ.). Available at: http://www.ifapcom.ru/files/2017/Russkii_yazyk.pdf (accessed 17.02.2022).

Сведения об авторе

Татьяна Алексеевна Бажан

доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник научной школы
«Высшая школа публичной политики»
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: tbajan@mail.ru

Information about the author

Tatyana A. Bazhan

Doctor of Philosophy, Professor,
Leading Researcher of the Higher School
of Public Policy of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.

E-mail: tbajan@mail.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МИРЕ И В РОССИИ: АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ SciVal

**Л. В. Константинова, А. М. Петров, В. В. Ворожихин,
Р. А. Искандарян, Д. М. Маяков, Д. А. Штыхно**
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В ситуации глобальных угроз и международного социально-экономического давления со стороны ряда стран развитие национальной науки приобретает важное значение для России и становится фактором не только достижения национальных целей, но и эффективной адаптации к мировым вызовам. В этих условиях на передний план выходит задача актуализации тематики научных исследований с учетом национальных интересов и глобальной научной повестки. В статье применялись методы качественного и количественного анализа, сравнения, группировки, ранжирования и агрегирования данных. Авторами на основе данных SciVal проведен сравнительный анализ тематических приоритетов научных исследований, осуществляемых в мире и в России, с учетом общих показателей публикационной активности, топовых предметных областей и тематических кластеров, что позволило выявить специфику содержательной направленности российской науки на фоне глобальных трендов и определить перспективные направления научных исследований. Наукометрические инструменты широко используются для углубленной и детализированной оценки перспективных направлений научных исследований.

Ключевые слова: перспективные направления научных исследований, показатели публикационной активности, наукометрические показатели.

SUBJECT PRIORITIES OF ACADEMIC RESEARCH IN RUSSIA AND THE WORLD: ANALYSIS OF PUBLICATION ACTIVITY BASED ON SciVal DATA

**Larisa V. Konstantinova, Anton M. Petrov, Vladimir V. Vorozhikhin,
Roman A. Iskandaryan, Dmitry M. Mayakov, Dmitry A. Shtykhno**
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

In the situation of global threats and international social and economic pressure on the part of certain countries the development of science becomes very important for Russia and turns into a factor significant both for attaining national goals and effective adaptation to global challenges. In these circumstances the task of making subjects of academic research more acute with due account for national interests and global academic agenda acquires paramount importance. Such methods as qualitative and quantitative analysis, comparison, grouping, ranging and data aggregation were used in the research. The authors on the basis of SciVal data carried out a comparative analysis of subject priorities in academic research in Russian and the world that took into account publication activity indicators, top subject fields and topic clusters, which gave an opportunity to identify specificity of content trends of Russian science in view of global tendencies and find out promising lines of academic research. Science-metric tools were widely used for deep and detailed assessment of the most promising trends in academic research.

Keywords: promising lines in academic research, publication activity indicators, science-metric indicators.

Введение

Наращивание научного потенциала в качестве национальной цели предполагает обеспечение к 2030 г. присутствие России в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок (Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»). Глобальные трансформации, происходящие в современном мире, новая геополитическая и экономическая ситуация определяют научно-технологическое развитие в качестве одного из приоритетов обеспечения технологической независимости России. В условиях санкционных ограничений и ухода от импортозависимости задачей отечественной науки становится обеспечение научно-технологического суверенитета. При этом существенное значение приобретает возможность находиться в авангарде мировой научно-технологической мысли. Под влиянием новых условий в России происходит корректировка тематики фундаментальных и прикладных научных исследований, поэтому первостепенной задачей становится сопоставление основных предметных и тематических приоритетов научных исследований в России и в мире.

Цель настоящего исследования – проведение на основе данных SciVal сравнительного анализа тематических приоритетов научных исследований, осуществляемых в мире и в России, с учетом общих показателей публикационной активности, топовых предметных областей и тематических кластеров.

Наукометрические инструменты широко используются для углубленной и детализированной оценки перспективных направлений научных исследований. Использование SciVal началось примерно десять лет назад в рамках формирования «карты науки» для медицинских дисциплин [10] и анализа уровня развития российской медицины [13]. Сегодня SciVal активно применяется для анализа публика-

ционной активности [2; 11], выявления приоритетных научных направлений [22]. В частности, в научной периодике рассматриваются вопросы публикационной деятельности исследователей [24]; количественные и качественные аспекты оценки публикационной деятельности ученых за конкретный промежуток времени и меры по повышению публикационной активности среди российских ученых [3]; тенденции развития российской науки по результатам анализа публикационной активности исследователей и преподавателей отечественной высшей школы, в том числе в журналах, индексируемых в наукометрических базах данных Scopus и Web of Science [1; 2]; достижения российских исследователей в отдельных областях знаний сквозь призму публикационной активности [12]; позиции Российской Федерации среди стран мира по числу научных статей в сравнении с достижениями стран G7 и BRICS, а также в рамках приоритетов Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [7; 8]; вопросы повышения качества и количества публикаций российских ученых в авторитетных журналах [9]; тренды международной научной активности [6]. Выявление факторов влияния на показатели публикационной активности по показателям SciVal и Scopus показало значимость оперативных, а не кумулятивных показателей научной деятельности и важность учета профиля учебных заведений [14]. Использование наукометрических характеристических баллов и шкал (CSS) позволило выявить степень цитируемости статей [29]. Наукометрические исследования охватывают разнообразные отрасли и сферы науки [15; 16; 19; 21; 23; 26; 30] и проводятся для сравнения научной продуктивности городов мира [18], в том числе эволюции «умных городов» [17]. С их помощью анализируются модели международного взаимодействия в науке [5]. Доступность открытых источников привела к формированию нового направления исследований науки на основе больших данных и применения но-

вых концептуальных моделей исследований [4]. Наиболее перспективными становятся исследования, основанные на наукометрических данных, направленные на выявление новых тематических направлений в науке, способов продвижения потенциально перспективных исследований и развития научно-технической политики в целом [20].

Методы и материалы

Источником данных для проведения анализа соответствия тематических приоритетов российской науки мировым трендам стала международная информационно-аналитическая платформа SciVal (аналитический ресурс базы Scopus издательства Elsevier). Она позволяет получить количественные и качественные характеристики публикационной активности ученых в мире в целом и в отдельных странах, оценить концентрированность исследований по определенной тематике, выявить наиболее актуальные на современном этапе содержательные области научных публикаций в отдельных странах и в общемировом масштабе.

В статье применялись методы качественного и количественного анализа, сравнения, группировки, ранжирования и агрегирования данных. Анализировались сведения SciVal за период с 2016 по 2020 г.

В исследовании использовались следующие показатели публикационной активности, предложенные SciVal:

– Scholarly Output (научный результат) – общее количество публикаций, проиндексированных в Scopus; отражает степень популярности, распространенности тематики среди исследователей;

– Subject Area – предметные области (по классификации Scopus), которые аккумулируют близкие по тематике исследования;

– Field-Weighted-Citation-Impact (FWCI) – показатель, отражающий цитируемость, взвешенную по предметной области; определяется как отношение количества цитирований анализируемых публикаций

к среднему числу цитирований, полученных публикациями того же типа, в той же предметной области и за тот же период времени¹;

– Topic Prominence – индикатор, который дает возможность определить уровень выдающегося положения тематики исследований в науке с точки зрения известности за счет использования таких параметров, как цитирования, просмотры и значения CiteScore;

– Topic Cluster – тематические кластеры по методологии SciVal, которые представляют собой интеграцию ряда схожих исследовательских тем, что позволяет в итоге сформировать более широкую исследовательскую область и определить основные направления научных исследований, которые проводятся как на мировом, так и на национальном уровне, и выявить приоритетные из них [25; 28].

Рост публикационной активности в мире и в России

За пятилетний период с 2016 по 2020 г. в мире было издано и проиндексировано в международной библиографической базе данных Scopus более 16 млн научных публикаций, в том числе российскими учеными – чуть больше 0,5 млн. Темп роста российских публикаций, индексируемых в Scopus, за 2016–2020 гг. по отношению к предыдущему пятилетнему периоду (2011–2015 гг.) увеличился на 198,21%, в то время как в мире в целом он составил 115,4%. При этом средний темп роста публикационной активности российских авторов за 2016–2020 гг. превысил общемировую динамику и составил 113,18% по сравнению со 103,89% в мире (табл. 1).

¹ Мировое значение FWCI = 1. Если значение FWCI > 1, то это означает, что цитируемость анализируемых публикаций превышает мировой уровень FWCI для данной предметной области, т. е. речь идет о более актуальной и востребованной проблематике. Если FWCI < 1, то цитируемость анализируемых публикаций ниже общемирового значения для данной предметной области, т. е. область исследования менее актуальная и менее востребованная за анализируемый период времени.

Таблица 1

Количество научных публикаций* в мире и Российской Федерации, проиндексированных в Scopus за 2016–2020 гг.

Период	Мир		Россия	
	Количество публикаций, ед.	Темп роста, %	Количество публикаций, ед.	Темп роста, %
2016–2020	16 327 652	115,4	526 937	198,21
В том числе:				
2016	3 032 115	103,43	83 662	121,7
2017	3 118 663	102,85	91 648	109,54
2018	3 242 993	103,99	105 891	115,54
2019	3 386 703	104,43	118 733	112,13
2020	3 547 178	104,74	127 003	106,96

* Все типы публикаций и все предметные области по состоянию на 28 июля 2021 г.

Доля публикаций российских авторов в общемировой численности научных статей за 2016–2020 гг. составила 3,2%, что позволяет стране занимать 11-ю позицию в мире по показателю Scholarly Output (табл. 2). Лидерами публикационной активности являются США, Китай и Соединенное Королевство, доля публикаций которых в мире составляет 21,4; 19,1 и 6,7% соответственно.

Таблица 2

Топ-20 стран мира по количеству научных публикаций*, проиндексированных в Scopus за период 2016–2020 гг.

Страна	Количество публикаций, ед.
Соединенные Штаты Америки	3 501 084
Китай	3 125 415
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	1 098 775
Германия	934 416
Индия	903 377
Япония	679 340
Италия	634 835
Франция	621 803
Канада	573 793
Австралия	543 454
Россия	526 937
Испания	504 994
Южная Корея	441 785
Бразилия	423 085
Нидерланды	322 593
Иран	306 849
Польша	257 582
Швейцария	250 313
Турция	244 770
Швеция	222 831

* Все типы публикаций и все предметные области по состоянию на 28 июля 2021 г.

Лидерство по количеству цитирований научных публикаций в мире сохраняют в основном те же страны (табл. 3). Россия занимает 20-ю позицию в мире, уступая в том числе Бельгии и Дании.

Таблица 3

Топ-20 стран мира по количеству цитирований* за период 2016–2020 гг.

Страна	Количество цитирований, ед.
Соединенные Штаты Америки	38 972 465
Китай	29 254 695
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	13 163 628
Германия	10 354 066
Италия	7 045 949
Австралия	6 999 321
Канада	6 827 878
Франция	6 819 776
Индия	5 595 399
Испания	5 383 330
Япония	5 379 961
Нидерланды	4 719 525
Южная Корея	4 235 647
Швейцария	3 823 425
Бразилия	3 073 068
Швеция	3 057 647
Иран	2 716 367
Бельгия	2 503 899
Дания	2 247 300
Россия	2 244 999

* Цитирования на все типы публикаций и все предметные области по состоянию на 28 июля 2021 г.

Число публикаций в квартильных журналах за пятилетний период в целом по миру составило 13 831 091 (рис. 1). Наблюдалась устойчивая динамика роста таких публикаций с 2 470 985 в 2016 г. до 3 185 740

в 2020 г., что составило 22,4%. При этом число статей, которые были опубликованы в журналах первого квантиля, превзошло

публикации в журналах других квантилей, а их доля составила около 46% (рис. 2).

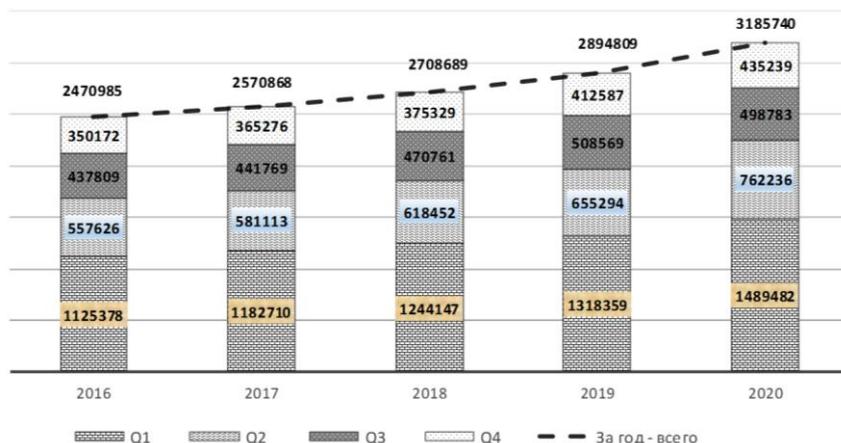

Рис. 1. Количество научных публикаций в квантильных журналах в целом по миру, проиндексированных в базе Scopus за 2016–2020 гг. (на основе использования SciVal по состоянию на 18 августа 2021 г.)

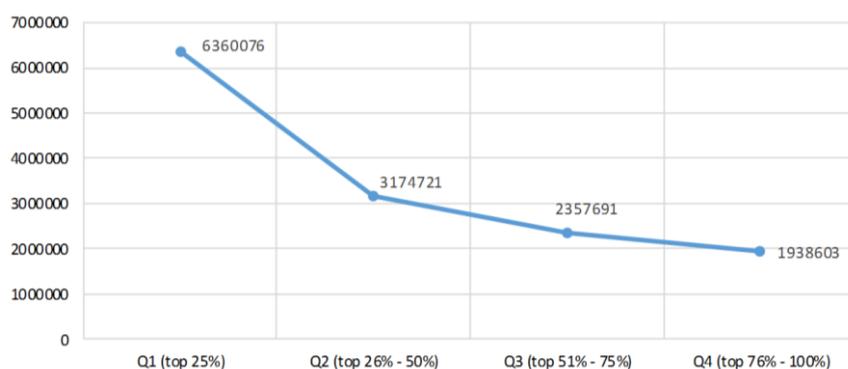

Рис. 2. Количество публикаций в мире за 2016–2020 г. в разрезе квантилей (Q1–Q4)

Если по доле публикаций в журналах второго квантиля Россия находится в одном диапазоне (15–25%) с США, Китаем, Герма-

нией и Соединенным Королевством, то по доле публикаций в журналах первого квантиля существенно уступает им (рис. 3).

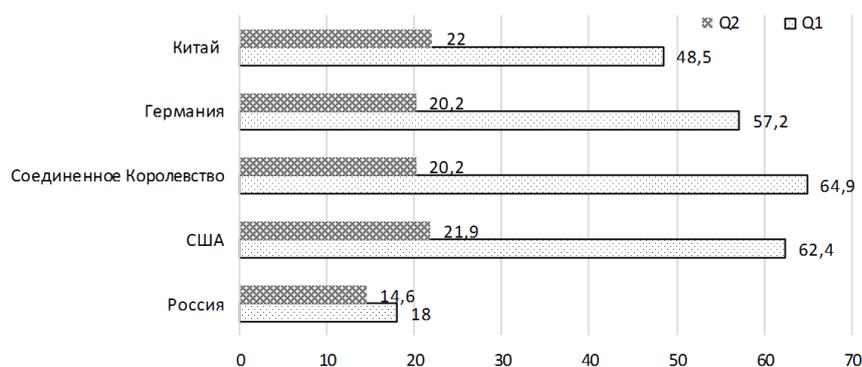

Рис. 3. Доля публикаций (по странам) в журналах с Q1 и Q2 (за период 2016–2020 гг.) (в %)

Таким образом, в последние годы Россия активно наращивала свое присутствие в мировом пространстве научных публикаций, но по уровню их влияния на глобальные контуры развития науки пока не достигла желаемого результата.

Топовые предметные области публикационной активности в мире и в России

Анализ цитируемости всех публикаций, проиндексированных в Scopus за пятилетний период (2016–2020 гг.), показал, что более 13 предметных областей имеют значение показателя FWCI больше 1, что свидетельствует об их наибольшей популярности и востребованности в мировой науке (табл. 4). В их числе химия и наука об

окружающей среде (FWCI по 1,11); энергия и психология (FWCI по 1,1); неврология, химическая инженерия и биохимия, генетика и молекулярная биология (FWCI по 1,09). При этом публикации российских ученых попадают только в две предметные области, имеющие значение показателя FWCI в страновом контуре больше 1, – междисциплинарная (1,27) и ветеринарная (1,07), которые не входят в топ-20 наиболее востребованных предметных областей научных исследований в мире и имеют значение показателя FWCI меньше 1. Это свидетельствует о том, что в целом российская наука пока не находится в авангарде современной мировой научно-исследовательской повестки.

Таблица 4

Топ-20 предметных областей исследований в мире и в России по показателю Field-Weighted-Citation-Impact за период 2016–2020 гг.*

В мире		В России	
Предметная область	Взвешенное по области знания цитирование	Предметная область	Взвешенное по области знания цитирование
Химия	1,11	Междисциплинарная	1,27
Наука об окружающей среде	1,11	Ветеринарная	1,07
Энергия	1,1	Наука об окружающей среде	0,98
Психология	1,1	Стоматология	0,95
Неврология	1,09	Науки о Земле и планетах	0,91
Химические технологии	1,09	Физика и астрономия	0,84
Биохимия, генетика и молекулярная биология	1,09	Инженерное дело	0,82
Иммунология и микробиология	1,08	Науки о принятии решений	0,82
Материаловедение	1,05	Энергия	0,8
Информатика	1,05	Экономика, эконометрика и финансы	0,79
Медицинские профессии	1,05	Информатика	0,78
Экономика, эконометрика и финансы	1,02	Неврология	0,76
Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет	1,02	Медицина	0,76
Социальные науки	1	Материаловедение	0,75
Медицина	1	Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет	0,75
Междисциплинарная	0,99	Биохимия, генетика и молекулярная биология	0,75
Сестринское дело	0,99	Математика	0,74
Физика и астрономия	0,99	Фармакология, токсикология и фармацевтика	0,7
Инженерное дело	0,99	Иммунология и микробиология	0,68
Сельскохозяйственные и биологические науки	0,97	Химические технологии	0,66

* Все типы публикаций и все предметные области.

В то же время данные SciVal показывают, что по научному результату (количеству проиндексированных публикаций) в

России и мире за анализируемый период сложились примерно одинаковые предметные лидеры (табл. 5).

Таблица 5
Топ-20 предметных областей мира и России по данным научного результата SciVal за 2016–2020 гг.

Мир		Россия				
Предметная область	Научный результат, ед.	Цитаты, ед.	Доля публикаций России в общей численности публикаций мира по соответствующей предметной области, %	Предметная область	Научный результат, ед.	Цитаты, ед.
Медицина	4 014 004	30 040 938	1,445	Физика и астрономия	141 708,00	694 101
Инженерное дело	3 429 769	21 192 831	3,490	Инженерное дело	119 714,00	373 902
Информатика	2 234 808	12 150 067	2,701	Материаловедение	96 895,00	375 616
Физика и астрономия	1 894 125	13 971 544	7,481	Информатика	60 371,00	157 440
Материаловедение	1 769 761	16 079 677	5,475	Химия	58 417,00	334 737
Биохимия, генетика и молекулярная биология	1 751 110	20 092 987	2,040	Медицина	58 010,00	326 753
Социальные науки	1 692 799	6 920 025	2,610	Науки о Земле и планетах	56 293,00	204 636
Химия	1 355 928	16 835 102	4,308	Математика	55 980,00	150 601
Математика	1 234 304	5 338 799	4,535	Социальные науки	44 190,00	79 910
Сельскохозяйственные и биологические науки	1 205 515	9 057 420	2,282	Наука об окружающей среде	38 246,00	122 551
Наука об окружающей среде	1 064 712	10 031 262	3,592	Биохимия, генетика и молекулярная биология	35 729,00	262 286
Химические технологии	803 691	9 539 732	3,104	Энергия	30 838,00	89 013
Науки о Земле и планетах	797 471	5 348 289	7,059	Сельскохозяйственные и биологические науки	27 512,00	122 287
Искусство и гуманитарные науки	785 837	1 798 313	3,060	Химические технологии	24 945,00	142 007
Энергия	768 051	7 162 460	4,015	Искусство и гуманитарные науки	24 047,00	24 470
Фармакология, токсикология и фармацевтика	511 863	4 287 005	1,639	Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет	12 905,00	41 207
Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет	499 756	3 030 844	2,582	Экономика, эконометрика и финансы	11 964,00	36 322
Иммунология и микробиология	439 262	4 954 987	2,040	Науки о принятии решений	10 568,00	24 027
Неврология	395 615	4 239 602	1,198	Иммунология и микробиология	8 961,00	59 377
Психология	394 393	2 792 800	1,126	Фармакология, токсикология и фармацевтика	8 389,00	45 248
Мир	16 327 652	119 260 137	3,227	Российская Федерация	526 937,00	2 179 258

* Все типы публикаций.

Исключение составляют неврология и психология, имеющие лидирующие позиции в мире, но не входящие в топ-20 предметных областей российской науки. Вместо них в российском топе по наибольшему количеству публикаций представлены экономика, эконометрика и финансы и науки о принятии решений, имеющие более низкий научный результат в мире в целом.

Следует отметить, что если топ-5 предметных областей по числу научных публикаций в мире и в России почти совпадают, за исключением медицины, находящейся на первом месте в мире и на шестом в Российской Федерации, то вторая пятерка приоритетных предметных областей более дифференцирована при сравнении российских и общемировых показателей: в мире в приоритете биохимия, генетика и молекулярная биология, социальные науки, химия; математика и сельскохозяйственные и биологические науки; в России – медицина, науки о Земле и планетах, наука об окружающей среде. При этом из лидиру-

ющей группы наибольший вклад в мировую науку по доле публикаций Россия вносит в такие предметные области, как физика и астрономия и науки о Земле и планетах (7,5 и 7,1% соответственно), а наименьший – в медицину (1,4%), являющуюся лидирующей предметной областью в мире.

В целом данные публикационной активности базы Scopus свидетельствуют о том, что исследовательский потенциал России в большей степени сконцентрирован в области физики и астрономии, в то время как мировым трендом является приоритетность медицины в качестве предметной области научных исследований.

Приоритетные тематические кластеры научных публикаций в мире и в России

Использование инструментов SciVal позволило определить наиболее приоритетные тематические кластеры – входящие в первый один процент кластеров, сформировавшихся в мире к 2021 г. (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Наиболее приоритетные тематические кластеры в мире (информация за 2016–2020 гг.)*

Наименование тематического кластера	Число публикаций	FWCI
COVID-19. SARS-CoV-2. Коронавирус	53 050	6,68
Вторичные батареи. Электрические батареи. Литиевые сплавы	117 968	2,06
МикроРНК. Длинная нетранскрибируемая РНК. Новообразования	70 503	1,76
Т-лимфоциты. Новообразования. Иммунотерапия	70 145	1,73
Фотокатализ. Фотокатализаторы. Солнечные батареи	115 379	1,69
Алгоритмы. Компьютерное зрение. Модели	220 529	1,60
Графен. Углеродные нанотрубки. Нанотрубки	105 089	1,50
Электричество. Энергия. Экономика	51 693	1,45
Лиганды. Кристаллическая структура. Металлоорганические соединения	40 368	1,41
Озонирование. Дegrадация. Очистки сточных вод	36 307	1,41
Плазмон. Метаматериалы. Поверхностный плазмонный резонанс	72 949	1,33
Катализ. Синтез (химический). Катализаторы	62 207	1,23
Сети передачи электроэнергии. Ветровая энергия. Распределение электроэнергии	95 278	1,22
Климатические модели. Модель. Осадки	78 788	1,10
Катализаторы. Цеолиты. Гидрирование	61 376	1,01

* Составлено по данным SciVal: URL: <https://www.scival.com/overview/topics?uri=World/3> (дата обращения: 29.09.2021).

В общей динамике количества публикаций наибольший рост статей наблюдается по тематическим кластерам «Алго-

ритмы. Компьютерное зрение. Модели» и «COVID-19. SARS-CoV-2. Коронавирус», что свидетельствует о стремительном

нарастании приоритетности данной тематики в мировой науке, детерминированной бурным развитием искусственного интеллекта и пандемией коронавируса.

Данные SciVal показывают, что в трехлетнем периоде в мире в целом особо вы-

ражен рост популярности таких тематических кластеров, как «Т-лимфоциты. Новообразование. Иммуноterapia» и «Озонирование. Деградация. Очистки сточных вод», что определяется показателем Prominence percentile (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Изменения популярности тематических кластеров, входящих в первый один процент*

Наименование тематического кластера	Prominence percentile		
	2018	2019	2020
COVID-19. SARS-CoV-2. Коронавирус (COVID-19. SARS-CoV-2. Coronavirus TC.1500)	-	-	100
Вторичные батареи. Электрические батареи. Литиевые сплавы (Secondary Batteries. Electric Batteries. Lithium Alloys TC.30)	100	100	99,933
Фотокатализ. Фотокатализаторы. Солнечные батареи (Photocatalysis. Photocatalysts. Solar Cells TC.8)	99,933	99,933	99,866
Алгоритмы. Компьютерное зрение. Модели (Algorithms. Computer Vision. Models TC.0)	99,799	99,799	99,799
Графен. Углеродные нанотрубки. Нанотрубки (Graphene. Carbon Nanotubes. Nanotubes TC.22)	99,866	99,866	99,732
Т-лимфоциты. Новообразования. Иммуноterapia (T-Lymphocytes. Neoplasms. Immunotherapy TC.12)	99,598	99,665	99,666
МикроРНК. Длинная нетранслируемая РНК. Новообразования (MicroRNAs. Long Untranslated RNA. Neoplasms TC.219)	99,398	99,465	99,599
Плазмоны. Метаматериалы. Поверхностный плазмонный резонанс (Plasmons. Metamaterials. Surface Plasmon Resonance TC.47)	99,531	99,598	99,532
Катализаторы. Цеолиты. Гидрирование (Catalysts. Zeolites. Hydrogenation TC.7)	99,665	99,531	99,465
Катализ. Синтез (химический). Катализаторы (Catalysis. Synthesis (Chemical). Catalysts TC.4)	99,732	99,732	99,398
Сети передачи электроэнергии. Ветровая энергия. Распределение электроэнергии (Electric Power Transmission Networks. Wind Power. Electric Power Distribution TC.28)	99,331	99,398	99,331
Электричество. Энергия. Экономика (Electricity. Energy. Economics TC.81)	99,13	99,264	99,264
Лиганды. Кристаллическая структура. металлоорганические соединения (Ligands. Crystal Structure. Organometallics TC.71)	99,264	99,197	99,197
Климатические модели. Модель. Осадки (Climate Models. Model. Rainfall TC.5)	99,063	98,996	99,13
Озонирование. Деградация. Очистки сточных вод (Ozonization. Degradation. Wastewater Treatment TC.206)	98,862	99,063	99,064

* Составлено по данным SciVal: URL: <https://www.scival.com/overview/topics?uri=World/3> (дата обращения: 29.09.2021).

Что касается публикаций российских ученых, то их самая высокая доля (более 3%) в первом одном проценте мировых топовых тематических кластеров отмечается по следующим пяти кластерам: «Графен. Углеродные нанотрубки. Нанотрубки», «Плазмоны. Метаматериалы. Поверхностный плазмонный резонанс», «Катализаторы. Цеолиты. Гидрирование», «Лиганды.

Кристаллическая структура. металлоорганические соединения», «Климатические модели. Модель. Осадки». Кроме того, по шести тематическим кластерам отмечается значение FWCI выше 1, т. е. высокая цитируемость статей. Самый высокий результат по FWCI (5,93) демонстрирует тематический кластер «COVID-19. SARS-CoV-2. Коронавирус» (табл. 8).

**Присутствие России в первом одном проценте тематических кластеров мира
(период с 2016 по 2020 г.)***

Наименование тематического кластера	Доля публикаций в общемировой численности научных результатов, %	FWCI
COVID-19. SARS-CoV-2. Коронавирус (COVID-19. SARS-CoV-2. Coronavirus TC.1500)	1,29	5,93
Вторичные батареи. Электрические батареи. Литиевые сплавы (Secondary Batteries. Electric Batteries. Lithium Alloys TC.30)	1,51	1,01
Фотокатализ. Фотокатализаторы. Солнечные батареи (Photocatalysis. Photocatalysts. Solar Cells TC.8)	1,93	0,98
Алгоритмы. Компьютерное зрение. Модели (Algorithms. Computer Vision. Models TC.0)	1,31	1,19
Графен. Углеродные нанотрубки. Нанотрубки (Graphene. Carbon Nanotubes. Nanotubes TC.22)	3,55	0,84
T-лимфоциты. Новообразования. Иммуноterapia (T-Lymphocytes. Neoplasms. Immunotherapy TC.12)	1,28	2,32
МикроРНК. Длинная нетранслируемая РНК. Новообразования (MicroRNAs. Long Untranslated RNA. Neoplasms TC.219)	1,01	1,32
Плазмоны. Метаматериалы. Поверхностный плазмонный резонанс (Plasmons. Metamaterials. Surface Plasmon Resonance TC.47)	4,28	0,84
Катализаторы. Цеолиты. Гидрирование (Catalysts. Zeolites. Hydrogenation TC.7)	5,07	0,58
Катализ. Синтез (химический). Катализаторы (Catalysis. Synthesis (Chemical). Catalysts TC.4)	2,99	0,71
Сети передачи электроэнергии. Ветровая энергия. Распределение электроэнергии (Electric Power Transmission Networks. Wind Power. Electric Power Distribution TC.28)	1,75	0,93
Электричество. Энергия. Экономика (Electricity. Energy. Economics TC.81)	2,58	1,31
Лиганды. Кристаллическая структура. Металлоорганические соединения (Ligands. Crystal Structure. Organometallics TC.71)	3,99	0,88
Климатические модели. Модель. Осадки (Climate Models. Model. Rainfall TC.5)	3,16	0,64
Озонирование. Деградация. Очистки сточных вод (Ozonization. Degradation. Wastewater Treatment TC.206)	1,2	0,45

* Составлено по данным SciVal: URL: <https://www.scival.com/overview/topics?uri=World/3> (дата обращения: 29.09.2021).

В то же время наибольшие доли публикаций российских исследователей (более 50%) имеются в следующих трех тематических кластерах: «Озера. Золото. Рудные месторождения», «Студенты. Русский. Образование», «Углеводороды. Месторождения. Котлован», которые не входят в топовые кластеры мира. Кроме того, можно выделить четыре тематических кластера, где Россия одновременно имеет значение FWCI выше 1 и высокую долю публикаций: «Студенты. Русский. Образование», «Арсенид галлия. Полупроводниковый галлий. Солнечные батареи», «Пузыри.

Кавитация. Кавитационный поток», «Циклонные сепараторы. Бури. Вихревой поток». А кластер «Студенты. Русский. Образование» имеет к тому же и наибольшую известность в мире (77,324) (табл. 9).

В целом анализ приоритетных тематических кластеров свидетельствует о том, что исследования в таких областях, как образование и разработка полезных ископаемых, являются наиболее распространенными и цитируемыми в России, что не очень совпадает с ведущими мировыми трендами развития науки.

Тематические кластеры, где Россия имеет значение Publication share выше 25%

Наименование тематического кластера	Число публикаций в России	Доля публикаций России в общемировой численности публикаций по кластеру, %	FWCI	Prominence percentile
Озера. Золото. Рудные месторождения (Lakes. Gold. Ore Deposits)	2 262	78,38	0,48	10,769
Студенты. Русский. Образование (Students. Russian. Education)	15 895	74,86	1,03	77,324
Углеводороды. Месторождения. Котлован (Hydrocarbons. Deposits. Basin)	1 159	59,53	0,42	7,157
Нагрузки. Эластичность. Краевые задачи (Stresses. Elasticity. Boundary Value Problems)	635	45,75	0,95	3,01
Россия. Русский. Советский (Russia. Russian. Soviet)	3 625	44,71	0,59	13,445
Контроль. Среднее поле. Оптимальный контроль (Control. Mean Field. Optimal Control)	1 547	41,09	0,69	25,552
Кристалльная структура. Теллур. Синтез (химический) (Crystal Structure. Tellurium. Synthesis (Chemical))	191	35,11	0,39	1,271
Мёссбауэровская спектроскопия. Доменные стены. Наночастицы (Mossbauer Spectroscopy. Domain Walls. Nanoparticles)	280	34,87	0,41	0,936
Электрический потенциал. Электронные пучки. Переключатели (Electric Potential. Electron Beams. Switches)	964	32,51	0,49	18,796
Политетрафторэтилены. Полимеры. Цепи (Polytetrafluoroethylenes. Polymers. Chains)	286	31,88	0,75	3,813
Обратные задачи. Краевые задачи. Теплопроводность (Inverse Problems. Boundary Value Problems. Heat Conduction)	1 329	29,49	0,64	27,559
Почва. Почвообразование. Химическое выветривание (Soil. Pedogenesis. Chemical Weathering)	853	29,03	0,49	24,749
Арсенид галлия. Полупроводниковый галлий. Солнечные батареи (Gallium Arsenide. Semiconducting Gallium. Solar Cells)	574	27,89	2,64	15,987
Пузыри. Кавитация. Кавитационный поток (Bubbles. Cavitation. Cavitation Flow)	643	25,51	1,02	35,251
Циклонные сепараторы. Бури. Вихревой поток (Cyclone Separators. Storms. Vortex Flow)	680	25,15	1,54	27,157

* Составлено по данным SciVal: URL: <https://www.scival.com/overview/topics?uri=World/3> (дата обращения: 29.09.2021).

Обсуждение и заключение

Несмотря на то что за последние пять лет произошел существенный рост количества публикаций российских ученых в изданиях, индексируемых в Scopus, а доля публикаций в коллаборации с зарубежными авторами превзошла общемировой показатель (22,3 и 20,7% соответственно), Рос-

сия пока не входит в первую десятку стран мира по научному результату и существенно отстает по публикациям в журналах первого квартиля и числу цитирований. Данная ситуация свидетельствует о необходимости наращивания качественных параметров научных исследований,

проводимых в России, и их активизации по актуальным и приоритетным для мировой научной общественности проблемам. Публикации российских авторов, имеющие наибольший показатель средневзвешенного цитирования, концентрируются в предметных областях, не входящих в топовые по цитированию предметные области мировой науки.

Пандемия коронавируса привела к бурному росту научных исследований по данной тематике, что выразилось в возросшем числе публикаций и привело к оформлению нового тематического кластера, вышедшего на первое место в мире по публикационной активности.

Сегодня перед российской наукой стоят сложные задачи, связанные с одновременным обеспечением национальных интересов и выходом на передовые позиции в мировой научной повестке, с возможностью оказывать влияние на векторы ее развития. Для этого необходимы корректировка тематических приоритетов фундаментальных и прикладных научных исследований с учетом выявленных мировых трендов, наращивание качественных параметров исследований по данной проблематике. Реализовать это возможно посредством внесения изменений в Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, Программу деятельности Российского научного фонда в разделы, касающиеся научного взаимодействия национального проекта «Наука и университеты» и программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Несмотря на санкции, необходимо дальнейшее продвижение российских издательств и журналов на международный уровень, повышение их широкой востребованности и конкурентоспособности. На сентябрь 2021 г. в списке активных российских журналов, индексируемых в Scopus, уже числилось 683 наименования, из них 103 по итогам 2020 г. входили в Q1 и Q2

(фильтрация данных списка изданий: статус – активный; квартал 2020 – 1 и 2) [27].

Кроме того, следует трансформировать и продвигать национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ, выделив наднациональный уровень – международный индекс научного цитирования (МИНЦ), который бы учитывал и общемировые, и национальные тренды. Следует учитывать, что решение о создании национального индекса научного цитирования было вызвано тем, что одна десятая от всех публикаций российских исследователей индексируется в международных базах данных научного цитирования, таких как Web of Science или Scopus, а также тем, что многие направления российской науки (например, общественно-гуманитарные) там вообще практически не представлены.

Важно поддерживать в текущих условиях академическую репутацию России на международном научном пространстве. Один из путей для этого – увеличение количества исследований и научных проектов в коллаборациях с учеными из дружественных стран мира.

Следует также понимать, что публикационная активность ученых, особенно в ведущих национальных и международных периодических изданиях, является промежуточным и/или итоговым результатом их трудоемкого процесса исследования, который может иметь разный временной лаг (от нескольких месяцев до года и более). Поэтому необходимо проводить мониторинг публикационной активности российских ученых, используя современные информационные базы, для своевременного выявления перекосов в области тематических исследований в стране, сдвигов в поле изучения фундаментальных и прикладных проблем и определения на основе этого механизмов наиболее эффективного направления научного потенциала России на решения приоритетных научных задач.

Список литературы

1. Алавердов А. Р. Публикационная активность преподавателей отечественной высшей школы и резервы ее повышения // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 2. – С. 23–36.
2. Бородик К. А., Дикусар К. С., Богатов В. В. Тренды публикационной активности российских исследователей за период 2016–2020 гг. по данным международных баз научного цитирования Web of Science Core Collection и Scopus // Управление наукой и наукометрия. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 571–595.
3. Гельман В. Я. Тенденции в развитии научно-публикационной активности // Экономика науки. – 2021. – № 7 (3). – С. 188–194.
4. Губа К. С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле // Социологические исследования. – 2021. – № 6. – С. 24–33.
5. Дежина И. Г., Ключарев Г. А. Международные коллаборации вузовской науки: стимулы и препятствия // Социологические исследования. – 2021. – № 6. – С. 34–45.
6. Еременко Т. В. Оценка международной научной активности в сфере библиотечных исследований (2011–2020 гг.) на основе онлайн-платформы SciVal // Научные и технические библиотеки. – 2022. – № 1. – С. 35–56.
7. Ильина И. Е., Лапочкина В. В., Долгова В. Н., Безроднова К. А., Богатов В. В., Дикусар К. С. Тренды публикационной активности российских исследователей по данным Web of Science, Scopus. – М. : IMG Print, 2020. – Вып. 1.
8. Ильина И. Е., Лапочкина В. В., Долгова В. Н., Безроднова К. А., Богатов В. В., Дикусар К. С. Тренды публикационной активности российских исследователей по данным Web of Science, Scopus. – М. : IMG Print, 2020. – Вып. 2.
9. Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 4. – С. 169–210.
10. Куракова Н. Г., Арефьев П. Г., Цветкова Л. А. Оценка уровня национальных медицинских исследований с использованием новых инструментов прогнозирования научно-технического развития // Вестник Российского государственного медицинского университета. – 2012. – № 2. – С. 69–76.
11. Полихина Н. А. Публикационная активность научно-педагогических работников в России: результаты, тенденции, проблемы // Управление наукой и наукометрия. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 196–222.
12. Рубвальтер Д. А., Либкинд А. Н. Библиометрический анализ ситуации в российской науке // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 5. – С. 285–297.
13. Стародубов В. И., Кузнецов С. Л., Куракова Н. Г., Арефьев П. Г., Цветкова Л. А. Исследовательские компетенции мирового уровня в области клинической медицины в Российской академии медицинских наук // Вестник Российской академии медицинских наук. – 2012. – № 6. – С. 27–35.
14. Akbash K. S., Pasichnyk N. O., Rizhniak R. Ya. Analysis of Key Factors of Influence on Scientometric Indicators of Higher Educational Institutions of Ukraine // International Journal of Educational Development. – 2021. – Vol. 81. – March.
15. Aryadoust V. A Review of Comprehension Subskills: A Scientometrics Perspective // System. – 2020. – Vol. 88. – February.
16. Bandyopadhyay A., Dey A. The Ethno-Medicinal and Pharmaceutical Attributes of Bryophytes: A review // Phytomedicine Plus. – 2022. – Vol. 2. – Issue 2. – May.
17. Chuanjun Zheng, Jingfeng Yuan, Lei Zhu, Yajing Zhang, Qiuhu Shao. From Digital to Sustainable: A Scientometric Review of Smart City Literature between 1990 and 2019 // Journal of Cleaner Production. – 2020. – Vol. 258. – June 10.

18. *Csomós G.* A Spatial Scientometric Analysis of the Publication Output of Cities Worldwide // *Journal of Informetrics.* – 2018. – Vol. 12. – Issue 2. – May. – P. 547–566.
19. *Darko A., Chan A. P. C., Adabre M. A., Edwards D. J., Hosseini M. R., Ameyaw E. E.* Artificial Intelligence in the AEC Industry: Scientometric Analysis and Visualization of Research Activities // *Automation in Construction.* – 2020. – Vol. 112. – April.
20. *Haiyun Xu, Jos Winnink, Zenghui Yue, Huiling Zhang, Hongshen Pang.* Multidimensional Scientometric Indicators for the Detection of Emerging Research Topics // *Technological Forecasting and Social Change.* – 2020. – N 20.
21. *Jie Li, Goerlandt F., Reniers G.* An Overview of Scientometric Mapping for the Safety Science Community: Methods, Tools, and Framework // *Safety Science.* – 2021. – N 134.
22. *Mazova N. A., Gureeva V. N., Glinskikha V. N.* The Methodological Basis of Defining Research Trends and Fronts // *Scientific and Technical Information Processing.* – 2020. – Vol. 47. – N 4. – P. 221–231.
23. *Noah C., Woodley of Menie M. A.* A Scientometric Analysis of Controversies in the Field of Intelligence Research // *Intelligence.* – 2019. – Vol. 77. – November – December.
24. *Radvansky M., Kudelka M., Snáel V.* Analysis of Trends in Authors Publication Activities // *International Conference on Intelligent Networking and Collaborative Systems.* – 2015. – November 2. – P. 138–143.
25. See what SciVal can do for you. URL: <https://www.elsevier.com/solutions/scival/features> (дата обращения: 01.09.2021).
26. *Smolina S. G., Khafizov D. M., Erlikh V. V.* Bibliometric Analysis of the Publication Activity of Russian Scientific Institutions in Sports Science for 2008–2018 // *Journal of Physical Education and Sport (JPES).* – 2020. – Vol. 20 (2). – P. 783–790.
27. The list of Russian journals indexed by Scopus. URL: https://elsevierscience.ru/files/Perechen-izdaniy-Rossii_indeksiruemykh-v-Scopus_09.2021.xlsx (дата обращения: 29.09.2021).
28. Topic Prominence in Science FAQs URL: https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a_id/28428/supporthub/scival/ (дата обращения: 10.09.2021).
29. *Viiu G.-A.* The Lognormal Distribution Explains the Remarkable Pattern Documented by Characteristic Scores and Scales in Scientometrics // *Journal of Informetrics.* – 2018. – Vol. 12. – Issue 2. – May. – P. 401–415.
30. *Xianbo Zhao.* A Scientometric Review of Global BIM Research: Analysis and Visualization // *Automation in Construction.* – 2017. – Vol. 80. – August. – P. 37–47.

References

1. Alaverdov A. R. Publikatsionnaya aktivnost prepodavateley otechestvennoy vysshey shkoly i rezervy ee povysheniya [Faculty Publication Activity and Resources for its Increase]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2019, Vol. 28, No. 2, pp. 23–36. (In Russ.).
2. Borodik K. A., Dikusar K. S., Bogatov V. V. Trendy publikatsionnoy aktivnosti rossiyskikh issledovateley za period 2016–2020 gg. po dannym mezhdunarodnykh baz nauchnogo tsitirovaniya Web of Science Core Collection i Scopus [Publication Activity Trends among Russian Researchers in 2016–2020, Based on International Scientific Citation Databases: Web of Science Core Collection and Scopus]. *Upravlenie naukoy i naukometriya* [Science Governance and Scientometrics], 2021, Vol. 16, No. 4, pp. 571–595. (In Russ.).
3. Gelman V. Ya. Tendentsii v razvitii nauchno-publikatsionnoy aktivnosti [Trends in the Development of Scientific and Publication Activities]. *Ekonomika nauki* [The Economics of Science], 2021, No. 7 (3), pp. 188–194. (In Russ.).

4. Guba K. S. Bolshie dannye v issledovanii nauki: novoe issledovatel'skoe pole [Big Data in Studies of Science: New Research Field]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2021, No. 6, pp. 24–33. (In Russ.).

5. Dezhina I. G., Klyucharev G. A. Mezhdunarodnye kollaboratsii vuzovskoy nauki: stimuly i prepyatatstviya [International Collaborations of the University Science: Incentives and Obstacles]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2021, No. 6, pp. 34–45. (In Russ.).

6. Eremenko T. V. Otsenka mezhdunarodnoy nauchnoy aktivnosti v sfere bibliotekovedcheskikh issledovaniy (2011–2020 gg.) na osnove onlayn-platformy SciVal [Assessing International Research Activities in Library Studies (2011–2020) on SciVal Online Platform]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2022, No. 1, pp. 35–56. (In Russ.).

7. Ilina I. E., Lapochkina V. V., Dolgova V. N., Bezrodnova K. A., Bogatov V. V., Dikumar K. S. Trendy publikatsionnoy aktivnosti rossiyskikh issledovateley po dannym Web of Science, Scopus [Trends in the Publication Activity of Russian Researchers According to Web of Science, Scopus]. Moscow, IMG Print, 2020, Issue 1. (In Russ.).

8. Ilina I. E., Lapochkina V. V., Dolgova V. N., Bezrodnova K. A., Bogatov V. V., Dikumar K. S. Trendy publikatsionnoy aktivnosti rossiyskikh issledovateley po dannym Web of Science, Scopus [Trends in the Publication Activity of Russian Researchers According to Web of Science, Scopus]. Moscow, IMG Print, 2020, Issue 2. (In Russ.).

9. Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. Paradoksy publikatsionnoy aktivnosti v pole sovremennoy rossiyskoy nauki: genezis, diafnnoz, trendy [Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, No. 4, pp. 169–210. (In Russ.).

10. Kurakova N. G., Arefev P. G., Tsvetkova L. A. Otsenka urovnya natsionalnykh meditsinskikh issledovaniy s ispolzovaniem novykh instrumentov prognozirovaniya nauchno-tekhnicheskogo razvitiya [Valuation of the National Research Level in Medical Sciences by Means of Advanced Tools for Forecasting Scientific and Technological Development]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [Bulletin of the Russian State Medical University], 2012, No. 2, pp. 69–76. (In Russ.).

11. Polikhina N. A. Publikatsionnaya aktivnost nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov v Rossii: rezul'taty, tendentsii, problem [Publication Activity of Academic Staff in Russia: Results, Trends, Problems]. *Upravlenie naukoy i naukometriya* [Science Governance and Scientometrics], 2020, Vol. 15, No. 2, pp. 196–222.

12. Rubvalter D. A., Libkind A. N. Bibliometricheskii analiz situatsii v rossiyskoy nauke [Bibliometric Analysis of the Situation in Russian Science]. *Vlast*, 2021, Vol. 29, No. 5, pp. 285–297. (In Russ.).

13. Starodubov V. I., Kuznetsov S. L., Kurakova N. G., Arefev P. G., Tsvetkova L. A. Issledovatel'skie kompetentsii mirovogo urovnya v oblasti klinicheskoy meditsiny v Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk [World Level of Competitiveness of National Researches in the Field of Clinical Medicine]. *Vestnik Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences], 2012, No. 6, pp. 27–35. (In Russ.).

14. Akbash K. S., Pasichnyk N. O., Rizhniak R. Ya. Analysis of Key Factors of Influence on Scientometric Indicators of Higher Educational Institutions of Ukraine. *International Journal of Educational Development*, 2021, Vol. 81, March.

15. Aryadoust V. A Review of Comprehension Subskills: A Scientometrics Perspective. *System*, 2020, Vol. 88, February.

16. Bandyopadhyay A., Dey A. The Ethno-Medicinal and Pharmaceutical Attributes of Bryophytes: A review. *Phytomedicine Plus*, 2022, Vol. 2, Issue 2, May.

17. Chuanjun Zheng, Jingfeng Yuan, Lei Zhu, Yajing Zhang, Qiuhu Shao. From Digital to Sustainable: A Scientometric Review of Smart City Literature between 1990 and 2019. *Journal of Cleaner Production*, 2020, Vol. 258, June 10.
18. Darko A., Chan A. P. C., Adabre M. A., Edwards D. J., Hosseini M. R., Ameyaw E. E. Artificial Intelligence in the AEC Industry: Scientometric Analysis and Visualization of Research Activities. *Automation in Construction*, 2020, Vol. 112, April.
19. György Csomós. A Spatial Scientometric Analysis of the Publication Output of Cities Worldwide. *Journal of Informetrics*, 2018, Vol. 12, Issue 2, May, pp. 547–566.
20. Haiyun Xu, Jos Winnink, Zenghui Yue, Huiling Zhang, Hongshen Pang. Multidimensional Scientometric Indicators for the Detection of Emerging Research Topics. *Technological Forecasting and Social Change*, 2020, No. 20.
21. Jie Li, Goerlandt F., Reniers G. An Overview of Scientometric Mapping for the Safety Science Community: Methods, Tools, and Framework. *Safety Science*, 2021, No. 134.
22. Mazova N. A., Gureeva V. N., Glinskikha V. N. The Methodological Basis of Defining Research Trends and Fronts. *Scientific and Technical Information Processing*, 2020, Vol. 47, No. 4, pp. 221–231.
23. Noah C., Woodley of Menie M. A. A Scientometric Analysis of Controversies in the Field of Intelligence Research. *Intelligence*, 2019, Vol. 77, November – December.
24. Radvansky M., Kudelka M., Snáel V. Analysis of Trends in Authors Publication Activities. *International Conference on Intelligent Networking and Collaborative Systems*, 2015, November 2, pp. 138–143.
25. See what SciVal can do for you. Available at: <https://www.elsevier.com/solutions/scival/features> (accessed 01.09.2021).
26. Smolina S. G., Khafizov D. M., Erlikh V. V. Bibliometric Analysis of the Publication Activity of Russian Scientific Institutions in Sports Science for 2008–2018. *Journal of Physical Education and Sport (JPES)*, 2020, Vol. 20 (2), pp. 783–790.
27. The list of Russian journals indexed by Scopus. Available at: https://elsevierscience.ru/files/Perechen-izdaniy-Rossii_indeksiruemykh-v-Scopus_09.2021.xlsx (accessed 29.09.2021).
28. Topic Prominence in Science FAQs Available at: https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a_id/28428/suppothub/scival/ (accessed 10.09.2021).
29. Viiu G.-A. The Lognormal Distribution Explains the Remarkable Pattern Documented by Characteristic Scores and Scales in Scientometrics. *Journal of Informetrics*, 2018, Vol. 12, Issue 2, May, pp. 401–415.
30. Xianbo Zhao. A Scientometric Review of Global BIM Research: Analysis and Visualization. *Automation in Construction*, 2017, Vol. 80, August, pp. 37–47.

Сведения об авторах

Лариса Владимировна Константинова
доктор социологических наук, профессор,
директор НИИ развития образования
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: kostkas@yandex.ru

Information about the authors

Larisa V. Konstantinova
Doctor of Social, Professor, Director
of the Research Institute for Education
Development of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: kostkas@yandex.ru

Антон Маркович Петров

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
НИИ развития образования
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Petrov.AM@rea.ru

Владимир Вальтерович Ворожихин

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
НИИ развития образования
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Vorozhikhin@mail.ru

Роман Араратович Искандарян

младший научный сотрудник
НИИ развития образования
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Iskandaryan.RA@rea.ru

Дмитрий Михайлович Маяков

младший научный сотрудник
НИИ развития образования
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Mayakov.DM@rea.ru

Дмитрий Александрович Штыхно

кандидат экономических наук, доцент,
проректор РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: shtykhno.da@rea.ru

Anton M. Petrov

PhD, Associate Professor, Leading Researcher
of the Research Institute for Education
Development of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: Petrov.AM@rea.ru

Vladimir V. Vorozhikhin

PhD, Leading Researcher
of the Research Institute for Education
Development of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: Vorozhikhin@mail.ru

Roman A. Iskandaryan

Junior Researcher
of the Research Institute for Education
Development of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Iskandaryan.RA@rea.ru

Dmitry M. Mayakov

Junior Researcher
of the Research Institute for Education
Development of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Mayakov.DM@rea.ru

Dmitry A. Shtykhno

PhD, Associate Professor, Vice-Rector
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: shtykhno.da@rea.ru

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ

М. В. Алябьева, Л. А. Мирошников

Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Белгород, Россия

О. В. Веревкин

ООО «ТК «Экотранс», Белгород, Россия

В статье рассматриваются проблемные вопросы методов переработки отходов в Российской Федерации, в том числе их эффективной переработки в рамках внедрения замкнутого цикла для решения экологических проблем в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) с получением энергии, а также снижением выбросов парниковых газов. Бытовые и твердые промышленные отходы, представляющие собой отходы, засоряют наш окружающий мир, ландшафт и являются основой вредных биологических, химических и биохимических поступлений в находящуюся вокруг нас сферу жизнедеятельности. В социальной инфраструктуре полигоны твердых коммунальных отходов занимают низкое положение. Объекты такого рода требуют большего внимания, развития грамотной и эффективной системы обращения с отходами, в связи с чем было проведено исследование выхода свалочного газа участка полигона ТКО города Белгорода для определения его энергетического использования. В статье приведены результаты технологического и экономического анализа процесса переработки отходов путем получения биогаза. Значимость полученных результатов расчета и рассматриваемого исследования определяется возможностью реализации новых инвестиционных проектов по энергетической утилизации отходов при приемлемом сроке окупаемости и рентабельности.

Ключевые слова: обращение с отходами, экономическая эффективность проекта, пиролиз, свалочный газ.

ECOLOGO-ECONOMIC SUBSTANTIATION OF INDUSTRIAL INTRODUCING OF SOLID MUNICIPAL WASTE TECHNOLOGIES

Marianna V. Alyabeva, Leonid A. Miroshnikov

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
Belgorod, Russia

Oleg V. Verevkin

LLC "TK "Ecotrans", Belgorod, Russia

The article studies methods of recycling waste in the Russian Federation, including its effective recycling within the frames of introduction of the closed cycle, which aims at resolving ecological problems in the field of treating solid municipal waste (SMW) to obtain power and at cutting greenhouse gas emissions. Household and solid industrial waste litters our environment, spoils landscape and makes up the base of harmful biological, chemical and biochemical matters entering the sphere of our life. In social infrastructure fields of solid municipal waste take a bottom position. Objects of this type require serious attention and the effective system of treating waste should be developed. In this connection a research was done concerning output of dumping gas on SMW field in the city of Belgorod in order to obtain information about its energy use. The article provides findings of technological and economic analysis of the waste recycling process by getting biogases. The importance of obtained results of calculation and research could provide chances of implementing new innovation projects on power utilization of waste in case of acceptable payback period and profitability.

Keywords: waste treatment, economic efficiency of the project, pyrolysis, dumping gas.

Одной из основных природоохран-ных задач сегодня является органи-зация эффективного обращения с отходами производства и потребления в России. Согласно статье 1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», отходами производства и потребления являются вещества или предметы, сформировавшиеся вследствие изготовления, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предна-значены для удаления или же подлежат удалению. Обращение с отходами пред-ставляет собой деятельность по их сбору, накоплению, транспортированию, обра-ботке, утилизации, обезвреживанию и размещению.

Утилизация твердых коммунальных от-ходов в России определена следующими факторами:

1. Потребность устранения проблемы в рамках окружающей среды, а также ресур-сосбережения, обработки вторичного использования ТКО.

2. Потребность в необходимом увеличе-нии территории для размещения непре-рывно поступающих ТКО. Здесь речь идет о новых земельных участках, т. е. о землях, которые могут быть отведены под захоро-нения ТКО, в том числе и о рекультивации земель, которая, по данным Росстата на 2020 г., составляет 106 750 га [6];

3. Потребность в ликвидации промыш-ленных отходов. Такие отходы образуются в небольшом количестве регионов, а именно в таких местах, где находятся нефтехимические, металлургические, цел-люлозно-бумажные и иные производ-ственные районы [2].

В 2020 г. на территории Российской Фе-дерации образовалось 6 955,7 млн т отхо-дов производства и потребления, однако это на 10,3% меньше по сравнению с 2019 г. Согласно статистике в среднем каж-дый житель страны пополняет объем ТКО на 420–450 кг в год. Основными компонен-тами ТКО являются пищевые отходы, бу-

мага, картон, пластик, стекло, черный и цветной металл (рис. 1).

Рис. 1. Состав твердых коммунальных отходов

В Российской Федерации уровень пере-работки ТКО составляет примерно 4% от их общей величины, в то время как в стра-нах Европейского союза перерабатывается около 60%. Из этого можно сделать вывод, что все большее и большее количество мусора в России отправляют на свалку, где объем отходов только растет.

Борьба с отходами в России ведется уже не первый год. В декабре 2018 г. федера-льный проект «Комплексная система обра-щения с твердыми коммунальными отхо-дами» был утвержден в рамках нацио-нального проекта «Экология». В соответ-ствии с развитием такой стратегии уже в 2024 г. в России сортировке, разборке и очистке должно подвергаться около 60% всех ТКО, после чего отсортированные от-ходы должны направляться на утилиза-цию. Таким образом, планируется, что уже через три года не менее 36% всех ТКО бу-дут подлежать утилизации [5]. Для срав-нения: доля сжигаемых ТКО в 2021 г. в не-которых странах доходила до 80%, как, например, в Швейцарии.

Также стоит отметить, что в Европей-ском союзе используется такое понятие, как «муниципальные отходы», состав кото-рых можно сравнивать на международном уровне. Сегодня тенденции вывоза и пере-работки ТКО в некоторых регионах России носят особый характер. По данным Рос-природнадзора, самым загруженным реги-оном по утилизации отходов в Российской Федерации является Подмосковье [4].

На рис. 2 показаны основные методы утилизации отходов по степени затрат. За-

хоронение ТКО на полигонах по-прежнему является основным методом решения проблемы в большинстве стран. Это связано с тем, что национальная экономика недостаточно развита, чтобы инвестировать значительные средства в сложные технологии переработки мусора.

Рис. 2. Методы утилизации отходов по степени затрат

Рассматривая перспективы использования свалочного газа в качестве источника энергии в России, нужно иметь в виду, что его энергетическое использование без учета дополнительного финансирования снижения выбросов парниковых газов экономически нецелесообразно.

Утвержденными методами термической обработки ТКО являются слоевое сжигание на механических колосниковых решетках, обработка в кипящем слое и комбинированные технологии с использованием процессов пиролиза и газификации. На базе оценок экспертов, которые были проведены как российскими, так и иностранными учеными, было определено, что оптимальной считается технология сжигания ТКО на колосниковой решетке. Сравнительный анализ тепловых процессов в основных базовых технологиях термической переработки ТКО [6. – С. 7] также показал, что технологии сжигания в колосниковых топках являются приоритетными, поскольку имеют более высокий коэффициент энергоиспользования по сравнению с другими технологиями. Такого рода показатель представляет собой отношение электроэнергии, которая может быть выработана путем использования энергопотенциала

отходов, к общим энергозатратам на функционирование всего завода.

Основными преимуществами данного метода являются более низкие эксплуатационные и капитальные затраты по сравнению с другими технологиями, а также высокая степень надежности. Основным недостатком – образование вредных газов и диоксинов, загрязняющих атмосферу.

Применение плазменной технологии для извлечения энергии из неопасных остатков нежелательно в связи с низкой энергоэффективностью процесса. В. М. Батенин, В. И. Ковбасюк, Л. Г. Кретова и Ю. В. Медведев в своем исследовании сравнили энергоэффективность процессов (в пересчете на суммарную энергию горючих компонентов получаемого синтез-газа) плазменной и автотермической газификации одного и того же вида топлива (отхода) при температуре 1 400 К [1]. Также они показали, что вспомогательный выход энергии синтез-газа, достигаемый плазмой, при существующих методах преобразования энергии, даже без учета потерь с охлаждением, балластирования рабочей смеси в реакторе и т. д., не может покрыть затрат электроэнергии. Кроме того, ими установлено, что последующее увеличение температуры сопровождается лишь низким увеличением химической энергии синтез-газа, т. е. является малоэффективным с энергетической точки зрения.

Рассмотрим технико-экономическое обоснование проекта переработки ТКО в городе Белгороде. Небольшой город Белгород, расположенный на юге средней полосы европейской части России, в среднем образует более 100 тыс. м³ ТКО в год. Согласно территориальной схеме обращения с отходами на территории Белгородской области доля обезвреженных отходов в общем объеме образующихся ТКО составляет 23%. Часть ТКО, образуемых как физическими, так и юридическими лицами, направляется на существующие объекты обработки с последующим размещением не утилизируемой фракции. Количество ТКО, образовавшихся на муниципальных

образованиях и движущихся на полигон ТКО Белгорода вблизи села Стрелецкое, составляет 1 481,53 м³/год (рис. 3).

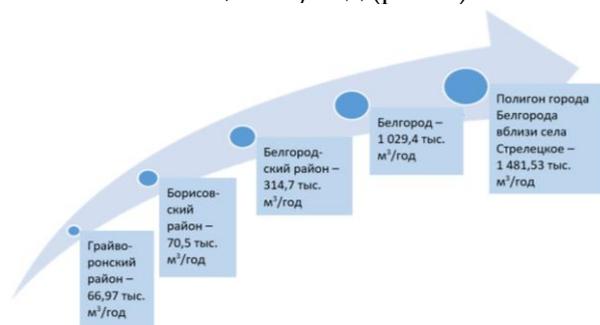

Рис. 3. Схема движения ТКО на полигон города Белгорода

С 2005 г. в Белгороде функционирует мусоросортировочный комплекс мощностью 100 тыс. т и полигон твердых бытовых отходов. Применяемая сортировка ТКО позволяет выделять полезное сырье, а именно бой стекла, полимеры, пластик, металл, для дальнейшего использования и переработки. Работа завода продлевает срок службы полигона без увеличения его площади.

В ходе исследования был инициирован проект по сбору и утилизации свалочного газа для энергетических и экологических целей. Проект подразумевает формирование системы в виде сети отвесных скважин, которые соединяются линиями газопроводов, где с помощью воздухоудвки формируется разрежение, необходимое для транспортировки газа вплоть до места его

применения. Такая установка, предназначенная для сбора и утилизации отходов, размещается на специально подготовленной для этого площадке за пределами полигона. Общий объем инвестиций в технологии утилизации свалочного газа в Белгороде составляет около 10 млн рублей. Финансирование осуществлялось за счет собственных средств регионального оператора ООО «ТК «Экотранс» в рамках частно-государственного партнерства и нацелено на формирование инфраструктуры по обращению с ТКО.

Технология позволяет с площади 0,6 га получать свалочный газ с расходом 400 м³/ч и содержанием метана 65–70%. Газ идет на две газопоршневые установки мощностью 130 кВт каждая. Данная мощность идет на собственные нужды мусоросортировочного завода. Тепловая мощность (300 кВт) свалочного газа используется для нагрева воздуха на мусоросортировочном заводе, а также в производственных цехах.

Себестоимость оптовой закупки природного газа составляет 4 176,9 рублей за 1 000 м³, а теплота сгорания на порядок выше, так как по расчетам себестоимость свалочного газа за эти же 1 000 м³ составляет 2 000 рублей, а теплота сгорания такого газа – 10 740 кДж/м³. В таблице приведены результаты расчета выбросов, содержащихся в биогазе и утилизируемых при его сжигании.

Расчет выбросов, содержащихся в биогазе

Компонент	Плотность, кг/м ³	Содержание в биогазе, %		Выбросы, т/год	
		объемные	весовые	в год	за 10 лет (2019–2028)
Метан (СН ₄)	0,717	36	18,05	1 955,15	19 551,5
Углекислый газ (СО ₂)	1,977	45	62,21	6 738,73	67 387,3
Сероводород (Н ₂ С)	1,54	1,30 · 10 ⁻⁴	0,00	0,02	0,2
Толуол (С ₇ Н ₈)	0,867	-	0,723	78,31	783,1
Аммиак (NH ₃)	0,771	-	0,533	57,73	577,3
Ксилол (С ₈ Н ₁₀)	0,869	-	0,443	47,98	479,8
Оксид углерода (СО)	1,25	-	0,252	27,30	273
Диоксид азота (NO ₂)	1,49	-	0,111	12,02	120,2
Формальдегид (СН ₂ О)	0,815	-	0,096	10,40	104
Этилбензол (С ₈ Н ₁₀)	0,867	-	0,095	10,29	102,9
Ангидрид сернистый (SO ₂)	2,93	-	0,070	7,58	75,8
Прочие компоненты (азот, кислород и др.)	-	19	17,41	1 886,14	18 861,4
ВСЕГО	1,43	100	100	10 831,65*	108 316,5

* Определено из среднегодового выхода биогаза 7 574 580 м³/год и его плотности 1,43 кг/м³.

Как показывают данные, использование свалочного газа значительно экономичнее и менее энергозатратно, что положительно влияет на экосистему. Такой проект позволяет снизить кумулятивный экологический ущерб. Срок окупаемости проекта можно считать длительным, но если учесть дальнейшее благоприятное воздействие на окружающую среду, то можно утверждать, что такие инвестирования необходимы.

По итогам результатов проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день существует несколько способов утилизации твердых коммунальных отходов. Каждая из этих

технологий имеет и положительные, и отрицательные стороны.

2. Технология производства свалочного газа является выполнимой и рассматривается в качестве промышленной.

3. Свалочный газ, полученный в результате захоронения ТКО, по экономическим показателям имеет преимущества по сравнению с природным газом.

4. Имеется потенциальная возможность замещать электроэнергию, идущую на снабжение собственных нужд завода. В дальнейшем возможно получение электроэнергии, идущей на снабжение жилых домов, расположенных вблизи полигона ТКО.

Список литературы

1. Батенин В. М., Ковбасюк В. И., Кретова Л. Г., Медведев Ю. В. Термическая утилизация твердых бытовых отходов // Теплоэнергетика. – 2011. – № 3. – С. 62–66.

2. Березюк М. В., Румянцева А. В., Румянцева Е. И. Эколого-экономическое обоснование проекта по переработке ТКО на основе современных технологий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 3. – С. 31–38.

3. Отходы в России: мусор или ценный ресурс? – URL: <http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2018/04/Othody-v-RF.pdf> (дата обращения: 16.02.2022).

4. Утилизация мусора в России. Как реформируют отрасль. – URL: <https://tass.ru/info/6000776> (дата обращения: 21.02.2022).

5. Эволюция утилизации. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/01/21/854858-evolyutsiya-utilizatsii> (дата обращения: 18.02.2022).

6. Эскин Н. Б., Тугов А. Н., Хомутский А. Н. и др. Анализ различных технологий термической переработки твердых бытовых отходов // Энергетик. – 1994. – № 9. – С. 6–8.

References

1. Batenin V. M., Kovbasyuk V. I., Kretova L. G., Medvedev Yu. V. Termicheskaya utilizatsiya tverdykh bytovykh otkhodov [Thermal Utilization of Solid Municipal Waste]. *Teploenergetika* [Thermal Power Engineering], 2011, No. 3, pp. 62–66. (In Russ.).

2. Berezyuk M. V., Rumyantseva A. V., Rumyantseva E. I. Ekologo-ekonomicheskoe obosnovanie proekta po pererabotke TKO na osnove sovremennykh tekhnologiy [Ecologo-Economic Substantiation of the Project on Recycling SMW on the Basis of Advanced Technologies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2017, No. 3, pp. 31–38. (In Russ.).

3. Otkhody v Rossii: musor ili tsenny resurs? [Waste in Russia: Rubbish or Valuable Resource?]. (In Russ.). Available at: <http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2018/04/Othody-v-RF.pdf> (accessed 16.02.2022).

4. Utilizatsiya musora v Rossii. Kak reformiruyut otrasl [Waste Recycling in Russia. How Industry is Being Transformed]. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/info/6000776> (accessed 21.02.2022).

5. Evolyutsiya utilizatsii [Recycling Evolution]. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/01/21/854858-evolyutsiya-utilizatsii> (accessed 18.02.2022).

6. Eskin N. B., Tugov A. N., Khomutskiy A. N. Analiz razlichnykh tekhnologiy termicheskoy pererabotki tverdykh bytovykh otkhodov [Analyzing Different Technologies of SMW Thermal Recycling]. *Energetik* [Power Engineer], 1994, No. 9, pp. 6–8. (In Russ.).

Сведения об авторах

Марианна Владимировна Алябьева

доктор экономических наук, профессор
кафедры экономики Белгородского
университета кооперации, экономики и права.
Адрес: автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Белгородский университет кооперации,
экономики и права», 308023,
Белгород, ул. Садовая, д. 116а.
E-mail: amb15@yandex.ru

Леонид Андреевич Мирошников

аспирант кафедры экономики
Белгородского университета кооперации,
экономики и права.
Адрес: автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Белгородский университет кооперации,
экономики и права», 308023,
Белгород, ул. Садовая, д. 116а.
E-mail: miroshnikov97@mail.ru

Олег Викторович Веревкин

начальник отдела внедрения систем
энергосбережения и газификации
ООО «ТК «Экотранс».
Адрес: ООО «ТК «Экотранс»,
308006, Белгород,
ул. Серафимовича, д. 72.
E-mail: energy_olver@mail.ru

Information about the authors

Marianna V. Alyabeva

Doctor of Economics, Professor
of the Department for Economics
of the Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law.
Address: Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law,
116a Sadovaya Str., Belgorod, 308023,
Russian Federation.
E-mail: amb15@yandex.ru

Leonid A. Miroshnikov

Post-Graduate Student
of the Department for Economics
of the Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law.
Address: Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law,
116a Sadovaya Str., Belgorod, 308023,
Russian Federation.
E-mail: miroshnikov97@mail.ru

Oleg V. Verevkin

Head of the Department for Implementation
of Energy Saving Systems and Gasification
of LLC "TK "Ecotrans".
Address: LLC "TK "Ecotrans",
72 Serafimovich Str., Belgorod, 308006,
Russian Federation.
E-mail: energy_olver@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ КАК ДРАЙВЕР РОСТА И РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

О. А. Елина, О. Н. Быкова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Главной спецификой динамично развивающихся современных предприятий является высокая доля нематериальных активов в составе имущества организации и наличие существенной доли затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в общей структуре затрат. Как правило, этой спецификой обладают предприятия высокотехнологического сектора экономики. Они характеризуются значительной степенью новизны осуществляемой деятельности (новые отрасли, новые методы производства) или ее результатов (продвинутая, революционная продукция), использованием глубоких научных знаний, опыта, передовых технологий. Для этих предприятий вопрос грамотного управления нематериальными активами становится одним из важнейших. В статье авторы представляют результаты исследования роли нематериальных активов как фактора высокотехнологичности в развитии современного предприятия, анализируют основные подходы в управлении нематериальными активами с целью роста и развития промышленного производства, предлагают модель управления нематериальными активами, которая создает оптимальные условия роста и развития предприятия в условиях современных вызовов внешней среды и задач национальной промышленной политики.

Ключевые слова: стратегии управления нематериальными активами, модель управления знаниями, высокотехнологичное предприятие.

MANAGING INTANGIBLE ASSETS AS A DRIVER FOR GROWTH AND DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISE

Olga A. Elina, Olga N. Bykova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

A major specific feature of today's fast growing enterprises is a high share of intangible assets in the structure of organization property and considerable costs for R & D in the overall structure of expenditure. As a rule this feature is typical of enterprises of the highly-technological sector. They are characterized by a high degree of innovation in their functioning (new branches, new methods of production) or their results (advanced, revolutionary products), by using deep scientific knowledge, experience and advanced technologies. For these enterprises the problem of adequate managing of intangible assets is of paramount importance. The authors provide findings of the research dealing with the role of intangible assets as a factor of the highly-technological nature in the development of enterprise. They analyze key approaches in managing intangible assets aimed at growth and development of industrial production, put forward a model of managing intangible assets that can create optimum conditions for growth and development of enterprise in conditions of current challenges in the outward environment and objectives of national industrial policy.

Keywords: strategy of managing intangible assets, model of knowledge management, highly-technological enterprise.

Процесс управления нематериальными активами представляет собой целенаправленное изменение структуры и стоимости нематериальных активов, находящихся в составе имущества организации, для получения новой продукции, товара, услуги или совершенствования уже существующего производства, увеличения рыночной стоимости компании [6], улучшения ее финансовых показателей и расширения рынков сбыта [7].

Управление нематериальными активами организации базируется на основных принципах экономики и менеджмента, таких как:

- принцип научности и объективности (научная, объективная обоснованность выбранных методов и моделей управления нематериальными активами, опирающихся на теорию и практику изучения данного вопроса);

- принцип комплексности и системности (взаимозависимость и взаимодействие мероприятий по управлению нематериальными активами, проводимых организацией);

- принцип приоритетности, или очередности (выполнение мероприятий по управлению нематериальными активами в соответствии с их ролью, местом и значимостью в данном процессе);

- принцип оптимальности (соответствие затрат различного вида ресурсов значению, которое необходимо для выполнения мероприятий по управлению нематериальными активами);

- принцип экономичности (минимизация затрат на выполнение мероприятий по управлению нематериальными активами);

- принцип эффективности (соотнесение результатов проведения мероприятий по управлению нематериальными активами с целями развития компании).

Осуществление процесса управления нематериальными активами возможно за счет принятия и реализации решений о приобретении или продаже нематериальных активов, создания системы их воспро-

изводства внутри самой организации и защиты прав на интеллектуальную собственность, а также выбора метода учета, оценки и амортизации данных видов активов.

Эффективное управление нематериальными активами включает в себя пять основных этапов управленческого контура:

- 1) инвентаризация нематериальных активов;

- 2) учет нематериальных активов;

- 3) анализ и реализация вариантов использования нематериальных активов;

- 4) мониторинг использования нематериальных активов;

- 5) регулирование процессов использования нематериальных активов.

Этап инвентаризации нематериальных активов (этап 1) необходим для установления факта наличия в организации нематериальных активов и объектов интеллектуальной собственности, полученных в результате работы самой организацией или приобретенных извне у сторонних лиц.

Для осуществления постановки на учет нематериального актива (этап 2) необходимо провести оценку данного объекта по одному из принятых в оценочной деятельности методов.

Использование имеющихся у организации и поставленных на учет нематериальных активов возможно в различных направлениях: продажа в виде лицензий и патентов, публикация в средствах массовой информации полученных результатов исследований, использование в процессе производства и т. д. Выбор из имеющегося набора вариантов (этап 3) напрямую зависит от целей фирмы, которыми могут выступать максимизация прибыли, сокращение издержек, получение нового конкурентного преимущества, увеличение доли рынка и т. д.

В зависимости от области управления можно выделить ряд направлений использования нематериальных активов в организации (табл. 1).

**Направления использования нематериальных активов
и интеллектуальной собственности***

Область управления	Возможности использования нематериальных активов
Менеджмент	Увеличение уставного капитала и/или повышение капитализации компании за счет постановки на баланс правильно оцененных нематериальных активов. Получение дополнительного дохода за счет заключения лицензионного договора. Использование нематериальных активов в корпоративном управлении, в том числе для оценки его эффективности
Маркетинг и реклама	Бренд-менеджмент товара, продукции или компании в целом. Индивидуализация компании и защита от конкурентов
Бухгалтерия	Оптимизация налогооблагаемой базы за счет верной оценки и постановки на баланс нематериальных активов
Информационные технологии	Защита программных продуктов и баз данных от несанкционированного распространения путем регистрации авторских прав
Авторство	Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности на законодательном уровне

* Составлено по: [7].

Непосредственный процесс использования нематериального актива, выбранный из ряда альтернатив, подлежит постоянному мониторингу и контролю (этап 4), позволяющему выявить его возможные ошибки и недостатки.

Следующий этап включает в себя регулирование процесса использования нематериальных активов (этап 5), направленное на повышение эффективности их применения в организации за счет идентификации причин возникновения выявленных недостатков и ошибок, принятия решений по их исправлению и реализации принятых управленческих решений для максимизации результатов управления объектами интеллектуальной собственности компании.

Благодаря созданию эффективной системы управления активами и выполнению всех вышеперечисленных этапов организация способна достичь более высоких показателей деятельности, создать неповторимые конкурентные преимущества и завоевать более высокое положение на рынке, обеспеченное новой информацией, знаниями и репутацией, полученными за счет используемой интеллектуальной собственности.

В соответствии со спецификой управления нематериальными активами в каждой

организации принято выделять несколько стратегий, применяемых компаниями при реализации данного процесса [7]:

- стратегия «щита»;
- стратегия «меча»;
- стратегия формирования уставного капитала;
- стратегия создания рекламного имиджа;
- стратегия оптимизации финансово-хозяйственной деятельности.

Стратегия «щита» применяется в отношении организаций, создающих принципиально новый продукт, выводимый на рынок. Оформляя монопольные права на данную продукцию в период ее выведения, компания обеспечивает себя существенным преимуществом в отношении конкурентов в отрасли и гарантирует защиту продукции от копирования ими.

Стратегия «меча» преследует цель контроля рынка в отношении поиска нарушителей авторских прав на интеллектуальную собственность организации для применения к ним в дальнейшем штрафных санкций в соответствии с действующим законодательством. По причине копирования результатов интеллектуальной деятельности организации ее конкурентами компания может существенно потерять в доходе, поэтому большую роль имеет не

только оборонная (стратегия «щита»), но и наступательная (стратегия «меча») позиция в отношении управления нематериальными активами, которая позволяет частично компенсировать потери, связанные с возникающей при этом упущенной выгодой.

Стратегии «щита» и «меча», как правило, применяются в отношении более важных объектов интеллектуальной собственности со стратегической точки зрения.

Стратегия формирования уставного капитала позволяет компании высвободить денежные средства за счет внесения объектов нематериальных активов в уставный капитал организации – прав на изобретения, полезных моделей, произведений науки и т. д. Данная стратегия широко распространена в российской практике.

Стратегия создания рекламного имиджа обеспечивает защитой те нематериальные активы, права на которые конкуренты могут легко обойти, либо в случае, когда сложно проконтролировать рынок в отношении копирования другими компаниями используемых объектов интеллектуальной собственности. Запатентованные при использовании данной стратегии активы выступают для клиента стимулом приобретения продукции, гарантией ее качества, благодаря чему становится возможным получение дополнительного дохода. К таким объектам нематериальных активов можно отнести, например, товарные знаки, бренды, уникальные наименования и т. п.

Стратегия оптимизации финансово-хозяйственной деятельности используется в случае, если организация желает за счет использования нематериальных активов достичь снижения налога на прибыль (путем снижения налогооблагаемой базы на величину амортизации нематериальных активов), сэкономить на выплатах заработной платы (путем обеспечения вознаграждения по авторским правам за участие в создании объектов интеллектуальной собственности), сэкономить на налоге по доходам физических лиц (за счет пони-

женной ставки по данному виду налога для владельцев интеллектуальной собственности).

Применение перечисленных выше стратегий возможно как по отдельности, так и комплексно для максимизации положительного эффекта от управления нематериальными активами, что является более предпочтительным в условиях серьезной конкурентной борьбы на современном рынке.

Для понимания важности процесса управления нематериальными активами на промышленном предприятии высокотехнологического сектора экономики необходимо определиться со спецификой данного типа организаций.

Повторно отметим, что под высокотехнологичным принято понимать предприятие, специализирующееся на выпуске продукции и предоставлении услуг, которые обладают высокой добавленной стоимостью и в структуре затрат которых затраты на НИОКР имеют существенную долю. При этом в своей деятельности оно использует новейшие технологии, методы, процессы и средства производства.

На основании данного определения можно выделить следующие признаки, характерные для высокотехнологического предприятия [5]:

- использование передовых достижений науки и техники;
- наличие технических ноу-хау, требующих перестроения под свое использование процессов управления и финансово-хозяйственной деятельности;
- наличие авторских прав на передовые разработки и результаты интеллектуальной деятельности и, соответственно, конфиденциальной информации, ограниченной к распространению на рынке;
- высокая квалификация работников организации;
- короткий жизненный цикл продукции;
- склонность к высокому темпу изменений методов производства и других бизнес-процессов организации;

– постоянная связь предприятия с научной и академической сферой.

В зависимости от места нематериальных активов в организации принято подразделять высокотехнологичные предприятия на следующие виды [4]:

1) производители нематериальных активов, непосредственным результатом деятельности которых являются разработки в области инноваций, программное обеспечение, опытные образцы и т. д., которые сама организация не реализует на рынке;

2) потребители нематериальных активов, использующие в своей деятельности чужие результаты интеллектуальной деятельности; для них организации первого типа на заказ проводят исследования и осуществляют разработки, которые потребители используют в производстве;

3) смешанный вид, имеющий как исследовательскую, так и производственную часть в составе организации, т. е. предприятие производит и реализует высокотехнологичную продукцию собственными силами.

Управление нематериальными активами занимает важное место в деятельности предприятий третьего типа, которые сопровождают инновационный продукт на всех стадиях – от создания до реализации. Данный процесс для высокотехнологичных предприятий представляется рядом этапов [4]: креативный, исследовательский, технологический, производственный, коммерческий.

Креативный этап. На данном этапе возникает идея, вокруг которой строится интеллектуальная деятельность. Для обеспечения ее возникновения необходимы наличие и создание соответствующих условий – структуры управления, необходимой информации и ее доступности для научных сотрудников, ресурсов различного рода и т. д.

Исследовательский этап. Возникшая идея подвергается всестороннему научному исследованию, проводятся необходимые расчеты. На выходе организация имеет результат интеллектуальной деятельности,

который подвергается юридическому оформлению в виде патента, авторского права и т. д. и может быть внесен на баланс предприятия в виде нематериального актива.

Технологический этап. Осуществляются конструкторские разработки, создаются опытные образцы, производятся мелкие экспериментальные партии продукции, проводятся сертификация и оформление прочей технологической документации. В результате предприятие имеет конкретное, технически воплощенное представление готовой к производству продукции.

Производственный этап. Согласно разработанной технической документации высокотехнологичная продукция создается на предприятии в промышленных масштабах для реализации на рынке.

Коммерческий этап. На заключительном этапе осуществляется сопровождение произведенной продукции в процессе ее реализации с использованием различных маркетинговых инструментов.

Наиболее существенными для высокотехнологичного предприятия являются первые два этапа (креативный и исследовательский), так как в процессы, осуществляемые на данных этапах, вовлечен наиболее значимый для организаций указанного типа фактор – интеллектуальный капитал.

Проблема создания интеллектуального капитала в российских организациях становится актуальной ввиду практически полного отсутствия практики управления нематериальными активами. На сегодняшний день Россия существенно уступает мировым державам по доле производимой наукоемкой продукции. В связи с этим особенно необходимо применение в деятельности высокотехнологичных предприятий эффективных зарубежных методов управления нематериальными активами, к которым можно отнести создание системы управления знаниями.

Управление знаниями – это систематический процесс создания, сохранения, распределения и использования интеллектуального капитала организации (знаний)

для обеспечения развития и повышения конкурентоспособности организации [1; 2].

Внедрение системы управления знаниями на предприятии обеспечивается за счет использования различных механизмов и моделей, важнейшим из которых является механизм трансфера знаний.

Преобладающим видом знаний в организациях являются неявные знания, т. е. знания, не зафиксированные документально, зачастую присущие непосредственному носителю и передающиеся только через личный опыт и обучение сотрудников. Указанные знания скрыты, уникальны для компании, и именно они важны для поддержания ее конкурентоспособности. В этой связи возникает вопрос, как выявить эти знания, как обнаружить сотрудников, способных делиться лучшими практиками со своими коллегами, и как способствовать распределению этих знаний вопреки возможному сопротивлению к изменениям со стороны персонала. Для достижения данных целей существуют различные концепции трансфера знаний.

Одним из специалистов данной сферы является Икуджиро Нонака, разработавший спираль знаний, раскрывающую четыре модели их конверсии [2]:

1) *социализацию* – невербальный обмен неявными знаниями на основе наблюдений за действиями работника;

2) *экстернализацию* – перевод неявных знаний при помощи аналогий, метафор и других социальных приемов в явные;

3) *комбинирование* – передача полученной информации в закодированной форме;

4) *интернализацию* – перевод явных знаний в неявные путем обучения действием.

На выходе использования спирали знаний организация получает новое корпоративное знание. Спираль постоянно возобновляется, расширяется, создавая все новые возможности использования в различных сферах деятельности организации.

Трансфер знаний осуществляется через ряд этапов:

1. *Инициирование* – создание организационной атмосферы, благоприятствующей передаче и получению знаний между сотрудниками и мотивирующей их к этому. На данном этапе ключевую роль играет поддержка руководства, а также создание доверительных отношений между участниками трансфера и различными специализированными структурами внутри организации.

2. *Поток* – выбор и использование метода эффективной передачи знания. Важно иметь профессиональное сопровождение процесса, необходимое для решения возникающих проблем.

3. *Интеграция* – внедрение нового знания в корпоративную базу знаний компании на организационном и индивидуальном уровнях. Данный этап подразумевает в значительной степени индивидуальное участие каждого сотрудника для определения им границ рационального использования полученного знания.

Для визуализации стратегического подхода к управлению знаниями в организации широко используются дорожные карты, разработанные в конце 70-х гг. XX в. компаниями Motorola и Corning [1]. Данный механизм позволяет наглядно представить все компоненты системы управления знаниями: знаниевые активы, информационные ресурсы, источники трансфера знаний, используемые в процессе инструменты.

Дорожная карта позволяет связать управление знаниями с бизнес-процессами организации, а также выявить наиболее значимые компетенции персонала в области знаний. Благодаря использованию данного инструмента можно определить, где находится необходимое на данный момент знание, по какому маршруту, как и при помощи каких инструментов к нему можно прийти, благодаря чему сокращается время поиска оптимального решения, обеспечиваются высокая гибкость и адаптивность компании к изменениям рыночной конъюнктуры. К основным преимуществам использования дорожных карт в

концепции управления знаниями можно отнести наглядность; возможность оценки ресурсного потенциала для развития; возможность прогнозирования поведения компании в процессе управления знаниями, в частности их применения в той или иной сфере деятельности организации.

В процессе создания дорожной карты анализируются ключевые компетенции сотрудников компании, организационные ноу-хау, знаниевые активы, которые впоследствии ранжируются по степени важности для развития организации. Для каж-

дого элемента прокладывается цепочка ресурсов, технологий, сотрудников или групп сотрудников, по которой в конечном пункте можно прийти до формирования нового знания. Созданные цепочки знаний анализируются с точки зрения своих сильных и слабых сторон. Итоговый вариант дорожной карты публично обсуждается между сотрудниками компании с целью контроля за ее реализацией и возможного внесения корректировок и модернизаций. Типовой вариант дорожной карты представлен в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Пример типовой структуры дорожной карты*

Наименование мероприятия							
Ответственный за внедрение		Ответственный за разработку ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicators – KPI)			Ответственный за оценку KPI		Ответственный за обеспечение ресурсами
Комментарий по текущему состоянию							
Этап реализации	Результаты этапа	Дата начала	Дата окончания	Ответственный за этап реализации	KPI	Значение KPI	Требуемые ресурсы
Комментарий по текущему состоянию							

* Составлено по: [1].

Наряду с преимуществами дорожное картирование в управлении знаниями обладает рядом негативных сторон. Обеспечение качества используемого механизма требует значительных затрат трудовых, финансовых и временных ресурсов. Большие объемы задач приводят к сложностям в определении ответственных лиц за каждый из этапов цепочки создания знания. Кроме того, дорожные карты наглядно представляют процесс управления знаниями для менеджмента организации, однако не влияют на понимание сотрудниками необходимости изменений в сфере создания, использования и распространения знаний.

Среди других моделей управления знаниями можно выделить модель У. Буковича и Р. Уильямса (рисунок). Авторы модели рассматривают знания как стратеги-

чески важный запас, включающий не только сами знания, но и связи сотрудников организации между собой и со знаниями из внешней среды. Выделяются два направления знаний: в рамках тактических и в рамках стратегических процессов [3].

Тактические процессы связаны с ежедневно выполняемыми бизнес-процессами организации, в которых участвуют сотрудники. При возникновении потребности в знаниях работник первоначально осуществляет их поиск, затем практически применяет полученные знания, предварительно осуществив процесс обучения (как самостоятельно, так и целенаправленно, отправляясь на курсы повышения квалификации, бизнес-тренинги и т. д.), и распространяет их внутри организации путем обмена опытом с коллегами.

Стратегические процессы реализуют систематический процесс формирования, накопления и распространения знаний внутри организации, направленный на достижение стратегических целей компании. Предприятие оценивает имеющиеся знаниевые активы на соответствие требованиям долгосрочного развития, создает

новые и поддерживает текущие активы, в том числе за счет использования различных инструментов на уровне тактических процессов, и отказывается от тех активов, в которых ввиду определенных причин более не нуждается [8].

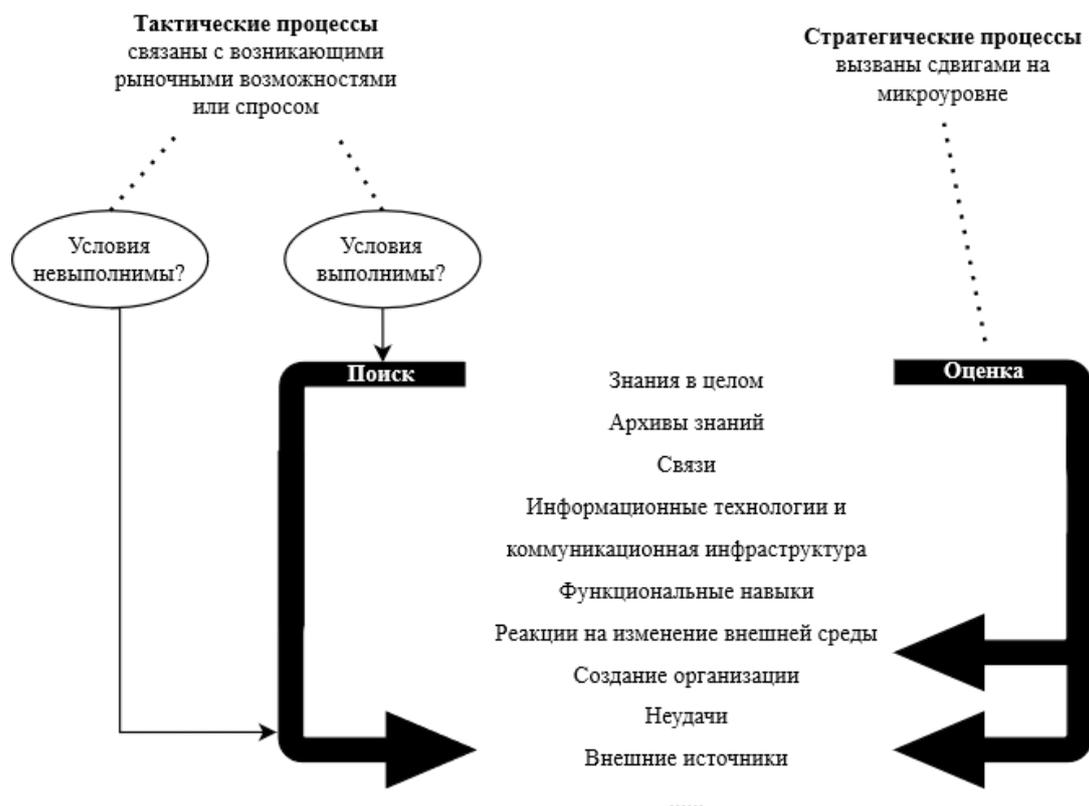

Рис. Структура процесса управления знаниями по У. Буковичу и Р. Уильямсу [2]

Существует также множество других моделей управления знаниями организации, так или иначе базирующихся на перечисленных в данной статье предпосылках. Наиболее показательными примерами в области эффективного управления знаниями эксперты признали такие зарубежные компании, как Apple, Shell, Google, Boeing, Lufthansa, Национальный банк Швейцарии. Среди российских организаций были выделены «Северсталь», «Газ-

пром», «РОСНАНО», «Росатом», «Лукойл», Лаборатория Касперского.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что эффективное управление нематериальными активами создает возможности экономического роста, дает толчок в развитии промышленного производства, является драйвером перехода организации в статус высокотехнологического предприятия.

Список литературы

1. Брагина З. В., Андреева Н. Ю. Управление организационным знанием промышленного предприятия: создание условий для проявления и использования творческой активности и предприимчивости персонала : монография. – М. : Инфра-М, 2017.
2. Букович У., Уильямс Р. Управление знаниями: руководство к действию : пер. с англ. – М. : Инфра-М, 2002.
3. Ляндау Ю. В. Общие вопросы эволюции организаций XX столетия // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2012. – № 1 (1). – С. 29–37.
4. Петрикова Е. М., Исаева Е. И., Овсянникова М. А. Методы оценки стоимости нематериальных активов // Финансы и кредит. – 2015. – № 12 (636). – С. 20–23.
5. Подшивалова М. В., Алмршед С. К. Исследование специфики инновационных процессов крупных и малых предприятий высокотехнологичной отрасли России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 124–132.
6. Соколянский В. В., Ковнир В. Н., Хвещкович Н. А. Подходы к количественной оценке интеллектуального капитала высокотехнологичных компаний // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2019. – № 1 (103). – С. 145–153.
7. Супрун В. А. Интеллектуальный капитал. Главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. – М. : КомКнига, 2016.
8. Выкова О. N., Гарнов А. P., Морковкин Д. E., Строев P. V., Руденко L. G., Зоннова A. V., Ливанова R. V., Исаичуква N. I. Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience in Managing Enterprises' Intellectual Property // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2019. – Vol. 10. – N 4 (42). – P. 1046–1054.

References

1. Bragina Z. V., Andreeva N. Yu. Upravlenie organizatsionnym znaniem promyshlennogo predpriyatiya: sozдание usloviy dlya proyavleniya i ispolzovaniya tvorcheskoy aktivnosti i predpriimchivosti personala: monografiya [Management of Organizational Knowledge of an Industrial Enterprise: Creating Conditions for the Manifestation and Use of Creative Activity and Entrepreneurship of Personnel: monograph]. Moscow, Infra-M, 2017. (In Russ.).
2. Bukovich U., Uilyams R. Upravlenie znaniyami: rukovodstvo k deystviyu [Knowledge Management: a Guide to Action], translated from English. Moscow, Infra-M, 2002. (In Russ.).
3. Lyandau Yu. V. Obshchie voprosy evolyutsii organizatsiy XX stoletiya [General Questions of the Evolution of Organizations of the XX Century]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova. Vstuplenie. Put v nauku* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. The Path to Science], 2012, No. 1 (1), pp. 29–37. (In Russ.).
4. Petrikova E. M., Isaeva E. I., Ovsyannikova M. A. Metody otsenki stoimosti nematerialnykh aktivov [Methods of Valuation of Intangible Assets]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2015, No. 12 (636), pp. 20–23. (In Russ.).
5. Podshivalova M. V., Almrshed S. K. Issledovanie spetsifiki innovatsionnykh protsessov krupnykh i malykh predpriyatiy vysokotekhnologichnoy otrasli Rossii [Research of Innovation Processes Specificity of Large and Small Enterprises in Russian High-Tech Industry]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment»* [Bulletin of the

South Ural State University. Ser. Economics and Management], 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 124–132. (In Russ.).

6. Sokolyanskiy V. V., Kovnir V. N., Khvetskovich N. A. Podkhody k kolichestvennoy otsenke intellektualnogo kapitala vysokotekhnologichnykh kompaniy [Approaches in Quantitative Estimation of Intellectual Capital in Highly-Technological Companies]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2019, No. 1 (103), pp. 145–153. (In Russ.).

7. Suprun V. A. Intellektualnyy kapital. Glavnyy faktor konkurentosposobnosti ekonomiki v XXI veke [Intellectual Capital. The Main Factor of the Competitiveness in the Economy in XXI Century]. Moscow, KomKniga, 2016. (In Russ.).

8. Bykova O. N., Garnov A. P., Morkovkin D. E., Stroeve P. V., Rudenko L. G., Zonova A. V., Livanova R. V., Isaichykova N. I. Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience in Managing Enterprises' Intellectual Property. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2019, Vol. 10, No. 4 (42), pp. 1046–1054.

Сведения об авторах

Ольга Александровна Елина

кандидат экономических наук, доцент
базовой кафедры Благотворительного фонда
поддержки образовательных программ
«КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент
и социальное предпринимательство»
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Elina.OA@rea.ru
ORCID: 0000-0001-5003-2471

Ольга Николаевна Быкова

доктор экономических наук, профессор
базовой кафедры Благотворительного фонда
поддержки образовательных программ
«КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент
и социальное предпринимательство»
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Bykova.ON@rea.ru
ORCID: 0000-0002-7671-7994

Information about the authors

Olga A. Elina

PhD, Assistant Professor
of the Basic Department
of Charity fund for support of educational
programs "Captains"
"Innovative Management and Social
Entrepreneurship" of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Elina.OA@rea.ru
ORCID: 0000-0001-5003-2471

Olga N. Bykova

Doctor of Economics, Professor
of the Basic Department
of Charity fund for support of educational
programs "Captains"
"Innovative Management and Social
Entrepreneurship" of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Bykova.ON@rea.ru
ORCID: 0000-0002-7671-7994

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ¹

А. Ф. Никишин, Е. А. Майорова, О. С. Карашук

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье отмечается ведущее место нематериальных ресурсов и активов в совокупных ресурсах организаций электронной торговли. В связи с тем что субъекты электронной торговли, использующие нематериальные ресурсы, имеют специфические особенности, влияющие на достоверность результатов оценки эффективности, авторами предложен метод оценки эффективности нематериальных ресурсов, позволяющий обеспечить наиболее точную их оценку. При выборе метода оценки нематериальных ресурсов организаций электронной торговли были учтены следующие их характеристики: преобладающая доля нематериальных ресурсов в составе совокупных ресурсов организаций, наличие неидентифицируемых нематериальных ресурсов (чаще всего они выполняют вспомогательную роль при функционировании других видов ресурсов), более существенная доля идентифицируемой части нематериальных ресурсов по сравнению с традиционной торговлей, преобладающая доля технологий в составе совокупных нематериальных ресурсов. С учетом характеристик нематериальных ресурсов организаций электронной торговли обоснована целесообразность применения экспертно-социологического метода оценки их эффективности. Указанный метод позволил включить в оценку значимые показатели всех ключевых групп стейкхолдеров, влияющих на эффективность нематериальных ресурсов организаций электронной торговли, в том числе оценку специалистов отрасли и непрофессиональных покупателей. Предложенный метод обеспечивает разделение показателей эффективности нематериальных ресурсов по группам стейкхолдеров и формирование итоговой интегральной оценки по всем оцениваемым показателям.

Ключевые слова: нематериальные активы, интеллектуальная собственность, стейкхолдеры, эффективность.

METHODS OF ASSESSING EFFICIENCY OF INTANGIBLE RESOURCES IN E-TRADE

Alexander F. Nikishin, Elena A. Mayorova, Oksana S. Karashchuk

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The article underlines a leading role of intangible resources and assets in overall reserves of e-trade organization. Due to the fact that e-trade of entities using intangible resources have certain specific features affecting reliability of efficiency assessment the authors put forward a new method of assessing intangible resources efficiency, which can ensure the most precise evaluation. To choose a method of assessing intangible resources of e-trade organizations the following characteristics were taken into account: predominating share of intangible resources in the structure of overall reserves of the organization; the availability of non-identified intangible resources (usually they play an auxiliary role during other resource functioning); a bigger share of identified section of intangible resources in comparison with traditional trade; prevailing share of technologies in the structure of overall intangible resources. The authors grounded the expediency of using expert-sociological method of estimating intangible resources of e-trade organization on the basis of their characteristics. This method provides an opportunity to include in the assessment the most important indicators of all key groups of stakeholders influencing the efficiency of intangible resources of e-trade organization, including the appraisal of industry experts and non-professional buyers. The method can provide splitting of indicators of intangible resource efficiency by groups of stakeholders and working-out the final integral assessment by all indicators being estimated.

Keywords: intangible assets, intellectual property, stakeholders, efficiency.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00356.

Определение эффективности нематериальных ресурсов организаций электронной торговли является актуальной задачей для современных торговых предпринимателей. Важность оценки их эффективности определяется тем, что данный вид ресурсов организаций не полностью отражается в имуществе хозяйствующих субъектов, и также имеется несоответствие его реальной и балансовой стоимости во всех отраслях и видах деятельности, включая торговлю. Кроме того, возникает необходимость учитывать специфику организаций, работающих в виртуальной электронной среде, где в общем составе имеющихся ресурсов и активов нематериальная часть занимает преобладающую долю в общем объеме средств, а поэтому становится определяющей.

Цель статьи – определение методов оценки эффективности нематериальных

ресурсов организаций электронной торговли, позволяющих обеспечить наиболее достоверные результаты.

Понятие нематериальных ресурсов и активов предприятий электронной торговли определяет их как неимущественные, нефинансовые объекты, применяемые в хозяйственной деятельности организаций на основе использования информационно-коммуникационной сети Интернет, электронных процедур и информационных систем [1].

В современных условиях доля официально оформленных нематериальных ресурсов, представленных нематериальными активами, занимает относительно небольшую часть в совокупных инвестициях в основной капитал организаций, однако со временем данный показатель увеличивается в динамике (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Инвестиции в основной капитал организаций России*

Инвестиции в основной капитал	2018	2019	2020
Всего, млрд руб.	17 782,0	19 329,0	20 118,4
В том числе объекты интеллектуальной собственности	558,5	632,7	831,5
Доля объектов интеллектуальной собственности, % к итогу	3,1	3,3	4,1

* Источник: Российский статистический ежегодник. 2021 : статистический сборник / Росстат. – М., 2021. – С. 292.

Как видно из табл. 1, за три года доля вложений в объекты интеллектуальной собственности в экономике Российской Федерации выросла на 1%, составив в 2020 г. около 4,1% от совокупного объема инвестиций в основной капитал. Однако объем вложений в нематериальные ресурсы и активы не отражает в полной мере способность данного вида ресурсов обеспечивать организациям доходы и прибыль, а поэтому важное значение для субъектов деятельности приобретает изучение эффективности этих ресурсов.

Эффективность нематериальных ресурсов и активов оценивается в соответствии с общим подходом, сформулированным в ГОСТ ISO 9000-2011 для всех видов ресурсов на основе соизмерения результата с использованными ресурсами.

В современных условиях существует большое количество различных методов и показателей, позволяющих определить эффективность отдельных видов нематериальных ресурсов и активов организаций торговли. Однако все имеющиеся инструменты оценки имеют недостаток, связанный с неполным учетом особенностей нематериальных ресурсов и специфики сферы электронной торговли. В связи с этим рассмотрим особенности нематериальных ресурсов торговых организаций, осуществляющих деятельность в электронной торговле, определяющие требования к методам и показателям оценки.

Во-первых, в действующих торговых организациях в сфере электронной торговли нематериальные ресурсы занимают преобладающую долю в общем объеме ресурсов

этих организаций. Такая особенность объясняется тем, что в электронной торговле технически невозможно использование определенных материальных средств традиционной торговли, что приводит к низкому проценту такого имущества и более высокому удельному весу других видов средств, в том числе нематериальных ресурсов и активов. Например, отсутствует собственное или арендованное помещение торгового зала, нет специального оборудования для выкладки товаров, отсутствует запас товаров на полках и др. Вместо указанных материальных ресурсов используются нематериальные средства, которые становятся нематериальными аналогами материального имущества торговых организаций. Например, товарные запасы в торговом зале (относящиеся к материальным ресурсам) заменяют фотографии товаров (т. е. базы данных, являющиеся нематериальными ресурсами), торговый зал (относящийся к материальным ресурсам) заменяет страница интернет-сайта (база данных в составе нематериальных ресурсов) и т. д.

Значительная доля нематериальных ресурсов в электронной торговле объясняется более низким удельным весом трудовых ресурсов, так как множество трудовых функций заменяются трудом ограниченного количества мультипрофессиональных работников либо функциями электронного устройства (компьютерной программы в виде чат-бота, автозаказа и пр.). Вместо продавцов-кассиров, консультантов, мерчандайзеров и прочих работников торгового зала используется труд ограниченного количества персонала, ответственного за техническую поддержку продаж, либо применяется автоматизированный заказ на основе использования нематериальных ресурсов в виде программных средств. Данная особенность нематериальных ресурсов требует, чтобы используемые методы и показатели оценки эффективности нематериальных ресурсов учитывали преобладающий вклад данных ре-

сурсов в конечные результаты торговой деятельности организации.

Во-вторых, в настоящее время при ведении деятельности организациями электронной торговли нематериальные ресурсы, связанные с функционированием других видов ресурсов, более сложно формализуются и часто остаются неидентифицируемыми. Такие нематериальные ресурсы являются сложными для управления и трудносоединяемыми в единую систему с другими видами ресурсов организаций. Например, если какие-то торговые операции выполняются специалистами колл-центра интернет-магазина (трудовыми ресурсами), то используемые этими специалистами технологии взаимодействия с покупателями остаются документально неоформленными в составе имущества организации. Поэтому важным требованием к методам и показателям оценки эффективности нематериальных ресурсов является полнота учета вклада в общую эффективность сложно идентифицируемых видов нематериальных ресурсов.

В-третьих, в современных условиях при осуществлении деятельности организаций электронной торговли наряду с нематериальными ресурсами, официально оформленными в активах, также широко используются неидентифицируемые ресурсы. При этом их доля является более низкой, чем в традиционной торговле. Указанная особенность объясняется тем, что нематериальные ресурсы, которые технически сложно или невыгодно оформить организациям традиционного формата торговли, в электронной торговле становятся основным средством производства, без которого невозможна торговая деятельность. Например, продажа товаров в интернет-магазине может осуществляться только в случае наличия у торговой организации интернет-сайта или мобильного приложения, поддерживающих такую реализацию. Обычно подобные ресурсы торговые организации приобретают под заказ у сторонних фирм, как правило, не имея собственных разработчиков. В результате возникает

документированный нематериальный ресурс со всеми необходимыми правами.

Наиболее значительную долю идентифицируемых нематериальных ресурсов в электронной торговле обеспечивают организационные нематериальные ресурсы. В электронной торговле организацию и осуществление продаж выполняют программные средства, которые чаще всего приобретаются у сторонних организаций под заказ и поэтому изначально являются оформленными нематериальными активами, в то время как в традиционной торговле данные операции осуществляются торговыми работниками, а сами выполняемые торгово-технологические процессы чаще всего имущественно не оформлены. Указанная особенность нематериальных ресурсов определяет необходимость применения таких методов и показателей оценки эффективности данных ресурсов, которые позволят учесть вклад от всех использованных ресурсов, включая официальные активы и неидентифицированные ресурсы.

В-четвертых, в настоящее время в организациях электронной торговли наиболее значимыми в составе нематериальных ресурсов являются технологии [3]. Технологии следует признать ключевым видом нематериальных ресурсов электронной торговли, так как именно они в данной сфере деятельности заменяют материально-вещественные средства осуществления торгово-технологического процесса, которые характерны для традиционной торговли. При этом технологии являются достаточно объемным понятием и включают в себя технологии продаж, технологии формирования ассортимента, технологии управления торговыми процессами, технологии коммуникации и др.

В табл. 2 показаны наиболее значимые направления инвестиций в нематериальные объекты основных средств в организациях Российской Федерации, откуда видно, что технологии являются ключевым направлением инвестирования.

Т а б л и ц а 2

Распределение организаций России по целям инвестирования в нематериальные активы* (в % к итогу)

Цели инвестирования	2000	2010	2017	2018	2019	2020
Автоматизация и механизация процессов	51	46	45	46	49	51
Внедрение новых технологий	41	32	34	34	35	33

* Источник: Российский статистический ежегодник. 2021 : статистический сборник / Росстат. – М., 2021. – С. 302.

Как видно из табл. 2, вложения в новые технологии в 2020 г. осуществляли 33% всех организаций Российской Федерации, проводящих инвестирование. Автоматизацию и механизацию процессов развивали еще больше организаций – 51%, при этом данный вид инвестирования, по сути, также представляет собой новые технологии в комбинации с техническими устройствами. Следует отметить, что инвестировавшие организации в качестве основных вложений в нематериальные активы выделили инвестиции только на указанные в таблице цели, вложения на другие цели были незначительны. Данная особенность

нематериальных ресурсов вызывает необходимость использования при оценке эффективности этих ресурсов таких методов и показателей, которые будут учитывать определяющий вклад технологий в общие результаты работы торговой организации.

Необходимо отметить, что знание особенностей нематериальных ресурсов организаций электронной торговли позволяет применить определенные методы и показатели оценки эффективности этих ресурсов и активов, которые будут наиболее полно отражать полученный результат от нематериальных ресурсов в расчете на каждую единицу вложенных соответству-

ющих ресурсов организации. На основе таких знаний возможно определить наиболее перспективные направления дальнейшего развития нематериальных ресурсов организаций электронной торговли в условиях все большего расширения границ цифровой среды осуществления торговой деятельности [6; 10].

В настоящее время представленные в экономической литературе показатели эффективности нематериальных ресурсов чаще всего рассчитываются на основе стоимостных величин. Поэтому выгоды, связанные с неденежной пользой, до настоящего времени остаются недостаточно изученными. При этом показатели эффективности могли бы также основываться на факторах, не измеряемых стоимостью, в том числе на величине экономии рабочего времени; широте, глубине и полноте ассортимента; престижности бренда организации и других ценностях.

В то же время нематериальные ресурсы и активы, которые не имеют стоимостных показателей измерения, требуют использования специфических методов и показателей, которые позволят включить в оценку все неденежные факторы, имеющие значимость [5].

В данном исследовании были систематизированы и приведены известные науке методы определения эффективности нематериальных ресурсов и активов в торговле, а именно:

1) *измерительный*: непосредственное измерение величины эффекта и эффективности нематериальных активов и ресурсов;

2) *расчетный*: определение эффективности на основе расчета специфических, чаще всего относительных показателей;

3) *экспертный*: оценка эффективности на основе обобщения мнений специалистов в области оценочной деятельности;

4) *социологический*: определение эффективности на основе оценки мнений представителей общества, не являющихся профессиональными участниками торговой деятельности.

Измерительный метод используется для оценки не только стоимостных, но и всех других показателей эффективности нематериальных ресурсов и активов. Однако при его использовании необходимо наличие любого материализованного результата функционирования нематериальных ресурсов, подлежащих измерению. Например, если рассматривать индивидуальные ресурсы персонала и их нестоимостные характеристики, то эффективность режима труда работников вполне возможно оценить на основе измерения показателей снижения текучести персонала, увеличения фонда рабочего времени работников и др. В то же время эффективность комфортности работы персонала в коллективе нельзя прямо определить какими-либо показателями из состава измерительных. То есть измерительный метод имеет ограничения: его невозможно использовать для всех без исключения показателей, он применим для стоимостных и ограниченного набора нестоимостных показателей.

Расчетный метод традиционно применяется при оценке эффективности нематериальных ресурсов и активов на основе стоимостных показателей. Он представлен наиболее широким и изученным составом показателей, описанных в современных научных работах [7–9; 11–13]. В первую очередь это показатели рентабельности и отдачи нематериальных активов, а также срока их окупаемости и капитализации.

Экспертный и социологический методы имеют определенное преимущество перед предыдущими, которое заключается в возможности их применения при оценке эффективности всех без исключения нематериальных ресурсов предприятия в единой совокупности. Однако этим методам присуща определенная степень субъективизма, связанная с компетенциями оценщиков, которые могут давать ошибки в своих суждениях. Для преодоления проблемы несогласованности оценок опрошенных может быть рассчитан коэффициент конкордации Кендалла, который позволит

при необходимости исключить из состава оценок крайне категоричные, что обеспечивает необходимый уровень доверия к использованным данным опроса.

По нашему мнению, наиболее подходящими для оценки нематериальных ресурсов организаций электронной торговли являются экспертный и социологический методы, основанные на оценках авторитетных стейкхолдеров. При этом стейкхолдеры должны оценивать ключевые ценностные факторы, влияющие на эффективность нематериальных ресурсов и активов с точки зрения достижения ценностей только своей группы участников, к которой они относятся. Считаем необходимым для оценки эффективности нематериальных ресурсов организаций электронной торговли использовать экспертно-социологический метод, представляющий собой комбинацию двух указанных методов, в том числе при использовании оценок стейкхолдеров – специалистов отрасли должен применяться экспертный метод, а в отношении оценок рядовых покупателей целесообразно использовать социологический метод. Соединение двух методов будет возможно на основе единой балльной шкалы оценки и выделения доли каждой группы стейкхолдеров в составе общей оценки эффективности нематериальных ресурсов. Учет мнений покупателей при оценке эффективности нематериальных ресурсов организаций электронной торговли должен иметь ключевую роль, так как именно покупатели формируют основные ценности торговой организации [2; 4].

Для применения экспертно-социологического метода оценки эффективности нематериальных ресурсов и активов необходимо определить последовательность этапов, обеспечивающих реализацию данного метода. В конечном итоге будет получен интегральный показатель, который отражает эффективность нематериальных ресурсов с учетом влияния всех ключевых ценностных факторов, значимых для раз-

личных групп стейкхолдеров в сфере электронной торговли.

В общем виде последовательность этапов, составляющих содержание оценки эффективности нематериальных ресурсов и активов предприятий электронной торговли на основе экспертно-социологического метода, представляет собой следующий алгоритм:

1. Определение совокупности ключевых ценностных консигнаторов (факторов), влияющих на эффективность нематериальных ресурсов и активов предприятий электронной торговли, сгруппированных по однородным видам согласно принятой авторами классификации.

2. Установление шкалы балльной оценки возможных значений каждого ценностного консигнатора, пронумерованных порядковыми числами (например, от 1 до 5 в порядке увеличения силы влияния). При этом каждое числовое значение ценностного фактора должно иметь словесную оценку качественного уровня такого значения, например, в порядке возрастания значимости: от 1 (самая низкая эффективность) до 5 (наиболее высокая эффективность). Внутри каждого вида ценностных консигнаторов могут быть введены весовые коэффициенты для каждого фактора, при этом сумма всех весовых коэффициентов должна составлять 1 в каждой группе факторов (внутри однородной группы факторов). Также весовые коэффициенты могут применяться для группы ценностных консигнаторов с их суммой, равной 1.

3. Проведение балльной оценки факторов на основе опроса стейкхолдеров и формирование базы опросных данных. Далее целесообразен расчет коэффициента конкордации Кендалла для ограничения состава используемых для оценки ответов опрошенных, чтобы обеспечить приемлемый уровень согласованности оценок.

4. Расчет среднего балла по каждому ценностному консигнатору на основе простой средней арифметической.

5. Определение среднего балла по каждой группе ценностных факторов. В дан-

ном расчете средние величины по каждой группе ценностных факторов рассчитываются по среднеарифметической взвешенной при условии применения весовых коэффициентов.

6. Расчет интегрального показателя эффективности нематериальных ресурсов предприятий электронной торговли по

среднеарифметической взвешенной как суммы произведений средних баллов каждой группы ценностных факторов на весовой коэффициент данной группы.

Форма таблицы с результатами балльной оценки эффективности нематериальных ресурсов организаций электронной торговли представлена в табл. 3.

Таблица 3

Оценка эффективности нематериальных ресурсов организаций электронной торговли на основе экспертно-социологического метода

Ключевые ценности-факторы, влияющие на эффективность нематериальных ресурсов организаций электронной торговли (по группам стейкхолдеров)	Средняя балльная оценка факторов	Средняя балльная оценка группы факторов
<i>Группа 1. Ценности торговой организации (по мнению руководителей текущей деятельности)</i>	–	**
1.1. Внутренние ассортиментные: полнота ассортимента с наличием собственной торговой марки	*	–
1.2. Внутренние технологические: автоматизация бизнес-процессов	*	–
1.3. Внутренние информационные: ценная информация (данные о клиентах и рынке)	*	–
1.4. Внешние марочные: известность и привлекательность бренда организации	*	–
<i>Группа 2. Ценности персонала</i>	–	**
2.1. Индивидуальные личностные: выгодные системы оплаты труда	*	–
2.2. Индивидуальные личностные: хорошие условия труда	*	–
2.3. Индивидуальные интеллектуальные: программы получения компетенций и роста квалификации	*	–
2.4. Индивидуальные интеллектуальные: формализованные стандарты торговли	*	–
<i>Группа 3. Ценности покупателей</i>	–	**
3.1. Внутренние ассортиментные: высокое качество и соответствие товара	*	–
3.2. Внутренние ассортиментные: привлекательная цена, наличие промокодов и скидок	*	–
3.3. Внутренние процессные: удобство поиска товаров в электронном магазине	*	–
3.4. Внутренние процессные: наличие и выбор доставки	*	–
<i>Группа 4. Ценности поставщиков</i>	–	**
4.1. Внешние партнерские: долгосрочные отношения с торговлей	*	–
4.2. Внешние партнерские: программы интеграции с торговлей	*	–
<i>Группа 5. Ценности собственников</i>	–	**
5.1. Внешние марочные: известный привлекательный бренд организации	*	–
5.2. Внутренние информационные: ценная информация (данные о клиентах и рынке)	*	–
<i>Группа 6. Ценности государства (по мнению должностных лиц в составе органов государственного регулирования торговли)</i>	–	**
6.1. Внешние рыночные: развитость рынка электронной торговли	*	–
6.2. Внутренние процессные: полнота уплаты налогов торговой организацией	*	–
Интегральная оценка всех факторов	–	***

* Сумма всех оценок определенного фактора, деленная на количество оценщиков (средняя балльная оценка фактора внутри группы).

** Сумма произведений средних балльных оценок факторов внутри группы на соответствующие весовые коэффициенты факторов внутри группы (средняя балльная оценка группы факторов).

*** Интегральный показатель оценки всех групп факторов: сумма произведений средних балльных оценок групп факторов на их весовые коэффициенты.

Как видим, экспертно-социологический метод оценки позволяет получить единый обобщенный интегральный показатель эффективности нематериальных ресурсов организаций электронной торговли на основе объединения оценок всех заинтересованных групп стейкхолдеров. При этом оцениваемые исходные показатели могут быть выражены в любых единицах измерения, а не только в стоимостных.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для практической оценки эффективности нематериальных ресурсов различных организаций электронной торговли. Кроме того, предложенный метод исследования расширяет состав известных методов, комбинируя другие известные методы оценки.

Список литературы

1. Карацук О. С., Майорова Е. А., Никишин А. Ф. Сущность нематериальных ресурсов в электронной торговле // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9. – № 4 (33). – С. 221–223.
2. Кравченко Е. С. Стратегические альтернативы цифровой трансформации бизнес-моделей предприятий сферы услуг // Обеспечение экономической безопасности и эффективности деятельности субъектов хозяйствования : монография / под общ. ред. В. В. Красновой. – Донецк, 2021. – С. 254–273.
3. Панасенко С. В., Красильникова Е. А., Маслова А. Е. Направления развития нематериальных активов в электронной торговле // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 12-2. – С. 368–373.
4. Панкина Т. В., Никишин А. Ф., Бойкова А. В. Привлечение и удержание покупателей в электронной торговле // Российское предпринимательство. – 2020. – № 3. – С. 683.
5. Сталь Т. В., Алматов А. П. Методика оценки потенциала интеллектуальных ресурсов инновационного объекта // Молодой ученый. – 2015. – № 8-2 (23). – С. 23–26.
6. Чеглов В. П., Столярова А. Н. Трансформация внутренней торговли в России в условиях цифровизации экономики // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2020. – № 2. – С. 27–38.
7. Chen M., Cheng S., Hwang Y. An Empirical Investigation of the Relationship between Intellectual Capital and Firms' Market Value and Financial Performance // Journal of Intellectual Capital. – 2005. – N 6 (2). – P. 159–176.
8. Huang C., Wang M. C. The Effects of Economic Value Added and Intellectual Capital on the Market Value of Firms: an Empirical Study // International Journal of Management. – 2008. – N 25 (4). – P. 722–731.
9. Meek G. K., Sidney J. G. The Value Added Statement: an Innovation for the U. S. Companies // Accounting Horizons. – 1998. – N 12. – P. 73–81.
10. Popenkova D. K., Nikishin A. F. Prospective Directions of E-Commerce Development // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2020. – Vol. 11. – N 4 (50). – С. 1337–1344.
11. Scuotto V., Del Giudice M., Della Peruta M. R., Tarba S. The Performance Implications of Leveraging Internal Innovation through Social Media Networks: an Empirical Verification of the Smart Fashion Industry // Technological Forecasting and Social Change. – 2017. – N 120. – P. 184–194.
12. Shakina E., Molodchik M. Intangible-Driven Value Creation: Supporting and Obstructing Factors // Measuring Business Excellence. – 2014. – N 18 (3). – P. 87–100.

13. Tseng C.-Y., James Goo Y.-J. Intellectual Capital and Corporate Value in an Emerging Economy: Empirical Study of Taiwanese Manufacturers // *R&D Management*. – 2005. – N 35 (2). – P. 187–201.

References

1. Karashchuk O. S., Mayorova E. A., Nikishin A. F. Sushchnost nematerialnykh resursov v elektronnoy torgovle [The Essence of Intangible Resources in Electronic Commerce]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration], 2020, Vol. 9, No. 4 (33), pp. 221–223. (In Russ.).

2. Kravchenko E. S. Strategicheskie alternativy tsifrovoy transformatsii biznes-modeley predpriyatiy sfery uslug [Strategic Alternatives to Digital Transformation of Business Models of Service Enterprises]. *Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti i effektivnosti deyatel'nosti subektov khozyaystvovaniya, monografiya* [Ensuring Economic Security and Efficiency of Business Entities, monograph], edited by V. V. Krasnova. Donetsk, 2021, pp. 254–273. (In Russ.).

3. Panasenko S. V., Krasilnikova E. A., Maslova A. E. Napravleniya razvitiya nematerialnykh aktivov v elektronnoy torgovle [Directions of Development of Intangible Assets in Electronic Commerce]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2020, No. 12-2, pp. 368–373. (In Russ.).

4. Pankina T. V., Nikishin A. F., Boykova A. V. Privlechenie i uderzhanie pokupateley v elektronnoy torgovle [Attracting and Retaining Buyers in e-Commerce]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2020, No. 3, p. 683. (In Russ.).

5. Stal T. V., Alpatov A. P. Metodika otsenki potentsiala intellektualnykh resursov innovatsionnogo obekta [Methodology for Assessing the Potential of Intellectual Resources of an Innovative Object]. *Molodiy vcheniy* [Young Scientist], 2015, No. 8-2 (23), pp. 23–26. (In Russ.).

6. Cheglov V. P., Stolyarova A. N. Transformatsiya vnutrenney torgovli v Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Transformation of Domestic Trade in Russia in the Context of Digitalization of the Economy]. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye* [Management and Business Administration], 2020, No. 2, pp. 27–38. (In Russ.).

7. Chen M., Cheng S., Hwang Y. An Empirical Investigation of the Relationship between Intellectual Capital and Firms' Market Value and Financial Performance. *Journal of Intellectual Capital*, 2005, No. 6 (2), pp. 159–176.

8. Huang C., Wang M. C. The Effects of Economic Value Added and Intellectual Capital on the Market Value of Firms: an Empirical Study. *International Journal of Management*, 2008, No. 25 (4), pp. 722–731.

9. Meek G. K., Sidney J. G. The Value Added Statement: an Innovation for the U. S. Companies. *Accounting Horizons*, 1998, No. 12, pp. 73–81.

10. Popenkova D. K., Nikishin A. F. Prospective Directions of E-Commerce Development. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2020, Vol. 11, No. 4 (50), pp. 1337–1344.

11. Scuotto V., Del Giudice M., Della Peruta M. R., Tarba S. The Performance Implications of Leveraging Internal Innovation through Social Media Networks: an Empirical Verification of the Smart Fashion Industry. *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, No. 120, pp. 184–194.

12. Shakina E., Molodchik M. Intangible-Driven Value Creation: Supporting and Obstructing Factors. *Measuring Business Excellence*, 2014, No. 18 (3), pp. 87-100.

13. Tseng C.-Y., James Goo Y.-J. Intellectual Capital and Corporate Value in an Emerging Economy: Empirical Study of Taiwanese Manufacturers. *R&D Management*, 2005, No. 35 (2), pp. 187-201.

Сведения об авторах

Александр Федорович Никишин

кандидат технических наук,
доцент базовой кафедры торговой политики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ktdn@yandex.ru

Елена Александровна Майорова

кандидат экономических наук,
доцент базовой кафедры торговой политики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: e_mayorova@mail.ru

Оксана Сергеевна Карашчук

кандидат экономических наук,
доцент базовой кафедры торговой политики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: kseniak72@mail.ru

Information about the authors

Alexander F. Nikishin

PhD, Assistant Professor
of the Basic Department
of Trade Policy of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: ktdn@yandex.ru

Elena A. Mayorova

PhD, Assistant Professor
of the Basic Department of Trade Policy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: e_mayorova@mail.ru

Oksana S. Karashchuk

PhD, Assistant Professor
of the Basic Department of Trade Policy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: kseniak72@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ БАЛАНС КАК КЛЮЧ К РЕОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ

А. С. Алёхин, О. Б. Алексеев

Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад»,
Санкт-Петербург, Россия

В статье изложены авторские представления об организации, основанные на идее организационного баланса, который обеспечивается циклическим взаимодействием порядка и беспорядка, реорганизации и дезорганизации. Стремление к балансу обеспечивает постоянную динамику становления организации (онтогенез). Опираясь на представление об организационном балансе, авторы выдвигают и обосновывают тезис о том, что организация устроена принципиально иначе, чем деятельность, которую эта организация осуществляет. Поэтому для проведения эффективных трансформаций организация должна рассматриваться и анализироваться принципиально в другой логике, а принятый в управленческой среде известный параллелизм между деятельностью и организацией является зачастую мешающим упрощением. Именно через призму представлений об организационном балансе управленец получает, по мнению авторов, способность увидеть свою организацию и осуществить необходимые изменения, не входящие в противоречие с ее «природой». Предлагаемый для осуществления трансформаций метод восстановления организационного баланса построен на искусственном мыслительном разведении деятельности (бизнеса) и организации, их отдельном обследовании и диагностике с последующим анализом и сборкой действий по балансировке с предложениями по совершенствованию бизнес-процессов в рамках сложностного организационного концепта.

Ключевые слова: организация, трансформация, баланс, метод, комплементарность, эмерджентность, сложность, паттерн, концепт, диагностика, дискурс.

ORGANIZATIONAL BALANCE AS A KEY TO ENTERPRISE REORGANIZATION

Alexey S. Alekhin, Oleg B. Alekseev

Foundation "Center for Strategic Research "North-West",
Saint Petersburg, Russia

The article provides authors' ideas about organization, based on the notion of organizational balance that is secured by cyclic interaction of order and disorder, reorganization and disorganization. Striving for balance ensures continuous dynamics of organization development (ontogenesis). Guided by the ideas of organizational balance the authors put forward and substantiate the thesis that organization is built in a different way compared with activity that is done by it. That is why to conduct effective transformations the organization should be studied and analyzed in another logic and parallelism between activity and organization accepted in managerial community acts as a hindering simplification. According to the authors, the manager gets a chance to see their organization and conduct needed changes that do not contradict its 'nature' only with the help of the organizational balance notion. The method of restoring organizational balance proposed for carrying out transformations is built on the artificial abstract separation of activity (business) and organization, their separate examination and diagnostic with further analysis and assembling steps on balancing with proposals aimed at upgrading business-processes within the frames of complicated organizational concept.

Keywords: organization, transformation, balance, method, complimentary nature, emergency, complicatedness, pattern, concept, diagnostic, discourse.

Введение

В числе наиболее актуальных проблем, которые волнуют сегодня руководителей предприятий, собственников бизнеса, управленческих аналитиков, являются вопросы о причинах неудачных реорганизаций или нововведений. Действительно, почему падает средняя продолжительность жизни компаний; внешне благополучные компании начинают в какой-то момент организационно «трещать по швам»; исчезает между ними диалог и эффективное взаимодействие; усиливаются конфликтность и взаимное недоверие между сотрудниками; столь значителен процент неудач при реализации стратегий.

Список подобных вопросов может быть продолжен, как, собственно, и перечень наиболее часто встречающихся в бизнес-литературе причин происходящего.

Одни исследователи ищут объяснение в резко возросшей турбулентности бизнес-среды, другие считают, что причины кроются в недостаточной инновативности компаний, неспособности вовремя перейти на новую бизнес-модель. Третьи, как Ари де Гиус, бывший топ-менеджер компании «Шелл», автор книги «Живая компания. Рост, научение и долгожительство в деловой среде» [4], находят объяснение в сосредоточенности предпринимателей и менеджеров на экономических показателях, процессах производства товаров и услуг, забывая при этом, что главной ценностью любой компании являются люди и их организация.

Каждая из приведенных точек зрения имеет серьезные обоснования, подкрепляемые практическими кейсами из жизни конкретных компаний. И все это действительно очень важно учитывать. Но, с другой стороны, смена (корректировка) бизнес-модели или переход к новой стратегии развития даже при значительном внимании к корпоративной культуре и интересам сотрудников идут на пользу далеко не всегда и далеко не всем компаниям. Многие серьезные игроки все равно со време-

нем либо уходят с рынка, либо постепенно переходят в разряд аутсайдеров.

Как утверждают лауреат Нобелевской премии по физике И. Пригожин и И. Стенгерс, самопроизвольная эволюция любой как биологической, так и социальной системы приводит к возрастанию энтропии (хаоса), но при этом, в отличие от физических объектов, ей присуще отрицательное свойство – диссипация, показывающая, что эти объекты управляемы не до конца [11. – С. 115].

По нашему мнению, именно диссипация на переходе общества к постиндустриальной, социально ориентированной фазе развития приводит к разрушению старых и привычных организационных форм. Это понятие требует отдельного внимания и проработки при переносе из физической реальности в антропосоциальную. Поэтому идея организации представляется нам наиболее адекватной изменяющемуся миру, а проблема большинства компаний в современном мире состоит не в производстве, не в торговле, не в финансах, а в создании новых, более сложных схем организации и взаимодействия.

Мы считаем, что ключ к разгадке большинства организационных неудач может быть найден за счет пристального внимания к организации как таковой за счет отделения управленческого мышления от ее деятельности и рассмотрения специфики их взаимодействия и взаимовлияния. Ведь в силу эквивалентности между информацией и отрицательной энтропией (или негэнтропией [7]) интересующий всех концепт может быть найден именно за счет усложнения наших организационных представлений, обращения к теории и философии организации. «Информация неотделима от биологической организации и сложности. Она привносит в науку возвышенный объект, имевший место только в метафизике» [8. – С. 100–101].

Грегори Бейтсон в самом начале своей книги «Разум и природа: неизбежное единство» пишет об *организационной теории* как о теории жизни [3], а Эдгар Морен

считает *организацию* идеей, которая была «до настоящего времени практически подавлена и зажата между идеей целостности и идеей взаимоотношений, в то время как она, напротив, соединяет идею целостности с идеей взаимоотношений так, что эти три понятия становятся неотделимыми друг от друга» [7. – С. 138].

Поиск искомого концепта мы видим на пути сближения философии, методологии, психоанализа и управления с представлениями об организации. Мы разделяем точку зрения, что анализировать и изменять можно только то, что так или иначе уже организовано.

Формирование организации

Чтобы избежать смысловой путаницы в дальнейшем изложении, необходимо указать на различные способы употребления термина «организация»:

1. *Организация* как учреждение или группа людей, оперирующая своими материальными и нематериальными активами, деятельность которых скоординирована для достижения общих целей (далее – предприятие, компания, Enterprise).

2. *Организация* как процесс организовывания чего-либо (далее – процесс организации, организовывание).

3. *Организация* как складывающиеся взаимоотношения и взаимосвязи между элементами предприятия: людьми с их мыслями и сознанием, информацией, знаниями, техническими объектами и т. д. (далее – *организация*). Именно в этом смысле часто употребляются выражения «сложная организация», «простая организация», «соответствующая организация».

Организация как устойчивое образование возникает не сразу, не одномоментно с наполнением людьми формальной функциональной структуры. Это растянутый во времени процесс. На начальном этапе формирования *организация* во многом является следствием осознаваемых и бессознательных установок ее основателя, учредителя. Организация возникает как продолжение его ценностных ориентиров, до-

стоинств, изъянов, ожиданий. Это проявляется как в психологических предпочтениях при выборе партнеров, сотрудников, так и в установлении правил внутреннего распорядка, в манере общения сотрудников между собой и с клиентами и т. д. С ростом численности в компании усиливается роль как формальной структурно-функциональной схемы, под которую идет сборка, так и целевых установок, интересов других активных сотрудников.

Анализ британского социолога Джоан Вудворт, приведенный М. Д. Хэтч в книге «Теория организации. Модернистская, символическая и постмодернистская перспективы», показал, что «технология определяет социальную структуру, которую затем принимает организация» [14. – С. 222], а «лучшая структура для организации (то есть связанная с ее высокой эффективностью) была контингентно обусловлена используемой ключевой технологией» [14. – С. 211]. Это положение, ставшее известным как технологический императив.

По мере «взросления», проживания различных кризисов и складывания устойчивых межличностных связей и отношений между этими факторами (силами) устанавливается определенный баланс, динамическое равновесие. Организация приобретает свою историю, форму и способ существования, которые имеют способность воспроизводиться, несмотря на естественную ротацию и сменяемость персонала. С этого момента можно говорить о том, что предприятие (Enterprise) приобрело свою организацию, что становится заметно даже внешнему наблюдателю по узнаваемому поведению компании на рынке.

В силу факторов случайности, многообразия и неопределенности *организация* не может быть полностью охвачена и контролируется системой управления. Более того, *организация* как результат непрерывного процесса организовывания в большинстве случаев ускользает от рефлексии, остается невидимой, не объективируется и не анализируется.

Собственники и топ-менеджеры управляют бизнесом, и любые, в том числе организационные, решения (о создании, ликвидации, переподчинении подразделений) принимаются в бизнес-логике, а не в логике организации предприятия.

Для большинства обычных сотрудников организационные проблемы компании если и появляются, то только в ситуациях административного давления при смене типа кланового контроля и приходе новых лидеров.

Влияние организации на бизнес

Учитывая, что многие связи и отношения в *организации* не видны системе управления, а процесс организмовывания не поддается регистрации, осязаемое влияние организации на компанию и ее деятельность значительно и только усиливается с ее «возрастом». (А если они частично увидены, то обычно включаются в объект управления как подлежащие урегулированию, т. е. приведению к формальной схеме, к порядку.)

По мере прохождения различных кризисов и складывания устойчивого каркаса связей и отношений организация постепенно приобретает свою, отличную от бизнесовой историю, форму и способы существования. А под влиянием различных дезорганизующих внешних и внутренних факторов (например, семейственных отношений) она может трансформироваться и переориентироваться с интересов бизнеса на внутренние клановые интересы или на организмовывание жизни/жизнедеятельности сотрудников (а не бизнеса) внутри предприятия, когда бонусы, льготы и преференции становятся главной целью топ-менеджмента.

Это совсем не означает, что с «возрастом» *организация* обязательно превращается в «оковы» или неустраняемые издержки бизнеса, но их конфликтные отношения гарантированы организационной динамикой.

Во многом именно степень сопряженности с *организацией* (или своеобразным

«организационным генофондом» компании) определяется, будет ли воспринята та или иная новая бизнес-модель. Не в каждой компании приживаются новомодные и доказавшие эффективность управленческие методики: попытки перестроить или оптимизировать бизнес могут привести к запуску защитных, а иногда и вредоносных (разрушительных) программ.

Организации в силу своего внутреннего устройства избирательны по отношению к моделям бизнеса. Так что со временем они начинают производить не то, что нужно, а то, что они могут. Если их владельцы осознают, что производят не то, что нужно, они сталкиваются с дилеммой ликвидации организации, создания новой или сохранения существующей. На основании таких наблюдений можно утверждать, что предприятия имеют серьезные ограничения на изменение своей организации. Поскольку это делается относительно редко, можно предположить, что издержки по созданию организаций оцениваются как экстраординарно высокие.

Отчетливо эта коллизия бизнеса и организации проявляется при слияниях и поглощениях или при наследовании: наследуется бизнес, но сталкивается наследник прежде всего с организацией и ее организационной историей. И не факт, что наследник и его отличные от предыдущего владельца подходы будут восприняты. Для этого нужно сменить тип кланового контроля. Если это не удастся, то за неудачами следует перепродажа наследуемого бизнеса или же его банкротство.

Что касается нереализованных стратегий, то проблему ищут либо в недоучете бизнесовых характеристик – сильных и слабых сторон компании (преимуществ перед конкурентами, доступа к ресурсам, качества торгового предложения и т. д.), либо в несоответствиях и несогласованиях стратегии с внутренним контекстом (средой). Под внутренним контекстом прежде всего понимается структура организации, ее организационная (корпоративная) культура, сложившаяся практика коорди-

нации и принятия решений и лидерство (структура власти).

В управленческой теории (например, в широко используемой модели Окумуса – Апшельбаума) указывается, что эти факторы не являются независимыми, что они в явном виде связаны друг с другом и влияют друг на друга. Тем не менее на практике каждый фактор рассматривается и анализируется по отдельности.

Реализация новой стратегии (или бизнес-модели) требует изменения организационной структуры. Что обычно предлагается управленцу делать с организационной структурой для достижения результатов? Конечно, адаптировать. Живущую наиболее отдаленной от бизнеса жизнью корпоративную культуру также требуется понять и согласовать, привести в соответствие со стратегией.

Другими словами, предлагаемые управленческой теорией варианты решения базируются на принципе логического соответствия стратегии и организационных характеристик (структуры, культуры и пр.). Причем первое (бизнес) всегда определяет требования ко второму (организации). А все, что мешает, объявляется барьерами, которые менеджеру надо преодолеть.

Наш подход состоит в обратном, в том, что подобный параллелизм между деятельностью и организацией является серьезным и зачастую вредным упрощением, что организация не имеет структуры деятельности, что она устроена принципиально иначе и для осуществления эффективных трансформаций должна рассматриваться и анализироваться принципиально в другой логике, нежели деятельность (бизнес). И вся система рассмотрения и анализа должна быть построена на их разведении – бизнеса и организации, деятельности и организации.

Конкретные управленческие решения будут варьироваться от компании к компании не только в силу уникальности каждой стратегии, но и в силу уникальности *организации* каждой компании. Проблема

состоит в приобретении целостного взгляда на организацию, в ее визуализации.

Каким же образом, прежде чем заняться изменениями в бизнесе (деятельности), изменениями в функциональной структуре и бизнес-процессах (целевых процессах деятельности), можно увидеть за бизнесом *организацию* и оценить ее *готовность* к изменениям и разгадать организационные предпочтения?

Профиль организационного баланса

Мы не можем произвести «вскрытие» конкретной *организации* и детально описать взаимосвязи и взаимодействия между всеми ее элементами (это нереалистично), но хотим попытаться представить в виде идеальной модели и описать принципиальные закономерности этих взаимодействий.

Именно взаимодействие, по Э. Морену, великому современному мыслителю, автору парадигмы сложности, является «необходимым, решающим понятием, контрольным пунктом, где встречаются идея беспорядка, идея порядка... и, наконец, идея организации...» [7. – С. 129]. Он считает, что в основании любой *организации* лежит взаимодействие элементов порядка и беспорядка [7. – С. 129], а также понятие энтропии, которое обозначает необратимую тенденцию к дезорганизации, свойственную всем системам и организационным образованиям.

С похожих позиций рассматривает сущность организации и ведущий российский специалист в области управления А. Пригожин. Он указывает на присущее любой организации взаимодействие противоречивых свойств: «Организация есть объединение противоречий между целями, интересами, действиями ее участников» [9. – С. 80].

Именно объединение, соотношение и взаимодействие противоречивых свойств является основой функционирования организации и ее динамической устойчивости, составляя суть и основу всех организационных проблем предприятия.

Дополняя предложенный А. Пригожиным перечень базовых противоречий предприятия [9], которые требуют новых организационных форм и организационного регулирования, мы считаем особенно важным указать на следующие:

- между личным и безличным (формализованным);
- между иерархией и гетерархией;
- между статичным (стабильным) и динамичным;
- между индивидуальным и общим (коллективным);
- между планомерным (закономерным) и спонтанным (случайным);
- между частью и целым;
- между уникальным и нормативным;
- между краткосрочным и долгосрочным.

Выделенные оппозиции/противоречия создают в организации постоянные линии напряжений и разнообразные точки инте-

грации (например, интересов индивидов с задачами организации), составляющие сущность устройства и динамики организаций, сущность организации этих организаций. Или, как утверждают И. Пригожин и И. Стенгерс, «на всех уровнях... источником порядка является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает «порядок из хаоса». Но, как мы уже упоминали, понятие порядка (или беспорядка) сложнее, чем можно было бы думать» [11. - С. 251].

По мере становления организация достигает динамического неравновесия, как его достигает канатоходец, по каждой из шкал указанных противоречий. Между противоречивыми свойствами устанавливается определенное соотношение, в совокупности образующее некий *организационный баланс*, обеспечивающий динамическую устойчивость организации (рис. 1).

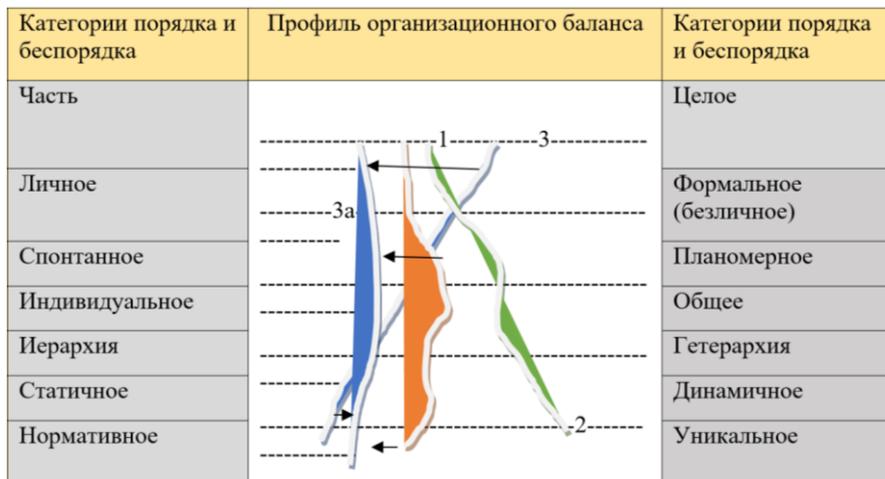

Рис. 1. Профили организационного баланса:

1, 2, 3 - профили организационного баланса для разных компаний в состоянии динамического (с разбросом) равновесия; 3а - профиль компании 3 вследствие организационной разбалансировки

Устойчивость, по А. Пригожину [9], или сбалансированность, представляет собой встроенную цель организации, а ее достижение равнозначно приобретению новых ресурсов, преодолению избыточной текучести кадров, уменьшению числа реорганизаций, снижению конфликтности. Все эти усилия приводят к продолжению жизни предприятия, но она все равно конечна.

Необходимо отметить особую важность позиции *наблюдателя*, который способен почувствовать организацию и переживать вместе с ней, «измеряющего координаты и импульсы и исследующего, как они изменяются во времени. В ходе своих измерений он совершает открытие: узнает о существовании неустойчивых систем и других явлений, связанных с внутренней слу-

чайностью и внутренней необратимостью» [11. – С. 264].

Воспроизводство организации

Организация как предприятие (Enterprise), помимо продуктов и услуг для внешнего потребления, производит сама себя – собственную организацию, коммуникацию и смыслы. «Такая организация как предприятие находится в рынке. Она производит объекты или услуги, вещи, которые становятся внешними по отношению к ней и входят в мир потребления. Ограничить себя гетеропродуктивным видением предприятия было бы недостаточно, потому что, производя вещи и услуги, предприятие также производит себя. Это означает, что оно производит все элементы, необходимые для его собственного выживания и его собственной организации. Организуя производство объектов и услуг, оно организует себя, поддерживает себя и при необходимости ремонтирует себя, и если дела идут хорошо, то оно развивается по мере развития своего производства. Таким образом, при производстве продуктов, не зависящих от производителя, развивается процесс, благодаря которому производитель производит себя сам. С одной стороны, его самопроизводство необходимо для производства объектов, а с другой стороны, производство объектов необходимо для его самопроизводства. Сложность проявляется в следующем утверждении: вещи производятся в то самое время, когда мы самопроизводимся; производитель сам является своим собственным продуктом. Такое утверждение создает несколько проблем, касающихся причинности» [8. – С. 176]. Бизнес (можно понимать бизнес расширенно как ведение хозяйства, хозяйственную деятельность) производит организацию как один из своих продуктов, а организация обеспечивает возможность осуществления деятельности, принятия и реализации решений для производства продуктов бизнеса.

Нам важно подчеркнуть, что любая организация имеет кроме видимой части,

т. е. наполненной живыми людьми организационно-функциональной структуры, еще и невидимую, не поддающуюся физической регистрации, которая формируется движением и содержанием мыслей и сознания ее участников [2].

Понять устройство этой невидимой организации нам позволяет идея, почерпнутая у Э. Морена, которая заключается в том, что важнейшим условием регулярного производства организации является восстановление ее причинности, регулярная актуализация и подстройка источников ее возникновения.

«Во-первых, линейная причинность: если с помощью какого-то сырья, применяя некий процесс трансформации, мы производим некий объект потребления, то мы находимся в рамках линейной причинности: *x*-причина производит *y*-эффекты. Во-вторых, каузальная обратная связь: предприятие нуждается в регулировании. Оно должно осуществлять свое производство на основе внешних потребностей, исходя из мощности своей работы и внутренних энергетических возможностей. Но мы знаем – уже около 40 лет знаем благодаря кибернетике, – что эффект (подъем и спад продаж) может дать обратную связь, чтобы стимулировать или замедлить производство объектов и услуг на предприятии. В-третьих, рекурсивная причинность: в рекурсивном процессе эффекты и продукты необходимы для того процесса, который их создает. Продукт является производителем того, что его производит. Эти три причины обнаруживаются на всех уровнях сложных организаций» [8. – С. 176–177].

Развивая идеи Э. Морена [7], можно выделить три основных источника или фокуса причинности, незримо присущих любой организации и формирующих невидимые части *организации*: инфра-, ультра- и метаструктуры (рис. 2).

Под *инфраструктурой* (причинностью) понимаются прежде всего те генетические процессы, которые породили организацию, передали ей генетический/культур-

ный код *организовывания* себя, глубинные ментальные модели поведения и саморегулирования. Так, любая организация создается как инструмент решения задач предпринимателя (учредителя предприятия), средство достижения его целей, а поэтому во многом отражает его ментальные и поведенческие конструкции. Инфрапричинность несет связь и с историческим, и с социальным контекстом, поэтому играет значительную роль для понимания контингентных (возможных, вероятностных, но не случайных) будущих состояний организации.

Рис. 2. Порождающая рекурсивная петля организационной причинности

Инфрапричинность как источник организации включает в себя все варианты поведения (это не только способ видеть и действовать, но и способ скрывать или утаивать), которые в истории данной организации стали очевидными, регулярными и приемлемыми, порождают и поддерживают у сотрудников чувство общей истории и культуры.

Ультраструктура (причинность) указывает на новый возможный, но еще не рационализированный способ существования организации. Ультраструктура состоит из знаков и знаковых конструкций и включает в себя новые смыслы, идеи, интуиции, инсайты, озарения сотрудников организации.

Метаструктура (причинность) – это поле комплементарных, конкурирующих и даже антогонистических, обычно недоопределенных целей включенных в организацию индивидов.

Когда расхождения между ультра- и инфраструктурами приобретают характер *несовместимости*, они инициируют в организации поиск новой метастабильности. Переход к новому метастабильному состоянию осуществляется в поле постановки целей за счет поиска дополнительной комплементарности и эмерджентности.

В каждом цикле воспроизводства происходит несколько итераций обращения к причинностям или источникам организовывания: сначала обращение к инфрапричинности организации, которая отсылает нас к ультрапричинности, которая отсылает нас к метапричинности в поиске новой метастабильности. В результате такой корректирующей рекурсии *организация* восстанавливается или воспроизводится.

Организация в оптике психоанализа

Предприятие, как и любой социальный организм, может рассматриваться через призму представлений и логику психоанализа, описывающего социальные связи как дискурсы (дискурс у Ж. Лакана [5] соответствует социальной связи Фердинанда де Соссюра).

Метафорически выделяемая нами ранее «темная», невидимая сторона организации легко интерпретируется как организационное бессознательное, как психика, «душа» организации. Дискурс понимается при этом как вербальная форма объективации сознания или «души» организации.

Выделяемые нами в балансовой модели организации инфра-, мета- и ультрапричинности коррелируют с тремя регистрами психики у Ж. Лакана [5]: воображаемым, реальным и символическим. Их можно рассматривать в качестве трех измерений не только человеческой жизни, но и жизни организации, ее сознательного и бессознательного.

Еще раз оговоримся, что соответствие здесь не прямое, а на уровне смысловых интерпретаций. Но это соответствие позволяет использовать элементы психоанализа организации в нашем *методе регулирования организационного баланса*.

Таким образом, в контексте нашего представления об организации первоначальная психика организации (*реальное*) – это некий организационный фон, недоступный именованию «организационный хаос», включающий в себя все возможные организационные порядки. Реальное является источником внутренней энергии организации. Реальность организации не может быть установлена и не будет известна окончательно.

Реальное в нашей модели неявно проявляется через фокус метапричинности как поле конкурирующих, меняющихся целей, интересов и устремлений участников организации.

Анализ деятельности серийных предпринимателей показывает, что объектом и продуктом их деятельности является предприятие, оно держит на себе бизнес. Именно предприятие предприниматель капитализирует, развивает и продает в процессе своей деятельности. Предприниматель создает предприятие по шаблонам, заимствованным из своего жизненного опыта, а также под воздействием культуры, теорий и практики, предлагающих ему те или иные семиотические (знаковые) средства, язык, концепты. Все это – материал для формирования регистра *воображаемого* (ультрапричинности). В начале пути создания и в ядре жизни организации стоит воображаемое – интуиции, сны, инсайты – призрак реального, и эта фаза неизбежна, по Ж. Лакану.

Символическое (фокус инфрапричинности) возникает и закладывается на начальной (эдиповой) стадии существования организации. Это фактически семейная фаза жизни организации, структурирующая первые формы и архетипы социальных взаимодействий. Они постепенно превращаются в легенды, традиции, пра-

вила и паттерны поведения и символы организации. Символический регистр организации возникает в поле речи и языка за счет объединения плоскостей мышления и сознания. Символическое определяет границы возможного.

Конечно, бессознательное никуда не может исчезнуть, но плотность взаимодействия сознательного и бессознательного может быть в каждой отдельной организации слабой или сильной. Структурированное, упорядоченное бессознательное (желания реального) обретает символические формы своего выражения, или, в терминологии Ж. Лакана, невыразимая реальность бессознательного (означаемое) находит для себя означающее. Символический порядок, по Ж. Лакану, есть условие существования субъекта, которое указывает на то, что должно быть сохранено в организации во время реорганизаций [5].

Ж. Лакан рассматривает бессознательное как *другое* и показывает, что наряду с сознательным действием акторов организационного баланса действуют и *другие* от имени личного бессознательного и коллективного бессознательного. Их взаимодействие происходит в языке, который рассматривается нами как неотъемлемая часть информации.

На пересечении реального, воображаемого и символического, которые связаны между собой как кольца Борромео (рис. 3), и возникает то, чем живет организация и что в подавляющем большинстве случаев не учитывается руководителями предприятий и другими агентами организационных изменений.

Рис. 3. Регистры организации, связанные как кольца Борромео

Под воздействием самых разнообразных причин система управления предприятием (сознательное) инициирует различные организационные изменения. Основные ошибки, которые совершают управленцы (руководители, владельцы): 1) они считают организационную реальность известной; 2) игнорируют воображаемое; 3) предполагают возможным производить любые операции с символическим.

В результате этих ошибок организационное бессознательное готово умереть, но не измениться. Оно сопротивляется в той мере, в какой управляющее воздействие не соответствует «желанию» организации. Сознательное тоже сопротивляется бессознательному через попытку наведения порядка. Возникают точки (и очаги) сопротивления, которые могут интерпретироваться как нарушения организационного баланса.

Точки сопротивления при этом могут не совпадать с видимыми наблюдателю конфликтными проявлениями, но быть их источником. Выявление точек сопротивления, обход сопротивления через согласование «желания» организации с управленческими воздействиями – все эти задачи согласуются с задачей восстановления баланса.

Оргбаланс как условие онтогенеза организации

Если представление об организационном балансе действительно схватывает сущностную характеристику организации, то, опираясь на него, можно предложить способ непосредственной работы с организацией, а именно поддерживать организационный баланс как условие ее воспроизводства.

Представление о балансе организации включает в себя:

1) присущий организации профиль сбалансированного взаимодействия противоречивых свойств (см. рис. 1);

2) рекурсивную петлю согласованного взаимовлияния инфра-, ультра- и мета-причинностей, порождающую при иска-

жении баланса новое становление (онтогенез) организации (см. рис. 2).

Питер Сенге [13] в своей книге «Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации» употребляет термин «адаптивная компания», ключевым фактором выживания для которой является непрерывный поиск баланса между излишней заорганизованностью (обюрокрачиванием) и недостаточной структурированностью (регламентированностью).

С нашей точки зрения, термин «сбалансированная компания» более точно отражает существо дела – качество регулирования: за счет поддержания организационного баланса сохраняется способность организации не только к адаптации (к изменяющимся внешним и внутренним условиям), но и нововведениям, поиску новой организационной индивидуации. Сбалансированность – это не статическое, а динамическое состояние, от поддержания которого зависит долгожителство компании.

Мы утверждаем, что организационный баланс – это способ посмотреть на организацию как живую и тем самым избежать ускоренной дезорганизации под воздействием организационной энтропии.

Это утверждение одинаково верно, с нашей точки зрения, не только для привычных институциональных корпораций и учреждений, но и для дистанционных и виртуальных компаний. Территориальная компактность с точки зрения организационного баланса не имеет принципиального значения: резко уменьшается или исчезает только видимая часть организации, но все три фокуса причинности и рекурсивный механизм их взаимодействия продолжают действовать. При этом организационный баланс может рассматриваться в качестве средства взаимодействия с организационной реальностью.

Как управление/регулирование может способствовать разбалансировке

У живых организмов воспроизводство собственной организации (и ее причинно-

сти) происходит в каждый момент времени, постоянно, одновременно многими способами с сохранением их аутопоэза. Живые существа характеризуются тем, что постоянно самовоспроизводятся. Обеспечиваемый за счет этого организационный баланс для живых организмов является источником внутренней энергии, условием и началом процессов синтеза, установления новых организационных связей, новой организационной индивидуации, организационного развития.

В искусственной организации, каковой является предприятие (Enterprise), подобное саморегулирование в полной мере и непрерывном режиме невозможно. Для своего функционирования социальные организации нуждаются в специальных поддерживающих мерах, в регулировании. Самопроизвольно они только разрушаются [1].

Их аутопоэз [6], способность организации/системы к самовоспроизводству, значительно ограничен как формальными правилами, нормативными и административными барьерами, так и необходимостью специальных управленческих воздействий (приказов, заданий, системы мотивации) со стороны руководства для осуществления организационных изменений (ликвидации или создания нового подразделения, кадровых замещений, изменения информационной доступности и т. д.) или масштабной реорганизации.

Управленец наделен возможностью изменять организацию, в рамках которой он действует, но, к сожалению, при этом не представляет в полной мере, как его *предприятие* устроено и каких корректировок требует. Он действует так, как его вынуждают обстоятельства (рынок, регуляторы и пр.), и, скорее всего, занимается борьбой с отклонениями, наведением некоего порядка, ведущего к саморазрушению, чем поддержанием организационного баланса. Заметим, что порядок был и остается одним из самых сложных понятий в организационной теории.

Нечувствительное к организационному балансу управление и наведение порядка зачастую приводят к прямо противоположным результатам – активизации дезорганизующих процессов. При возникновении продолжительных возмущающих воздействий (как внешних, так и внутренних) противоречивые свойства организации могут начать конфликтовать друг с другом, а порой и вступать в антагонистические отношения, вследствие чего профиль организационного баланса постепенно искажается (см. график 3а на рис. 1). А если при этом ограничения со стороны системы управления препятствуют естественному циклическому взаимовлиянию причинностей, то разбалансировка приводит к постепенному росту энтропии и усилению процессов дезорганизации.

Можно выделить типичные управленческие ошибки, которые наряду с факторами внешней среды постепенно приводят к организационному дисбалансу.

Если в компании культивируется установка системы управления на централизацию (как самоценность), то, скорее всего, следует ожидать конфликта с беспорядками по линии «целое – часть». Если приоритет отдается административным методам, то по линии «уникальный – нормативный». Неготовность топ-менеджеров к согласованию интересов сотрудников, боязнь делегировать ответственность своим подчиненным, стремление все знать и все контролировать в организации приводят к антагонизму организационных элементов по шкалам «иерархия – гетерархия», «часть – целое», «уникальное – нормативное».

Постоянное занижение потенциала сотрудников, демотивирующий стиль управления разбалансируют взаимодействие индивидуального и коллективного, планомерного и спонтанного. А привычка назначать нереальные сроки или ставить невыполнимые задачи смещает баланс краткосрочного и долгосрочного. Часто встречающаяся привычка собственников или руководителей согласовывать показатели или давать задания через головы ни-

жестоящих руководителей приводит к конфликту или антагонизму между личным и нормативным.

Список подобных ошибок открыт, и все они рано или поздно за счет неприятия и подавления любых отклонений от требуемого от подчиненных порядка могут привести к *организационному дисбалансу* и возникновению, по меткому выражению А. Пригожина, «организационных патологий» [9. – С. 93]: к устойчивой организационной неспособности предприятия достигать любые поставленные цели и показатели.

Обычно в таких случаях говорят о необходимости изменить систему управления. Но управляем то мы бизнесом, а ремонта требует организация. *Организация* компании может перестать соответствовать требованиям системы управления, но в каком именно месте ее следует «подлатать», установить зачастую сложно ввиду отсутствия объективированной системы организационной диагностики. Самые разные причины постепенно приводят к нарушению структурной сопряженности между элементами организационного механизма, предприятие (Enterprise) начинает все хуже и хуже воспроизводить свою организацию, что со временем негативно скажется на экономических и финансовых результатах бизнеса.

Регулирование организационного баланса (контуры метода)

Оргбаланс – это знак (концепт) определенного состояния организации (предприятия). Для появления знака (концепта) необходим внешний наблюдатель, задающий базисный элемент интерпретации. Таким образом, сам знак – организационный баланс – появляется как интерпретация динамики отношения порядка и беспорядка, дезорганизации и реорганизации, негэнтропии. Чтобы наблюдателю сохранить свою способность к интерпретации и избежать ложного обобщения, ему надо иметь возможность ассоциировать «свое собственное наблюдение с системой,

значительно более сложной структурно и иерархически более высокой» [12. – С. 41].

Для решения этой задачи нам необходимо найти такой тип мышления, который в наибольшей степени сфокусирован на решении поставленных нами задач. К этому типу мышления мы относим парадигму сложности, разработанную Эдгаром Мореном и развитую многими учеными, философами и практиками во всем мире. Сложностное мышление, как неустанно подчеркивает Эдгар Морен [8], всегда имеет дело с неопределенностью. А попытки рационализировать неопределенность, алгоритмизировать построение организационной нормы или организационного баланса, получить количественную оценку в стремлении достичь большей определенности для выдачи конкретных рекомендаций потенциальному заказчику будут создавать еще большую путаницу в понимании организации и приводить к ложным выводам.

Если первоначально до знакомства с новыми представлениями о порядке мы полагаем, что порядок позволяет избежать и даже прекратить воспроизводство неопределенности, то в представлениях и Ильи Пригожина, и Эдгара Морена всякий порядок содержит в себе неопределенность, что находится в состоянии неравновесности.

Поэтому мы предлагаем использовать качественный (не количественный) диалоговый метод регулирования организационного баланса (МРОБ) [2], базирующийся на представлениях о причинностях организации, ее организационном балансе, оценке возникших искажений и возможном восстановлении организационного баланса.

МРОБ предназначен для диагностики и общей балансировки «здоровья» организации в качестве как самостоятельного метода, так и дополнительного при разработке бизнес-стратегии или бизнес-модели предприятия для осуществления контингентных организационных преобразований.

Как уже отмечалось, наш подход предполагает мысленное разведение бизнеса и организации на этапе диагностики, анализа и балансировки с последующей сборкой результатов в единый проект реорганизации предприятия.

Метод регулирования организационного баланса включает в себя несколько этапов:

1. Обследование и диагностика.
2. Поиск дополнительных/комплементарных организационных решений.
3. Разработка нового организационного концепта.

На этапе диагностики важно выделить и зарегистрировать конкретные изменения в организационной динамике (заметное усиление или ослабление), которые могут проявляться различным образом, в том числе как:

- изменения в поведении, общении, взаимодействии сотрудников;
- неоднозначные интерпретации происходящих в организации событий;
- рост уровня конфликтности;
- несогласия или недовольства в самой разной форме сотрудников устоявшимися нормами и правилами, планами компании, стратегией и др.;
- рост количества споров, исков, тяжб (прежде всего с внешними контрагентами).

Систематизацию отклонений целесообразно осуществлять по силе их проявления, динамике, регулярности. Для внешне благополучных компаний особое внимание следует обратить на регистрацию слабых сигналов на фоне случайных единичных сбоев. Они могут быть первыми признаками начавшейся разбалансировки и указывать на значительный фактор риска для организации.

При анализе отклонений важно не квалифицировать их как хорошие или плохие, поскольку задача состоит не в борьбе с отклонениями, а в балансировке организации, осуществляемой в принципиально другой логике.

Обследование направлено на проявление (визуализацию) и анализ «невидимых структур» (причинностей) организации.

Работа с инфраструктурой предполагает главным образом качественное описание организации, выделение архетипических установок и оснований для понимания мыслей и поступков, принятия решений, неписаных правил поведения, в первую очередь собственников компании и топ-менеджмента; сравнительный анализ различных интерпретаций корпоративной истории. Основным способом обследования инфрапричинности – проведение структурированных глубинных интервью как с руководством компании, так и с группами сотрудников, имеющих различный временной опыт нахождения в организации.

Работа с ультраструктурой нацелена на проявление скрытых в сознании сотрудников представлений о будущем компании, ее перспективах и предполагает в первую очередь работу со знаками: текстами, высказываниями, рисунками.

Перспективным с точки зрения изучения ультра- и инфраструктуры может оказаться проведение психоанализа (например, дискурс-анализа по Ж. Лакану [5]) организации, направленного на организационное бессознательное. Ведь чем глубже мы проникаем, тем более вероятно открываем для себя свою организацию и делаем доступным контакт с организационным бессознательным.

Обследование организации завершается выдвижением гипотезы о существующих рассогласованиях между инфра-, ультраструктурами и интерпретацией этих возможных рассогласований. Например, может оказаться, что фокусировка инфраобласти явно смещена в сторону приоритета целого, стабильного и нормативного, а ультрапричинность организации тяготеет к динамичному, гетерархизированному и индивидуальному. Таким образом удастся уловить общий организационный тренд, задающий направление поиска новой ор-

ганизационной формы (индивидуации) для предприятия.

Затем для выделенных на этапе диагностики конфликтующих организационных элементов производится поиск дополнительного организационного решения, находящегося в выявленном организационном тренде и переводящего взаимное противостояние организационных элементов в балансирующее взаимодействие (на начальном этапе может быть несколько версий). Важно понимать, что поиск дополнительных элементов всегда будет носить творческий, вероятностный, но и не случайный характер. А разработчику помимо рациональности потребуются воображение, чувствительность и понимание.

Наиболее очевидными вариантами организационных решений являются [2]:

- элементы знаковой системы (новый корпоративный язык, новые понятия или значения и др.);
- структурно-функциональные элементы (отделы, процессы, связи);
- способы коммуникации (правила, нормы, процедуры);
- модели (поведения, принятия решений и т. д.).

Дополнительные элементы (или организационные решения) проверяются методом 3С (силы, связи, смыслы): какие силы приводятся в движение, какие связи образуются, какие новые идеи (смыслы) за счет этого могут реализоваться.

Осуществляемая на заключительном этапе разработка нового *организационного концепта* обеспечивает увязку предположений по организационному совершенствованию бизнес-процессов и функциональных структур предприятия, которые генерируются в логике развития бизнеса с предлагаемыми решениями по восстанов-

лению (поддержанию) организационного баланса.

Механизм восстановления баланса состоит в ручном последовательном прохождении рекурсивной петли, восстанавливающей причинность организации. Сотрудники и эксперты, выходя на новый уровень сложности понимания своей организации, осуществляют сборку кандидатных комплементарных организационных элементов в единый новый организационный концепт. Этот этап работы осуществляется на уровне метаструктуры в поле целевых установок участников и обеспечивает формирование новой комплементарности, которая позволит предприятию перейти в новое организационное состояние, сопряженное с требованиями развития бизнеса.

Рекурсивные петли, запускаемые интерпретациями состояний организации, ведут к ее усложнению и увеличению разнообразия, «которое уравнивается формированием более гибкой и более сложной организации» [7. – С. 420].

Заключение

Наблюдение за динамическим равновесием своей организации становится важнейшей компетенцией менеджера. Использование представлений об организационном балансе позволит управленцам, сосредоточенным на организационном развитии, сформировать собственный специфический объект управления и приложения усилий. Поэтому представляется крайне важным рекомендовать ввести в управленческую действительность предприятий позицию наблюдателя, а формирование компетенций, позволяющих наблюдать динамику оргбаланса, включить в фундамент управленческого образования.

Список литературы

1. Алексеев О. Б., Алехин А. С. Актуализация темы «Порядок/Беспорядок, Организация» // Порядок/беспорядок. Организация : материалы научно-практической конференции «HR-trend» (Томск, 25–27 июня 2020 г.) / отв. ред. О. Н. Калачикова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. – С. 11–16.

2. Алехин А. С. Баланс порядка и беспорядка в организации. Организационный баланс // Порядок/беспорядок. Организация : материалы научно-практической конференции «HR-trend» (Томск, 25–27 июня 2020 г.) / отв. ред. О. Н. Калачикова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. – С. 17–19.
3. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство : пер. с англ. – 4-е изд. – М. : URSS, 2021.
4. Гиус А. де. Живая компания. Рост, научение и долгожительство в деловой среде. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
5. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (1969–1970) / пер. с фр. А. Черноглазова. – М. : Гнозис : Логос, 2008.
6. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. – М. : Логос, 2007.
7. Морен Э. Метод. Природа Природы / перевод и вступительная статья Е. Н. Князевой. – 2-е изд., доп. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
8. Морен Э. О сложности / пер. с англ. Я. И. Свирского. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2019.
9. Пригожин А. И. Методы развития организаций. – М. : МЦФЭР, 2003.
10. Пригожин И. Перспективы исследования сложности // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник 1986 / Академия наук СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. – М. : Наука, 1987. – С. 45–57.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой : пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2021.
12. Пятигорский А. М. Избранные труды. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
13. Сенге П. М. Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации. – М. : Олимп-Бизнес, 2009.
14. Хэтч М. Д. Теория организации. Модернистская, символическая и постмодернистская перспективы : пер. с англ. – М. : Логос : Гнозис, 2022.

References

1. Alekseev O. B., Alekhin A. S. Aktualizatsiya temy "Poryadok/besporyadok. Organizatsiya" [Making Acute the Subject 'Order/Disorder, Organization']. *Poryadok/besporyadok. Organizatsiya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «HR-trend» (Tomsk, 25–27 iyunya 2020 g.)* [Order/Disorder. Organization: materials of the Conference "HR-Trend" (Tomsk, June 25-27, 2020)], edited by O. N. Kalachikova. Tomsk, Publishing house of the Tomsk State University, 2020, pp. 11–16. (In Russ.).
2. Alekhin A. S. Balans poryadka i besporyadka v organizatsii. Organizatsionnyy balans [Balance of Order and Disorder. Organizational Balance]. *Poryadok/besporyadok. Organizatsiya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «HR-trend» (Tomsk, 25–27 iyunya 2020 g.)* [Order/Disorder. Organization: materials of the Conference "HR-Trend" (Tomsk, June 25-27, 2020)], edited by O. N. Kalachikova. Tomsk, Publishing house of the Tomsk State University, 2020, pp. 17–19. (In Russ.).
3. Beitson G. Razum i priroda: neizbezhnoe edinstvo [Intellect and Nature: Inevitable Unity], translated from English, 4th ed. Moscow, URSS, 2021. (In Russ.).
4. Gius A. de. Zhivaya kompaniya. Rost, nauchenie i dolgozhitelstvo v delovoy srede [Living Company. Growth, Studying and Long-Life in Business Environment]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2013. (In Russ.).

5. Lakane Zh. Iznanka psikhoanaliza (1969–1970) [The Wrong Side of Psychoanalysis (1969–1970)], translated from French by A. Chernoglazov. Moscow, Gnozis, Logos, 2008. (In Russ.).
6. Luman N. Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu [Introduction into System Theory], edited by D. Bekker; translated from German by K. Timofeev. Moscow, Logos, 2007. (In Russ.).
7. Moren E. Metod. Priroda Prirody [Method. Nature of Nature], translation and introductory article by E. N. Knyazeva. 2nd ed., augmented. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2013. (In Russ.).
8. Moren E. O slozhnostnosti [Concerning Complicatedness], translated from English by Ya. I. Svirskiy. Moscow, Institution of Humanitarian Research, 2019. (In Russ.).
9. Prigozhin A. I. Metody razvitiya organizatsiy [Methods of Organization Development]. Moscow, MTSFER, 2003. (In Russ.).
10. Prigozhin I. Perspektivy issledovaniya slozhnosti [Prospects of Researching Complicatedness]. *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy: ezhegodnik 1986* [System Research. Methodological Problems: Year-Book 1986], Akademiya nauk CSSR, Vsesoyuznyy nauchno-issledovatel'skiy institut sistemnykh issledovaniy. Moscow, Nauka, 1987, pp. 45–57. (In Russ.).
11. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok ikh khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order of their Chaos: New Dialogue of Man and Nature], translated from English. Moscow, Editorial URSS, 2021. (In Russ.).
12. Pyatigorskiy A. M. Izbrannye Trudy [Selected Works]. Moscow, School 'Languages of Russian Culture', 1996. (In Russ.).
13. Senge P. M. Pyataya distsiplina. Iskusstvo i praktika obuchayushcheysya organizatsii [Fifth Column. Art and Practice of Learning Organization]. Moscow, Olimp-Biznes, 2009. (In Russ.).
14. Hatch M. D. Teoriya organizatsii. Modernistskaya, simvolicheskaya i postmodernistskaya perspektivy [Theory of the Organization. Modernist, Symbolic and Post-Modern Prospects], translated from English. Moscow, Logos, Gnozis, 2022. (In Russ.).

Сведения об авторах

Алексей Сергеевич Алехин

эксперт по организационному развитию
Фонда «Центр стратегических разработок
«Северо-Запад».

Адрес: Фонд «Центр стратегических
разработок «Северо-Запад»,
199106, Санкт-Петербург,
26 – линия В.О., д. 15, корп. 2, литер А.
E-mail: alekhin.ru@mail.ru

Олег Борисович Алексеев

научный руководитель Фонда
«Центр стратегических разработок
«Северо-Запад».

Адрес: Фонд «Центр стратегических
разработок «Северо-Запад»,
199106, Санкт-Петербург,
26 – линия В.О., д. 15, корп. 2, литер А.
E-mail: oleg7848079@icloud.com

Information about the authors

Alexey S. Alekhin

Organizational Development Expert
of the Foundation "Center for Strategic
Research "North-West".

Address: Foundation "Center for Strategic
Research "North-West", A letter, 2 building,
15 26 – line V.O., Saint Petersburg, 199106,
Russian Federation.
E-mail: alekhin.ru@mail.ru

Oleg B. Alekseev

Scientific Director
of the Foundation "Center for Strategic
Research "North-West".

Address: Foundation "Center for Strategic
Research "North-West", A letter, 2 building,
15 26 – line V.O., Saint Petersburg, 199106,
Russian Federation.
E-mail: oleg7848079@icloud.com

РАЗЛИЧИЯ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Н. С. Леоненко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Агропродовольственные цепочки добавленной стоимости слабо изучены в России, несмотря на потенциал российской сельскохозяйственной отрасли. В настоящее время ее экспорт состоит в основном из сельскохозяйственного сырья, которое другие страны перерабатывают в готовую продукцию и получают добавленную стоимость. Это указывает на невысокие позиции в международной торговле. В сфере научных исследований по агропродовольственным цепочкам добавленной стоимости Россия также находится на начальных этапах. Большая часть российских исследований построена на переосмыслении результатов коллег из-за рубежа. В сравнении с зарубежными исследованиями они охватывают небольшой спектр проблем и редко рассматривают другие территории, кроме России и окружающих ее стран. Для использования в прикладных целях российским исследованиям не хватает более глубоких математических расчетов: сейчас они в основном представляют собой отображение статистических данных по добавленной стоимости в более наглядном виде, в частности отображение информации о том, какое место Россия занимает в глобальных агропродовольственных цепочках добавленной стоимости. При этом российские исследования, за редким исключением, не показывают в количественном виде потенциальный эффект от усиления интеграции России в агропродовольственные цепочки и в каких направлениях эта интеграция необходима.

Ключевые слова: продовольствие, глобализация, международная торговля.

DISTINCTIONS BETWEEN RUSSIAN AND OVERSEAS APPROACHES TO RESEARCHING AGRO-INDUSTRIAL VALUE CHAINS

Nikita S. Leonenko

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Agro-industrial value chains are studied poorly in Russia, in spite of the potential of the Russian agricultural industry. At present its export consists mainly of agricultural raw materials, which are processed in finished products by other countries, which get added value. It means rather low positions in international trade. In the field of researching agro-industrial value chains Russia still takes initial stages. The major part of Russian research deal with revising of overseas colleagues' results. In comparison with foreign research these investigations cover a limited range of problems and study only occasionally other territories besides Russia and adjoining countries. To be used for applied purposes Russian research need deeper mathematic calculations: today such research, as a rule, shows statistic information on added value in a visual way, for example, demonstrates the Russia's position in global agro-industrial value chains. Unfortunately, Russian investigations very seldom show in quantitative manner the potential effect of increasing integration of Russia in agro-industrial chains and identify lines, where this integration is necessary.

Keywords: food, globalization, international trade.

Введение

Агропродовольственные цепочки добавленной стоимости – это одно из направлений исследований глобальных цепочек добавленной стоимости. При этом ни то, ни другое направление еще не достигло в России такой известности и глубины исследований, как за рубежом. Цель статьи – выделение различий между подходами зарубежных и российских авторов к исследованию агропродовольственных цепочек. В связи с этим можно выделить следующие задачи статьи:

- анализ истории развития глобальных цепочек добавленной стоимости;
- определение особенностей агропродовольственных цепочек в сравнении с обычными цепочками добавленной стоимости;
- анализ исследований агропродовольственных цепочек за рубежом;
- анализ исследований агропродовольственных цепочек в России.

История развития глобальных цепочек добавленной стоимости

Становление глобальных цепочек добавленной стоимости как отдельного направления исследования связывают с выпуском публикаций по теме глобализации. Популяризация термина «глобализация» началась в 1983 г. благодаря научным статьям Теодора Левитта [См.: 8], а уже в 1985 г. Майкл Портер ввел в научный оборот и сам термин «цепочка добавленной стоимости», под которой он понимал «совокупность различных видов деятельности компании, направленных на разработку, производство, маркетинг, доставку и обслуживание своих продуктов» [14. – С. 173].

Основоположником теории глобальных цепочек добавленной стоимости в современном их понимании считается британский исследователь Гари Джереффи. Он предложил считать глобальные цепочки добавленной стоимости «набором внутриорганизационных сетей, направленных на производство определенного товара и связывающих предприятия, страны и до-

мохозяйства между собой в мировой экономике» [21. – С. 95]. Первая его работа, которая положила начало современному этапу, была опубликована в 1994 г.

Благодаря Гари Джереффи теория получила новый виток развития, а наглядные результаты расчетов приблизили разработанные концепции и идеи к их практическому применению. Широкое распространение получила идея о положительном влиянии участия в глобальных цепочках добавленной стоимости на уровень благосостояния стран.

Ряд исследователей наряду с Гари Джереффи комплексно исследуют механизмы формирования добавленной стоимости и их влияние на экономические и общественные процессы [20; 26].

В настоящее время большой вклад в развитие теории вносят научные коллективы из таких организаций, как ОЭСР, Всемирный банк, ЮНКТАД, ЮНИДО и ФАО. Со стороны Всемирного банка был предложен один из наиболее оптимальных вариантов определения глобальных цепочек добавленной стоимости с точки зрения содержания и простоты восприятия: это «серия этапов производства продукта или услуги для продажи потребителям, причем на каждом этапе генерируется добавленная стоимость, и по крайней мере два этапа находятся в разных странах»¹. Особое внимание организации уделяют обоснованию торговой политики и сокращению экономического неравенства за счет роста экспорта из бедных стран [26].

Разница между агропродовольственными и обычными цепочками добавленной стоимости

По механизму формирования добавленной стоимости и по общему содержанию между ними нет различий. Определение глобальных цепочек добавленной стоимости без каких-либо существенных

¹ World development report 2020: Trading for development in the age of global value chains. – The World Bank, 2019. – P. 17.

преобразований будет являться определением и для агропродовольственных цепочек. В определении глобальных цепочек от Всемирного банка для этого достаточно заменить слово «товар» на «продовольственная продукция».

Выявление различий между агропродовольственными и обычными цепочками добавленной стоимости можно начать с анализа факторов их развития:

1. *Природные ресурсы.* Возможно, самый значимый фактор для формирования цепочек добавленной стоимости – это доступность полезных ископаемых и других природных ресурсов, необходимых для производства. Для агропродовольственных цепочек этот фактор также имеет первостепенное значение. Первые этапы цепочки, связанные со сбором сырья (урожая), могут возникать только в определенных странах, где имеются соответствующие агроклиматические условия.

2. *Финансовые ресурсы.* Отсутствие финансирования зачастую становится главной причиной того, почему некоторые страны находятся вне зоны международной торговой кооперации, несмотря на дешевую рабочую силу или необходимые полезные ископаемые. По статистике до 80% мировой торговли финансируется за счет кредитов, но проблема в том, что не все страны имеют одинаковую доступность к ним. Агропродовольственные цепочки добавленной стоимости подвержены влиянию этого фактора в меньшей степени, поскольку они менее капиталоемки, чем некоторые другие отрасли экономики.

3. *Технологический прогресс.* Технологии обуславливают возникновение и повышение доступности факторов производства там, где это не могло бы произойти естественным образом. Для агропродовольственных цепочек это имеет не меньшее значение, чем для глобальных цепочек добавленной стоимости в целом.

4. *Государственная политика.* При правильном подходе государственная политика может приводить к устранению торговых и инвестиционных барьеров. Однако

мировая торговля все еще ограничена квотами, пошлинами санкциями и пр. Торговля сельскохозяйственной продукцией при этом подвергается особенно сильному политическому воздействию, так как введение ограничений на торговлю продовольствием имеет относительно небольшие последствия. Продовольствие распространено повсеместно, и поставки одних стран легко заменяются другими.

5. *Политика частных компаний.* Каждая крупная компания вне зависимости от отраслевой принадлежности проводит анализ мирового рынка и на его основе создает стратегии о том, как размещать отдельные части производственного процесса. Например, производство можно расположить на внутреннем рынке целевого клиента, а можно и вблизи сырьевой базы конкурента.

6. *Политика международных организаций.* Торговые соглашения, заключенные при посредничестве международных организаций, создают основу и служат рекомендациями для принятия решений на уровне стран и руководства компаний. Без посредничества таких организаций мировая торговля вероятнее всего концентрировалась бы в наиболее крупных странах, обеспеченных ресурсами, а также среди наиболее крупных транснациональных компаний.

7. *Форс-мажорные обстоятельства.* Это случайные и нерегулярные события, которые в момент своего действия могут оказывать самое существенное влияние на цепочки добавленной стоимости. Фермеры и агрохолдинги чаще других сталкиваются с подобными обстоятельствами. Производители зерна, фруктов и овощей по всему миру терпят убытки от засухи, наводнений и других неблагоприятных погодных явлений. Если глобальные катаклизмы, нарушающие цепочки сразу всех отраслей, происходят только раз в несколько лет, то погодные ситуации, наносящие ущерб именно агропродовольственным цепочкам, происходят ежегодно в разных частях мира.

Исследования агропродовольственных цепочек добавленной стоимости за рубежом и в России

Агропродовольственные цепочки – это лишь часть глобальных цепочек добавленной стоимости. Причем та часть, которая получила развитие в науке относительно недавно. Гари Джереффи был пионером в науке о цепочках добавленной стоимости, и одна из его новаторских мыслей заключалась в том, что ведущая роль в глобализации торговли принадлежит не транснациональным компаниям, а ретейлерам и крупным торговым сетям. Идея получила развитие в 1994 г., когда Гари Джереффи опубликовал свою первую статью по этой тематике. Однако тогда эта идея касалась международной торговли в целом. Первые же попытки анализа агропродовольственных цепочек были приняты несколько лет позднее.

В 1999 г. Джон Хамфри с коллегами опубликовал работу, посвященную влиянию британских сетей супермаркетов на плодоовощное производство в Африке [20]. Повышенная роль супермаркетов объясняется тем, что агропродовольственные цепочки относятся к тому типу, который управляется покупателями, а не производителями [27]. В дальнейшем интерес научного сообщества к агропродовольственному комплексу только увеличивался: появлялись исследования, затрагивающие разные страны и отрасли.

Российская наука пока до сих пор находится в начале пути. Если за рубежом на агропродовольственные цепочки обратили внимание еще в конце 1990-х гг., то в России даже анализ обычных цепочек добавленной стоимости получил развитие только в середине 2010-х гг., а агропродовольственные цепочки стали появляться в качестве объекта исследования лишь в последние 3–4 года.

Существуют и более ранние научные публикации, в которых содержатся слова «агропродовольственные цепочки» или «цепочки добавленной стоимости в агропродовольственном комплексе», но насто-

ящего анализа формирования добавленной стоимости в них нет. Во многих публикациях 2000–2010-х гг. анализ цепочек добавленной стоимости сводился к анализу статистики экспортно-импортных операций [4] либо к отсылкам на результаты работ Джереффи, Хамфри и др. [1].

В российской научной среде к числу наиболее упоминаемых научных коллективов, занимающихся цепочками добавленной стоимости в сельском хозяйстве, можно отнести исследователей из Высшей школы экономики (ВШЭ) и Института аграрных проблем РАН.

В ВШЭ этой тематикой стали заниматься с 2013–2014 гг. На начальном этапе эти статьи имели вводный характер: подробно описывались значение и характеристика цепочек добавленной стоимости [7], а также источники данных и способы измерения добавленной стоимости [13].

Примерно с 2015 г. стали появляться публикации, написанные коллективом подразделения ВШЭ – Центром компетенций по взаимодействию с международными организациями. В них было указано, что текущее положение России в цепочках добавленной стоимости не обеспечивает ей долгосрочных выгод [9].

Департамент прикладной экономики ВШЭ также занимается исследованием данной темы. Результаты расчетов показали, что в 2000-е гг. пищевая промышленность была одной из немногих отраслей российской экономики, которая расширила участие в цепочках добавленной стоимости за счет переориентации экспорта на товары конечного потребления [15].

Вышеперечисленные научные коллективы в основном выпускают публикации комплексного характера, где агропродовольственный сектор – это часть исследования. Изучением непосредственно агропродовольственных цепочек добавленной стоимости в России занимается научный коллектив из Института аграрных проблем РАН. Начиная с 2017 г. было написано не менее 30 публикаций, подчеркивающих проблемы и перспективы российского уча-

ствия в агропродовольственных цепочках добавленной стоимости.

В частности, Россия зависит от промежуточного импорта (семена, племенной скот и пр.) [3]. Также она слабо интегрирована в глобальные цепочки, и если кто и использует преимущества от участия в них, то это крупные компании, а на низовом уровне фермеры почти не взаимодействуют [6]. В то же время участие российского агропродовольственного сектора в цепочках добавленной стоимости имеет большие перспективы за счет низкой базы: сейчас в российском сельском хозяйстве низкая доля промежуточных продуктов в импорте и один из самых низких среди отраслей экономики размер добавленной стоимости [16].

Таким образом, первые существенные российские работы по цепочкам добавленной стоимости в агропродовольственном секторе стали появляться не раньше середины 2010-х гг., и это указывает на 15-летнее отставание от Европы и США. Причем это отставание пусть и сократилось, но до сих пор полностью не исчезло. Разница хорошо проявляется при сравнении применяемых подходов и широте охватываемых тем в публикациях. В связи с этим целесообразно сравнить зарубежные и российские научные статьи.

Отличия зарубежных и российских исследований агропродовольственных цепочек добавленной стоимости

Зарубежные исследования, публикуемые крупными международными организациями (Всемирный банк, ОЭСР и пр.), характеризуются комплексностью, причем нередко это периодические издания, где в каждом выпуске есть информация об определении цепочек, их типах и схемах функционирования [22]. Зачастую они не узконаправлены, а посвящены целым группам отраслей или имеют широкий географический охват. Например, один сборник может одновременно включать подробный обзор молочной, кофейной и прочих отраслей [23], а также может со-

держат обзор целой группы развивающихся стран или всех стран одного макро-региона [31]. В то же время распространены и более прикладные исследования, посвященные узкоотраслевому анализу [28] или анализу определенной страны [32].

В России большая часть работ приходится на менее объемные публикации, а выпуски с подробным обзором отраслей и стран в основном публикуются научными коллективами из ВШЭ. В свое время именно через эту организацию в России начали распространяться идеи и методы изучения глобальных цепочек добавленной стоимости. Благодаря наличию Центра по взаимодействию с международными организациями стал возможен переток знаний: базы данных, информации о механизме формирования добавленной стоимости и т. д.

Тот факт, что первые российские исследования по глобальным цепочкам добавленной стоимости были посвящены не продовольствию и сельскому хозяйству, а сектору промышленности, отчасти объясняет, почему в публикациях об агропродовольственных цепочках не распространено подробное описание их значения и истории возникновения. К тому моменту, когда исследователи в области аграрной экономики начали погружаться в тему, основные термины уже получили общепринятый перевод с английского языка, а сами глобальные цепочки добавленной стоимости уже не были чем-то новым благодаря предыдущим публикациям о цепочках в целом.

При сравнении зарубежных и российских исследований стоит обратить внимание на то, как авторы статей пришли к тому, чтобы начать заниматься данной темой. Переток знаний от зарубежных к российским научным организациям сыграл существенную роль, однако инициатива изначально исходила не от университетской среды. Агропродовольственный сектор стал объектом повышенного внимания во многом благодаря значительному росту экспорта в последние годы, и в данном

случае инициатива шла сверху. Во многих научных публикациях можно найти пометку о том, что исследование проводилось в рамках гранта РФФИ или по заказу органов государственной власти. Например, исследования Института аграрных проблем РАН выполнялись при финансовой поддержке РФФИ по проекту «Научное обоснование целевых программ развития продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе России» [17].

Первые исследования ВШЭ в 2014 г. осуществлялись по заказу Минэкономразвития России. Проект назывался «Исследование международных подходов к участию в глобальных цепочках стоимости и разработка рекомендаций по анализу повышения эффективности участия Российской Федерации в глобальных цепочках стоимости в соответствии с рекомендациями Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и других международных институтов» [10].

Можно обратить внимание, что в 2014 г. в российской научной среде еще не было устоявшихся переводов терминов. В названии проекта от Минэкономразвития указаны «глобальные цепочки стоимости», а не «глобальные цепочки добавленной стоимости». Кроме того, в некоторых ранних публикациях использовался иной вариант перевода типов участия в цепочках: *forward participation* и *backward participation* иногда переводились как прямое и обратное участие вместо принятых теперь «восходящее и нисходящее участие» [11].

Более ранние исследования за рубежом свидетельствуют и о более широком перечне тем, которые они охватывают. Следует отметить, что зарубежные публикации бывают как комплексными, так и узкими и посвященными лишь отдельным странам. Российским исследователям тоже свойственно фокусироваться на отдельной стране, но, в отличие от зарубежных коллег, этот фокус направлен на Россию. В европейских и американских научных журналах авторы чаще публикуют статьи о странах, в которых они не проживают.

Данная отличительная особенность зарубежных исследований указывает на их более глобальный характер. С одной стороны, уже прошел этап, когда актуальным был обычный обзор функционирования цепочек добавленной стоимости в мире. С другой стороны, в странах их проживания проблема об участии в цепочках не стоит так остро – западные страны и без того являются наиболее активными участниками международной торговли.

В связи с этим интерес зарубежных авторов переключается на развивающиеся страны или на темы, которые пока не актуальны в российских условиях. В частности, в сферу интересов российских исследователей не входят проблемы повышения уровня жизни в странах Африки [29] или гендерные проблемы распределения доходов в рамках агропродовольственных цепочек добавленной стоимости [18].

В настоящее время основная повестка российских научных публикаций лежит в плоскости российской действительности. Актуальными становятся вопросы о том, какая стратегия правильнее: стратегия экспортной ориентации или стратегия импортозамещения [5]. По этой причине в тексте статей даже чаще, чем понятие «цепочка добавленной стоимости», можно встретить словосочетания «продовольственная безопасность» или «импортозамещение». Это связано с предполагаемым риском потерять воспроизводственную целостность и необходимостью сохранить под контролем России критически важные звенья агропродовольственных цепочек [12].

Повестка российских научных публикаций, как правило, не выходит за пределы России или СНГ, поэтому дискуссия о полученных результатах возможна только в рамках российского научного сообщества.

У российских исследователей редко объектом исследования становится нероссийская территория и также редко статьи печатаются на английском языке. Это сильно контрастирует с публикациями зарубежных исследователей, сфера интере-

сов которых касается проблем и перспектив не только собственной страны, но и глобальных проблем социально-экономического неравенства [19], загрязнения окружающей среды [25], содержания животных [30] и т. д. Даже те статьи, которые, исходя из названия, могут показаться узконаправленными, на самом деле могут охватывать более широкие темы: например, обезлесение в мире под влиянием производства и переработки сои в агропродовольственных цепочках [24].

Другое отличие российских и зарубежных исследований заключается в сложности и объемах расчетов, которые там применяются. Доля российских статей, где преобладают качественные, а не количественные методы исследований, выше, чем среди зарубежных исследований. На первых этапах, когда в России только начинали использовать базы данных по добавленной стоимости, расчеты зачастую ограничивались перенесением из базы данных в научную статью фактических цифр по интересующей отрасли и территории. Современные публикации содержат более сложные эконометрические расчеты, но среди них редко можно найти уникальные идеи. Как правило, это апробация моделей и методов из зарубежных исследований на российских данных.

То же самое можно сказать и про теоретический вклад в науку. Вся теория в российских публикациях основана на осмыслении идей и концепций, разработанных за рубежом. Отдельные положения можно назвать уникальными только за счет того, что они применимы именно для российских условий. По-настоящему значимых глобальных теоретических открытий в российских публикациях почти нет.

В российских исследованиях также в меньшей степени представлены данные на уровне отдельных компаний. Европейские авторы намного чаще, чем российские, используют данные компаний о формировании ими добавленной стоимости продукции. С другой стороны, на это могут быть объективные причины: многие данные по

деятельности компаний в России находятся в закрытом доступе.

Наконец, еще одно отличие заключается в том, что тема агропродовольственных цепочек добавленной стоимости за рубежом имеет более междисциплинарный характер. В России этой темой занимаются в основном экономисты, специализирующиеся на торговле и сельском хозяйстве, а в Европе среди исследователей встречаются экономисты, социологи, географы и т. д. К примеру, основоположник теории Гари Джереффи в первую очередь социолог, а не экономист.

Заключение

По результатам обзора российских исследований и сравнения их с зарубежными публикациями можно сделать вывод, что у будущих российских исследователей больше возможностей, чем ограничений. Главная возможность состоит в том, что в российской науке до сих пор невысокая конкуренция по этой теме.

На текущем этапе большая часть теоретических и прикладных результатов российских исследований – это многочисленные варианты осмысления и переложения зарубежных результатов на российскую действительность.

Российские авторы, как правило, медленнее реагируют на глобальные масштабные события наподобие пандемии COVID-19 или мирового экономического кризиса. Возможности кроются в том, чтобы оперативнее реагировать на подобные события в виде выпуска публикаций, а также учитывать актуальные глобальные проблемы и их влияние на агропродовольственные цепочки.

В большей части российских исследований не хватает анализа на уровне компаний, а учитывая, что встраивание в глобальные цепочки добавленной стоимости происходит именно через компании, этот анализ можно считать за нишу для исследования, которая пока не занята.

Таким образом, изучение агропродовольственных цепочек добавленной стои-

мости в России до сих пор сохраняет перспективы открытия новых теоретических знаний и путей их практического применения. В российских условиях это особен-

но актуально в связи с сохраняющимся низким уровнем участия в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Список источников

1. *Афанасьев С. Н.* Анализ цепочек создания добавленной стоимости как инновационный метод управления агропродовольственным комплексом // Никоновские чтения. – 2008. – № 13. – С. 393–394.
2. *Быков А. А., Колб О. Д., Хвалько Т. В.* Торговля добавленной стоимостью: источники сбалансированного экономического роста. – Минск : Мисанта, 2017.
3. *Воронов А. С.* Обоснование структуры добавленной стоимости продуктовых цепочек с использованием таблиц «затраты – выпуск» // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. – 2018. – № 1. – С. 36.
4. *Дорофеева Л. И., Ермолова О. В., Кирсанов В. В.* Особенности современного этапа реализации стратегии импортозамещения в агропродовольственном комплексе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 5–15.
5. *Ермолова О. В., Кирсанов В. В.* Интеграция агропродовольственного комплекса России в мирохозяйственные связи // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2018. – № 11. – С. 53.
6. *Ермолова О. В., Кирсанов В. В., Остапенко Т. В.* Межотраслевой уровень взаимодействий в евразийском агропродовольственном комплексе // Экономические науки. – 2020. – № 187. – С. 49–54.
7. *Зуев В. Н., Островская Е. Я., Дунаева М. С.* Включение национальных экономик в глобальные цепочки стоимости: изменение парадигмы организации внешнеэкономических связей // Современная конкуренция. – 2014. – № 2 (44). – С. 77–94.
8. *Инютин А. Д., Дмитриченко Л. И.* Глобализация как объект научного исследования: генезис проблемы // Экономическая теория в условиях глобализации экономики : тезисы докладов и выступлений XI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых / общ. ред. Л. И. Дмитриченко. – Донецк, 2019. – С. 169–172.
9. *Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я.* Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности форсайт-исследований // Форсайт. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 69–82.
10. *Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я.* Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Вестник Финансового университета. – 2015. – № 1 (85). – С. 83–96.
11. *Найденова Н. В., Шкрябина А. Е.* Тенденции развития международной торговли под влиянием глобальных цепочек создания стоимости // Московский экономический журнал. – 2019. – № 9. – С. 90.
12. *Остапенко Т. В.* Структурные изменения в продуктовых цепочках создания добавленной стоимости в условиях импортозамещения // Структурные изменения в экономике России в условиях торгово-экономических санкций и политики импортозамещения : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов, 2017. – С. 94–96.
13. *Пономаренко А. Н., Мурадов К. Ю.* Новая статистика движения добавленной стоимости в международной торговле // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 18. – № 1. – С. 43–79.

14. *Портер М.* Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. – М. : Альпина Паблишер, 2016.

15. *Федюнина А. А., Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Аверьянова Ю. В.* Секторальные особенности интеграции российской экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости и следствия для структурной политики // Журнал новой экономической ассоциации. – 2020. – № 3. – С. 106–127.

16. *Фролова Е. Ю.* Тенденции в мировом экспорте агропродовольственной продукции // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 9. – С. 92–103.

17. *Яковенко Н. А., Иваненко И. С.* Обоснование сценариев развития продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе // Аграрный научный журнал. – 2017. – № 7. – С. 97–100.

18. *Barrientos S.* Gender and Global Value Chains: Challenges of Economic and Social Upgrading in Agri-Food // Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper. – 2014. – N RSCAS. – Vol. 96.

19. *Dequiedt V.* Product Quality in Developing Countries Agrifood Supply Chains: a Survey of Theory. – URL: <https://ferdi.fr/dl/df-r5s6cxeYbQjy546NQfyLoL7t/papier-de-re-cherche-product-quality-in-developing-countries-agrifood-supply.pdf>

20. *Dolan C., Humphrey J., Harris-Pascal C.* Horticulture Commodity Chains: the Impact of the UK Market on the African Fresh Vegetable Industry // IDS Working Paper 96. – 1999. – January 10.

21. *Gereffi G.* The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains: How U. S. Retailers Shape Overseas Production Networks // Commodity Chains and Global Capitalism / edited by G. Gereffi, M. Korzeniewicz. – London, 1994.

22. *Greenville J., Kawasaki K., Jouanjan M. A.* Dynamic Changes and Effects of Agro-Food GVCS // OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers. – 2019. – N 119.

23. *Hernández R. A., Martínez-Piva J. M., Mulder N.* Global Value Chains and World Trade: Prospects and Challenges for Latin America. – Santiago, Chile : ECLAC, 2014.

24. *Heron T., Prado P., West C.* Global Value Chains and the Governance of 'Embedded' Food Commodities: the Case of Soy // Global Policy. – 2018. – Vol. 9. – P. 29–37.

25. *Hu D. et al.* The Effect of Global Value Chain Position on Green Technology Innovation Efficiency: From the Perspective of Environmental Regulation // Ecological Indicators. – 2021. – Vol. 121.

26. *Humphrey J., Memedovic O.* Global Value Chains in the Agrifood Sector. – Vienna : United Nations Industrial Development Organization, 2006.

27. *Lee J., Gereffi G., Beauvais J.* Global Value Chains and Agrifood Standards: Challenges and Possibilities for Smallholders in Developing Countries // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2012. – Vol. 109. – N 31. – P. 12326–12331.

28. *Little D. C. et al.* Sustainable Intensification of Aquaculture Value Chains between Asia and Europe: a Framework for Understanding Impacts and Challenges // Aquaculture. – 2018. – Vol. 493. – P. 338–354.

29. *Louw A. et al.* Alternative Marketing Options for Small-Scale Farmers in the Wake of Changing Agri-Food Supply Chains in South Africa // Agrekon. – 2008. – Vol. 47. – N 3. – P. 287–308.

30. *Reis G. G., Molento C. F. M., Souza A. P. O.* Governance and Standardization in Fish Value Chains: Do They Take Care of Key Animal Welfare Issues? // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. – 2021. – Vol. 34. – N 5. – P. 1–24.

31. *Tagliani D., Winkler D.* Making Global Value Chains Work for Development. – Washington, 2014.

32. Vetter T., Nylandsted L. M., Bech B. T. Supermarket-Led Development and the Neglect of Traditional Food Value Chains: Reflections on Indonesia's Agri-Food System Transformation // Sustainability. – 2019. – Vol. 11. – N 2.

References

1. Afanasev S. N. Analiz tsepochek sozdaniya dobavlennoy stoimosti kak innovatsionnyy metod upravleniya agroprodovolstvennym kompleksom [Analyzing Chains of Added Value as Innovation Method of Governing Agro-Food Complex]. *Nikonovskie chteniya* [Nikon's Readings], 2008, No. 13, pp. 393–394. (In Russ.).

2. Bykov A. A., Kolb O. D., Khvalko T. V. Torgovlya dobavlennoy stoimostyu: istochniki sbalansirovannogo ekonomicheskogo rosta [Trade in Added Value: Sources of Balanced Economic Growth]. Minsk, Misanta, 2017. (In Russ.).

3. Voronov A. S. Obosnovanie struktury dobavlennoy stoimosti produktovykh tsepochek s ispolzovaniem tablits «zatraty – vypusk» [Grounding the Structure of Added Value of Food Chains by Using Tables 'Costs-Output']. *Zakonomernosti razvitiya regionalnykh agroprodovolstvennykh sistem* [Laws of Developing Regional Agro-Food Systems], 2018, No. 1, pp. 36. (In Russ.).

4. Dorofeeva L. I., Ermolova O. V., Kirsanov V. V. Osobennosti sovremennogo etapa realizatsii strategii importozameshcheniya v agroprodovolstvennom komplekse [Features of the Current Stage of Import-Substitution Strategy Realization in Agro-Food Complex]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of the Saratov University. New series: Series: Economics. Management. Law], 2016, Vol. 16, No. 1, pp. 5–15. (In Russ.).

5. Ermolova O. V., Kirsanov V. V. Integratsiya agroprodovolstvennogo kompleksa Rossii v mirokhozaystvvennye svyazi [Integration of Russian Agro-Food Complex in Global Economic Links]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Managing Economic Systems: E-Academic Journal], 2018, No. 11, pp. 53. (In Russ.).

6. Ermolova O. V., Kirsanov V. V., Ostapenko T. V. Mezhotraslevoy uroven vzaimodeystviy v evraziyskom agroprodovolstvennom komplekse [Inter-Sectoral Level of Cooperation in Eurasian Agro-Food Complex]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2020, No. 187, pp. 49–54. (In Russ.).

7. Zuev V. N., Ostrovskaya E. Ya., Dunaeva M. S. Vkluyuchenie natsionalnykh ekonomik v globalnye tsepochniki stoimosti: izmenenie paradigmy organizatsii vneshneekonomicheskikh svyazey [Including National Economies in Global Value Chains: Transforming the Paradigm of Foreign Economic Links Organization]. *Sovremennaya konkurentsia* [Current Competition], 2014, No. 2 (44), pp. 77–94. (In Russ.).

8. Inyutin A. D., Dmitrichenko L. I. Globalizatsiya kak obekt nauchnogo issledovaniya: genezis problemy [Globalization as Object of Research: Genesis of Problem]. *Ekonomicheskaya teoriya v usloviyakh globalizatsii ekonomiki: tezisy dokladov i vystupleniy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Economic Theory in Conditions of Economy Globalization: theses of reports and speeches at the 11th International Conference of Students and Young Scientists], edited by L. I. Dmitrichenko. Donetsk, 2019, pp. 169–172. (In Russ.).

9. Meshkova T. A., Moiseichev E. Ya. Analiz globalnykh tsepochek sozdaniya stoimosti: vozmozhnosti forsayt-issledovaniy [Analyzing Global Value Chains: Opportunities of Foresight Research]. *Forsayt* [Foresight], 2016, Vol. 10, No. 1, pp. 69–82. (In Russ.).

10. Meshkova T. A., Moiseichev E. Ya. Mirovye tendentsii razvitiya globalnykh tsepochek sozdaniya dobavlennoy stoimosti i uchastie v nikh Rossii [Global Trends of Developing Value

Chains and Participating of Russian in them]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Finance University], 2015, No. 1 (85), pp. 83–96. (In Russ.).

11. Naydenova N. V., Shkryabina A. E. Tendentsii razvitiya mezhdunarodnoy trgovli pod vliyaniem globalnykh tsepochk sozdaniya stoimosti [Trends of Developing International Trade under the Impact of Global Value Chains]. *Moskovskiy ekonomicheskoy zhurnal* [Moscow Economic Journal], 2019, No. 9, pp. 90. (In Russ.).

12. Ostapenko T. V. Strukturnye izmeneniya v produktovykh tsepochkakh sozdaniya dobavlennoy stoimosti v usloviyakh importozameshcheniya [Structural Changes in Food Value Chains in Conditions of Import-Substitution]. *Strukturnye izmeneniya v ekonomike Rossii v usloviyakh trgovno-ekonomicheskikh sanktsiy i politiki importozameshcheniya: sbornik nauchnykh trudov po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Structural Changes in Economy of Russia in Conditions of Trade and Economic Sanctions and Policy of Import-Substitution: collection of academic works on results of the All-Russian Conference]. Saratov, 2017, pp. 94–96. (In Russ.).

13. Ponomarenko A. N., Muradov K. Yu. Novaya statistika dvizheniya dobavlennoy stoimosti v mezhdunarodnoy trgovle [New Statistics of Added Value Movement in International Trade]. *Ekonomicheskoy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 2014, Vol. 18, No. 1, pp. 43–79. (In Russ.).

14. Porter M. Konkurentnoe preimushchestvo: Kak dostich vysokogo rezultata i obespechit ego ustoychivost [Competitive Advantage: How to Reach High Result and Ensure its Sustainability]. Moscow, Alpina Publisher, 2016. (In Russ.).

15. Fedyunina A. A., Simachev Yu. V., Kuzyk M. G., Averyanova Yu. V. Sektoralnye osobennosti integratsii rossiyskoy ekonomiki v globalnye tsepochniki dobavlennoy stoimosti i sledstviya dlya strukturnoy politiki [Sectoral Features of Russian Economy Integration in Global Value Chains and After-Effects for Structural Policy]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of New Economic Association], 2020, No. 3, pp. 106–127. (In Russ.).

16. Frolova E. Yu. Tendentsii v mirovom eksporte agroproduktov proizvodstva [Trends in Global Export of Agro-Food Products]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskoy vestnik* [Russian Foreign-Economic Bulletin], 2021, No. 9, pp. 92–103. (In Russ.).

17. Yakovenko N. A., Ivanenko I. S. Obosnovanie stsensariy razvitiya produktovykh tsepochk v agroproduktovom komplekse [Substantiation of Scenarios for Developing Food Chains in Agro-Food Complex]. *Agrarnyy nauchnyy zhurnal* [Agrarian Academic Journal], 2017, No. 7, pp. 97–100. (In Russ.).

18. Barrientos S. Gender and Global Value Chains: Challenges of Economic and Social Upgrading in Agri-Food. *Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper*, 2014, No. RSCAS, Vol. 96.

19. Dequiedt V. Product Quality in Developing Countries Agrifood Supply Chains: a Survey of Theory. Available at: <https://ferdi.fr/dl/df-r5s6cxeybQjy546NQfyLoL7t/papier-de-recherche-product-quality-in-developing-countries-agrifood-supply.pdf>

20. Dolan C., Humphrey J., Harris-Pascal C. Horticulture Commodity Chains: the Impact of the UK Market on the African Fresh Vegetable Industry. *IDS Working Paper 96*, 1999, January 10.

21. Gereffi G. The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains: How U. S. Retailers Shape Overseas Production Networks. *Commodity Chains and Global Capitalism* / edited by G. Gereffi, M. Korzeniewicz. London, 1994.

22. Greenville J., Kawasaki K., Jouanjean M. A. Dynamic Changes and Effects of Agro-Food GVCS. *OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers*, 2019, No. 119.

23. Hernández R. A., Martínez-Piva J. M., Mulder N. Global Value Chains and World Trade: Prospects and Challenges for Latin America. Santiago, Chile, ECLAC, 2014.

24. Heron T., Prado P., West C. Global Value Chains and the Governance of 'Embedded' Food Commodities: the Case of Soy. *Global Policy*, 2018, Vol. 9, pp. 29–37.
25. Hu D. et al. The Effect of Global Value Chain Position on Green Technology Innovation Efficiency: From the Perspective of Environmental Regulation. *Ecological Indicators*, 2021, Vol. 121.
26. Humphrey J., Memedovic O. Global Value Chains in the Agrifood Sector. Vienna, United Nations Industrial Development Organization, 2006.
27. Lee J., Gereffi G., Beauvais J. Global Value Chains and Agrifood Standards: Challenges and Possibilities for Smallholders in Developing Countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2012, Vol. 109, No. 31, pp. 12326–12331.
28. Little D. C. et al. Sustainable Intensification of Aquaculture Value Chains between Asia and Europe: a Framework for Understanding Impacts and Challenges. *Aquaculture*, 2018, Vol. 493, pp. 338–354.
29. Louw A. et al. Alternative Marketing Options for Small-Scale Farmers in the Wake of Changing Agri-Food Supply Chains in South Africa. *Agrekon*, 2008, Vol. 47, No. 3, pp. 287–308.
30. Reis G. G., Molento C. F. M., Souza A. P. O. Governance and Standardization in Fish Value Chains: Do They Take Care of Key Animal Welfare Issues? *Journal of Agricultural and Environmental Ethics*, 2021, Vol. 34, No. 5, pp. 1–24.
31. Taglioni D., Winkler D. Making Global Value Chains Work for Development. Washington, 2014.
32. Vetter T., Nylandsted Larsen M., Bech Bruun T. Supermarket-Led Development and the Neglect of Traditional Food Value Chains: Reflections on Indonesia's Agri-Food System Transformation. *Sustainability*, 2019, Vol. 11, No. 2.

Сведения об авторе

Никита Сергеевич Леоненко
аспирант кафедры агроэкономики
МГУ имени М. В. Ломоносова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М. В. Ломоносова»,
119234, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 46.
E-mail: nikita.leonenko@mail.ru

Information about the author

Nikita S. Leonenko
Post-Graduate Student of the Department
for Agroeconomics of the Lomonosov MSU.
Address: Federal State Educational Institution
of Higher Professional Education Lomonosov
Moscow State University, 46 building,
1 Leninskie gory, Moscow, 119234,
Russian Federation.
E-mail: nikita.leonenko@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРОЙ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРА В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

М. В. Начевский

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Эффективность развития современной экономики непосредственно зависит от реализации мер поддержки субъектов хозяйственной деятельности, в том числе совершенствования предпринимательской инфраструктуры. Данная проблема была неоднократно актуализирована на самом высоком уровне государственного управления в Российской Федерации, в частности в рамках Послания Президента России Федеральному Собранию 2021 г. Одним из ключевых элементов такого рода инфраструктуры являются бизнес-инкубаторы. Необходимо отметить, что в специальной литературе недостаточно проработан вопрос о функциях бизнес-инкубаторов в современной экономике. В целом такого рода функции могут быть дифференцированы в зависимости от стадии макроэкономического развития и общей стратегии финансово-экономической политики, имеющей место в рамках конкретного государства в зависимости от геополитической ситуации, трендов изменения мировой экономики, возможных внешнеэкономических предпочтений и рисков. Результативность развития современных бизнес-инкубаторов, рассматриваемая как в финансовом, так и в социальном аспекте, непосредственно зависит от качества использования методического инструментария оценки эффективности их функционирования. В статье предложена классификация бизнес-инкубаторов по ряду значимых экономических и управленческих критериев, которая позволяет определить наиболее предпочтительный их вид в зависимости от стратегических целей и задач развития учредителя бизнес-инкубатора и общих потребностей функционирования соответствующей территориальной (федеральной, региональной или муниципальной) системы поддержки предпринимательских процессов. Автор отмечает, что при прочих равных условиях современный бизнес-инкубатор должен носить многоотраслевой характер, создаваться на условно-бессрочный период, предоставлять системную и разноплановую финансовую поддержку резидентам, быть комплексно интегрированным в пространство цифровой экономики, реализовывать собственные образовательные программы разного профиля и иметь превентивную модель управления. Бизнес-инкубатор рассмотрен в двух аспектах. В широком смысле он представляет собой специальный социально-экономический институт, ориентированный на обеспечение долгосрочного устойчивого повышения интенсивности и финансово-экономической эффективности предпринимательской деятельности за счет предоставления благоприятных условий для размещения потенциально конкурентоспособных бизнес-структур на начальных стадиях их жизненных циклов на особых территориальных локациях. В узком смысле бизнес-инкубатор представляет собой субъект территориальной (федеральной, региональной или муниципальной) системы поддержки предпринимательских инициатив, обеспечивающий прогрессивное развитие последних за счет предоставления на льготной или безвозмездной основе производственных, технологических, финансовых, информационных, консультационных и иных ресурсов.

Ключевые слова: стартап, бизнес, университет, управление, предпринимательство, университетское предпринимательство, менеджмент.

KEY PRINCIPLES OF GOVERNING BUSINESS-INCUBATOR IN UNIVERSITY

Mikhail V. Nachevskiy

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Efficiency of economy development directly depends on implementation of measures supporting business entities, including upgrading entrepreneurial infrastructure. This problem was repeatedly discussed at the highest level of

state governance of the Russian Federation, in particular within the frames of the President of Russian address to the Federal Assembly in 2021. Business-incubators are a key element of such infrastructure. It should be pointed out that specialized literature has not thoroughly studied the issue of business-incubators functions in today's economy. In general these functions can be differentiated in accordance with the stage of macro-economic development and overall strategy of finance and economic policy observed within the frames of a concrete state, depending on geopolitical situation, trends in global economy changes, possible foreign economic preferences and risks. Effectiveness of today's incubator development, viewed both in finance and social aspect directly depends on the quality of methodological tools of their functioning efficiency appraisal. The article gives a classification of business-incubators by a number of important economic and managerial criteria, which gives a chance to find their most preferable type depending on strategic goals and objectives of developing the incubator's founder and general functioning requirements of the relative territorial (federal, regional or municipal) system of entrepreneurial work support. The author underlines that today's business-incubator should possess a multi-sectoral character, it should be set up for the conventionally unlimited period, provide system and various finance support to residents, be integrated into space of digital economy, realize its own education programs of different profile and have a preventive model of management. Business-incubator is considered in two aspects. In a wider sense it is a specialized social and economic institution oriented to provision of long-term rise in intensity and finance and economic efficiency of entrepreneurial activity at the expense of favorable conditions for locating potentially competitive business-structures at the initial stage of their life cycles on special territories. In the narrower sense business-incubator is an entity of territorial (federal, regional or municipal) system of supporting entrepreneurial initiatives, which could ensure their progressive development at the expense of providing production, technological, finance, information, consultative and other resources on preference or free of charge basis.

Keywords: start-up, business, university, governance, entrepreneurship, university entrepreneurship, management.

В специальной литературе отсутствует единство мнений по поводу сущности и содержания бизнес-инкубатора как экономического понятия. При этом все многообразие подходов в данной области можно дифференцировать на три основные группы:

1. *Пространственный подход* (В. Е. Бешенцев и К. С. Плис [2. – С. 528] и др.). В соответствии с его содержанием бизнес-инкубаторы рассматриваются как некоторые территориальные локации, в рамках которых обеспечивается поддержка малых компаний и инвестиционных проектов на начальных стадиях их жизненных циклов.

С такого рода подходом нельзя согласиться, поскольку в его рамках не в полной мере отражено многообразие функций бизнес-инкубаторов в части поддержки развития субъектов малого предпринимательства. Кроме того, в рамки пространственного подхода не вписывается функционирование виртуальных бизнес-инкубаторов – инновационной их формы, находящейся в конце 2010 – начале 2020 г. в стадии создания.

2. *Инфраструктурный подход* (А. В. Борисов и А. А. Козырев [3. – С. 94], К. Ю. Еремейчук и Е. Е. Машьянова [4. – С. 223] и

др.). В рамках указанного подхода бизнес-инкубаторы рассматриваются исключительно в качестве одного из элементов государственной поддержки активизации инновационных процессов.

С данным подходом также нельзя в полной мере согласиться, поскольку современные бизнес-инкубаторы могут использоваться в том числе и для поддержки развития субъектов малого бизнеса неинновационной направленности. Кроме того, в парадигму данного подхода не вписывается функционирование частных бизнес-инкубаторов, обычно учреждаемых крупными корпорациями.

3. *Подход, в соответствии с которым содержание бизнес-инкубатора отождествляется с бизнес-акселератором.* Такого рода отождествление представляется терминологически не вполне корректным.

В соответствии с предлагаемым нами подходом бизнес-инкубатор как особое экономическое понятие целесообразно рассматривать в двух аспектах: широком и узком.

В широком смысле бизнес-инкубатор представляет собой специальный социально-экономический институт, ориентированный на обеспечение долгосрочного

устойчивого повышения интенсивности и финансово-экономической эффективности предпринимательской деятельности за счет предоставления благоприятных условий для размещения потенциально конкурентоспособных бизнес-структур на начальных стадиях их жизненных циклов на особых территориальных локациях.

В узком смысле бизнес-инкубатор представляет собой субъект территориальной (федеральной, региональной или муниципальной) системы поддержки предпринимательских инициатив, обеспечивающий прогрессивное развитие последних за счет предоставления на льготной или безвозмездной основе производственных, технологических, финансовых, информационных, консультационных и иных ресурсов.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в акцентировании внимания на институциональной природе бизнес-инкубаторов, из чего непосредственно вытекает существенная возможность влияния последних на эффективность социально-экономических процессов развития интегрированных с конкретными бизнес-инкубаторами предпринимательских структур.

В контексте предлагаемого нами определения можно достаточно четко дифференцировать содержание бизнес-инкубаторов и близких по смыслу понятий современной инновационной экономики, таких как бизнес-акселератор и технопарк, которые не вполне корректно отождествляются в некоторых специальных источниках (рисунок).

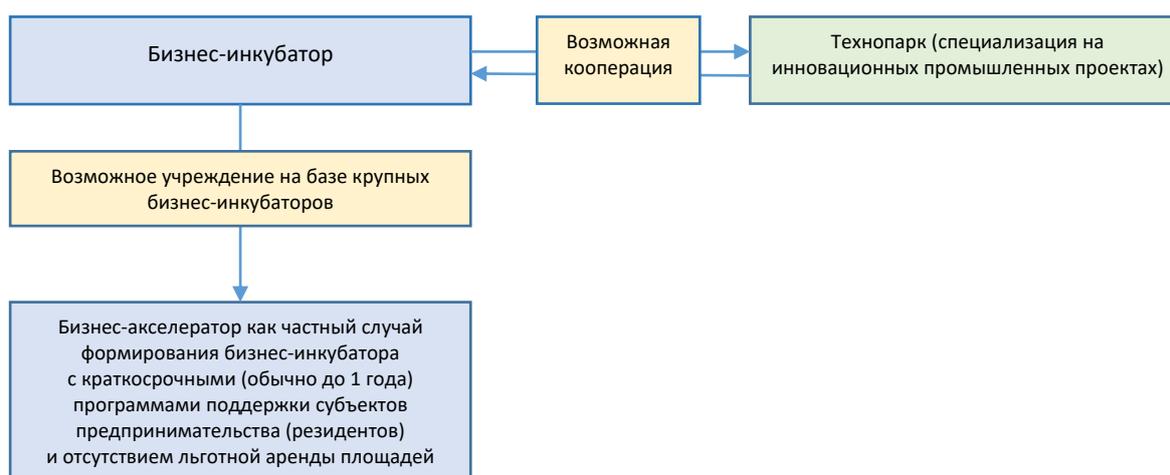

Рис. Предлагаемый подход к сочетанию содержания экономических понятий «бизнес-инкубатор», «бизнес-акселератор», «технопарк»

В соответствии с предлагаемым нами подходом бизнес-акселератор представляет собой частный вариант формирования бизнес-инкубатора. Так, у современных бизнес-акселераторов практически всегда имеют место лишь краткосрочные программы поддержки субъектов предпринимательства. Кроме того, бизнес-акселераторы обычно не предоставляют услуги льготной аренды производственных площадей для компаний-резидентов, в то вре-

мя как для бизнес-инкубаторов данная функция является профильной, хотя и необязательной.

Что же касается временного фактора, то в рамках бизнес-инкубаторов могут предоставляться различные комплексы услуг для предпринимательских структур на различные сроки, хотя опять-таки доминантной является модель формирования долго- и среднесрочных экономических взаимодействий между самим бизнес-инкуба-

тором и компаниями, находящимися на начальных стадиях жизненного цикла – пользователями его услуг.

Основным отличием бизнес-инкубаторов от технопарков в соответствии с предлагаемым нами подходом является то, что последние практически всегда специализируются на развитии инновационных промышленных компаний и проектов, в то время как бизнес-инкубаторы могут предоставлять в отдельных случаях и преференции для неинновационных (традиционных) бизнес-проектов, а также предпринимательских структур широкого отраслевого профиля (торговля, сфера услуг и т. п.).

Пользователей услуг современных бизнес-инкубаторов можно дифференцировать на следующие основные группы:

- резиденты бизнес-инкубатора – предпринимательские структуры, проекты или стартапы, обычно находящиеся на начальных стадиях своего жизненного цикла, использующие производственные, технологические, финансовые и иные возможности бизнес-инкубатора на постоянной и длительной основе, как правило, в рамках специальных долгосрочных хозяйственных договоров;

- предпринимательские компании, использующие возможности бизнес-инкубатора иррегулярно, по мере необходимости;

- инфраструктурные субъекты бизнес-инкубатора, такие как образовательные центры, интегрированные с бизнес-инкубатором консалтинговые структуры, возможные транспортно-логистические центры в структуре крупных современных бизнес-инкубаторов и др.

Эффективность функционирования бизнес-инкубаторов, в том числе в условиях импортозамещения, непосредственно зависит от качества управления их развитием. При этом в специальной литературе отсутствует единство мнений по поводу сущности и содержания управления бизнес-инкубаторами.

Следует отметить, что любая управленческая деятельность, в том числе и управ-

ление бизнес-инкубаторами, включает, помимо планирования и контроля, также такие общие функции менеджмента, как анализ, организация и мотивация.

Г. Бекман и Р. Червиц приводят следующее определение: «Управление бизнес-инкубатором представляет собой процесс реализации стратегии и тактики развития на отраслевых рынках сбыта малых и средних компаний, локализованных в рамках соответствующего бизнес-инкубатора» [15. – С. 128]. В данном определении, по нашему мнению, не вполне корректно отождествляется управление бизнес-инкубатором с процессом менеджмента представленных в его рамках субъектов малого и среднего бизнеса.

В соответствии с уточненным нами определением управление бизнес-инкубатором представляет собой последовательную, сбалансированную реализацию функций анализа, планирования, организации, мотивации, контроля и оценки эффективности развития как самого бизнес-инкубатора, так и функционирующих в его рамках экономических субъектов, ориентированную на обеспечение долгосрочного устойчивого роста конкурентоспособности, инновационности и транспарентности развития предпринимательских структур, проектов и стартапов за счет реализации комплекса инструментов поддержки последних на начальных стадиях жизненного цикла.

Отличительные особенности уточненного автором определения управления бизнес-инкубатором заключаются в следующем:

- управление бизнес-инкубатором предлагается рассматривать в контексте последовательной реализации общих функций менеджмента;

- акцентируется внимание на необходимости сбалансированности осуществления такого рода функций в рамках управления развитием бизнес-инкубатора в целом;

- показано, что ключевым следствием управления бизнес-инкубатором для раз-

вития экономики в целом является повышение транспарентности последней, поскольку функционирование малых компаний и стартапов на начальных стадиях их развития в рамках бизнес-инкубаторов в абсолютном большинстве случаев носит полностью легальный характер, не сопряжено с какими бы то ни было коррупционными механизмами, что способствует увеличению общего уровня прозрачности (транспарентности) социально-экономических отношений.

Эффективное развитие современных бизнес-инкубаторов в условиях импортозамещения должно соответствовать ряду принципов. В наиболее общем виде принципы представляют некоторые базовые условия, комплексное удовлетворение которых создает действенные предпосылки для обеспечения долгосрочного устойчивого увеличения финансово-экономической и социальной эффективности развития систем различного уровня и масштаба, в том числе компаний разных отраслей экономики и форм собственности на средства и результаты производственной деятельности.

Соответственно, основными принципами обеспечения высокого уровня эффективности деятельности бизнес-инкубаторов в современных условиях интенсивного развития процессов импортозамещения выступают:

1. *Объективность.* Данный принцип предполагает максимально возможную независимость формирования целей, приоритетов и механизмов управления бизнес-инкубаторами от субъективного фактора, от возможного волонтаризма руководящего состава соответствующих предпринимательских структур. При этом, конечно, абсолютная независимость процесса управления бизнес-инкубаторами от влияния субъективного фактора невозможна в принципе, однако важно, чтобы субъективные управленческие решения в любом случае подкреплялись результатами точного количественного анализа, примене-

нием экономико-статистических и иных эконометрических методов и моделей.

2. *Принцип системности.* В соответствии с данным принципом развитие бизнес-инкубатора должно рассматриваться комплексно на основании максимально широкого использования потенциала системного анализа, инструментария современной общей теории систем как междисциплинарного научного направления и ее прикладных приложений. Кроме того, системность должна проявляться и в максимально широком процессе обоснования управленческих решений, затрагивающих различные аспекты функционирования и развития такого рода субъектов хозяйственной деятельности.

Непосредственными проявлениями данного принципа в рамках регулирования процессов развития бизнес-инкубаторов являются:

– рассмотрение любого бизнес-инкубатора как сложной системы, включающей субъект, объект и механизм управления, а также множество разнообразных внешних условий осуществления управленческой деятельности (макроэкономического, отраслевого, финансово-кредитного, институционального и иного плана);

– комплексный учет в процессе обоснования управленческих решений по различным вопросам развития и совершенствования бизнес-инкубатора как внутренних, так и внешних финансовых и социальных факторов, в том числе тенденций развития процесса импортозамещения в экономике в целом;

– организация системного, взаимовыгодного взаимодействия бизнес-инкубатора с различными группами внутренних и внешних экономических агентов (работниками данной структуры, клиентами, субподрядчиками, поставщиками, собственниками средств и результатов производственной деятельности, профильными государственными и муниципальными органами и т. п.).

3. *Синергизм.* В значительной степени данный принцип обеспечения долгосроч-

ного эффективного развития бизнес-инкубаторов вытекает из содержания рассмотренного выше принципа системности организационного развития и анализа. В наиболее общем виде синергизм предполагает формирование дополнительного положительного финансово-экономического эффекта в результате взаимодействия элементов и подсистем бизнес-инкубатора как некоторой сложной социально-производственной системы.

4. Принцип сбалансированности. Данный принцип означает высокую степень согласованности, содержательной конгруэнтности отдельных бизнес-процессов развития бизнес-инкубатора и функций управления его деятельностью. Концептуально указанный принцип также является в значительной степени производной от рассмотренного ранее принципа системности развития бизнес-инкубаторов.

Основными направлениями непосредственной реализации рассматриваемого принципа обеспечения эффективности управления бизнес-инкубаторами в условиях импортозамещения являются:

- высокая степень содержательной согласованности последовательной реализации общих функций управления развитием бизнес-инкубатора (анализ, планирование, организация, мотивация, контроль, оценка эффективности);

- комплексная подкрепленность специальных функций менеджмента бизнес-инкубатора (финансовый менеджмент, маркетинг, логистика, операционный менеджмент, управление персоналом, информационный менеджмент, инвестиционный менеджмент, инновационный менеджмент, корпоративное управление и др.) соответствующими сбалансированными общими функциями управления (например, функция финансового менеджмента должна включать в себя сбалансированную реализацию финансового анализа, организацию финансовой деятельности, рациональную мотивацию финансовых контрагентов компании, финан-

совый контроль и оценку эффективности финансовых процессов и т. п.);

- сбалансированность используемых современными бизнес-инкубаторами Российской Федерации достаточно фрагментарно системного, процессного и проектного подходов к организации и управлению собственным финансово-экономическим развитием;

- обеспечение высокого уровня сбалансированности финансово-экономических интересов различных групп стейкхолдеров, имеющих отношение к деятельности бизнес-инкубатора (менеджмента бизнес-инкубатора, наемных работников среднего и низового уровня, различных групп акционеров (для крупных частных бизнес-инкубаторов) – собственников средств и результатов операционной деятельности такого рода предпринимательской структуры, кредиторов, профильных контрольно-надзорных органов государственной власти и местного самоуправления и др.).

Необходимо отметить, что одним из наиболее распространенных комплексных методов анализа и планирования сбалансированности современных предпринимательских структур является инструментарий сбалансированной системы показателей (ССП), основы которого были аргументированы в конце 1990-х гг. американскими исследователями Р. Капланом и Д. Нортоном. В настоящее время методология ССП достаточно интенсивно в различных вариациях применяется для оценки и обоснования направлений роста сбалансированности субъектов предпринимательства различных отраслей экономики. Теоретически возможно использование инструментария ССП и для комплексной оценки эффективности развития бизнес-инкубаторов в условиях импортозамещения.

5. Принцип институциональной идентификации. В соответствии с содержанием данного предлагаемого автором принципа любые направления модернизации финансово-хозяйственной деятельности биз-

нес-инкубатора, в том числе в условиях импортозамещения, должны осуществляться на основании комплексного учета статистики и динамики формальных и неформальных финансово-экономических институтов, а также прогнозирования вероятных траекторий институциональных изменений. При этом следует отметить, что большинство современных бизнес-инкубаторов национальной экономики России такого рода институциональный анализ и институциональное проектирование не осуществляют, в первую очередь ввиду относительно низкого качества собственных систем планово-аналитической работы.

6. *Принцип рационализации трансакционных издержек предпринимательской деятельности бизнес-инкубатора.* В соответствии с классическим определением неоинституциональной экономики трансакционные издержки представляют собой любые группы затрат экономических субъектов, связанные с циркулированием информации, защитой прав собственности на средства производства и результаты функционирования компании, а также с обеспечением эффективной реализации предпринимательских контрактов различного профиля.

В состав трансакционных издержек современных предпринимательских структур, в том числе бизнес-инкубаторов, соответственно входят следующие основные элементы:

– затраты на поиск и обработку значимой для предпринимательской структуры экономической и технологической ин-

формации, проверку релевантности информационного потока;

– судебные расходы, связанные с представлением интересов предпринимательской структуры в судах различного уровня (арбитражном, третейском, судах общей юрисдикции);

– расходы на организацию и обеспечение экономической безопасности деятельности субъекта предпринимательства;

– возможные убытки, вытекающие из коррупционных актов и иных вариантов злоупотреблений представителей менеджмента предпринимательской структуры.

По оценке К. С. Фиоктистова, подавляющее большинство субъектов предпринимательства современной экономики России не уделяют значительного внимания процессу последовательной минимизации уровня удельных трансакционных издержек [13. – С. 24]. По нашему мнению, данный тезис в полной мере можно отнести и к системам управления развитием большинства современных отечественных федеральных, региональных и муниципальных бизнес-инкубаторов.

В целом обеспечение комплексного соответствия систем управления бизнес-инкубаторами выделенным выше принципам позволит повысить эффективность и устойчивость развития последних в условиях интенсивного решения проблем импортозамещения, актуальных для макроэкономического развития в целом.

Список литературы

1. Артемова Д. И., Малова А. С., Мокринская Н. А., Мухачева А. В., Рыбакова Ю. В. Функционирование бизнес-инкубаторов при университетах Европы, Северной Америки и Азии // *Инновации.* – 2016. – № 7 (213). – С. 75–86.
2. Бешенцев В. Е., Плис К. С. Бизнес-инкубаторы и бизнес-акселераторы как механизм поддержки инновационного развития // *Неделя науки СПбПУ : материалы научного форума с международным участием. Инженерно-строительный институт.* – СПб., 2015. – С. 526–528.

3. Борисов А. В., Козырев А. А. Бизнес-инкубатор как объект инфраструктуры государственной поддержки предпринимательства // *Управленческое консультирование*. – 2016. – № 5 (89). – С. 93–101.
4. Еремейчук К. Ю., Машьянова Е. Е. Анализ привлекательности бизнес-инкубаторов для экономики России // *Молодежь в науке: новые аргументы : сборник научных работ V Международного молодежного конкурса*. – Липецк : Научное партнерство «Аргумент», 2016. – С. 222–225.
5. Индикаторы инновационной деятельности 2018 : статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. – М. : НИУ ВШЭ, 2018.
6. Ицкович Г. Тройная спираль: университеты – предприятия – государство: инновации в действии / пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010.
7. Ляндау Ю. В. Построение процессно-проектной организационной структуры управления // *Управление в России: проблемы и перспективы*. – 2017. – № 1. – С. 17–22.
8. Ляндау Ю. В. Процессно-проектное управление организациями комплекса ЖКХ // *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. – 2014. – № 4 (70). – С. 52–60.
9. Ляндау Ю. В. Согласование бизнес-стратегии со стратегией информационных технологий // *Инновации и инвестиции*. – 2013. – № 2. – С. 23–25.
10. Рогова Е. М. Бизнес-инкубаторы как элементы системы технологического трансфера российских университетов // *Инновации*. – 2014. – № 7 (189). – С. 53–58.
11. Трейман М. Г. Исследование экономических особенностей деятельности технопарков, бизнес-инкубаторов, наукоградов мирового и отечественного уровня // *Kant*. – 2018. – № 1 (26). – С. 237–240.
12. Феоктистов А. В., Чуворкина Т. Н. Правовое обеспечение деятельности малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // *Нива Поволжья*. – 2016. – № 3 (40). – С. 129–135.
13. Феоктистов К. С. Проблемы модернизации механизма управления инвестициями региональных социально-экономических систем // *Вестник Марийского государственного университета*. – 2010. – № 3. – С. 24.
14. Atkinson A. A., Kaplan R. S., Matsumura E. M., Young S. M. *Management Accounting: Information for Decision Making and Strategy Execution* : 6th edition. – Edinburgh, UK : Pearson education limited, 2012.
15. Beckman G. D., Cherwitz R. A. *Advancing the Authentic: Intellectual Entrepreneurship and the Role of the Business School in Fine Arts Entrepreneurship Curriculum Design* // *Handbook of University-wide Entrepreneurship Education*. – Edward Elgar Publishing, 2009.
16. Ittner C. D., Larcker D. F. *Coming up Short on Nonfinancial Performance Measurement* // *Harvard Business Review*. – 2003. – Vol. 81 (11). – P. 88–95.

References

1. Artemova D. I., Malova A. S., Mokrinskaya N. A., Mukhacheva A. V., Rybakova Yu. V. *Funktsionirovanie biznes-inkubatorov pri universitetakh Evropy, Severnoy Ameriki i Azii* [Business-Incubator Functioning at Universities of Europe, North America and Asia]. *Innovatsii* [Innovation], 2016, No. 7 (213), pp. 75–86. (In Russ.).
2. Beshentsev V. E., Plis K. S. *Biznes-inkubatory i biznes-akseleratory kak mekhanizm podderzhki innovatsionnogo razvitiya* [Business-Incubators and Business Accelerators as Mechanisms of Supporting Innovation Development]. *Nedelya nauki SPbPU, materialy nauchnogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem. Inzhenerno-stroitelnyy institute* [St. Petersburg University

Week of Science: materials of the Academic Forum with International Participation. Engineering and Construction Institution]. Saint Petersburg, 2015, pp. 526–528. (In Russ.).

3. Borisov A. V., Kozyrev A. A. Biznes-inkubator kak obekt infrastruktury gosudarstvennoy podderzhki predprinimatelstva [Business-Incubator as an Object of Infrastructure of State Support for Entrepreneurship]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Managerial Consulting], 2016, No. 5 (89), pp. 93–101. (In Russ.).

4. Eremeychuk K. Yu., Mashyanova E. E. Analiz privlekatelnosti biznes-inkubatorov dlya ekonomiki Rossii [Analyzing Appeal of Business-Incubator for Russian Economy]. *Molodezh v nauke: novye argumenty, sbornik nauchnykh rabot V Mezhdunarodnogo molodezhnogo konkursa* [Youth in Science: New Arguments: collection of academic works of the 5th International Youth Competition]. Lipetsk, Academic Partnership 'Argument', 2016, pp. 222–225. (In Russ.).

5. Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti 2018: statisticheskiy sbornik [Indicators of Innovation Activity 2018: collection of statistics], N. V. Gorodnikova, L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovskiy et al. Moscow, NIU VSHE, 2018. (In Russ.).

6. Itskovits G. Troynaya spiral: universitety – predpriyatiya – gosudarstvo: innovatsii v deystvii [Triple Spiral: Universities – Enterprises-State: Innovation in Work], translated from English, edited by A. F. Uvarov. Tomsk, Publishing house of the Tomsk State University of Control Systems and Radio-Electronics, 2010. (In Russ.).

7. Lyandau Yu. V. Postroenie protsessno-proektnoy organizatsionnoy struktury upravleniya [Building Process-Project Organizational Structure of Management]. *Upravlenie v Rossii: problemy i perspektivy* [Management in Russia: Challenges and Prospects], 2017, No. 1, pp. 17–22. (In Russ.).

8. Lyandau Yu. V. Protsessno-proektnoe upravlenie organizatsiyami kompleksa ZhKKh [Process-Project Management of Organization in Municipal Facilities Complex]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2014, No. 4 (70), pp. 52–60. (In Russ.).

9. Lyandau Yu. V. Soglasovanie biznes-strategii so strategiyey informatsionnykh tekhnologiy [Coordination of Business-Strategies with Strategy of Information Technologies]. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], 2013, No. 2, pp. 23–25. (In Russ.).

10. Rogova E. M. Biznes-inkubatory kak elementy sistemy tekhnologicheskogo transfera rossiyskikh universitetov [Business-Incubators as Elements of the System of Russian University Technological Transfer]. *Innovatsii* [Innovation], 2014, No. 7 (189), pp. 53–58. (In Russ.).

11. Treyman M. G. Issledovanie ekonomicheskikh osobennostey deyatel'nosti tekhnoparkov, biznes-inkubatorov, naukogradov mirovogo i otechestvennogo urovnya [Researching Features of Work at Techno-Parks, Business-Incubators, Science-Towns of the World and Home Level]. *Kant*, 2018, No. 1 (26), pp. 237–240. (In Russ.).

12. Feoktistov A. V., Chuvorkina T. N. Pravovoe obespechenie deyatel'nosti malogo i srednego predprinimatelstva v Rossiyskoy Federatsii [Legal Support of Small and Medium Business in the Russian Federation]. *Niva Povolzhya*, 2016, No. 3 (40), pp. 129–135. (In Russ.).

13. Fioktistov K. S. Problemy modernizatsii mekhanizma upravleniya investitsiyami regionalnykh sotsialno-ekonomicheskikh sistem [Problems of Modernizing Mechanisms of Investment Management in Regional Social and Economic Systems]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mariyskiy State University], 2010, No. 3, p. 24. (In Russ.).

14. Atkinson A. A., Kaplan R. S., Matsumura E. M., Young S. M. Management Accounting: Information for Decision Making and Strategy Execution. 6th edition. Edinburgh, UK: Pearson education limited, 2012.

15. Beckman G. D., Cherwitz R. A. Advancing the Authentic: Intellectual Entrepreneurship and the Role of the Business School in Fine Arts Entrepreneurship Curriculum Design. *Handbook of University-wide Entrepreneurship Education*. Edward Elgar Publishing, 2009.

16. Ittner C. D., Larcker D. F. Coming up Short on Nonfinancial Performance Measurement. *Harvard Business Review*, 2003, Vol. 81 (11), pp. 88-95.

Сведения об авторе

Михаил Владимирович Начевский

ассистент базовой кафедры
Благотворительного фонда поддержки
образовательных программ
«КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент
и социальное предпринимательство»
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Nachevskiy.MV@rea.ru

Information about the author

Mikhail V. Nachevskiy

Assistant of Basic Department
of Charity fund for support of educational
programs "Captains" "Innovative
Management and Social Entrepreneurship"
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: Nachevskiy.MV@rea.ru

КОНТЕНТ-СТРАТЕГИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ БРЕНД-КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

А. С. Мелехова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Формирование эффективной бренд-коммуникации связано с непрерывным поиском рациональных решений в цепочке взаимодействия «бренд – потребитель», в непосредственном продвижении товаров и услуг компании в целом. Недостаточность ресурсов, нестабильность рыночного состояния в условиях социально-экономических ограничений, обусловленных пандемией COVID-19, а также нарастающих кризисных процессов и явлений в мировом сообществе и внутри страны, могут способствовать перераспределению бизнес-процессов в целом в сторону усиления рекламно-маркетинговой коммуникации бизнеса для вовлечения новых целевых групп, расширению зон влияния с учетом ухода ряда крупных международных брендов с отечественного рынка и создания благоприятных условий для регулярной эффективной коммуникации с потребителем (целевой аудиторией) в дальнейшем. В статье рассмотрены направления, которые претерпевает медиасреда сегодня, среди основных инструментов, способных повышать качество бренд-коммуникации за счет обеспечения лучшего покупательского опыта, построения долгосрочной эффективной рекламной и PR-коммуникации: CRM-маркетинг, оптимизация сайта компании, социальные медиа, email-маркетинг и контент-маркетинг. Автором предложен и обоснован алгоритм создания и реализации контент-стратегии, способной заинтересовать посетителей и сформировать и/или наладить эффективные обменные коммуникации.

Ключевые слова: контент-маркетинг, коммуникация, контент-план, целевая аудитория.

CONTENT-STRATEGY AS EFFECTIVE TOOL OF BRAND-COMMUNICATION IN CONDITIONS OF ECONOMIC CHALLENGES

Anna S. Melekhova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Effective brand-communication shaping is connected with continuous search for rational solutions in the chain of 'brand-customer' interaction in direct promotion of goods and services of the company as a whole. Insufficiency of resources, unstable market situation in conditions of social and economic restrictions caused by COVID-19 pandemic and deepening crisis in global community and in the country could result in redistribution of business-processes in the direction of growing advert-marketing communication in business. It is necessary to involve new target groups, extend impact zones taking into account the departure of some big international brands from the home market and creation of favorable conditions for regular effective communication with customers (target audience) in the future. The article studies lines that are used by media community today and identifies the following key tools, which can improve quality of brand-communication at the expense of providing better customer experience, building long-term effective advert and PR-communication: CRM-marketing, company site optimization, development and implementation of content-strategy that could interest customers and shape or adjust effective exchange communications.

Keywords: content marketing, communication, content-plan, target audience.

Digital-коммуникации

Современные инструменты рекламы и PR дают широкий спектр возможностей для формирования эффективной коммуникации между брендом и целевой аудиторией. Цифровизация бизнес-процессов и digital-эпоха в целом трансформировали в значительной степени традиционные рекламные и PR-коммуникации, введя в широкий обиход digital-коммуникации.

Относительно бренд-коммуникации в целом примем, что digital-коммуникации – это совокупность цифровых инструментов, IT-технологий и весь интернет-инструментарий продвижения бренда, формирования и поддержания его имиджа и увеличения лояльности к нему среди целевой аудитории. При этом в контексте продвижения и развития бренда сущность данных коммуникаций совпадает с сущностью классических рекламно-маркетинговых коммуникаций. Они решают все те же задачи и цели, которые ставятся и в офлайн-среде: формирование и развитие имиджа бренда, общественного мнения, управление репутацией, точечное воздействие на аудиторию для достижения заданных коммуникационных целей и т. д. Однако отметим, что именно особенности цифровой среды обуславливают ряд особенностей рассматриваемого вида коммуникаций, которые выделим в виде их преимуществ и недостатков.

К основным преимуществам digital-коммуникаций можно отнести:

- наиболее точное определение охвата и типа аудитории;
- более глубокое ознакомление целевой аудитории с определенным товаром;
- многообразие и дифференциация типов и видов контента;
- возможность оценить эффективность и количество просмотров различными технологическими программами и способами;
- создание и использование нативного контента как инструмента digital-коммуникации бренда.

В качестве основных недостатков можно отметить:

- временные затраты на создание, апробацию и размещение;
- пролонгированность отклика целевой аудитории;
- заспамленность – обилие различных digital-коммуникаций в интернет-среде;
- сложность дифференциации бренда среди обилия разного типа digital-коммуникаций.

Наиболее распространенными инструментами рекламы и PR в Интернете являются работа с веб-сайтом, email-маркетинг, контент-маркетинг, Net-PR как совокупность таких коммуникационных инструментов, как электронная рассылка, чаты, форумы и социальные медиа, блоггинг, онлайн-доступ к офлайн-информации или к сетевым информационным ресурсам. Большинство инструментов рекламных и пиар-коммуникаций адаптированы под digital-формат, но есть и те, которые были придуманы с нуля и присущи только интернет-пространству.

Спровоцированные пандемией, а также внешнеэкономическими и геополитическими процессами кризисные явления все сильнее ощущаются на рекламном рынке. В текущих реалиях отдельные компании заморозили бюджеты на рекламно-маркетинговую коммуникацию, минимизировали затраты на партнерские проекты и находятся в ожидании финансовых последствий. Однако текущая ситуация требует не прекращения применения рекламных, маркетинговых или PR-инструментов, а поиска оптимизации бюджетов, перераспределения рекламной нагрузки, методов эффективного продвижения, увеличения или сохранения ROI. При этом очевидно, что именно digital-коммуникация в наименьшей степени подвержена влиянию кризиса, способна быстро адаптироваться и оперативно реагировать на происходящие изменения. Именно digital-инструменты более привлекательны по цене, дают прозрачную статистику и обеспечивают прямой подход

к потенциальному клиенту. К основным перспективным направлениям digital-коммуникаций для продвижения брендов можно отнести развитие общения с целевой аудиторией, акцентирование на конверсии, открытие блогов компанией, ведение своих каналов в Telegram и ВКонтакте, работа с инфлюенсерами, ориентация на качество контента и его актуальность, частоту обновления, работа на сайте с ключевыми словами и актуализация контента сайта.

Доминирование и значимость контент-маркетинга как инструмента бренд-коммуникации в современных реалиях

Уход ряда зарубежных продовольственных и непродовольственных брендов и ретейлеров в свете геополитических событий текущего года открывает широкие возможности для российских товаропроизводителей к размещению на торговых площадках. Перераспределение рынка неизбежно ведет к перераспределению спроса. Качественная, обоснованная с точки зрения экономической и коммуникативной эффективности стратегия рекламы (и/или маркетинга в целом) способствует освоению и завоеванию новых (освободившихся) ниш. Кроме того, не стоит забывать и о кадровых перестановках – появлении на рынке труда свободных профессионалов в области рекламной коммуникации и PR, что предоставляет возможность укрепить команду бренда.

Сегодня цифровые технологии в рекламе и PR становятся не только конкурентным преимуществом для бизнеса, но и априорным условием существования, так как именно они обеспечивают максимальную персонализированную релевантную коммуникацию с аудиторией с высоким уровнем вовлечения. Цифровое пространство становится ключевым полем для глобальной коммерции, обеспечивая рост сегмента электронной коммерции. Текущая мировая ситуация становится импульсом для более активного изменения производственных процессов во многих отраслях

экономики. Однако при этом не стоит нивелировать и саму эволюционную цифровизацию, а также ряд факторов и преимуществ электронной коммерции, таких как относительная легкость выхода на рынок, снижение затрат на обслуживание клиентов, маркетинг, реклама и PR, аренда или покупка помещения, административные ресурсы, хранение информации и управление запасами, оптимизация складских площадей, высокий уровень информированности и осведомленности о потребительских предпочтениях, возможности глобального присутствия на рынке посредством размытия географических и временных границ, высокий уровень стандартизации продукции и т. д.

Рекламная коммуникация в условиях трансформации бизнеса и рыночных процессов предполагает разработку комплекса мер реагирования на изменяющуюся рыночную среду путем адаптации продукта; создание новой ценности продукта, изменение форм ее донесения до потребителя; определение сегментов рынка, позиционирование офферов для этих сегментов; написание сценариев потребления.

В свете стремительно меняющейся рыночной среды к основным направлениям, способным повышать качество бизнеса за счет обеспечения лучшего покупательского опыта, построения долгосрочной эффективной рекламной коммуникации компаниями, внедряющими разнообразные цифровые решения, относятся создание и/или оптимизация сайта, перераспределение нагрузки в социальных медиа (создание и ведение сообществ на площадках VK.com, Telegram, Яндекс Дзен), email-маркетинг, контент-маркетинг, выход на российские маркетплейсы.

Контент-маркетинг, ориентированный на продолжительную коммуникацию, являвшийся и до этого перспективным и повсеместно используемым направлением, приобретает первостепенное значение для компаний наряду с креативным менеджментом (в части разработки креативных

потребительских инсайтов) и быстрым реагированием на стремительно меняющуюся среду. В современных условиях необходимости быстрого реагирования, перераспределения рекламной нагрузки, оптимизации рекламных и маркетинговых затрат, формирования digital-стратегии с нуля, выхода компании или бренда в онлайн-или офлайн-пространство для коммуникации с аудиторией спектр дистрибуции контента чрезвычайно вариативен: социальные медиа, email-рассылки (а также рассылки в мессенджерах), тематические СМИ, порталы, сообщества и форумы, видеохостинги, подкасты и аудиосервисы, персональные блоги с релевантной тематикой и др.

Контент-маркетинг – это долгосрочная маркетинговая стратегия, направленная на привлечение целевой аудитории и построение длительной эффективной коммуникации. Она включает в себя непосредственно контент-аудит, создание контента, его редактирование, продвижение и масштабирование.

Контент-стратегия

Помимо контент-маркетинга, отвечающего за создание и распространение информации (контента) в целях привлечения целевой аудитории и побуждения (вовлечения) ее к определенному конверсионному сценарию, крайне важна и необходима разработка контент-стратегии, обеспечивающей достижение заданных целей, задач и запланированных результатов.

Стратегия в широком понимании – это многовариативный, изменяемый в зависимости от факторов внешней среды план действий, обеспечивающий достижение конкретной измеримой цели. Необходимость применения контент-стратегии обусловлена выходом компании/бренда на новый рынок, выводом на рынок нового продукта, масштабируемостью бизнеса, высококонкурентной средой в нише.

Комплексная контент-стратегия ориентирована на максимизацию эффективности контента и рекламы в целом, что спо-

собствует повышению качества планирования рекламной деятельности, привлечению новых аудиторий, росту доходов компании (ссылка на себя – компоненты комплексной стратегии).

Выделим основные компоненты комплексной контент-стратегии:

- *экономическая*, обусловленная формированием бюджета рекламной деятельности и повышением конкурентоспособности продукта бренда;

- *управленческая*, связанная с формулированием миссии и целей рекламной деятельности компании/бренда, а также с обеспечением процесса их достижения в определенные планом сроки согласно объемам выделенного финансирования;

- *коммуникативная*, включающая описание целевых аудиторий, наиболее целесообразных каналов распространения контента; описание составляющих уникального торгового предложения, определяющих заинтересованность выбранной целевой аудитории компании/бренда, оценку восприятия контента целевой аудиторией;

- *инновационная*, обусловленная использованием инноваций при разработке и внедрении комплексной контент-стратегии. Инновационная компонента комплексной стратегии также включает в себя комплексное текущее диагностирование контента, конкурентный контент-анализ, возможности применения инновационных моделей создания и распространения контента, а также применение современных систем автоматизирования бизнес-процессов;

- *организационная*, связанная с формированием оптимальной команды специалистов и оценкой уровня их профессиональных компетенций для достижения эффективных результатов контент-стратегии;

- *оценочная*, связанная с целесообразностью и измерением параметров эффективности контент-маркетинга компанией/брендом.

Этапы контент-стратегии

Рассмотрим алгоритм создания контент-стратегии, используя модель системного планирования Джона Марстона – формулу RACE (Research – Action – Communication – Evaluation).

R – Research – аналитический этап

1. *Определение целей и задач контент-стратегии, определение ядра контент-стратегии.*

Цели контент-стратегии должны обеспечивать конкурентное преимущество компании/бренда. Их четкая постановка влияет на результаты всей стратегии и обеспечивает достижение заданных результатов.

Примерами целей контент-стратегии могут быть увеличение трафика и улучшение его качества, достижение заданных параметров ROI и конверсии, сокращение стоимости 1 лида, повышение узнаваемости компании/бренда/продукта.

Диагностика контента как метод является чрезвычайно затруднительной и всегда субъективной. Говоря о диагностике, мы подразумеваем некую модель, которая принимается брендом/компанией и служит для оценки контента в разрезе его качественных и количественных характеристик.

2. Диагностика существующего контента.

Диагностика существующего контента оценивает уже существующий на сайте или другом ресурсе (например, социальная сеть или email-рассылки) контент. Первоначально следует определить цель создания контента, его тематику и форму подачи, актуальность, релевантность целям бренда и целевой аудитории. Кроме того, диагностика включает в себя также оценку видимости данной страницы в поисковых системах, уровня конверсии.

Контент – это прежде всего любой информационный ресурс, который может быть представлен в текстовом, графическом, аудио- или видеоформате. Говоря о качественных характеристиках контента, мы подразумеваем его информативность, читабельность, структурную связность, за-

вершенность по смыслу, диалогичность, выраженный стиль, ясность изложения, богатую лексику. Однако важно понимать, что конечная цель и конечная метрика контент-стратегии бренда/компании – это продажи, поэтому в большей степени важны именно количественные ее характеристики, такие как конверсия трафика в настроенные цели, социальный и виральный охват, темп роста подписчиков, количество лайков и репостов, доля отказов, показатель вовлеченности и социального взаимодействия.

Ниже представлен чек-лист вопросов, по которому возможно провести аудит имеющегося контента:

1. Актуальность контента.
2. Уникальность контента.
3. Логика изложения, длина, стиль, тематика, формы и типы контента, соотношение типов контента, транслируемые тезисы: определение, насколько контент понятен и доступен аудитории.
4. Частота публикаций, регулярность постинга.
5. Бренд-релевантность: связан ли контент с продуктом?
6. Потребительская релевантность: удовлетворяет ли контент требованиям аудитории?
7. Соответствие айдентике бренда: цветовые конфигурации, визуальное единство и соотношение различных типов контента – единый стиль, видео, фото, графика, аудиоподкасты, интервью.
8. Эффективность контента:
 - какие материалы приносят больше всего трафика;
 - каков показатель отказов;
 - каково среднее время на странице;
 - вовлеченность аудитории;
 - количество перепостов и ссылок на сторонних ресурсах;
 - конверсия: конвертирует ли контент посетителей в покупателей?
9. Проведение конкурентного анализа контента.
10. Анализ, сегментация и выбор целевой аудитории.

Стоит отметить, что те или иные критерии оценки качества контент-стратегии обусловлены самой площадкой, для которой контент формируется. Так, к примеру, первостепенными критериями качества контента на сайте являются seo-оптимизированность, конверсионность, уникальность и запоминаемость, в то время как для социальных сайтов доминируют читабельность и проскролл, соответствие интересам целевой аудитории, вовлеченность и социальное взаимодействие. Что касается социальных сетей в целом, то это всего лишь один из инструментов интернет-коммуникации. Он работает чаще всего в прямой взаимосвязи с сайтом компании, являющимся в свою очередь центральным звеном маркетинговой коммуникации. Его нужно рассматривать с позиции не просто генерации трафика, а эффективного ресурса, обеспечивающего переходы на сайт и продажи.

Правильно подобранная тактика сегментации целевой аудитории позволяет достичь заданных показателей конверсии. Стоит отметить, что понимание и безупречное знание своего продукта или услуги позволяют уже на первоначальном этапе достаточно четко определить круг реальных и потенциальных клиентов. Научные и практико-ориентированные подходы к сегментированию аудитории разнообразны. Сегментирование возможно по демографическим, психографическим, географическим, социопсихологическим характеристикам, однако, принимая во внимание сущность самого явления контент-маркетинга и его диджитализацию, целесообразно говорить о применении критериев, направленных на понимание поведенческих и психологических особенностей потенциальных пользователей в сети Интернет. Умение строить причинно-следственные, логические цепочки действий пользователей в сети (в частности в социальных медиа) позволяет выявить неявные связи, гиперсегментировать аудиторию, создать новые перспективные пользовательские группы.

Методика Марка Шеррингтона 5W (одна из наиболее распространенных практических методик сегментирования пользователей) направлена на выявление ответов на следующие вопросы:

1. Что? (What?) – сегментация по типу товара: какой товар (или услуга) предлагается потребительской группе?

2. Кто? (Who?) – сегментация по типу потребителя: кто приобретает товар (или услугу). Здесь целесообразно применение демографических и географических критериев сегментирования: пол, возраст, уровень образования, род занятий, доход, национальность, культурное происхождение, религиозные убеждения и т. д.

3. Почему? (Why?) – сегментация по типу мотивации к совершению покупки и потребления: что влияет на решение о совершении покупки, какова потребность или мотивация клиента, какую проблему решает товар (или услуга), какие сомнения ему мешают совершить покупку?

4. Когда? (When?) – сегментация по ситуации, в которой приобретается продукт: когда потребители хотят приобрести товар/услугу?

5. Где? (Where?) – сегментация по месту покупок: в каком месте происходит принятие решения о покупке и сама покупка; определение точек контакта с клиентом, где можно повлиять на решение.

Современные интернет-технологии (например, Яндекс.Метрики), многочисленные онлайн-инструменты (социальные сети и онлайн-опросы – Click Insights, SurveyMonkey), данные из CRM-систем и разнообразных аналитических сервисов позволяют сегодня создавать персональный портрет пользователя, понимать и предугадывать его предпочтения и интересы.

3. *Выбор вида, формата и типов контента.*

На этом этапе крайне важно акцентировать внимание на проекционной составляющей контент-стратегии: какие эмоции, желания и ассоциации должен вызывать контент у пользователя. Разработка контента должна проводиться строго с учетом

пользовательского сценария и четкого целеполагания.

Разделение контента на формы и виды весьма условно, однако систематизация

такой информации способна обеспечить сбалансированность контент-стратегии, достижение заданных параметров эффективности (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Примеры разделения контента на виды, типы и формат

Форматы контента: текст, изображение, аудио, видео		
Вид контента	Особенность	Тип контента
Продающий	Содержит призыв, побуждение к действию – совершить заказ, покупку, возможно чередование продающего и нативно продающего контента	Информация о товарах/услугах, в том числе о новинках. Каталоги товаров с фотографиями и ценами. Информация о компании: история, условия доставки, оплаты. Акции, скидки, условия программ лояльности. Отзывы о товарах/услугах
Развлекательный	Построение доверительной коммуникации с пользователем позволяет быть с ним на одной волне. Выраженный виральный эффект	Юмор. Фотомемы. Загадки и головоломки. «Вредные советы». Аудио- и фотоподборки. Интересные факты о знаменитостях. Сторителлинг
Полезный	Подборка полезных ресурсов для пользователя. Главная цель – удержание его внимания. Выраженный виральный эффект	Обзоры и рецензии. FAQ: ответы на частые вопросы. Переводы статей. Мастер-классы. Записи мастер-классов, тренингов, семинаров, лекций, воркшопов. Электронные книги. Чек-листы. Развенчание мифов. Полезная инфографика
Интерактивный (вовлекающий)	Стимулирует пользователя к коммуникации: комментарийная активность, репостинг, отзывы, обмен мнениями и впечатлениями. Главная цель – создание длительной, регулярной и эффективной коммуникации с пользователем	Чаты. Тесты, викторины, онлайн-опросы. Онлайн-калькуляторы. Рубрика «Вопрос – ответ». Советы друг другу. Геймификации. Обсуждение текущих общественно резонансных проблем (ситуативный контент)
Пользовательский	Построение длительной двусторонней коммуникации с пользователем помогает выявлять узкие места и проблемы, координировать уровень пользовательской удовлетворенности и лояльности	Статьи от пользователей на любые темы. Отзывы. Книга благодарностей. Тест-драйвы товара/услуг. Вопросы от подписчиков. Рамки желаний
Информационный (репутационный, новостной)	Отражает закулисы отрасли, возникновение чувств гордости и сопричастности у пользователей, формирование пользовательской лояльности	Награды, достижения, благодарности. Упоминания в СМИ. Экспертная оценка со стороны. Новости рынка. Новости компании. Отчеты о деятельности бизнеса

4. *Выбор каналов и методов распространения контента с учетом особенностей формирования контента для разных каналов.*

Правильно выбранная тактика распространения контента (дистрибуция контента) позволяет эффективно донести своей аудитории посредством медиа-форматов информацию, используя различные каналы рекламной коммуникации. Именно подбор каналов в рамках реализуемой контент-стратегии фактически и определяет ее успешность. Дистрибуция контента возможна через сайт компании, email-рассылки (а также рассылки в мессенджерах), социальные медиа, тематические СМИ, порталы, сообщества и форумы, видеохостинги, подкасты и аудиосервисы, персональные блоги с релевантной тематикой, партнерские блоги, сайты-агрегаторы, контекстную и баннерную рекламу.

Стратегический подход, оценка влияния каналов на целевую аудиторию, согласование единой рекламной коммуникации в разных каналах увеличивают эффектив-

ность контент-стратегии, равномерно и точно распределяя рекламную контент-нагрузку между каналами.

В качестве примера выбора канала при размещении контента рассмотрим социальные сети. Отметим, что это основной инструмент коммуникации, позволяющий потребителям ощущать причастность к событиям и героям, разделять ценности бренда, общаться с лидерами мнений и друг с другом. Социальные сети – инструмент для создания эмоционально вовлекающего нарратива, контекста и генерации контента самими пользователями.

При выборе социальной сети следует обратить внимание на количество подписчиков сети, количество подписчиков в официальном аккаунте (при наличии) бренда, на то, какое количество трафика пользователей и в каком объеме направляют социальные сети, а также на стоимость и KPI по охвату, зависящие от выбранного формата: Stories, Пост, Stories + Пост (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Параметры выбора социальной сети

Параметры выбора социальной сети	Социальная сеть 1	Социальная сеть 2	Социальная сеть 3
Количество подписчиков			
KPI по охвату			
Объем направления трафика с социальных сетей, %			
Стоимость размещения, руб.			

5. *Планирование эффективности контент-стратегии и подбор соответствующих метрик эффективности.*

Планирование эффективности контент-стратегии целесообразно рассматривать в плоскостях достижения экономической и коммуникативной эффективности. Бизнес-реалии обуславливают доминирование результатов достижения экономической эффективности, т. е. измеримого возврата инвестиций в контент-маркетинге через расчет показателя ROI (return on investment), что позволяет оптимизировать распределение ресурсов компании/брен-

да, рационально и своевременно перераспределить рекламную нагрузку в распространении контента.

Метрик эффективности не должно быть слишком много, однако достаточно для понимания и оценки текущих и будущих проектов, возможности улучшить эффективность коммуникации (табл. 3). Ключевые метрики для оценки эффективности могут изменяться от внешних или внутренних условий компании, например, недостаточности охвата, малого вовлечения, недостаточно разработанной конверсии.

Ключевые метрики для оценки эффективности

Метрика	Показатели	Описание
Охват	Узнаваемость бренда	Общее количество упоминаний бренда в сети за отчетный период
	Количество подписчиков	Общее количество людей в группах компании в социальных сетях за отчетный период
Вовлечение	Показатель роста	Среднее количество репостов одного поста
Конверсия	Коэффициент конверсии (Conversion rate)	Процент пользователей, совершающих ожидаемое действие
	Цена действия или CPA (cost per acquisition или cost per action)	Сумма, затраченная на привлечение одного лида/клиента
Удержание и сохранение лояльности	Показатель оттока (Customer turnover rate/churn)	Количество покупателей за конкретный период времени, которые уходят, не совершив покупки
Активность	Пользовательские отзывы или оценки (Customer reviews/ratings)	Количество положительных или отрицательных отзывов или оценок, полученных от клиентов за отчетный период

A – Action – этап реализации контент-стратегии

1. *Формирование команды специалистов для реализации контент-стратегии и подготовка соответствующих технических заданий.*

Состав команды специалистов видоизменяется в зависимости от бренда, ресурсов компании, а также целей и задач контент-стратегии. Список рекомендованных для создания эффективных контент-стратегий брендов: контент-стратег и/или маркетолог, копирайтер, smm-специалист, seo-специалист, дизайнер.

2. *Создание контент-плана.*

Стратегически продуманный, эффективный контент-план является результатом контент-стратегии, команды специалистов, формирующих его, обеспечивает взаимосвязь контента в блоге, социальных медиа, email-рассылке, а также гостевые публикации на тематических площадках. В современных экономических реалиях дестабилизации российской экономики недостаточно лишь получать пролонгированный коммуникативный результат, присущий контент-маркетингу в целом: формирование лояльности, вовлеченности, узнаваемости. Контент-стратегия и контент-план сегодня – это инструменты практической работы, способные обеспечить экономический результат, повысить показатели конверсии и ROI. Если говорить о

малом и среднем бизнесе, то контент-стратегия является чуть ли не единственной реально работающей платформой для его продвижения. Именно полезный, релевантный интересам пользователя контент, реализуемый на разных площадках, но взаимосвязанный между собой и с рекламной деятельностью компании в целом, обеспечивает генерацию трафика, удерживает внимание пользователя и позволяет регулярно продавать товары/услуги.

C – Communication + E – Evaluation

Запуск контент-стратегии с непрерывной оценкой ее результатов.

Для достижения успеха в создании эффективной контент-стратегии (отвечающей целям и задачам коммуникативной стратегии бренда в целом), а также в создании измеримых бизнес-результатов в современной бизнес-практике применяется метод TIP (Test + Improve + Promote): тестирование и непрерывный мониторинг результатов контент-стратегии, оптимизация и повторное размещение контента, продвижение измененного контента.

Стремительное развитие различных цифровых технологий, а также нарастающие макро- и микроэкономические изменения все больше усиливают выбор digital-коммуникационных инструментов в качестве продвижения компаний. Они способ-

ны донести целевую информацию до потребителей с достаточно четкой определенностью сегмента, преодолеть рекламную слепоту, актуальны для привлечения потребителей. Контент-маркетинг как эффективный инструмент работы в формировании устойчивой и эффективной коммуникации с потребителем, имея самую высокую рентабельность инвестиций среди стратегий цифровой коммуникации, требует систематического, комплексного подхода, обеспечивающего создание

релевантного контента в качестве основы контент-стратегии. Развитие контент-маркетинга обусловлено тенденциями самого медиарынка в 2022 г., а также усилением аналитического блока при выборе форм и методов продвижения компаниями. В зависимости от целей в контент-маркетинге появляются все новые и сохраняющиеся тенденции, которые можно использовать для формирования комплексного подхода и улучшения тактики взаимодействия с потребителем.

Список литературы

1. Бабаева Н. Гид по контент-стратегии. – Ч. 2. – URL: <https://webpromoexperts.net/blog/gid-po-kontentnoystrategii-chast-2/> (дата обращения: 05.04.2020).
2. Видулова Л. О. Digital-коммуникации: охота на потребителя // Маркетинговые коммуникации. – 2018. – № 3. – С. 206–209.
3. Гринько О. Организация процессов контент-маркетинга // Наука и инновации. – 2020. – № 2 (204). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-protsesov-kontent-marketinga> (дата обращения: 29.03.2022).
4. Коэн Х. Content Marketing. – URL: <https://webpromoexperts.net/blog/metod-rasprostraneniya-kontenta-tip/#reviews>
5. Куликова Е. С. Контент как один из инструментов цифрового маркетинга // Московский экономический журнал. – 2020. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-kak-odin-iz-instrumentov-tsifrovogo-marketinga> (дата обращения: 29.03.2022).
6. Мелехова А. С. Тенденции digital-рекламы и маркетинга и возможности их применения в условиях секвестирования рекламных и маркетинговых бюджетов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2018. – № 1. – С. 69–73.
7. Соловьева Д. В., Булыгина А. Н., Семенова П. А. Стратегический подход к разработке медиаконтента бренда // Практический маркетинг. – 2020. – № 6 (280). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskij-podhod-k-razrabotke-mediakontenta-brenda> (дата обращения: 11.03.2021).

References

1. Babaeva N. Gid po kontent-strategii [Guide on Content-Strategy], Part 2. (In Russ.). Available at: <https://webpromoexperts.net/blog/gid-po-kontentnoystrategii-chast-2/> (accessed 05.04.2020).
2. Vikulova L. O. Digital-kommunikatsii: okhota na potrebitelya [Digital-Communications: Hunting on Customer]. *Marketingovye kommunikatsii* [Marketing Communications], 2018, No. 3, pp. 206–209. (In Russ.).
3. Grinko O. Organizatsiya protsesov kontent-marketinga [Organizing Processes of Content-Marketing]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 2020, No. 2 (204). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-protsesov-kontent-marketinga> (accessed 29.03.2022).

4. Coen H. Content Marketing. (In Russ.). Available at: <https://webpromoexperts.net/blog/metod-rasprostraneniya-kontenta-tip/#reviews>

5. Kulikova E. S. Kontent kak odin iz instrumentov tsifrovogo marketinga [Content as a Tool of Digital Marketing]. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal], 2020, No. 7. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-kak-odin-iz-instrumentov-tsifrovogo-marketinga> (accessed 29.03.2022).

6. Melekhova A. S. Tendentsii digital-reklamy i marketinga i vozmozhnosti ikh primeneniya v usloviyakh sekvestirovaniya reklamnykh i marketingovykh byudzhetrov [Trends of Digital Advertising and Marketing and Opportunities of their Use in Conditions of Sequestering Advert and Marketing Budgets]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investment], 2018, No. 1, pp. 69–73. (In Russ.).

7. Soloveva D. V., Bulygina A. N., Semenova P. A. Strategicheskii podkhod k razrabotke mediakontenta brenda [Strategic Approach to Developing Brand Media-Content]. *Prakticheskiy marketing* [Practical Marketing], 2020, No. 6 (280). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskii-podhod-k-razrabotke-mediakontenta-brenda> (accessed 11.03.2021).

Сведения об авторе

Анна Сергеевна Мелехова

кандидат экономических наук, доцент
кафедры рекламы, связей с общественностью
и дизайна РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: annmeladv@mail.ru

Information about the author

Anna S. Melekhova

PhD, Assistant Professor of the Department
for Advertising, Public Relations and Design
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: annmeladv@mail.ru

Требования, предъявляемые к статье для публикации в журнале

Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.

Структура статьи должна включать следующие обязательные элементы:

1. **Заглавие** статьи (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. **Инициалы и фамилию** автора(ов).
3. **Резюме** статьи (150–300 слов).
4. **Ключевые слова** (5–10 слов).
5. **Основной текст** (не более 30 тыс. знаков).
6. **Список литературы**.
7. **Сведения об авторе** (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, включая почтовый индекс, научная специализация, e-mail).

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах даются на русском и английском языке, пристатейный библиографический список на русском языке должен быть транслитерирован латиницей и переведен на английский язык.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова) в англоязычной версии указывать как **Plekhanov Russian University of Economics**.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволят облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Авторское резюме статьи является кратким изложением научной работы. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение. В авторском резюме не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии статьи.

Основная часть статьи должна содержать в себе теоретико-методологическую часть, в которой определяется и обосновывается выбор методов для решения поставленного вопроса или проблемы; демонстрацию количественных и качественных данных, полученных в ходе реализации указанных методов и методик; обобщение и встраивание полученных результатов в интеллектуальную историю исследуемого предмета. Статья должна быть написана языком, понятным как специалистам в данной области, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в обсуждении темы.

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в **квадратных скобках** порядкового номера упоминаемого произведения из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого произведения [3. – С. 5].

Текст печатается в редакторе MS Word через полтора интервала с одной стороны бумаги формата А4 шрифтом Times New Roman размером 12 пт, страницы нумеруются.

Рисунки должны иметь расширение, совместимое с MS Word. Все буквенные обозначения на рисунках необходимо пояснить в основном или подрисуночном тексте. Подписи к рисункам и заголовки таблиц обязательны. Поскольку журнал печатается в одну краску, использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

В математических формулах греческие и русские буквы следует набирать прямым шрифтом, латинские – курсивом. Нумеровать необходимо только те формулы, на которые есть ссылки в последующем изложении. Нумерация формул сквозная.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных списка литературы. Один список литературы для русскоговорящих читателей оформляется в соответствии

с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (**References**) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Транслитерировать можно автоматически с помощью **translit.ru**, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References

Описание монографии

Gretchenko A. A., Manakhov S. V. Formirovanie nacional'noy innovacionnoy sistemy: metodologiya i mekhanizmy, monografiya [Formation of National Innovation System: Methodologies and Mechanisms, monograph]. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2012. (In Russ.).

Описание статьи из журнала

Ivanova S. V. Modal'nosti prisutstviya pryamykh inostrannykh investitsiy v rakurse teorii dogonyayushchego razvitiya [Modality of Direct Foreign Investment in View of the Catching-Up Development Theory], *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2012, No. 8 (50), pp. 25–38. (In Russ.).

Описание статьи из электронного журнала

Kontorovich A. E., Korzhubaev A. G., Eder L. V. [Forecast of global energy supply: Techniques, quantitative assessments, and practical conclusions]. *Mineral'nye resursy Rossii, Ekonomika i upravlenie*, 2006, No. 5. (In Russ.). Available at: <http://www.vipstd.ru/gim/content/view/90/278/> (accessed 22.05.2012).

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов)

Astakhov M. V., Tagantsev T. V. Eksperimental'noe issledovanie prochnosti soedineniy «stal'-kompozit» [Experimental study of the strength of joints "steel-composite"]. *Trudy MGTU «Matematicheskoe modelirovanie slozhnykh tekhnicheskikh sistem»* [Proc. of the Bauman MSTU «Mathematical Modeling of Complex Technical Systems»], 2006, No. 593, pp. 125–130. (In Russ.).

Описание материалов конференций

Shibaev S. R., Mironova A. S. Voprosy upravleniya rynkom spekulyativnogo kapitala [Managing Speculative Capital Market], *Rossiiskiy finansovyy rynek: problemy i perspektivy razvitiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferencii. 23 aprelya – 11 iyunya 2012 g.* [Russian Finance Market: Problems and Prospects of Development : Materials of the International Research Internet Conference. 23 April – 11 June 2012]. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2012, pp. 137–146. (In Russ.).

Описание диссертации

Semenov V. I. Matematicheskoe modelirovanie plazmy v sisteme kompaktnyy tor. Diss. dokt. fiz.-mat. nauk [Mathematical modeling of the plasma in the compact torus. Dr. phys. and math. sci. diss.]. Moscow, 2003, 272 p. (In Russ.).

Статьи, поступающие в редакцию журнала, проходят обязательное «слепое» рецензирование. По решению редколлегии журнала статьи могут быть отправлены автору на доработку или отклонены по формальным или научным причинам (автору направляется мотивированный отказ). Вместе со статьей авторы передают в редакцию лицензионный договор и акт передачи.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописи не взимается.